

9/44
Т96

И. ТЭНЪ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.

ТОМЪ IV.

РЕВОЛЮЦІОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Переводъ съ Французскаго.

Подъ редакціей Я. Шбырова.

Безплатное приложеніе къ „Вѣстнику Иностранной Литературы“ за 1907 годъ.

И. ТЭНЪ.

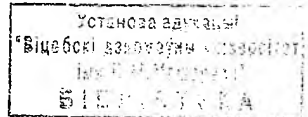
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.

ТОМЪ IV.

РЕВОЛЮЦІОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Переводъ съ Французскаго.

Подъ редакціей Я. Швырова.

524 277

Безплатное приложение къ „Вѣстнику Иностранной Литературы“ за 1907. годъ.

РЕВОЛЮЦІЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Революціонное правительство.

ГЛАВА I.

I. Слабость предшествующихъ правительствъ.—Энергія новаго правительства.—Абсолютистскіе догматы и инстинкты якобинца.— II. Контрастъ между его словами и дѣйствіями.—Какъ онъ скрываетъ перемѣну своихъ убѣжденій.—Конституція Іюня 1793 года.—Общанія свободы.—III. Первичныя собранія.—Пропорція отсутствующихъ.—Единогласіе вотирующихъ.—Мотивы по которымъ они принимаютъ конституцію.—Давленіе на выборахъ.—Избраніе делегатовъ.—IV. Они прѣзжаютъ въ Парижъ.—Мѣры предосторожности противъ нихъ.—V. Они заявляютъ свои якобинскія политическія убѣжденія.—Ихъ роль въ праздникъ 10 августа.—Ихъ экзальтація.—VI Маневры Горы.—Вечеръ 11 августа въ якобинскомъ клубѣ.—Засѣданіе 12 августа въ Конвентѣ.—Делегаты берутъ на себя инициативу террора.—Народъ санкціонируетъ диктатуру якобинцевъ.—VII. Послѣдствія этого.—Возстаніе въ департаментахъ.—Его основная слабость.—Широкія слои населенія относятся къ нему съ недоувѣріемъ или же инертны.—Незначительное количество жирондистовъ.—Равнодушіе ихъ приверженцевъ.—Колебанія бѣжавшихъ депутатовъ и возставшей администраціи.—Они не создаютъ центральнаго правительства.—Они оставляютъ въ рукахъ Конвента военную власть.—Неизбѣжность усиленія уступокъ съ ихъ стороны.—Департаменты уступаютъ одинъ за другимъ.—Перемѣна политическихъ взглядовъ скомпрометированныхъ властей.—Безсиліе и иллюзіи умѣренныхъ.—VIII. Послѣднія мѣстныя сопротивленія.—Политическая ортодоксальность возставшихъ городовъ.—Они оговариваютъ свое подчиненіе однимъ тольکو условіемъ.—Государственныя соображенія въ пользу этого.—Партийныя соображенія противъ этого.—IX. Подавленіе мятежа въ городахъ.—Бордо.—Марсель.—Лионъ.—Тулонъ.—X. Уничтоженіе партіи жирондистовъ.—Проскрипція правыхъ депутатовъ.—Заключеніе въ тюрьму 73.—Казнь 21.—Казнь, самоубійство или бѣгство остальныхъ.—XI. Учрежденіе революціоннаго правительства.—Его принципы, его цѣли, его способы дѣйствія, его орудія, его механизмъ.—Комитетъ общественнаго спасенія.—Подчиненіе Конвента и министерства.—Функции Комитета общественнаго спасенія и Революціоннаго трибунала.—Административная централизація.—Представители съ полномочіями, національные агенты и революціонные комитеты.—Законъ объ оскорбленіи величества.—Возстановленіе прежнихъ монархическихъ учрежденій.

I.

До этого времени слабость законнаго правительства была чрезвычайна. Въ теченіе четырехъ лѣтъ ему вездѣ и безпрестанно оказывали неповиновеніе. Въ теченіе четырехъ лѣтъ оно не осмѣливалось силою заставить себѣ повиноваться. Стоявшіе во главѣ правленія люди, принадлежавшіе къ культурному классу, вносили съ собою предразсудки и чувствительность своего вѣка, находясь во власти царившаго тогда догмата. Они подчинялись желаніямъ толпы и питая слишкомъ сильную вѣру въ права челоуѣка, они слишкомъ мало вѣрили въ права должностнаго лица; тѣмъ болѣе, что изъ челоуѣчности они чувствовали отвращеніе къ крови и, не желая примѣнять силу, шли на уступки. Такъ съ 1 мая 1789 г. по 2 іюня 1793 г. они законодательствовали и управляли, среди тысячи мятежей, которые остались почти всѣ безнаказанными и ихъ конституціи, вредному созданію теоріи и страха, только и удалось превратить) анархію произвольную, въ узаконенную анархію. Они умышленно и изъ недовѣрія къ власти, привели ее въ разстройство, превратили короля въ декоративный маннекенъ и почти уничтожили центральную власть. Съ верховъ до низовъ іерархіи, начальство потеряло всякую власть надъ своими подчиненными, министръ надъ департаментами, департаментъ надъ округами, округъ надъ коммунами, во всѣхъ отрасляхъ управленія начальство, избираемое на мѣстахъ своими подчиненными, очутилось въ полной зависимости отъ нихъ. И вотъ такимъ образомъ каждое мѣсто занятое властью очутилось въ полной беззащитности, оно явилось какъ бы добычей для желающихъ имъ овладѣть и въ довершеніе всего декларация правъ, провозгласившая «юрисдикцію лицъ давшихъ полномочія надъ уполномоченными», пригласила нападающихъ броситься на приступъ.

Тогда то создалась крамольная партія, превратившаяся въ концѣ концовъ въ банду: при ея крикахъ, подъ ея угрозами, въ Парижѣ и въ провинціи, на выборахъ и въ парламентѣ, большинство умоляло, меньшинство вотировало, постановляло, управляло, законодательное собраніе было распушено, король лишенъ престола, Конвентъ былъ искалѣченъ. Изъ всѣхъ гарнизоновъ центральной крѣпости, монархическихъ, конституціонныхъ, жирондистскихъ, ни одинъ не сумѣлъ защитить себя, передѣлать исполнительную власть, обнажить оружіе, пустить его въ ходъ на улицѣ; всѣ они при первомъ нападеніи, иногда только еще при первомъ словесномъ обращеніи, сдавали свое оружіе и теперь цитадель вмѣстѣ съ другими общественными крѣпостями занята якобинцами.

На этотъ разъ гарнизонъ совершенно другаго рода. Изъ народной массы, мирной и культурной, Революція отобрала людей фанатичныхъ, грубыхъ, развращенныхъ и поэтому потерявшихъ всякое уваженіе къ ближнему. И вотъ изъ кого состоитъ новый гарнизонъ, изъ ослѣпленныхъ своими догматами фанатиковъ, изъ зачерствѣвшихъ, благодаря своему ремеслу, мясниковъ, изъ цѣпляющихся за свои мѣста честолюбцевъ. По отношенію къ челоуѣческой жизни и собственности эти люди не знаютъ никакихъ стѣсненій, такъ какъ

они приноровили теоріи, какъ имъ это было удобнѣе и достигли того, что верховенство народа превратилась въ ихъ собственное верховенство.

По мнѣнію якобинца государство принадлежитъ ему и онъ полагаетъ, что государство заключаетъ въ себѣ все частное, и тѣло и душу отдѣльныхъ гражданъ; поэтому все ему принадлежитъ, только благодаря одному тому факту, что онъ якобинецъ и онъ вполне законно является и царемъ и папой. Ему нѣтъ никакого дѣла до истинной воли французовъ, свой мандатъ онъ получилъ не вотумомъ, онъ получилъ его свыше, онъ ему дарованъ Истиной, Разумомъ, Добродѣтелью. Онъ одинъ просвѣщенный человѣкъ, онъ одинъ патриотъ, онъ одинъ достоинъ начальствовать и онъ въ своей надменной гордости считаетъ всякое сопротивленіе преступленіемъ. Если большинство протестуетъ, значитъ оно глупо или подкуплено, въ обоихъ этихъ случаяхъ оно заслуживаетъ того, чтобы оно было сокрушено и оно будетъ сокрушено.

И поэтому съ самаго начала якобинецъ ничѣмъ другимъ и не занимался, какъ возстаніями и насильственными захватами, грабежами и убійствами, насиліями надъ частными, должностными лицами, надъ собраніями, посягательствами на законъ, на государство и нѣтъ насилій, которыхъ бы онъ не свершилъ. Инстинктивно онъ всегда вѣлъ себя сувереномъ, онъ былъ уже имъ тогда, когда являлся частнымъ человѣкомъ и членомъ клубовъ, теперь то онъ во всякомъ случаѣ не перестанетъ имъ быть, разъ ему принадлежитъ законная власть, тѣмъ болѣе, что онъ сознаетъ, что погибнетъ, если ослабитъ бразды правленія и что для спасенія отъ эшафота у него только одно средство—диктатура. Такой человѣкъ не дастъ себя выгнать подобно своимъ предшественникамъ, напротивъ, онъ заставитъ себѣ повиноваться, во что бы то ни стало, онъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы возстановить центральное правительство и орудіе исполнительной власти, онъ присоединитъ мѣстные механизмы, которые были ранѣе отдѣлены отъ центрального правительства; онъ воссоздастъ старую машину принудительной системы и будетъ ею управлять болѣе грубо, болѣе деспотично, съ большимъ презрѣніемъ къ частнымъ правамъ и къ общественнымъ свободамъ, чѣмъ Людовикъ XIV и Наполеонъ.

II.

Однако ему остается согласовать свои будущія дѣйствія со своими недавними словами и на первый взглядъ это кажется дѣломъ нелегкимъ, такъ какъ произнесенныя имъ слова заранѣе осуждаютъ замышляемые имъ дѣйствія. Вчера онъ преувеличивалъ права управляемыхъ, доходя до того, что уничтожалъ всѣ права стоящихъ во главѣ правленія, завтра онъ преувеличитъ права правителей и уничтожитъ всѣ права управляемыхъ. Онъ раньше утверждалъ, что народъ единственный властитель, а теперь онъ будетъ обращаться съ народомъ какъ съ рабомъ. Онъ говорилъ, что правительство только слуга и онъ дастъ правительству прерогативы султана. Только что онъ объявлялъ преступленіемъ малѣйшее функціонированіе обще-

ственной власти, теперь онъ будетъ наказывать какъ за преступленіе малѣйшее сопротивленіе общественной власти. Какимъ образомъ онъ оправдаетъ подобную рѣзкую переѣмку убѣжденій и какъ онъ посмѣетъ отрицать принципы, на которыхъ онъ основалъ свою собственную узурпацію?

Онъ поостережется отрицать эти принципы, такъ какъ это значило бы довести до крайности уже возставшую провинцію, напротивъ, онъ будетъ ихъ громко провозглашать и благодаря этому невѣжественная толпа видя, что ей даютъ всю ту же склянку, будетъ думать, что въ ней находится все то же лекарство, а между тѣмъ этикетка свободы будетъ скрывать истинное ея содержимое—тиранію. Въ теченіе шести мѣсяцевъ будутъ разбрасывать во всѣ стороны этикетки, значки, тирады и выдумки шарлатановъ, для того чтобы обмануть народъ новой микстурой. Тѣмъ хуже для него, если она потомъ покажется ему горькой, рано или поздно ему придется проглотить ее по неволѣ.

Для начала создаютъ на спѣхъ конституцію столь давно ожидаемую и столько разъ обѣщанную: декларацию правъ въ тридцати пяти статьяхъ, конституціонный актъ въ ста двадцати четырехъ статьяхъ, политическіе принципы и всякаго рода учрежденія, выборныя, законодательныя, исполнительныя, административныя, судебныя, финансовыя и военныя.

Понятно новые законодатели и не думаютъ создать машину, которая могла бы исправно дѣйствовать, объ этомъ они совершенно не заботятся. Развѣ докладчикъ, Геро-де-Сешель не писалъ 7 іюня, чтобы ему немедленно доставили законы, въ которыхъ онъ неотложно нуждался, именно неотложно, потому что онъ долженъ былъ выработать Конституцію и представить ее въ теченіи той недѣли, на которую приходится день 7 іюня. Одного этого факта достаточно для сужденія о рабочихъ и объ ихъ дѣлѣ. Дѣло ихъ—показное, рекламное, что касается рабочихъ, то одни, осторожные политики, стремятся только къ тому, чтобы дать народу слова, но не дѣло, а другіе, отвлеченные болтуны, или простые ротозѣи, не умѣютъ отличать дѣлъ отъ словъ и думаютъ, что произнося фразы творятъ законы.

Дѣло это не представляетъ ни малѣйшаго труда: фразы выработаны заранѣе «Пусть махинаторы антинародныхъ системъ, говоритъ докладчикъ, съ трудомъ измышляютъ свои проекты! Французамъ остается только заглянуть въ свои сердца: они прочтутъ тамъ одно слово—республика». Составленный по «Соціальному договору», съ греческими и латинскими заимствованіями, проектъ заключаетъ въ себѣ «въ лапидарномъ стилѣ» популярныя афоризмы, догматы и математическія предписанія Руссо, «аксіомы Разума и первыя послѣдствія этихъ аксіомъ», однимъ словомъ, прямолинейную Конституцію, которую придумываетъ каждый школьникъ по выходѣ изъ училища. Подобно объявленію, наклеенному на двери вновь открытаго магазина, Конституція обѣщаетъ покупателямъ все, что только они могутъ вообразить себѣ лучшаго.

Угодно вамъ имѣть права и свободы? Вотъ вамъ всѣ права и всѣ свободы. Никогда еще болѣе опредѣленно не заявляли, что пра-

вительство созданіе, слуга и орудіе управляемыхъ, оно создано только для того, «чтобы гарантировать имъ пользованіе ихъ естественными и незыблемыми правами». Никогда болѣе строго не ограничивали его мандата: «Право гласно заявлять свои мысли и мнѣнія, путемъ прессы или всякимъ другимъ способомъ, право мирно собираться, свободно исповѣдывать вѣру не могутъ быть отняты у народа». Никогда гражданъ болѣе не предостерегали противъ правонарушеній и злоупотребленій общественной власти:

«Законъ долженъ защищать общественную и индивидуальную свободу отъ гнета тѣхъ, которые управляютъ... Проступки уполномоченныхъ народа и ихъ агентовъ никогда не должны оставаться безнаказанными... Всякій человѣкъ узурпирующий суверенитетъ долженъ быть тотчасъ-же казненъ свободными людьми... Всякій актъ совершенный по отношенію къ человѣку, въ случаевъ и формъ определенныхъ закономъ, является актомъ произвольнымъ и тиранническимъ; тотъ, противъ котораго употребляется насиліе, имѣетъ право отразить его силой же... Когда правительство нарушаетъ права народа, возстаніе является для народа и для каждой части народа, самымъ священнымъ правомъ и самой неотложной обязанностью».

Къ правамъ гражданскимъ великодушный законодатель присоединилъ права политическія и умножилъ предосторожности, чтобы удержать стоящихъ во главѣ правленія въ зависимости отъ народа.

Во-первыхъ, ихъ назначаетъ народъ путемъ прямыхъ или почти прямыхъ выборовъ: въ своихъ первичныхъ собраніяхъ онъ избираетъ депутатовъ, муниципальные власти, мировыхъ судей и избирателей второй степени; въ свою очередь эти послѣдніе, во вторичныхъ собраніяхъ выбираютъ должностныхъ лицъ округа и департамента, гражданскихъ третейскихъ судей, судей въ уголовныхъ, кассационныхъ инстанціяхъ и восемьдесятъ четыре кандидата, изъ среды которыхъ законодательный корпусъ долженъ выбрать исполнительный совѣтъ.

Затѣмъ, полномочія, каковы бы они не были, предоставляются всегда только на очень короткий срокъ: одинъ только годъ продолжаютъ полномочія депутатовъ, избирателей второй степени, гражданскихъ третейскихъ судей и судей какого бы то ни было наименованія и рода; что касается муниципальных властей и администраціи, департаментской и окружной, то ежегодно возобновляется половина ихъ состава. Такимъ образомъ ежегодно 1 мая снова начинается битъ источникъ власти и въ своихъ, созываемыхъ по собственному побужденію, первичныхъ собраніяхъ народъ по своему желанію оставляетъ или мѣняетъ свой служебный персоналъ.

Наконецъ, даже когда служащіе водворены и исполняютъ свои обязанности, народъ можетъ, если захочетъ, стать ихъ сотрудникомъ: ему предоставили средства «совѣщаться» со своими депутатами. По вопросамъ представляющимъ временной интересъ или не имѣющимъ большаго значенія депутаты издають декреты, но по вопросамъ имѣющимъ общій и постоянный интересъ они только вносятъ предложенія и, если дѣло идетъ объ объявленіи войны, рѣшеніе вопроса предоставляется народу. Онъ обладаетъ правомъ

приостанавливающего, а затѣмъ и окончательнаго вето и онъ пользуется имъ, какъ ему заблагоразсудится. Съ этой цѣлью онъ по собственному побужденію собирается въ первичныя собранія, и для созыва такихъ собраній достаточно требованія одной пятой части гражданъ, имѣющихъ право принимать въ нихъ участіе. Разъ собраніе созвано, оно принимаетъ или отвергаетъ проектъ Законодательнаго Собранія. Если по истеченіи сорока дней въ большинствѣ департаментовъ десятая часть первичныхъ собраній отвергла проектъ, мы имѣемъ дѣло съ приостанавливающимъ вето. Тогда созываются всѣ первичныя собранія Республики и если большинство первичныхъ собраній снова выскажется въ отрицательномъ смыслѣ, народъ этимъ накладываетъ окончательное вето на проектъ. Также процедура необходима для измѣненія существующей Конституціи.

Во всемъ этомъ планъ монтаньдровъ превосходитъ планъ жироидистовъ; никогда еще не придавали столь незначительной роли правящимъ и столь значительной роли управляемымъ; якобинцы чувствуютъ къ народной инициативѣ уваженіе доходящее до шепетильности. Такъ въ докладѣ Геро-де-Сешеля говорится: «Мы всѣ имѣли одно и то же желаніе—достигнуть самого демократическаго результата. Суверенитетъ народа и достоинство человѣка были постоянно-передъ нашими глазами... Тайное чувство подсказываетъ намъ, что наше дѣло быть можетъ одно изъ самыхъ популярныхъ дѣлъ, которыя когда либо существовали». По мнѣнію якобинцевъ народъ долженъ быть сувереномъ фактическимъ, постояннымъ, безъ междуцарствія, онъ долженъ имѣть возможность вмѣшиваться во всѣ серьезныя дѣла, онъ долженъ обладать не только правомъ, но и возможностью подчинить своей волѣ своихъ уполномоченныхъ. Тѣмъ болѣе необходимо сговориться съ нимъ по вопросу объ учрежденіяхъ, которыя ему теперь дарятъ. Вотъ почему Конвентъ, созываетъ уже 24 юня первичныя собранія и вноситъ на ихъ утвержденіе приготовленный имъ конституціонный актъ.

III.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что актъ будетъ утвержденъ; уже раньше все подготовлено, чтобы получить согласіе и притомъ такое согласіе какъ оно желательно, съ внѣшней стороны добровольное и почти единодушное.

Въ дѣйствительности первичныя собранія немногочисленны; въ городахъ на баллотировку является только треть избирателей, а въ деревняхъ четверть, или даже менѣе четверти. Искусенные опытомъ предыдущихъ собраній избиратели воздерживаются, такъ какъ они слишкомъ хорошо знаютъ, какъ проходятъ эти собранія, какъ на нихъ первенствуетъ якобинская партія, какъ она ведетъ избирательную комедію, какими угрозами и насиліями она заставляетъ несогласныхъ съ нею играть роль статистовъ или клакеровъ. Четыре или пять миллионовъ избирателей предпочитаютъ, по обыкновенію, воздержаться и не явиться на собранія.

Тѣмъ не менѣе большинство собраній созывается, причѣмъ ихъ

насчитываютъ до семи тысячъ. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ кантонѣ имѣется своя незначительная группа якобинцевъ. Съ ними за одно дѣйствуютъ наивные люди, не потерявшие еще вѣры въ официальные заявленія и полагающіе, что конституція, которая обезпечиваетъ частныя права и устанавливаетъ общественныя свободы, должна быть принята, кѣмъ бы она не была предложена, тѣмъ болѣе, что узурпаторы общаются сложить съ себя власть. И дѣйствительно Конвентъ торжественно заявляетъ, что разъ конституція будетъ принята, народъ будетъ снова созванъ, для избранія «новаго національнаго собранія, новаго представительства, облеченнаго болѣе недавнимъ и болѣе непосредственнымъ довѣріемъ», что дастъ возможность избирателямъ, если они этого захотятъ, переизбрать честныхъ депутатовъ и исключить мошенниковъ.

Послѣ этого, даже въ мятежныхъ департаментахъ, большая часть жирондистскаго населенія рѣшается послѣ долгихъ колебаній вѣнговать, но поздно, такъ въ Лионѣ, въ Кальвадосѣ, собранія происходятъ только 30 іюля. Многіе конституціоналисты, или нейтральные уже раньше рѣшились на это, одни изъ страха передъ гражданской войной и изъ духа примиренія, другіе изъ боязни преслѣдованій и обвиненія въ монархизмѣ. Вотъ еще одна уступка. Въ силу своей покорности въ концѣ концовъ они быть можетъ не дадутъ Горѣ никакого повода для насилій.

Одинъ изъ политическыхъ дѣятелей того времени пишетъ въ своихъ мемуарахъ: «хотя насъ увѣрили, что мы будемъ пробѣжать только по городамъ приверженнымъ Марату, мы, къ величайшему нашему удовольствію, нашли, что почти все населеніе было проникнуто отвращеніемъ къ Марату. Оно правда приняло конституцію, представленную Комитетомъ общественнаго спасенія, но исключительно изъ желанія покончить со всѣмъ и притомъ на условіяхъ не лестныхъ для него, такъ какъ вездѣ требовали возобновленія Конвента и наказанія за совершенныя противъ него покушенія». Это пожеланіе и другія аналогичныя ему внесены въ протоколы многихъ первичныхъ собраній, напримѣръ, въ протоколахъ тринадцати кантоновъ департамента Энъ. Кромѣ того требовали возстановленія Двадцати двухъ, уничтоженія революціоннаго трибунала, должностей коммиссаровъ при арміи въ департаментахъ, учрежденія департаментской гвардіи для охраны Конвента, роспуска революціонной арміи и т. д.

Но напрасно полагали лишить Гору всякихъ поводовъ къ насилію. Вѣдь съ самаго начала легко констатировать, какъ якобинцы понимаютъ свободу выборовъ. Во-первыхъ, всѣ внесенные въ списки и, главнымъ образомъ, подозрительные должны голосовать и притомъ голосовать за, «въ противномъ случаѣ, говорить одна якобинская газета, имъ не придется болѣе жаловаться на вполнѣ обоснованную подозрительность, съ которой будутъ къ нимъ относиться». И вотъ они являются на собранія «вполнѣ покорные и смиренные»; тѣмъ не менѣе ихъ рѣзко отталкиваютъ, къ нимъ поворачиваются спиной, ихъ оттѣсняютъ въ уголъ залы или къ дверямъ, ихъ громко оскорбляютъ. Очевидно, что послѣ такого пріема они будутъ вести себя смиренно и не рискнуть сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія.

Въ Макопѣ, напримѣръ, «нѣсколько аристократовъ тихо шептались но не осмѣливались сказать «нѣтъ». Это было бы крайнимъ безразсудствомъ. Такъ въ Монбризонѣ на шесть гражданъ, отказавшихся голосовать за, будетъ сдѣланъ доносъ въ протоколѣ собранія и одинъ депутатъ потребуетъ въ Конвентѣ примѣненія къ нимъ суровыхъ мѣръ. Въ Ножанъ-на-Сенѣ смѣщаютъ трехъ администраторовъ, виновныхъ въ томъ же проступкѣ; нѣсколько мѣсяцевъ спустя проступокъ превратится въ преступленіе, влекущее за собою смертную казнь и будутъ гильотинировать людей «за то, что они голосовали противъ конституціи 1793 года». Этими словами были мотивированы приговоры самими судьями.

Почти всѣ неблагонамѣренные люди предчувствовали эту опасность, вотъ почему почти во всѣхъ первичныхъ собраніяхъ предложеніе Конвента принято единодушно или почти что такъ. Въ Руанѣ оказывается только двадцать шесть оппозиціонеровъ, въ Каснѣ, центрѣ жирондистской оппозиціи, четырнадцать, въ Реймсѣ—два, въ Труа, Безансонѣ, Лиможѣ и Парижѣ—ни одного; въ пятнадцати департаментахъ число голосовавшихъ противъ колеблется между пятью и однимъ; ни одного протестанта не оказывается въ департаментѣ Вара. Можетъ ли быть болѣе назидательное согласіе? Во всей Франціи только одна коммуна Сень-Дуанъ, въ глухомъ округѣ департамента Котъ-дю-Норъ осмѣливается просить реставраціи духовенства и назначенія королемъ сына Капета.

Всѣ остальные коммуны голосуютъ какъ бы по мановенію жезла; онѣ поняли секретъ плебисцита, отъ нихъ не требуютъ искренняго голосованія, ихъ заставляютъ произвести якобинскую манифестацію.

Членъ Конвента Шабо говорилъ слѣдующее въ засѣданіи 11 августа 1793 года: «Я требую, чтобы вы объявили, что всякій не явившійся безъ основательной причины въ первичныя собранія, что всякій высказавшійся противъ конституціи, лишается права быть выбраннымъ на какія бы то ни было конституціонныя должности». Г. Буайллона изъ Бельэрба арестовываютъ «за то, что онъ явился на первичное собраніе кантона Воклюзъ и удалился не принявъ участія въ голосованіи».

Вся операція предпринятая мѣстными клубами всецѣло проводится ими. Они пробили сборъ у баллотировочныхъ ящиковъ, они являются на собранія представляя изъ себя силу, они играютъ на нихъ главную роль, они назначаютъ бюро, они вносятъ предложенія, они составляютъ протоколы и комиссары правительства усиливаютъ ихъ мѣстный авторитетъ авторитетомъ центральнаго правительства. Въ Макопѣ, на собраніи «они каждый параграфъ сопровождали рѣчью къ народу, эта рѣчь вызвала безчисленные аплодисменты и усиленные крики: да здравствуетъ республика! да здравствуетъ конституція! да здравствуетъ французскій народъ!» Пусть берегутся равнодушные, не присоединяющіеся къ общему хору, ихъ заставляютъ голосовать «громкимъ и отчетливымъ голосомъ», кричать вмѣстѣ съ другими, подписывать высокопарный адресъ, которымъ мѣстные якобинцы свидѣтельствуютъ свою благодарность передъ Конвентомъ и подавать свой голосъ за выдающагося патріота, которому первичное собраніе поручаетъ отвезти протоколъ въ Парижъ.

IV.

Первый актъ комедіи конченъ, начинается второй актъ. Не безъ цѣли якобинская партія созвала въ Парижѣ делегатовъ первичныхъ собраній; подобно послѣднимъ они должны явиться для нея орудіями власти, основаніями диктатуры и поэтому необходимо подготовить ихъ къ этому.

По правдѣ сказать нельзя быть увѣреннымъ, что всѣ согласятся на это, такъ какъ среди семи тысячъ комиссаровъ, нѣкоторые, избранные непокорными собраніями, привезли съ собой вмѣсто согласія отказъ, другимъ, болѣе многочисленнымъ, поручено высказать замѣчанія и указать на пробѣлы. Очень вѣроятно, что посланные жирондистскими департаментами потребуютъ освобожденія и возвращенія своихъ изгнанныхъ представителей, наконецъ значительное количество делегатовъ, принявшихъ съ полнымъ довѣріемъ новую конституцію, желаетъ, чтобы ее примѣнили какъ можно скорѣе и чтобы Конвентъ, согласно своему обѣщанію удалился, чтобы уступить мѣсто новому собранію.

Необходимо заранѣе подавить всѣ эти стремленія къ независимости или къ оппозиціи: въ виду этого декретъ Конвента «даетъ разрѣшеніе комитету общей безопасности арестовывать подозрительныхъ комиссаровъ». Комитетъ долженъ наблюдать за тѣми, «которые взявъ на себя особую миссію, задумаютъ устраивать собранія, привлекать своихъ коллегъ и побуждать ихъ къ дѣйствіямъ противнымъ ихъ мандатамъ». Предварительно и до допущенія ихъ въ Парижъ ихъ якобинство будетъ провѣрено, подобно тюку на таможенѣ, специальными агентами исполнительнаго совѣта, а именно Станиславомъ Майльяромъ, пресловутымъ судьей сентябрьскихъ дней и его шестюдесятью негодяями солдатами, кичащимися своимъ воинскимъ званіемъ, за которое они получали по пяти франковъ въ день.

«По всѣмъ дорогамъ, въ пятнадцати и даже двадцати лье отъ столицы» делегатовъ обыскиваютъ; вскрываютъ ихъ сундуки и распечатываютъ ихъ письма. У парижскихъ заставъ ихъ встрѣчаютъ «инспектора», присланные коммуной подъ предлогомъ необходимости защитить ихъ отъ распутныхъ женщинъ и мошенниковъ. Тамъ ими всецѣло завладѣваютъ, ведутъ ихъ въ мѣрью, выдаютъ имъ билетъ на отводъ квартиры и жандармскій пикетъ разводитъ ихъ по одиночѣ въ предназначенное для нихъ помѣщеніе. И вотъ они помѣщены подобно овцамъ въ загоны. Протестанты не смѣютъ пытаться ускользнуть и устроиться отдѣльно.

Съ однимъ изъ нихъ, явившимся въ Конвентъ съ просьбой предоставить помѣщеніе для него и его единомышленниковъ, обращаются самымъ ужаснымъ образомъ, его называютъ интриганомъ, обвиняютъ въ томъ, что онъ хочетъ защищать измѣнника Кюстина, записываютъ его имя и угрожаютъ ему слѣдствіемъ. Злополучный ораторъ слышитъ, что упоминаютъ уже объ Аббатствѣ и онъ долженъ считать за счастье, что ему не придется немедленно же отправиться туда. Послѣ всего этого вполне очевидно, что онъ болѣе не пожелаетъ ораторствовать и что коллеги его не раскроютъ

рта, тѣмъ болѣе, что на ихъ глазахъ революціонный трибуналъ за-сѣдаетъ непрерывно, что на площади Революціи гильотина водружена и уже работаетъ, что недавнее постановленіе коммуны предписы-ваетъ полицейскимъ должностнымъ лицамъ «имѣть самый бдитель-ный надзоръ» и настоятельно приказываетъ воинскимъ частямъ вы-сылать «постоянные патрули», что съ 1 по 4 августа заставы были закрыты и что 2 августа при облавѣ въ трехъ театрахъ арестовано и отправлено въ тюрьму болѣе пятисотъ молодыхъ людей. Недоволь-ные, если они имѣются, быстро понимаютъ, что ни мѣсто, ни мо-ментъ не благоприятствуютъ протесту.

Что касается другихъ, уже бывшихъ якобинцами, партія поза-ботилась о томъ, чтобы еще болѣе пропитать ихъ якобинскими убѣ-жденіями. Затерянные въ громадномъ Парижѣ, всѣ эти провинціалы нуждаются въ томъ, чтобы ими руководили, какъ въ моральномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, къ нимъ нужно отнести «съ гостепримствомъ во всей его полнотѣ—этой самой нѣжной добродѣтели республиканцевъ». Вотъ почему восемьдесятъ шесть сан-кюлотовъ, избранныхъ секціями, ожидаютъ ихъ въ мѣри, для того, чтобы быть ихъ корреспондентами, быть можетъ даже ихъ поручи-телями и уже навѣрное ихъ руководителями, для того, чтобы раз-дать имъ квартирныя билеты, сопровождать ихъ, помочь имъ устроиться, чтобы наставить ихъ какъ прежде представителей от-командированныхъ въ 1792 году на праздникъ Федерациі, чтобы помѣшать имъ завести дурныя знакомства, чтобы ввести ихъ во всѣ кипучія собранія, чтобы наблюсти за тѣмъ, чтобы ихъ разо-грѣтый патріотизмъ скоро принялъ отгѣнокъ парижскаго якобин-ства.

Театрамъ запрещено оскорблять ихъ взоры и слухъ представле-ніемъ пьесъ, «противныхъ духу революціи».

Кутонъ говоритъ въ своемъ докладѣ Конвенту: «Вы оскорбили бы этихъ республиканцевъ, если бы допустили, чтобы въ ихъ при-сутствіи продолжали играть безконечное количество пьесъ, напол-ненныхъ оскорбительнымъ для свободы намеками».

Отданъ приказъ ставить три раза въ недѣлю «тавія республи-канскія трагедіи, какъ *Брутъ*, *Вильгельмъ Телль*, *Кай Гракхъ* и другія драматическія пьесы, пригодныя къ поддержанію принциповъ равенства и свободы». Разъ въ недѣлю даются даровыя представле-нія и со сцены раздаются высокопарныя стихи Маріи Шенье, для назиданія делегатовъ, переполняющихъ ложи на счетъ государства.

На слѣдующій день ихъ приводятъ цѣлыми толпами въ трибуны Конвента, гдѣ предъ ними развертывается та же трагедія, класси-ческая и простая, напыщенная и требующая смерти, но только на этотъ разъ это не изображаемая, но дѣйствительная трагедія и ти-рады произносятся не въ стихахъ, а въ прозѣ. Окруженные крику-нами, которымъ платить деньги, наши провинціалы рукоплещутъ, кричатъ и приходятъ въ восторгъ какъ наванунѣ, по сигналу, да-ваемому клакерами и обычными посѣтителями.

А то еще прокуроръ-синдикъ Люлье созываетъ ихъ въ Ели-свонскій дворецъ «для братанія съ властями парижскаго департа-мента», то секція братства приглашаетъ ихъ на свои ежедневныя

собранія, то общество якобинцевъ утромъ предоставляет имъ свою обширную залу, а вечеромъ допускаетъ ихъ на свои засѣданія.

Захваченные такимъ образомъ и находясь какъ бы подъ водолазнымъ колоколомъ они дышатъ въ Парижѣ только якобинскимъ воздухомъ. По мѣрѣ того какъ ихъ водятъ изъ одного якобинскаго клуба въ другой и они дышатъ этимъ раскаленнымъ воздухомъ, пульсъ ихъ бьется быстрее. Многіе изъ нихъ были при пріѣздѣ своемъ «людьми простыми и тихими», но ихъ сбиваютъ съ толгу и они не имѣя никакого предохранительнаго средства быстро заражаются революціонной лихорадкой.

V.

7 августа дается финальный толчокъ. Подъ предсѣдательствомъ департаментскихъ и муниципальных властей, большинство делегатовъ является въ Конвентъ, чтобы громко заявить о своихъ якобинскихъ политическихъ убѣжденіяхъ.

«Скоро, говорятъ они, будутъ искать, гдѣ находилось на берегу Сены топкое болото, которое хотѣло насъ поглотить. Пусть лопнутъ съ досады монархисты и интриганы, но мы будемъ жить и умремъ монтаньярами!»

Аплодисменты и лобызанія.

Оттуда они отправляются въ Якобинскій клубъ и одинъ изъ нихъ предлагаетъ заранѣе составленный адресъ, цѣль котораго оправдать 31 мая и 2 июня, «открыть глаза» провинціальной Франціи, объявить «войну федералистамъ».

«Да погибнуть гнусные пасквилянты, оклеветавшіе Парижъ!.. Нами здѣсь овладѣло только одно чувство; всѣ души наши слились... Мы всѣ образуемъ здѣсь одну громадную и страшную Гору, которая обрушится на всѣхъ роялистовъ и пособниковъ тиранніи». Аплодисменты и крики. Робеспьеръ объявляетъ имъ, что они спасаютъ отечество.

На слѣдующій день 8 августа адресъ передается Конвенту и по предложенію Робеспьера Конвентъ объявляетъ, что онъ будетъ посланъ въ арміи, иностраннымъ державамъ, во всѣ коммуны. Новыя рукоплесканія, новыя лобызанія, новые крики. 9 августа по приказанію Конвента делегаты собираются въ Тюльрійскій садъ и раздѣлившись на группы по департаментамъ, они изучаютъ программу Давида, чтобы вполнѣ проникнуться ролью, которую имъ предназначено играть на завтрашнемъ празднествѣ.

Странное празднество, на которомъ ярко сказывается духъ времени. Это какъ бы опера, которую власти разыгрываютъ на улицѣ, съ триумфальными колесницами, курильницами, алтарями, ковчегомъ объединенія, погребальными урнами и остальной классической мишурой. Гипсовые статуи изображаютъ божества: природу, свободу, народъ въ видѣ Геркулеса. Все это одни только олицетворенныя отвлеченности, какъ ихъ рисуютъ на потолкахъ театровъ. Ничего непосредственнаго, или искреннаго. Актеры, которымъ совѣсть подсказываетъ, что они только актеры, оказываютъ почтеніе символамъ, которые, какъ имъ отлично извѣстно, являются только симво-

лами и въ этомъ механическомъ шествіи восклицанія, обращенія, жесты, позы, заранѣе подготовлены какъ на сценѣ. Для умовъ любящихъ истину и ненавидящихъ театральность это кажется шарадой, разыгрываемой картонными плясунами.

Но торжество это колоссально, оно рассчитано на то, чтобы потрясти умы и возбудить гордость физическимъ возбужденіемъ всѣхъ чувствъ. Праздникъ этотъ стоилъ одинъ миллионъ двѣсти тысячъ франковъ, кромѣ расходовъ по поѣздѣ семи тысячъ делегатовъ. Въ этой грандіозной декорациі делегаты опьяняются своей ролью, такъ какъ, очевидно, они играютъ главную роль: вѣдь они являются представителями двадцати шести миллионъ французовъ. Вся церемонія только и имѣетъ своей цѣлью прославленіе въ нихъ національной воли, носителями которой они являются.

На Бастильской площади, гдѣ изъ обоихъ сосцовъ гигантскаго изображенія природы изливается «вода возрожденія», президентъ Гуро, совершивъ «возліанія», послѣ привѣтствія новой богини передаетъ кубокъ восьмидесяти семи старѣйшимъ по возрасту представителямъ восьмидесяти семи департаментовъ. Каждый изъ нихъ «призываемый при звукахъ барабановъ и трубъ» пьетъ поочередно изъ кубка и, послѣ того какъ онъ его осушаетъ, пушки грохочутъ, какъ будто бы онъ былъ королемъ; затѣмъ послѣ того, какъ кубокъ осушаетъ послѣдній, восьмидесять седьмой представитель, гремитъ вся артиллерія. Послѣ этого кортежъ приходитъ въ движеніе и въ шествіи делегаты опять-таки занимаютъ почетное мѣсто. Старѣйшіе, держа въ одной рукѣ оливковую вѣтвь, а въ другой пику съ флагомъ, на которомъ обозначено названіе ихъ департамента, «соединены между собой тонкой трехцвѣтной лентой» и окружаютъ Конвентъ, какъ бы для того, чтобы показать, что нація поддерживаетъ и ведетъ своихъ законныхъ представителей. Сзади нихъ остальные семь тысячъ делегатовъ, тоже держащіе въ рукахъ оливковыя вѣтви, образуютъ вторую отдѣльную, самую грандіозную группу, на которую обращены всѣ взоры, такъ какъ за ними идетъ смѣшанная толпа, въ составъ которой входитъ исполнительный совѣтъ, муниципалитетъ, судьи. Всѣ они смѣшались съ толпой въ силу равенства. При каждой остановкѣ делегаты сразу бросаются всѣмъ въ глаза благодаря своимъ отличительнымъ признакамъ. При послѣдней остановкѣ, на Марсовомъ полѣ, они одни вмѣстѣ съ членами Конвента входятъ по ступенямъ, ведущимъ къ алтарю отчизны; на самой верхней ступени рядомъ съ предсѣдателемъ Конвента становится старѣйшій изъ нихъ. Размѣщенные такимъ образомъ семь тысячъ делегатовъ, окружающіе семьсотъ пятьдесятъ членовъ Конвента, образуютъ «истинную Святую Гору». На вершинѣ эстрады предсѣдатель обращается къ восьмидесяти семи старѣйшимъ и вручаетъ имъ ковчегъ, въ которомъ хранятся конституціонный актъ и результаты голосованія. Они съ своей стороны вручаютъ ему свои пики, которыя онъ собираетъ воедино, въ знакъ народнаго единства и нераздѣльности. Послѣ этого со всѣхъ сторонъ поднимаются привѣтственные клики, пушки усиленно грохочутъ, «казалось и небо и земля празднуютъ величайшую эпоху человѣческаго рода».

Конечно делегаты вѣб себя отъ волненія, нервная система, на-

пряженная до нельзя, слишком сильно вибрируетъ. Еще на площади Бастилии многіе «охваченные пророческимъ духомъ» общали конституціи вѣчность. Они чувствуютъ, что «возрождаются съ человѣческимъ родомъ», они считаютъ себя творцами новаго міра, будущее въ ихъ рукахъ, они считаютъ себя богами, сошедшими на землю. Въ такомъ критическомъ положеніи разсудокъ ихъ неустойчивъ подобно испортившимся вѣсамъ. Подъ напоромъ фабрикантовъ энтузіазма ихъ охватитъ внезапный поворотъ мыслей. Они считали конституцію панацеей и они ее уберутъ какъ опасное лекарство въ сундукъ, называемый ковчегомъ. Они только что возвѣстили свободу народа и они же увѣковѣчатъ диктатуру Конвента.

VI.

Понятно, что поворотъ мыслей долженъ казаться непосредственнымъ и рука стоящихъ во главѣ правленія не должна быть видна. По обыкновенію узурпаторовъ Конвентъ будетъ симулировать осторожность и безкорыстіе. Поэтому на слѣдующій день, 11 августа, тотчасъ же по открытіи засѣданія онъ заявляетъ, что «миссія его окончена». По предложенію Лакруа, единомышленника Дантона, онъ объявляетъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ произведена перепись населенія и избирателей, для того, чтобы имѣть возможность созвать какъ можно скорѣе первичныя собранія, онъ съ восторгомъ принимаетъ делегатовъ, принесшихъ конституціонный ковчегъ, онъ какъ одинъ человекъ встаетъ передъ этимъ святымъ ковчегомъ, онъ терпѣливо выслушиваетъ делегатовъ, которые обращаются къ нему съ призывомъ и съ указаніями на его обязанности. «Помните, говоритъ ораторъ делегатовъ, что вы отвѣчаете за этотъ святой ковчегъ передъ націей, передъ міромъ. Помните, что вы обязаны скорѣе умереть, чѣмъ допустить, чтобы его коснулась святотатственная рука»...

Но вечеромъ въ Якобинскомъ клубѣ, Робеспьеръ, послѣ длинной смутной рѣчи объ общественной опасности, о заговорщикахъ, объ измѣнникахъ, вдругъ произноситъ рѣшающее слово: «я чуть было не позабылъ о самомъ важномъ соображеніи... Предложеніе сдѣланное сегодня утромъ направлено только къ тому, чтобы членовъ настоящаго Конвента смѣнили агенты Питта и Кобурга». Это ужасныя слова въ устахъ человека принциповъ и ихъ тотчасъ же понимаютъ всѣ вожаки, крупные и незначительные, избранные тысяча пятьюстами якобинцевъ, наполняющихъ залу.

«Нѣтъ, нѣтъ!» восклицаетъ все собраніе. — Делегаты увлечены. «Я требую, говоритъ одинъ изъ нихъ, чтобы Конвентъ не былъ распущенъ до конца войны». — Вотъ оно наконецъ это пресловутое предложеніе, столь давно желанное и ожидаемое. Теперь клеветы жирондистовъ разсѣются прахомъ, вѣдь доказано, что Конвентъ не имѣетъ намѣренія вѣчно существовать, что онъ не честолюбивъ. Если онъ остается у власти, то только потому, что его удерживаютъ, что народные делегаты принуждаютъ его къ этому.

Лучше того, они же уважутъ имъ, какъ имъ слѣдуетъ себя вести. На слѣдующій же день, 12 августа, съ рвеніемъ новообращен-

ныхъ они разсѣиваются въ залѣ засѣданій въ столь большомъ количествѣ, что Конвентъ не имѣя возможности обсуждать дѣла, собирается на лѣвой сторонѣ залы и предоставляетъ имъ всю правую сторону. Всѣ горячіе матеріалы сконцентрировавшіеся въ нихъ уже въ теченіе двухъ недѣль воспламеняются. Они болѣе горячи, чѣмъ самые необузданные якобинцы, они повторяютъ нелѣпости Розы Лакомбъ и влюбцовъ, они выходятъ за предѣлы программы, начертанной имъ Горой.

«Теперь не время обсуждать, кричить одинъ изъ ораторовъ, нужно дѣйствовать. Народъ долженъ возстать массами, онъ одинъ можетъ уничтожить своихъ враговъ... Мы требуемъ, чтобы всѣ подозрительные люди были арестованы, чтобы они были посланы къ границамъ и за ними послѣдовала страшная масса санкюлотовъ. Тамъ, въ первыхъ рядахъ, они будутъ биться за свободу, которую оскорбляютъ вотъ уже четыре года или же они будутъ уничтожены пушками тирановъ... Ихъ жены, дѣти, старики и немощные будутъ въ качествѣ заложниковъ охраняться женами и дѣтьми санкюлотовъ».

Дантонъ пользуется моментомъ съ; своей обычной прозорливостью онъ находитъ слово опредѣляющее положеніе: «Депутаты первичныхъ собраній возбуждаютъ среди насъ инициативу Террора». Затѣмъ онъ нелѣпыя предложенія фанатиковъ сводитъ къ практическимъ мѣрамъ: «Возстать массами, да, но въ порядкѣ», призвавъ сначала первый разрядъ, молодыхъ людей отъ восемнадцати до двадцати пяти лѣтъ, арестовывать всѣхъ подозрительныхъ, но не посылать ихъ противъ непріятеля, «они были бы въ нашихъ войскахъ болѣе опасны, чѣмъ полезны; заключимъ ихъ въ тюрьмы, они будутъ нашими заложниками». Наконецъ онъ придумываетъ занятіе делегатамъ, которые теперь не нужны въ Парижѣ и могутъ пригодиться въ провинціи. «Сдѣлаемъ изъ нихъ представителей, какъ бы обязанныхъ возбуждать гражданъ... Пусть имъ будетъ поручено сообщать съ добрыми гражданами и установленными властями, составлять описи хлѣбнымъ запасамъ и оружію, набирать солдатъ и пусть Комитетъ Общественнаго Спасенія направляетъ это великое движеніе... Они всѣ дадутъ клятву вернувшись къ своему очагу побудить къ этому своихъ согражданъ».—Всеобщія рукоплесканія, всѣ делегаты кричатъ: «Мы клянемся!» Вся зала поднимается, всѣ сидящіе въ трибунахъ машутъ шляпами, и даютъ ту же клятву.

Дѣло сдѣлано: подобіе народнаго пожеланія какъ бы санкціонировало политику, принципъ и самое названіе террора. Что касается инструментовъ, посредствомъ которыхъ произведена эта операція, то они теперь пригодны только на то, чтобы ихъ послать на мѣста. Коммиссары, требованій и вмѣшательства которыхъ могла бы еще опасаться Гора, высылаются въ свои департаментскіе захолустья, тамъ они стануть ея агентами и миссіонерами. Не говорятъ уже больше о томъ, чтобы пустить въ ходъ новую конституцію, она была только приманкой, обманомъ для того, чтобы половить рыбу въ мутной водѣ: по окончаніи рыбной ловли ее положили на видномъ мѣстѣ залы въ маленькомъ ковчегѣ, рисунокъ котораго былъ составленъ Давидомъ. «Теперь, говоритъ Дантонъ, Конвентъ

долженъ быть проникнуть всѣмъ своимъ достоинствомъ, такъ какъ теперь онъ облеченъ всей народной силой». — Другими словами коварство доканчиваетъ то, что начато насиліемъ, благодаря майскимъ и іюньскимъ покушеніямъ суверенное собраніе перестало быть законнымъ, іюльскими же и августовскими маневрами оно вернуло себѣ внѣшность законности. Монтаньяры все еще ведутъ на цѣпочкѣ Конвентъ. Для того чтобы извлекать изъ него пользу, они вернули ему его престижъ.

УІІ.

Этимъ же ударомъ и тѣми же самыми выходами они почти обезоружили своихъ противниковъ. При извѣстіи о 31 маѣ и 2 іюнѣ среди республиканцевъ культурнаго класса, среди того поколѣнія, которое, воспитанное философами, искренне вѣрило въ права человека, поднялся громкій крикъ негодованія; шестьдесятъ девять департаментскихъ администрацій высказали протестъ и почти во всѣхъ городахъ запада, юга, востока и центра, въ Каенѣ, въ Алансонѣ, Эврѣ, Реннѣ, Брестѣ, Лоріанѣ, Нантѣ и Лиможѣ, въ Бордо, Тулузѣ, Монпелье, Нимѣ и Марсели, въ Лионѣ, Греноблѣ, Клермонѣ, Лонсѣ, Безансонѣ, Маконѣ и Дижонѣ, граждане собравшись въ своихъ секціяхъ вызвали или поддержали своимъ громкимъ одобреніемъ энергичныя распоряженія своихъ администраторовъ. И администраторы и граждане заявляли, что, такъ какъ Конвентъ не былъ болѣе свободенъ, декреты его начиная съ 31 мая не имѣли болѣе силы закона, что департаментскія войска двинутся въ Парижъ, чтобы освободить Конвентъ отъ его противниковъ и что его замѣстители приглашаются собраться въ Буржѣ.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ отъ словъ перешли къ дѣлу. Уже въ серединѣ мая Марсель и Лионъ взяли за оружіе и стали преслѣдовать своихъ мѣстныхъ якобинцевъ. Послѣ 2 іюня Нормандія, Бретань, Гардь, Юра, Тулуза и Бордо тоже вооружились. Въ Марсели, Бордо и Каенѣ, уполномоченные на мѣстахъ были арестованы или находились подъ надзоромъ въ качествѣ заложниковъ. Инсургенты такъ убѣждены въ своей правотѣ, что уполномоченные правительства въ Каенѣ, Роммѣ и Пріерѣ въ письмѣ къ Комитету Общественнаго Спасенія одобряютъ свой собственный арестъ: «Граждане-коллеги, этотъ арестъ можетъ получить большое значеніе, послужить въ пользу дѣлу свободы, способствовать единству республики и возбудить довѣріе, если, какъ мы усердно васъ просимъ, вы подтвердите его декретомъ, объявляющимъ насъ заложниками... Мы замѣтили въ населеніи Каенѣ любовь къ свободѣ, къ правосудію и послушанію».

Въ Нантѣ народныя власти и національные гвардейцы, столь доблестно отразившіе шесть дней тому назадъ вандейскую армію, осмѣлились на большее; они ограничили полномочія Конвента и осудили его вмѣшательство. По ихъ мнѣнію посылка уполномоченныхъ являлась «узурпаціей, посягательствомъ на народную верховную власть», представители были выбраны для того чтобы творить законы, а не для того, чтобы приводить ихъ въ исполненіе, чтобы подготовить конституцію и привести въ порядокъ всѣ общественныя

власти, а не для того, чтобы произвести замѣшательство и самимъ являться въ ихъ роли, для защиты и поддержки промежуточныхъ властей делегируемыхъ народомъ, а не для разрушенія и уничтоженія ихъ».

Дѣйствуя еще смѣлѣе Монпелье приглашалъ всѣхъ представителей отправиться въ главные города своихъ соответствующихъ департаментовъ и ждать тамъ рѣшенія народнаго суда. Однимъ словомъ, въ силу самого демократическаго догмата, членовъ Конвента, униженныхъ и изуродованныхъ, считали какими то втершимися въ народное довѣрiе «прокурорами», призывали «рабочихъ народа вернуться къ послушанiю и обратить вниманiе на упреки дѣлаемые имъ ихъ законнымъ хозяиномъ». Нацiя лишала мѣста своихъ прикащиковъ столицы, она отнимала отъ нихъ мандатъ, которымъ они злоупотребили и объявляла ихъ узурпаторами въ случаѣ если они будутъ упорствовать и не подчинятъ свой позаимствованный суверенитетъ «ея безспорному суверенитету».

На этотъ прямой ударъ, поражающій до самого корня, Гора отвѣчаетъ такимъ же ударомъ, она тоже выказываетъ уваженiе къ принципамъ и санкціонируетъ свои дѣйствiя народной волею. Она оправдываетъ и обѣляетъ себя посредствомъ внезапной фабрикацiи ультра-демократической конституцiи, созыва первичныхъ собранiй, ратификацiи даваемой собраннiмъ народомъ ея дѣйствiямъ, созыва делегатовъ въ Парижъ, посредствомъ одобренiя этихъ делегатовъ обращенныхъ въ якобинство, ослѣпленныхъ или приневоленныхъ къ этому. Она лишаетъ жирондистовъ возможности приводить упреки, которые они раньше заявляли, лишаетъ ихъ популярности, которой, какъ они были убѣждены, они уже добились, похищаетъ у нихъ аксіомы, которыми они размахивали, какъ знаменемъ.

Начиная съ этого момента почва, на которой основывались оппозиціонеры, ускользаетъ изъ подъ ихъ ногъ, материалы, собранные ими, рушатся въ ихъ рукахъ, ихъ союзъ разсѣивается еще даже не собраннiмъ и неизлечимая слабость партiи проявляется вполне.

Прежде всего надо замѣтить, что въ такихъ департаментахъ, какъ Парижъ, партiя не имѣетъ корней. Вотъ уже три года какъ люди разсудительные, серьезные, занятые, нечувствующiе склонности къ полтикѣ и не являющiеся профессионалами въ этомъ дѣлѣ, всего девять десятыхъ избирателей, воздерживаются отъ участiя въ выборахъ и въ этой массѣ жирондисты не имѣютъ приверженцевъ. По ихъ собственному признанiю она остается привязанной къ учрежденiямъ 1791 года, которыя они ниспровергли, если она ихъ и уважаетъ, то только какъ «необычайно честныхъ безумцевъ». Къ тому же это уваженiе смѣшано съ нерасположенiемъ, она ставитъ имъ въ вину насильственные декреты, вынесенные ими сообща съ Горой, преслѣдованiя, конфискацiи, несправедливости и жестокости всякаго рода, она все еще видитъ на ихъ рукахъ кровь короля, и они въ ея глазахъ тоже являются царубiйцами, антикатоликами, антихристіанами, разрушителями.

Конечно они въ этомъ уступаютъ Горѣ и вотъ почему въ самомъ началѣ возмущенiя въ провинцiи, многіе умѣренные республиканцы и даже роялисты идутъ за ними въ секціонныхъ собранiяхъ и про-

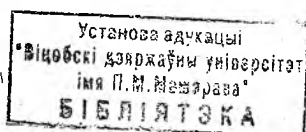
тестують вмістъ съ ними. Но большинство останавливается на этомъ и быстро впадаетъ въ свою обычную инертность. Оно не согласно со своими вожаками, оно не питаетъ къ нимъ полного довѣрія, оно не чувствуетъ къ нимъ безпредѣльной любви, его недавнія симпатіи заглушены прежнимъ злымъ чувствомъ. Разсѣявшіеся по провинціи жирондистскіе депутаты рассчитывали, что по ихъ призыву поднимутся всѣ департаменты и явятся по отношенію къ Горѣ республиканской Вандеи, но они вездѣ встрѣтили только вялое одобреніе и спекулятивныя пожеланія.

Остается для ихъ поддержки избранная часть республиканской партіи, образованные или полубразованные люди, честные и убѣжденные резонеры, которые проникнувшись догматами того времени, приняли въ серъезъ философскій катехизисъ. Являясь выборными судьями, администраторами департаментскими, окружными и муниципальными, начальниками и офицерами національной гвардіи, председателями и секретарями секцій, они занимаютъ почти всѣ посты, предоставляющіе власть на мѣстахъ и вотъ почему ихъ единодушный протестъ показался сначала голосомъ Франціи. Въ дѣйствительности онъ только крикъ отчаянія генеральнаго штаба безъ арміи. Назначенные подъ выборнымъ давленіемъ, они имѣютъ чинъ, званіе, должность, но не пользуются ни кредитомъ, ни вліяніемъ; за ними идутъ только тѣ, которые выбрали ихъ, десятая часть населенія, меньшинство фанатиковъ.

Къ этому надо прибавить, что среди этого меньшинства много равнодушныхъ людей. У большинства людей между убѣжденіями и дѣйствіемъ дистанція большого размѣра; пріобрѣтенныя привычки, лѣнь, страхъ и эгоизмъ заполняютъ весь промежутокъ. Какъ ни вѣришь въ отвлеченности *соціального договора*, не такъ то легко рѣшиться дѣйствовать въ пользу отвлеченной цѣли. Безпокойство охватываетъ тебя въ моментъ выступленія, находишь дорогу, по которой нужно идти, крайне опасной и неясной, колеблешься, не рѣшаешься двинуться, чувствуешь себя домохозяиномъ, боишься зайти слишкомъ далеко.—Одинъ человекъ охотно дающій слово, даетъ менѣе охотно деньги, другой, охотно дающій деньги, не расположенъ жертвовать своей особой и это относится какъ къ жирондистамъ, такъ и къ умѣреннымъ фейльянамъ.

«Въ Марселіи, говоритъ одинъ депутатъ, въ Бордо, почти во всѣхъ главныхъ городахъ, собственникъ, лѣнивый, безпечный, робкій не могъ рѣшиться покинуть на мгновение свой домашній очагъ, онъ поручалъ наемникамъ взяться за оружіе и выступить за него». Одни только федералисты Майеннъ, Иль-Вилленъ и въ особенности Финистера были «хорошо воспитанными молодыми людьми, вполне понимающими распрю, которую они намѣревались вести». Въ Нормандіи центральный комитетъ принужденъ по неволѣ набирать платныхъ рекрутовъ, а именно артиллеристовъ, изъ среды банды людей бывшихъ нѣкогда яковинцами, способныхъ на всевозможныя преступленія, грабителей и трусовъ, которые обратятся въ бѣгство при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ.

Когда въ Каенъ Вимпфенъ собралъ восемь батальоновъ національной гвардіи и вызвалъ добровольцевъ, готовыхъ идти на все,

на его вызовъ изъ рядовъ вышло всего семнадцать человекъ; на слѣдующій день официальная реквизиція даетъ только сто тридцать солдатъ. За исключеніемъ Вира, выставившаго около двадцати человекъ, остальные города отказываются выставять солдатъ. Однимъ словомъ войско не образуется.

Съ другой стороны въ качествѣ честныхъ и логически мыслящихъ людей, инсургенты чувствуютъ колебаніе и сами ограничиваютъ свое возстаніе. Стоящіе во главѣ ихъ бѣглые депутаты считали бы себя виновными въ узурпаціи, если бы они подобно Горѣ въ Парижѣ, образовали въ Каенѣ верховное собраніе. Ихъ права и обязанности, по ихъ мнѣнію, сводятся къ тому, чтобы свидѣтельствовать о 31 маѣ и 2 іюнѣ, призывать народъ, быть краснорѣчивыми. Они не имѣютъ законныхъ правъ, чтобы взять въ свои руки исключительную власть. Во главѣ управленія въ департаментѣ стоятъ мѣстныя власти, избранники секцій, вѣрнѣе департаментскій комитетъ. А они печатаютъ записки, пишутъ посланія, и крайне корретно ждуть, чтобы суверенный народъ, уполномоченными котораго они являются, снова посадилъ ихъ на старыя мѣста. Въ лицѣ ихъ, онъ былъ оскорбленъ, онъ долженъ поэтому отомстить за это оскорбленіе. Разъ онъ одобряетъ своихъ уполномоченныхъ, онъ долженъ вернуть имъ ихъ мѣста, разъ онъ хозяинъ дома, онъ долженъ добиться чтобы его авторитету въ домѣ всѣ подчинялись.

Что касается департаментскихъ комитетовъ, то правда, они, въ пору увлеченія, задумали образовать новый Конвентъ въ Буржѣ, путемъ созыва кандидатовъ въ депутаты или же національной комисіи изъ ста семидесяти членовъ. Но для этого не хватаетъ времени, не хватаетъ средствъ для осуществленія проекта и онъ остается висѣть въ воздухѣ, какъ пустая угроза. Черезъ двѣ недѣли онъ разсѣется какъ дымъ, департаментамъ только удастся объединиться въ группы, они больше не будутъ думать о созданіи центрального правительства и благодаря только этому факту, они сами явятся виной того, что мало по малу перестанутъ играть какую-бы то ни было роль.

Хуже того, сознательно и изъ патріотизма они сами готовятъ себѣ пораженіе, они воздерживаются отъ того, чтобы обратиться къ арміи и убрать ее съ границъ, они не отрицаютъ у Конвента права заботиться, какъ онъ этого желаетъ, о національной защитѣ. Ліонъ пропускаетъ транспортъ ядеръ, которыми впоследствии будутъ обстрѣливать его защитниковъ, власти Пюи-де-Дома въ концѣ концовъ высылаютъ противъ Вандеи батальонъ, образованный ими для дѣйствія противъ Горы. Бордо выдаетъ уполномоченнымъ Конвента Шато-Тромпеттъ, свои военные припасы и безпрекословно, съ полной покорностью оба бордосскіе баталіона охраняющихъ Блэ уступаютъ свою позицію двумъ якобинскимъ баталіонамъ. Можно быть заранее увѣреннымъ въ своемъ пораженіи при такой манерѣ вести возстаніе.

Но инсургенты отлично сознаютъ ложность своего положенія; они смутно чувствуютъ, что признавал военный авторитетъ Конвента, они признаютъ всю полноту его авторитета; незамѣтно переходя отъ уступокъ къ уступкамъ, они катятся внизъ по наклон-

ной плоскости и въ концѣ концовъ приходятъ въ полному послушанію. Уже 16 іюня «въ Ліонѣ начинаютъ чувствовать, что не нужно разрывать съ Конвентомъ». Пять недѣль спустя ліонскія власти торжественно признаютъ «Конвентъ единственнымъ центральнымъ и объединяющимъ всѣхъ гражданъ французовъ и республиканцевъ пунетомъ» и постановляютъ, «что всѣ исходящія отъ него декреты, касающіеся общихъ интересовъ Республики должны быть приводимы въ исполненіе». Въ виду этого въ Ліонѣ и въ другихъ департаментахъ администрація созываетъ первичныя собранія согласно предписанію Конвента. Въ виду этого первичныя собранія вотируютъ конституцію, которую предложилъ Конвентъ. Въ виду этого же, делегаты первичныхъ собраній отправляются въ Парижъ, какъ это приказываетъ Конвентъ.

Теперь дѣло жирондистовъ уже пропало; нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ въ Вернонѣ и Авиньонѣ разсѣиваютъ единственныя двѣ вооруженныя колонны, двинувшіяся въ походъ. Во всѣхъ департаментахъ якобинцы, ободренные уполномоченными Конвента, поднимаютъ голову; вездѣ мѣстные клубы предлагаютъ администраціи подчиниться, вездѣ администрація отмѣняетъ свои постановленія, извиняется и проситъ прощенія. По мѣрѣ того какъ подчиняется одинъ департаментъ, другіе, напуганные его дезертирствомъ, становятся болѣе расположенными къ подчиненію. Къ 9 іюля насчитываютъ уже сороль девять подчинившихся. Многие заявляютъ, что съ ихъ глазъ спала пелена, одобряютъ декреты 31 мая и 2 іюня и, выказывая свое рвеніе, заботятся о своей безопасности. Администрація Кальвадоса объявляетъ бретонскимъ федералистамъ, что «въ виду принятія ею конституціи она не можетъ болѣе допустить ихъ пребыванія въ городѣ Каентъ», она предлагаетъ имъ разойтись по домамъ, она тайно заключаетъ миръ съ Горой, она извѣщаетъ объ этомъ депутатовъ, являющихся гостями только три дня спустя и при томъ извѣщаетъ самымъ простымъ способомъ: она наклеиваетъ на ихъ дверяхъ декретъ, которымъ они ставятся внѣ закона.

Переодѣтые солдатами они уходятъ съ бретонцами; по дорогѣ они имѣютъ полную возможность констатировать истинныя чувства народа, который они считали проникнутымъ сознаніемъ своихъ правъ и политической инициативой. Мнимые граждане и республиканцы, съ которыми они имѣютъ дѣло, въ сущности—бывшіе подданные Людовика XVI-го, будущіе подданные Наполеона, то есть администраторы и управляемые, дисциплинированные сердцемъ и подчиненные инстинктомъ, имѣющіе потребность въ правительствѣ подобно тому, какъ овцы имѣютъ потребность въ пастухѣ и сторожевой собацѣ, переносящіе и пастуха и сторожевую собаку, только бы они имѣли подходящий внѣшній видъ, даже когда пастухъ—мясникъ, даже когда сторожевая собака—волкъ. Избѣгать изолированности, какъ можно скорѣе присоединиться къ самой скученной массѣ, всегда держаться гуртомъ, поэтому слѣдовать указаніямъ свыше, объединяющимъ разсѣявшихся, таковъ инстинктъ стада.

Въ баталіонѣ федералистовъ начинаютъ говорить о томъ, что разъ конституція принята и Конвентъ признанъ, нечего болѣе защищать депутатовъ, которыхъ онъ поставилъ внѣ закона. «Это значило бы

составлять заговоръ». Послѣ этого депутаты отдѣляются отъ бретонцевъ и ихъ маленькая кучка продолжаетъ идти отдѣльно. Такъ какъ ихъ девятнадцать человекъ, рѣшительныхъ и хорошо вооруженныхъ, власти мѣстечекъ, черезъ которыя они проходятъ не оказываютъ имъ сопротивленія. Для того чтобы воспрепятствовать имъ пройти нужно выступить активно, а это слишкомъ много требовать отъ чиновника; впрочемъ населеніе относится къ нимъ безразлично и даже съ нѣкоторой симпатіей. Но ихъ стараются удержать, иногда окружить, или заставить врасплохъ, такъ какъ въ іерархической цѣпи имъ переданъ приказъ арестовать депутатовъ и каждый мѣстный администраторъ считаетъ себя обязаннымъ играть роль жандарма. Поэтому бѣглецамъ, охваченнымъ со всѣхъ сторонъ этой административной цѣпью, остается только бѣжать моремъ.

Прибывъ въ Бордо они находятъ тамъ другихъ овецъ приготовляющихся къ бою. Мэръ Сэжъ проповѣдуетъ примиреніе и терпѣніе. Онъ отказывается отъ услугъ четырехъ-пяти тысячъ молодыхъ людей, трехъ тысячъ гренадеръ національной гвардіи, двухъ-трехъ сотъ всадниковъ, добровольцевъ объединившихся противъ якобинскаго клуба, онъ предлагаетъ имъ разсѣяться, посылаетъ въ Парижъ умиловительную депутацію, чтобы добиться отъ Конвента забвенія «минуты ошибки и прошенія заблудшихся братьевъ».

«Льстили себя надеждой, говоритъ одинъ депутатъ, очевидецъ этихъ событій, что быстрое подчиненіе успокоитъ неудовольствіе тирановъ и что они будутъ настолько великодушными, что пошадятъ городъ, болѣе всѣхъ другихъ отличившійся во время революціи».

До самаго конца жители Бордо сохраняютъ эти иллюзіи и будутъ являть свидѣтельство такого же послушанія. Когда Тальенъ войдетъ въ Бордо съ своими 1800 крестьянъ и разбойниковъ, двѣнадцать тысячъ солдатъ національной гвардіи, вооруженные, экипированные, въ полной формѣ, выйдутъ встрѣтить ихъ съ дубовыми вѣнками. Они молча выслушаютъ его громовую и оскорбительную рѣчь и у командировъ ихъ безъ всякихъ протестовъ вырвутъ дубовыя вѣтви, сорвутъ съ нихъ кокарды, эполеты. Батальоны тутъ же расформируются по приказанію Тальена и вернувшись домой начальники и солдаты съ опущенной головой выслушиваютъ прокламацію, предписывающую «всѣмъ жителямъ безъ различія, въ теченіе тридцати шести часовъ, подъ угрозой смерти, сдать оружіе на крѣпостномъ валу; до окончанія срока жителями сдаются тридцать тысячъ ружей, сабли, пистолеты и даже перочинные ножи».

Здѣсь, какъ въ Парижѣ 20 іюня, 10 августа, 2 сентября, 31 мая и 2 іюня, какъ въ провинціи и въ Парижѣ во всѣхъ рѣшительныхъ фазисахъ Революціи, привычка покорности и субординаціи, воспринятая при административной монархіи и вѣковой цивилизаціи, притупили въ человекѣ предвидѣніе опасности, воинствующій инстинктъ, способность рассчитывать только на себя, стремленіе къ самопомощи. Когда анархія приводитъ подобную націю къ естественному состоянію, прирученныя животныя неизмѣнно пожираются дикими звѣрями, естественныя наклонности которыхъ тотчасъ же сказываются, какъ только они вырываются на свободу.

VIII.

Если бы люди Горы были государственными, или только по крайней мѣрѣ умными людьми, они выказали бы себя человѣчными, если не изъ человѣчности, то хоть бы изъ расчета, такъ какъ въ этой столь мало республиканской Франціи было не слишкомъ много республиканцевъ для основанія Республики и благодаря своимъ принципамъ, своей культурѣ, своему социальному положенію, своему количеству, жирондисты были избранной частью и силой, сокомъ и цвѣтомъ партіи.

Когда Гора преслѣдовала и казнила инсургентовъ Лозеры и Вандеи — это вполнѣ понятно, вѣдь они развернули бѣлое знамя, они получаютъ своихъ начальниковъ и свои инструкціи изъ Кобленца и Лондона. Но ни Бордо, ни Марсель, ни Лионъ не являются роялистскими городами и не входятъ въ сношенія съ границей.

«Мы—мятежники?! пишутъ лионцы, но у насъ развѣвается только трехцвѣтное знамя, бѣлая кокарда, символъ возстанія, никогда не появляясь въ нашихъ стѣнахъ. Мы роялисты?! но вѣдь крики да здравствуетъ Республика! слышатся со всѣхъ сторонъ и не побуждаемые никѣмъ въ засѣданіи 2 іюля мы всѣ дали клятву преслѣдовать всякаго, кто бы предложилъ короля... Ваши представители вамъ говорятъ, что мы контръ-революціонеры, а мы приняли конституцію. Они васъ убѣждаютъ, что мы покровительствуемъ эмигрантамъ, а мы предложили имъ выдать всѣхъ, на кого они только могли бы намъ указать. Они вамъ говорятъ, что улицы наши переполнены непокорными священниками, а мы даже не выпустили изъ тюрьмы тридцать двухъ священниковъ, брошенныхъ туда прежнимъ муниципалитетомъ безъ всякаго суда, безъ доноса съ чьей либо стороны, только потому что они были священниками».

Такимъ образомъ въ Лионѣ мнимые аристократы были тогда не только республиканцами, но демократами и радикалами, вѣрными утвердившемуся режиму, подчиняющимися самымъ худшимъ революціоннымъ законамъ. Совершенно такое же положеніе было въ Бордо, Марсели, даже Тулонѣ. Возстаніе въ Тулонѣ, въ своемъ началѣ жирондистское, вспыхнуло 14 іюля. Новая администрація Тулона пишетъ въ своемъ посланіи къ Конвенту слѣдующее: «Мы желаемъ единой и нераздѣльной Республики; у насъ не видно никакихъ признаковъ мятежа... Представители Баррасъ и Ферронъ гнусно лгутъ выставляя насъ контръ-революціонерами, находящимися въ сношеніяхъ съ англичанами и фанатиками Вандеи». Администрація Тулона продолжаетъ снабжать провіантомъ французскія войска въ Италіи. 19 іюля англійская шлюпка посланная для парламентарскихъ переговоровъ, вынуждена была поднять трехцвѣтное знамя. Вступленіе англичанъ въ Тулонъ произошло только 29 августа.

Болѣе того, населеніе этихъ городовъ примирилось съ событіями 31 мая и 2 іюня. Такъ въ посланіи жителей Лиона къ народнымъ представителямъ говорится: «Населеніе Лиона всегда соблюдало законы и если подобно нѣкоторымъ другимъ департаментамъ, департаментъ Роны и Луары ошибочно понялъ происшествія 31 мая, то онъ поспѣшилъ, какъ только онъ понялъ, что Конвентъ вполнѣ свободенъ

въ своихъ дѣйствіяхъ, признать его и привести въ исполненіе его декреты. И еще до сихъ поръ всѣ декреты, которые могутъ дойти до него республикуваются и соблюдаются въ его стѣнахъ». Пере-стали оспаривать узурпаціи Парижа, не требовали болѣе возвращенія исключенныхъ депутатовъ. 2 августа въ Бордо, 30 іюля въ Ліонѣ, чрезвычайная Коммиссія общественнаго спасенія, сложила съ себя полномочія; такимъ образомъ, не существовало болѣе никакого соперничавшаго съ Конвентомъ собранія. Уже 24 іюля Ліонъ торжественно призналъ центральную и верховную власть и заявлялъ притязанія только на свои муниципальныя вольности. Администрація департамента Роны и Луары заявляетъ Конвенту: «Мы обращаемся къ Конвенту съ заявленіемъ, что отрекаемся отъ сдѣланнаго и сказаннаго и препровождаемъ ему декларацію выпущенную сегодня властями города Ліона. Разъ мы подчиняется закону, мы должны пользоваться его покровительствомъ. Мы просимъ Конвентъ обсудить наше отреченіе и взять обратно касающіеся насъ декреты, такъ какъ у насъ всегда были возрѣнія истинныхъ республиканцевъ».

Болѣе того, для разительнаго доказательства политической правобѣрности генеральный совѣтъ департамента установилъ гражданскій праздникъ 10 августа, аналогичный празднику въ Парижѣ. Уже блокированные Ліонцы не позволяли себѣ никакого враждебнаго акта; 7 августа они вышли брататься съ первыми войсками, посланными противъ нихъ. Они уступали во всемъ, за исключеніемъ одного пункта, въ которомъ не могли уступить не губя себя, я говорю объ увѣренности, что они не будутъ преданы безъ всякой защиты неограниченному произволу ихъ мѣстныхъ тирановъ, грабежамъ, про-скрипціямъ, мести ихъ якобинской сволочи. Въ сущности, въ Марсели, въ Бордо, въ особенности въ Ліонѣ и Тулонѣ секціи поднялись только для этого: внезапнымъ и самопроизвольнымъ усиленіемъ народъ отвелъ ножъ, который горсть негодяевъ поднесла къ его горлу, онъ не хотѣлъ подвергнуться сентябрьскимъ избіеніямъ, вотъ и все. Онъ открылъ ворота только съ тѣмъ, чтобы не предали его, связавъ по рукамъ и ногамъ, въ руки убійць.

Этой незначительной цѣной Гора имѣла возможность окончить гражданскую войну до конца іюля, ей нужно было только слѣдовать примѣру Роберта Линде, который въ Эвре, родинѣ Бюзо, въ Каентѣ, родинѣ Шарлоты Кордэ и центрѣ бѣжавшихъ жирондистовъ, водворилъ полный порядокъ, благодаря выказанной имъ умѣренности и сдержаннымъ имъ обѣщаніямъ. Очень вѣроятно, что средства, которыми умиротворили самую скомпрометированную провинцію, по-дѣйствовали бы благотворно и на другія провинціи и благодаря этой политикѣ къ Парижу безъ боя присоединились бы столица центральной Франціи, столица Юго-Запада и столица Юга.

Напротивъ, упорно навязывая имъ господство маратистовъ, рисковали бросить ихъ въ объятія врага. Не желая вновь попасть въ добычу бандитамъ, ограбившимъ и разрушившимъ его, изнуренный голодомъ Тулонъ рѣшился принять въ свои стѣны ан гличанъ и выдать имъ громадный арсеналъ южной Франціи. Не менѣе терпя отъ голода Бордо могъ соблазниться этимъ примѣромъ и потребовать помощи отъ другаго англійскаго флота. Въ нѣсколько це-

реходовъ пьемонтская армія могла дойти до Ліона; Франція была бы тогда раздѣлена на двое, Югъ былъ бы отрѣзанъ отъ Сѣвера и этотъ проектъ возмутить Югъ противъ Сѣвера былъ предложенъ союзникамъ однимъ изъ самыхъ дальновидныхъ ихъ совѣтниковъ. Если бы они послѣдовали его совѣту, отечество навѣрное погибло бы.

Во всякомъ случаѣ было опасно доводить инсургентовъ до отчаянія, такъ какъ люди съ сердцемъ не могли колебаться между неограниченной диктатурой ихъ торжествующихъ убійцъ и выстрѣлами осаждающей арміи. Лучше стоило биться на укрѣпленіяхъ, чѣмъ дать себя связать для гильотины. Они были притиснуты къ эшафоту и единственнымъ ихъ выходомъ было защищаться до послѣдней крайности.

Такимъ образомъ, благодаря своимъ требованіямъ Гора обрекала себя на необходимость приступить къ осадѣ нѣсколькихъ городовъ или къ блокадѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Такъ, республиканскія войска вошли въ Ліонъ 9 октября, въ Тулонъ 19 декабря. Бордо покорился 2 августа, выведенный изъ себя декретомъ 6 августа, осуждающимъ на изгнаніе всѣхъ пособниковъ мятежа, городъ выгоняетъ 19 августа депутатовъ Бодо и Изобо. Онъ снова покоряется 19 сентября. Но возмущеніе населенія такъ велико, что Тальенъ съ тремя своими коллегами рѣшается вѣхаться въ городъ только 16 октября. Горѣ приходилось убрать войска изъ Вара и Савойи, исчерпать свои арсеналы, употребить противъ французовъ сто тысячъ солдатъ, которые были такъ необходимы Франціи для дѣйствій противъ виѣшняго врага. Потребовалась армія въ 70.000 ч. для усмиренія Ліона и 60.000 ч. для усмиренія Тулона и все это въ тотъ моментъ, когда иностранцы овладѣвали Валенсіенномъ и Майнцомъ, когда въ Лозеръ возставали тридцать тысячъ роялистовъ, когда главная вандейская армія осаждала Нантъ, когда каждый новый очагъ пожара грозилъ соединиться съ пожаромъ, пылавшимъ на границѣ и съ пожаромъ, постоянно охватывавшемъ католическія мѣстности.

Политическій агентъ Шепи доносилъ изъ Гренобля относительно положенія дѣла на границѣ: «Пьемонтцы завладѣли Клузомъ. Большое количество горцевъ присоединилось къ нимъ. Въ Аннеси женщины срубили дерево свободы и сожгли архивъ клуба и коммуны. Въ Шамбери народъ хотѣлъ сдѣлать тоже самое, но вооружили лежавшихъ въ больницѣ и такимъ образомъ его остановили».

Вылитымъ во время ведромъ холодной воды Гора могла еще потушить пламя, которое она зажгла въ крупныхъ республиканскихъ городахъ, въ противномъ случаѣ ей оставалось только дать ему разрастись, разжигать его своими собственными руками, рискуя воспламенить отечество, не имѣя никакой другой надежды, какъ потушить пожаръ подъ грудю развалинъ, не имѣя никакой другой цѣли, какъ царить надъ побѣжденными, надъ плѣнными и надъ мертвецами.

Но именно это и составляетъ цѣль якобинца, такъ какъ онъ довольствуется только неограниченнымъ подчиненіемъ, онъ хочетъ царствовать во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами, на какихъ бы то ни было развалинахъ. Онъ деспотъ по инстинкту и по своему существу и догматъ помазалъ его на царство,

онъ король по естественному и божественному праву, подобно какому нибудь Филиппу II испанскому, получившему помазаніе на царство отъ инквизиціи. Вотъ почему онъ не можетъ отступить ни отъ малѣйшей доли своего авторитета, не нарушивъ принципа, или вступить въ переговоры съ мятежниками, за исключеніемъ случаевъ, когда они сдаются на полную его милость. Уже однимъ тѣмъ, что они возстали противъ законнаго суверена, они стали измѣнниками и злодѣями. Есть ли болѣе ужасные злодѣи, чѣмъ эти лжебратья, которые оказали сопротивленіе въ тотъ моментъ, когда партія послѣ трехъ лѣтъ ожиданія и усилій наконецъ-таки захватывала въ свои руки власть!

Въ Нимѣ, Тулузѣ, Бордо, Тулонѣ и Лионѣ они не только предотвратили переворотъ имѣвшій мѣсто въ Парижѣ, но они сокрушили зачинщиковъ, закрыли клубъ, обезоружили фанатиковъ, арестовали главныхъ маратистовъ. Болѣе того, въ Тулонѣ и Лионѣ пять или шесть погромщиковъ или зачинщиковъ убиты, Шалье и Ріаръ, Жассо, Сильвестръ и Лемайль, преданные суду, были присуждены къ смерти и казнены, послѣ судебного процесса, проведеннаго съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей.

Вотъ преступленіе, искупить которое невозможно, такъ какъ въ этомъ процессѣ затрагивается Гора. Принципы Сильвестра и Шалье—ея принципы. Они попытались сдѣлать въ провинціи то, что она сдѣлала въ Парижѣ, если они виновны, значитъ виновна и она, она не можетъ согласиться на ихъ наказаніе, не давши согласія на свое. Поэтому она должна провозгласить ихъ героями и мучениками, она должна канонизировать ихъ память, она должна отомстить за ихъ мученія, она должна продолжать ихъ посягательства, она должна предоставить должное мѣсто ихъ сообщникамъ, она должна ихъ сдѣлать всемогущими, она должна отдать каждый мятежный городъ во власть его черни и злоумышленниковъ.

Какое значеніе имѣетъ то обстоятельство, что якобинцы находятся въ меньшинствѣ, что въ Бордо на ихъ сторонѣ стоятъ только четыре секціи изъ двадцати восьми, что въ Марсели за нихъ стоятъ только пять секцій изъ тридцати двухъ, что въ Лионѣ у нихъ всего только тысяча пятьсотъ приверженцевъ. Но голоса идутъ не на счетъ, а на вѣсъ, такъ какъ право основывается не на количествѣ, а на патріотизмѣ и суверенный народъ состоитъ только изъ санкюлотовъ. Тѣмъ хуже для городовъ, въ которыхъ контръ-революціонное большинство такъ значительно, тѣмъ болѣе они опасны. Подъ ихъ республиканскими проявленіями скрывается враждебность прежнихъ партій и подозрительныхъ классовъ, умѣренныхъ, фейльановъ и роялистовъ, вущцовъ, юристовъ, и рентье и «мускусниковъ». Это гнѣзда гадовъ, остается только ихъ уничтожить.

IX

И дѣйствительно, подчиняются они или нѣтъ, ихъ уничтожаютъ. Измѣнниками отечеству объявляются не только члены департаментскихъ комитетовъ, но, напримѣръ, въ Бордо, всѣ тѣ, «которые принимали участіе или соглашались съ дѣйствіями Коммисіи обще-

ственного спасенія», въ Ліонѣ всѣ администраторы, чиновники и офицера, принимавшіе участіе въ созывѣ или допустившіе созывъ конгресса департамента Роны и Луары», болѣе того, «всякій человекъ, сынъ котораго или приказчикъ, или слуга, или рабочій носили оружіе или способствовали усиленію средствъ сопротивленія», то есть вся національная гвардія, которая вооружилась и почти все населеніе, которое пожертвовало деньгами или вотировало въ секціяхъ.

Въ силу декрета всѣ диссиденты объявлены «вне закона», то есть ихъ можно гильотинировать. для этого достаточно просто удостовѣренія ихъ личности, и имущество ихъ конфискуется. Поэтому въ Бордо, гдѣ не было дано ни одного выстрѣла, мэра Сэжа, главнаго виновника подчиненія, тотчасъ же ведутъ на эшафотъ безъ всякихъ процессуальностей и за нимъ слѣдуютъ еще 881 ч. среди мрачнаго безмолвія смущеннаго народа.

«Казнь мэра Сэжа, котораго народъ очень любилъ за расточаемыя имъ вокругъ себя благодѣянія, говоритъ Дегранжъ, сильно опечалила народъ, но не было слышно ни одного преступнаго ропота». «Нѣсколько времени тому назадъ, пишетъ Жюльенъ Комитету общественнаго спасенія, мрачное молчаніе во время засѣданій военной коммисіи было отвѣтомъ народа на смертные приговоры выносимые заговорщикамъ. То же самое безмолвіе свировождало ихъ на эшафотъ. Казалось вся Коммуна тайнѣ сокрушалась объ ихъ казни.»

200 крупныхъ негоціантовъ арестовываютъ въ одну и ту же ночь, болѣе 1500 человекъ бросаютъ въ тюрьму, облагаютъ данью всѣхъ состоятельныхъ людей, даже тѣхъ, къ которымъ нельзя было предъявить какихъ бы то ни было политическихъ обвиненій. «Богатые эгоисты» обложены штрафомъ въ девять милліоновъ. Напримеръ, одинокъ обвиненный «въ безопасности и политической умѣренности», принужденъ внести 20.000 франковъ, за то что онъ не впрягся въ колесницу Революціи». Другой «обвиненный въ томъ, что онъ выказывалъ презрѣніе своей секціи и бѣднякамъ, такъ какъ жертвовалъ всего 30 ливровъ въ мѣсяцъ», облагается штрафомъ въ 1.200.000 ливровъ и новыя власти, мэръ-мошенникъ и двѣнадцать негодяевъ, составляющихъ революціонный комитетъ, торгуютъ жизнью и имуществомъ гражданъ.

«Въ Марсели, говоритъ Дантонъ, нужно дать хорошій урокъ купеческой аристократіи, мы должны выказать себя столь же справедливыми по отношенію къ купцамъ, какъ къ дворянамъ и священникамъ». Послѣ этого 12.000 человекъ попадаютъ въ проскрипціонныя листы и имущество ихъ продается съ торговъ. Съ самаго же перваго дня гильотина усиленно работала, тѣмъ не менѣе депутатъ Фреронъ держится того мнѣнія, что она дѣйствуетъ медленно и находитъ средство ускорить ея дѣйствіе.

«Военная коммисія, которую мы учредили вмѣсто революціоннаго трибунала, пишетъ онъ самъ, дѣйствуетъ необычайнымъ темпомъ противъ заговорщиковъ... Они падаютъ подобно граду подъ мечемъ закона. Четырнадцать человекъ уже заплатили своей головой за свои гнусныя измѣны. Завтра должны быть гильотинированы

еще шестнадцать, почти всё начальники легионовъ, нотариусы, секционеры, члены народнаго трибунала; завтра три купца будутъ также танцовать карманьолу». Все должно погибнуть, и люди, и вещи, онъ хочетъ разрушить городъ и предлагаетъ засыпать портъ. Съ большимъ трудомъ удается его остановить и онъ довольствуется тѣмъ, что разрушаетъ «гнѣзда аристократіи», двѣ церкви, концертную залу, окружающіе дома и двадцать три зданія, въ которыхъ засѣдали мятежныя секціи.

Въ Лионѣ, для того чтобы увеличить добычу, представители смутными общаніями постарались сначала успокоить промышленниковъ и негодянтовъ, которые снова открыли свои магазины и вынули изъ тайниковъ драгоценныя товары, приходныя книги. Немедленно выставленная на показъ добыча захватывается; составляютъ «списокъ всего имущества, принадлежащаго богатымъ и контръ-революціонерамъ», «конфискуютъ ихъ въ пользу патріотовъ города», налагаютъ кромѣ того штрафъ въ шесть милліоновъ, который долженъ быть уплаченъ въ теченіе недѣли тѣми, которыхъ еще можетъ пощадить конфискація, провозглашаютъ принципъ, что излишекъ каждаго человѣка естественное наслѣдіе санюлотовъ и что, если онъ сохраняетъ что-либо свыше самаго необходимаго, онъ совершаетъ воровство и наноситъ ущербъ націи.

Согласно этому правилу, благодаря общему и производящемуся въ теченіе шести мѣсяцевъ грабежу все имущество города съ 120.000 населеніемъ попадаетъ въ руки его подонковъ. Тридцать два революціонныхъ комитета накладываютъ печати на секвестрированныя дома и магазины, не составивъ инвентаря, выгоняютъ оттуда женъ, дѣтей, слугъ, «чтобы не имѣть свидѣтелей», оставляютъ у себя ключи, чтобы входить и выходить, когда имъ вздумается или устраиваются тамъ, чтобы проводить время въ оргіяхъ съ дѣвками.

Въ то же самое время гильотинируютъ, разстрѣливаютъ изъ ружей, обстрѣливаютъ картечью; официально революціонная коммисія сознается въ 1682 убійствахъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ, а близкій къ Робеспьеру чловѣкъ утверждаетъ, по секрету, что ихъ было 6.000. Кузнецы приговариваются къ смертной казни за то, что они подковывали лошадей лионской кавалеріи, пожарные, за то что они потушили пожаръ, вспыхнувшій отъ республиканскихъ бомбъ, одну вдову приговариваютъ къ смерти за то, что она платила военную контрибуцію во время осады, рыбныхъ торговцевъ за то, что онѣ отнесли къ патріотамъ безъ должнаго уваженія. Это попросту организованныя, узаконенныя сентябрьскія избіенія, дліящаяся продолжительное время. Авторы ихъ такъ отлично понимаютъ это, что не скрывая такъ и называютъ событія въ своей публичной перепискѣ.

Въ Тулонѣ положеніе еще ужаснѣе, тамъ убиваютъ массами, почти на удачу. Хотя самые скомпрометированные жители въ количествѣ 4.000 и бѣжали на англійскія суда, тѣмъ не менѣе, по словамъ депутатовъ, виновенъ весь городъ. Фрерона встрѣчаютъ четыреста торговыхъ рабочихъ. Тотъ, въ виду того что они работали во время англійской оккупаци, на мѣстѣ предаетъ ихъ смертной казни. Отдается приказаніе «добрымъ гражданамъ отправиться на Марсово поле подъ угрозой смерти», туда являются

3.000 человекъ. Фреронъ, окруженный пушками и войсками, является верхомъ, съ сотней маратистовъ, бывшихъ сообщниковъ Лемайя, Сильвестра и другихъ завѣдомыхъ убійцъ—это его мѣстные пособники и совѣтчики. Онъ предлагаетъ имъ выбрать въ толпѣ кого они пожелаютъ, по своему капризу, руководясь жаждой мести или завистью. Всѣхъ указанныхъ ими выстраиваютъ вдоль стѣны и разстрѣливаютъ. На слѣдующій же день операція возобновляется и продолжается въ послѣдующіе дни. Фреронъ пишетъ 16 нивоза, что уже разстрѣляно 800 тулонцевъ. «Разстрѣлы, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, и разстрѣлы, пока совершенно не будетъ измѣнниковъ». Затѣмъ въ теченіе трехъ слѣдующихъ мѣсяцевъ гильотина кончается съ 1.800 гражданами; одиннадцать молодыхъ женщинъ сразу поднимаются на эшафотъ во славу Республики, девносточетырехлѣтняго старика приносятъ туда на носилкахъ. Съ двадцати восьми тысячъ численность населенія падаетъ до шести или семи тысячъ.

Всего этого не довольно. Необходимо, чтобы оба города, осмѣлившіеся выдержать осаду, исчезли съ лица земли. Конвентъ объявляетъ, «что городъ Лионъ будетъ уничтоженъ, всѣ зданія гдѣ обитали богачи будутъ срыты, останутся только дома бѣдняковъ, «дома убитыхъ и изгнанныхъ патріотовъ, зданія специально занятія для цѣлей промышленности, памятники, посвященные человечеству и народному просвѣщенію». Точно также и въ Тулонѣ «дома въ городѣ будутъ срыты, оставлены будутъ только помѣщенія необходимые для военныхъ цѣлей, нуждъ интендантства и снабженія провіантомъ». Поэтому въ Варѣ и сосѣднихъ департаментахъ набираются 12.000 каменщиковъ для срытія Тулона.

Въ Лионѣ 14.000 рабочихъ разрушаютъ замокъ Пьеръ-Ансьезъ, чудные дома Белькурской площади, Сенъ-Клерской набережной, Фландрской, Бургневской и многихъ другихъ улицъ. Вся эта операція обходится въ 400.000 ливровъ въ декаду. Въ шесть мѣсяцевъ Республика тратитъ пятнадцать милліоновъ для уничтоженія цѣнностей въ триста или четыреста милліоновъ, принадлежащихъ Республикѣ же. Со времени монголовъ пятого и тринадцатаго вѣковъ міръ еще не былъ свидѣтелемъ такихъ громадныхъ и безразсудныхъ разрушеній, такой ярости противъ самыхъ полезныхъ созданій человеческой промышленности и цивилизаціи.

Со стороны монголовъ, бывшихъ кочевымъ народомъ, эти разрушенія еще понятны, они стремились превратить землю въ обширную степь. Но разрушить городъ, арсеналъ и портъ котораго сохраняется, уничтожить людей стоящихъ во главѣ промышленности и ихъ дома въ городѣ, въ которомъ сохраняютъ рабочихъ и мануфактуры, сохранить родникъ, уничтоживъ ручей, или наоборотъ сохранить ручей, уничтоживъ родникъ, столь нелѣпый проектъ могъ родиться только въ головѣ якобинца. Голова его такъ разгорячена, что онъ не сознаетъ противорѣчій, жестокая глупость варвара сталкивается съ *idée fixe* инквизитора, на землѣ есть мѣсто только для него и для подобныхъ ему правовѣрныхъ. Съ нелѣпымъ мрачнымъ паэосомъ онъ объявляетъ объ уничтоженіи еретиковъ. Не только вмѣстѣ съ ними будутъ уничтожены ихъ памятники и жилища, но даже по-

слѣднія слезы ихъ будутъ истреблены и имена ихъ будутъ вычеркнуты изъ людской памяти.

«Название Тулонъ будетъ уничтожено, эта коммуна будетъ отнынѣ называться Поръ-ла-Монтанъ». «Название Лиона будетъ вычеркнуто изъ ряда названій городовъ Республики, отнынѣ собраніе сохранившихся домовъ будетъ называться «Освобожденный городъ». На развалинахъ Лиона будетъ воздвигнута колонна со слѣдующей надписью: *Лионъ велъ войну противъ свободы. Лиона больше нѣтъ*». Депутаты-уполномоченные хотѣли также уничтожить названіе Марселя. «Название Марсель, которое носитъ еще этотъ преступный городъ будетъ измѣнено. Національному Конвенту будетъ предложено дать ему другое названіе. Временно онъ будетъ лишень всякаго названія». Дѣйствительно въ нѣсколькихъ позднѣйшихъ актахъ Марсель называется *Коммуна безъ названія*.

X.

Это дѣлается не для того, чтобы пощадить въ Парижѣ вожаконъ возстанія или партіи, депутатовъ, генераловъ или министровъ, напротивъ крайне необходимо довести до конца подчиненіе Конвента, заглушить ропотъ правой стороны, заставить замолчать Дюкоса, Бойе-Фонфреда, Вернье, Куэ, которые все еще говорятъ и протестуютъ. Вотъ почему каждую недѣлю приказы объ арестѣ или смертные приговоры, посылаемые съ вершины Горы поражаютъ большинство, подобно ружейнымъ выстрѣламъ произведеннымъ въ толпу. 15 іюня — приказъ объ арестѣ Дюшателя, 17 — Барбару, 23 — Бриссо, 8 іюля — Деверите и Кондорсе, 14 — Лозъ-Деперре и Фоше, 30 — Дюпра младшаго, Валле и Менвиелля, 2 августа — Руйе, Брюнеля и Карра-Карра; Лозъ-Деперре и Фоше, бывшихъ въ числѣ присутствующихъ въ засѣданіи, арестовываютъ тутъ же. Это весьма ощутительное предупрежденіе, нѣтъ болѣе дѣйствительнаго, чтобы сокрушить не желающихъ подчиниться.

Обвинительные декреты вынесены — 18 іюля противъ Кустара, 28 іюля противъ Женсонне, Ласурсъ, Верньо, Моллево, Гардіена, Гранжнева, Фоте, Буало, Валазе, Кюсси, Мейллано. — Каждый изъ нихъ знаетъ, что трибуналъ передъ которымъ они должны явиться — прихожая гильотины.

12 іюля объявлены приговоры Биротто, 28 іюля Бюзо, Барбару, Горсасу, Ланжюине, Саллю, Луве, Бергоену, Пепону, Гуаде, Шассе, Шамбону, Лидону, Валади, Дефермону, Кервелегану, Ларивьеру, Рабо-Сентъ-Этьенну и Лесажу; всѣ они объявлены измѣнниками, поставлены внѣ закона и ихъ поведутъ на эшафотъ безъ всякаго суда.

Наконецъ 3 октября въ самомъ собраніи удачнымъ ловомъ захватываютъ всѣхъ тѣхъ, которые кажутся еще способными быть хотя бы сколько нибудь независимыми. Предварительно доблэдчикъ Комитета общественной безопасности отдаетъ приказаніе закрыть двери залы, затѣмъ послѣ высокопарной и клеветнической рѣчи, продолжающейся два часа, онъ прочитываетъ два проскрипціонныхъ листа: сорокъ пять болѣе или менѣе выдающихся депутатовъ Жи-

ронды будутъ тотчасъ же преданы революціонному трибуналу, другіе семьдесятъ три депутата, подписавшіе тайные протесты противъ 31 мая и 2 іюня будутъ заключены въ арестные дома. Никакое обсужденіе не допускается, большинство даже не осмѣливается высказать свое мнѣніе. Нѣкоторые изъ опальныхъ пытаются оправдаться, но якобинцы отказываются ихъ выслушать. Одни монтаньяры имѣютъ права голоса и при томъ пользуются имъ для того чтобы внести добавочно въ проскрипціонные листы своихъ личныхъ враговъ: такъ Левассеръ вноситъ Виже, Дюруа—Тишу.

По мѣрѣ того, какъ ихъ вызываютъ по фамиліямъ всѣ несчастные присутствующіе покорно «толпятся у рѣшетки, подобно овцамъ предназначаемымъ къ отсылки въ бойни», тутъ ихъ раздѣляютъ на двѣ части, съ одной стороны семьдесятъ три, съ другой десять или двѣнадцать, которые, вмѣстѣ съ уже находящимися въ тюрьмѣ жирондистами, составятъ сакраментальное и популярное число двадцати двухъ измѣнниковъ, смерть которыхъ является необходимостью для якобинскаго воображенія.

Для всякаго, кто задумалъ бы имъ подражать или ихъ защищать, обхожденіе съ ними монтаньяровъ является достаточнымъ урокомъ. Среди проклятій и оскорбленій стоявшихъ на ихъ пути мегеръ, этихъ семьдесятъ трехъ депутатовъ приводятъ въ уже переполненную арестанскую мѣрн, они проводятъ тамъ ночь на ногахъ или приткнувшись на скамейки, почти задыхаясь отъ спертаго воздуха. На слѣдующій день ихъ бросаютъ въ тюрьму убійць и воровъ, въ Форсъ, и помѣщаютъ въ шестомъ этажѣ, подъ крышей; чердакъ этотъ такъ узокъ, что кровати ихъ соприкасаются и два депутата за неизмѣнимъ кровати, спятъ на полу. У лѣстницы и подъ слуховымъ окномъ помѣщаются двѣ кѣтки съ свиньями, общія отхожія мѣста въ глубинѣ комнаты и ночная «параша», окончателно отравляли воздухъ уже испорченный скопленіемъ людей, постели ихъ—простые соломенные мѣшки, кишачіе насѣкомыми; депутатовъ кормятъ и содержатъ какъ каторжниковъ. Они еще должны быть счастливы, что такъ дешево отдѣлались, такъ какъ Амаръ назвалъ ихъ заговорщиками за ихъ обычное молчаніе на засѣданіяхъ и другіе монтаньяры хотѣли бы и ихъ тоже предать революціонному трибуналу. По крайней мѣрѣ условлено, что Комитетъ общественной безопасности разсмотритъ ихъ дѣла и сохранить за собою право указать на новыхъ преступниковъ между ними. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ они живутъ такимъ образомъ подъ Дамокловымъ мечемъ и могутъ ждать каждый день, что ихъ пошлютъ вслѣдъ за казненными двадцатью двумя на площадь Революціи.

Что касается этихъ послѣднихъ то монтаньяры заботились не о судѣ надъ ними, а объ ихъ убійствѣ и ихъ мнимые процессы являются юридическимъ убійствомъ. Въ качествѣ обвиненія противъ нихъ выставляютъ клубныя сплетни, ихъ обвиняютъ въ томъ, что они хотѣли возстановить королевскую власть, что они находятся въ сношеніяхъ съ Питтомъ и Кобургомъ, что они подняли Вандею, ихъ вліянію приписываютъ измѣну Дюмурье, убійство Лепелетье, убійство Марата и мнимые свидѣтели, выбранные изъ среды ихъ личныхъ враговъ, являются передъ судомъ и повторяютъ какъ за-

ученный урокъ всю ту же несладкую выдумку, не приводя ни одного точнаго факта, ни одного убѣдительнаго доказательства. Недостатокъ доказательствъ такъ очевиденъ, что судьи вынуждены скомкать какъ можно скорѣе процессъ.

Такъ Фуке-Тенвилль пишетъ Конвенту: «Развѣ каждый обвиняемый не потребуетъ себя слова, послѣ судебного слѣдствія? Этотъ процессъ будетъ безконеченъ. И къ чему тутъ, позволительно спросивъ, свидѣтели? Конвентъ, вся Франція обвиняетъ тѣхъ, которыхъ судятъ. Доказательства ихъ преступленій очевидны. Каждый убѣжденъ въ душѣ, что они виновны... Дѣло Конвента отбросить всѣ формальности, которыя задерживаютъ ходъ судебного разбирательства».

Главнымъ образомъ стараются не дать имъ возможности говорить. Логика Гаде, краснорѣчіе Верньо могли бы все испортить въ послѣдній моментъ. Вотъ почему неожиданный декретъ разрѣшаетъ трибуналу прекратить судебное разбирательство, какъ только прижажные найдутъ, что они достаточно ознакомились съ дѣломъ. А ознакомились они съ нимъ къ седьмому засѣданію и смертный приговоръ неожиданно обрушивается на обвиняемыхъ, которые даже не имѣли возможности защищаться. Одинъ изъ нихъ, Валазе, тутъ же закалываетъ себя и на слѣдующій день національный ножъ гильотины отрубилъ двадцать остальныхъ головъ.

Еще большей поспѣшностью отличается процедура противъ обвиняемыхъ, уклонившихся отъ суда. Горсаса, схваченнаго въ Парижѣ 8 октября, гильотинируютъ въ тотъ же день, Биротто, схваченнаго въ Бордо 24 октября, ведутъ на казнь черезъ двадцать четыре часа. Остальные депутаты, преслѣдуемые какъ дикіе звѣри, блуждаютъ переодѣтые, скрываются и большинству изъ нихъ наконецъ таки арестованному предоставляется только выборъ между различными родами смерти. Шамбонъ убитъ съ оружіемъ въ рукахъ, Лидонъ пускаетъ себя пулю въ лобъ послѣ отчаяннаго сопротивленія, Кондорсе отравляется въ кордегардіи Бургъ-ла-Рень, Роланъ на большой дорогѣ прокалываетъ себя шпагой, Клавьеръ закалывается въ тюрьмѣ, трупъ Ребеки находятъ въ водахъ Марсельскаго порта, трупы Перона и Бюза находятъ полуобглоданными волками въ Сентъ-Эмиліонъ, Валади казнятъ въ Периге, Дешезо въ Рошфорѣ, Гражнева, Гаде, Салля и Барбару въ Бордо, Кустара, Кюсси, Рабо-Сентъ-Этьена, Бернара, Масюке и Лебрена въ Парижѣ. Даже Керсенъ и Манюель, сложившіе съ себя депутатскія полномочія еще въ январѣ 1793 г., платятся своей жизнью за то, что сидѣли на правой сторонѣ и конечно г-жа Роланъ, считающаяся главой партіи, умираетъ на эшафотѣ одной изъ первыхъ.

Изъ 180 жирондистовъ руководившихъ Конвентомъ сто сорокъ погибли, или заключены въ тюрьму, или бѣжали отъ угрожавшей имъ смертной казни. Послѣ всего этого оставшіеся депутаты конечно выказываютъ полное послушаніе, Гора не встрѣтитъ сопротивленія ни въ мѣстныхъ властяхъ, ни въ центральной власти, деспотизмъ ея утвердится на практикѣ, остается только провозгласить его въ законѣ.

Страхъ и отвращеніе остатка прежняго большинства сказывается

въ томъ фактѣ, что въ голосованіяхъ принимаетъ участіе самое незначительное количество членовъ Конвента и это тѣмъ болѣе многозначительно, что дѣло идетъ о назначеніи диктаторовъ. Члены Комитета общественнаго спасенія, избраннаго 10 іюля, получаютъ только отъ 100 до 192 голосовъ, члены Комитета общей безопасности, избраннаго 16 іюня, отъ 22 до 113 голосовъ, члены того же Комитета переизбраннаго 11 сентября—только отъ 52 до 108 голосовъ, судьи революціоннаго трибунала, пополненнаго 3 августа—отъ 47 до 65 голосовъ. Мейльанъ говоритъ по поводу перваго учрежденія революціоннаго правительства, 28 августа, по предложенію Базира: «Декретъ этотъ постановленъ 60 или 80 депутатами, предыдущій декретъ былъ вынесенъ большинствомъ 13 противъ 10... Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ на самомъ многочисленномъ засѣданіи не было болѣе 100 активныхъ депутатовъ. Монаньяры объѣзжали департаменты, чтобы обмануть или запугать народъ, остальные, лишившись всякой энергіи, не являлись на засѣданія, или же, если и являлись, воздерживались отъ участія въ преніяхъ и голосованіяхъ».

XI.

Уже 24 августа, по предложенію Базира, Конвентъ декретировалъ, «что Франція будетъ находиться въ состояніи революціи, до тѣхъ поръ, пока независимость ея не будетъ признана».

Смыслъ и мотивы этой деклараціи ясно указаны въ рѣчи Базира: «Со времени принятія конституціи Фейльантизмъ поднялъ голову, возникла борьба между энергичными патриотами и умѣренными. Въ концѣ существованія учредительнаго собранія, фельяны завладѣли словами законъ, общественный порядокъ, миръ, безопасность, чтобы обуздать рвеніе друзей свободы, тѣ же приемы употребляются и теперь. Вы должны разломать оружіе въ рукахъ вашихъ враговъ, которымъ они пользуются противъ васъ. Простое выполненіе конституціонныхъ законовъ, пригодное для мирнаго времени, было бы неумѣстно при существованіи заговоровъ, окружающихъ насъ въ настоящее время».

Это означаетъ, что періодъ лицемѣрныхъ фразъ кончился, что конституція является только ярмарочной вывѣской, что шарлатаны, парадировавшіе ею, въ ней больше не нуждаются, что свободы частныя и общественныя, мѣстныя и парламентскія, уничтожены, что настоящее правительство есть правительство произвола и абсолютизма, что отнынѣ ни одно учрежденіе, ни одинъ законъ, принципъ, догматъ, не гарантируетъ отъ его посягательствъ ни права отдѣльной личности, ни права народа, что имущество и жизнь всѣхъ гражданъ находятся въ полной его власти и что правъ человѣка болѣе не существуетъ.

Шесть недѣль спустя, когда послушаніе Конвента обезпечено, благодаря проскрипціи шестидесяти семи и аресту семидесяти трехъ, все это нагло и официально объявляется съ трибуны.

«При обстоятельствахъ, въ которыхъ теперь находится республика, говорить Сень-Жюсть, конституція не можетъ быть введена,

она будетъ гарантировать посягательства на свободу, потому что она лишена необходимой мощи для ихъ подавленія».

Теперь уже вовсе не необходимо управлять «согласно естественнымъ принципамъ мира и справедливости. Эти принципы хороши для друзей свободы», но между патріотами и недоброжелателями они не могутъ быть въ обращеніи. Эти послѣдніе внѣ закона, они исключены изъ общественнаго договора, они—возставшіе рабы, ихъ должно наказывать. Къ ихъ числу принадлежатъ и «безразличные».

«Вы обязаны наказывать всякаго, кто ведетъ себя въ республикѣ пассивно и ничего не дѣлаетъ въ ея пользу», такъ какъ его инертность—измѣна и благодаря этому онъ долженъ быть причисленъ къ врагамъ республики. «Между народомъ и его врагами нѣтъ ничего общаго кромѣ меча, нужно заносить мечъ надъ тѣми, которыми нельзя управлять справедливостью», необходимо «подавить» монархическое или нейтральное большинство; «республика будетъ прочно основана» только въ тотъ день, когда санкюлоты, единственные представители націи, единственные граждане, *будутъ управлять основываясь на правѣ сильного.*

Режимъ, устанавливаемый проектомъ Сень-Жюста есть режимъ при посредствѣ котораго водворяется олигархія завоевателей и обезпечиваетъ себѣ существованіе среди покоренной націи. Этимъ режимомъ въ Греціи 10,000 спартиатовъ, послѣ дорійскаго нашествія, подчинили себѣ 300,000 плотовъ и періэковъ. Этимъ режимомъ, въ Англіи 60,000 нормановъ, послѣ битвы при Гастингсѣ, подчинили себѣ два милліона саксонцевъ. Этимъ режимомъ въ Ирландіи, послѣ Бейнской битвы, 200,000 англичанъ-протестантовъ обуздали милліонъ ирландцевъ-католиковъ. Подобнымъ же режимомъ 300.000 французскихъ якобинцевъ съумѣютъ подчинить себѣ шесть или семь милліоновъ жирондистовъ, фейльяновъ, роялистовъ или безразличныхъ.

Онъ очень простъ и заключается въ томъ, чтобы держать подвластное населеніе въ крайней слабости и въ крайнемъ страхѣ. Съ этой цѣлью его обезоруживаютъ, его держатъ подъ надзоромъ, ему запрещаютъ всякія дѣйствія сообща, ему показываютъ всегда готовый къ нанесенію ударовъ мечъ и всегда открытыя тюрьмы, его раззоряютъ и его губятъ.

Малле дю-Панъ говоритъ: «Въ настоящій моментъ весь народъ обезоруженъ. Не остается ни одного ружья, ни въ городахъ, ни въ деревняхъ. Если что и доказываетъ сверхъестественное могущество вожаковъ Конвента, такъ это то, что въ одинъ моментъ, однимъ усиліемъ воли и притомъ безъ всякихъ жалобъ и протестовъ, отъ Перпиньяна до Лилля вся нація лишена какихъ бы то ни было средствъ для защиты отъ угнетенія и притомъ съ гораздо большей легкостью, чѣмъ въ 1789 году она вооружилась противъ королевской власти». Другой писатель говоритъ: «Національная гвардія какъ постоянная армія была въ большей части уничтожена лѣтомъ 1793 года и солдаты были постепенно обезоружены. Караулы занимали вездѣ по прежнему, но граждане, за очень немногими исключеніями, были вооружены только пиками и къ тому же имъ не разрѣшалось брать эти пики домой. Каждый изъ нихъ послѣ ухода съ караула возвращалъ свое оружіе, съ большой точностью, чѣмъ если бы онъ

былъ обязанъ это сдѣлать на основаніи статьи капитуляціи, заключенной съ побѣдоноснымъ врагомъ».

Въ теченіе шести мѣсяцевъ декретированы и практикуются всѣ эти строгости, обезоруженіе подозрительныхъ, обложеніе богатыхъ, коммерсантовъ, реквизиціи у домовладѣльцевъ, массовые аресты, суды на скорую руку, произвольные смертные приговоры, смертныя казни на народѣ и притомъ безъ конца. Въ теченіе шести мѣсяцевъ сфабрикованы и дѣйствуютъ всѣ орудія смертной казни, комитетъ общественаго спасенія, комитетъ общей безопасности, полевые проконсулы съ неограниченными полномочіями, мѣстные комитеты, имѣющіе право облагать штрафами и заключать въ тюрьмы кого имъ будетъ угодно, революціонная армія, революціонный судъ. Но за отсутствіемъ внутренней согласованности и центральнаго импульса, машина функционируетъ не вполне исправно и ходъ ея не отличается ни правильностью, ни силой.

«Вы слишкомъ далеко стоите отъ всѣхъ покушеній, говоритъ Сень-Жюсть, нужно чтобы мечъ правосудья обрушивался вездѣ съ быстротой и чтобы вы были вездѣ, для того, чтобы во время остановить преступленіе... Министры сознаются, что они сталиваются съ инертностью и безпечностью, какъ только имѣютъ дѣло съ своими подчиненными, іерархически болѣе отдаленными».

«У всѣхъ правительственныхъ агентовъ, добавляетъ Бильо-Вареннъ, одинаковая апатія... Второстепенныя власти, являющіяся пунктами опоры революціи, только ставятъ ей препоны», декреты, передаваемые по административной цѣпи, доходятъ слишкомъ поздно и примѣняются съ вялостью. «Вамъ недостаетъ той принудительной силы, которая составляетъ принципъ существованія, движенія и исполненія. Всякое сильное правительство должно имѣть центръ воли и прикрѣпленные къ нему рычаги... Нужно, чтобы всѣ эманации общественной силы были почерпнуты исключительно въ первоисточникѣ».

«При обыкновенномъ правительствѣ, говоритъ, наконецъ, Кутонъ, народу принадлежитъ право выбирать, вы не можете отнять у него это право. При чрезвычайномъ правительствѣ, изъ центра должны исходить всѣ импульсы, изъ Конвента должны исходить всѣ выборы... Вы окажете вредъ народу предоставивъ ему право избирать должностныхъ лицъ, потому что вы этимъ заставите его избрать людей, которые впоследствии ему измѣнятъ». Поэтому конституціонные принципы 1789 года уступаютъ мѣсто противоположнымъ принципамъ; вмѣсто того, чтобы подчинить правительство народу, подчиняютъ народъ правительству. Подъ революціонными названіями возстановлена іерархія прежняго режима и отнынѣ власть, гораздо болѣе мощная, чѣмъ власть прежняго режима передается уже не снизу вверхъ, а наоборотъ сверху внизъ.

Надъ всѣмъ стоитъ комитетъ изъ двѣнадцати членовъ, подобно прежнему королевскому совѣту и царствуетъ коллективно. Номинально власть поровну раздѣлена между всѣми двѣнадцатью, фактически она сосредоточивается всего въ нѣсколькихъ рукахъ. Нѣкоторые члены занимаютъ второстепенное положеніе, какъ наприимѣръ, Барреръ, играющій всегда роль оратора или редактора, официального

секретаря, или истолкователя, другіе, специалисты какъ Жанбонъ Сентъ-Андре, Ленде, въ особенности Пріеръ-де-ла-Котъ и Карно, замыкаются каждый въ своей специальной области, морской, военной, продовольственной, въ обмѣнъ чего они даютъ свои подписи политическимъ вожакамъ. А тѣ, такъ называемые «государственные люди», Робеспьеръ, Бутонъ, Сентъ-Жюсть, Бильо-Вареннъ, Колло-д'Эрбуа, являются истинными суверенами и даютъ общее направленіе.

Въ сущности мандаты ихъ должны быть возобновлены каждый мѣсяцъ, но можно быть увѣреннымъ заранѣе, что, въ случаѣ голосованія, другаго результата и быть не можетъ: при положеніи, въ которомъ находится Конвентъ, голосованіе представляетъ изъ себя пустую формальность. Болѣе покорный чѣмъ парламентъ Людовика XIV, онъ безъ преній принимаетъ декреты, докладываемые ему Комитетомъ Общественнаго Спасенія. Онъ является простой канцеляріей, даже менѣе того, такъ какъ онъ отказался отъ права самому образовывать свои собственные внутренніе комитеты, онъ предоставляетъ заботу объ этомъ Комитету Общественнаго Спасенія и цѣликомъ принимаетъ представляемый имъ листъ съ именами кандидатовъ въ члены этихъ комитетовъ. Конечно онъ помѣщаетъ туда только своихъ единомышленниковъ или свои креатуры и такимъ образомъ ему принадлежитъ законодательная и парламентская власть.

Что касается исполнительной и административной власти, то министры стали его прикащиками: «они являются ежедневно, въ указанные часы, получать отъ него постановленія и приказанія», они подносятъ ему на разсмотрѣніе «мотивированный списокъ всѣхъ агентовъ», посылаемыхъ ими въ департаменты и заграницу, они обращаются къ нему за малѣйшими пустяками. Это писцы, простые машины или маневены, столь ничтожны, что въ концѣ концовъ ихъ лишаютъ даже званія министровъ и что для занятія должности «комиссара по вѣшнимъ сношеніямъ» не найдутъ никого лучшаго, чѣмъ бывшего школьнаго учителя, неспособнаго клубиста, биллиарднаго игрока и трактирнаго завсегдатая, еле могущаго читать бумаги, которыя ему приносятъ для подписи въ кафе, гдѣ онъ проводитъ все свое время. Такимъ образомъ представителей исполнительной и административной власти комитетъ превратилъ въ покорныхъ слугъ, а законодателей обратилъ въ аудиторію клаверовъ.

У него двѣ руки для того, чтобы удержатъ ихъ въ повиновеніи. Одна—правая, хватающая людей нежданно негаданно за горло—это Комитетъ общей безопасности, состоящій изъ крайнихъ монтаньяровъ, Паниса, Леба, Жеффруа, Амара, Давида, Вадье, Лебона, Руля, Лавиконтери, предложенныхъ, то есть назначенныхъ имъ самимъ, изъ его довѣренныхъ, его подчиненныхъ. Они его полипейскіе надзиратели и являются разъ въ недѣлю заниматься съ нимъ, подобно тому какъ прежде Сартины, Лелуары являлись съ докладами къ генеральному контролеру. Неожиданно схваченный человекъ, котораго сочли подозрительнымъ, кто бы онъ ни былъ, депутатъ, министръ, генералъ, на слѣдующее утро просыпается въ камерѣ одной изъ десяти новыхъ бастилій.

Тамъ, другая рука схватываетъ его за горло—это революціонный трибуналъ, судъ чрезвычайный, аналогичный чрезвычайнымъ

комиссіямъ прежняго режима, но гораздо болѣе страшный. При содѣйствіи своихъ полицейскихъ Комитетъ Общественнаго Спасенія самъ выбралъ шестнадцать судей, шестьдесятъ присяжныхъ и онъ выбралъ ихъ среди самыхъ подлыхъ, самыхъ грубыхъ, или самыхъ ярыхъ фанатиковъ. Это — Фукье-Тенвиль, Германъ, Дюма, Пайанъ, Флеріо-Леско, за ними священники-апостаты, дворяне-рenegаты, артисты-неудачники, бездарные живописцы, ремесленники, едва умѣющіе писать, столяры, сапожники, плотники, портные, парикмахеры, бывшіе лакеи, идіоты, вродѣ Ганнея, глухіе, вродѣ Леруа. Ихъ имена и званія ясно указываютъ, кто они такіе. Это патентованные убійцы и притомъ наемные. Даже сами присяжные получали по восемнадцати франковъ въ мѣсяцъ, для того чтобы они относились къ своему дѣлу съ большею любовью. А дѣло это состоитъ въ томъ, чтобы осуждать безъ доказательствъ, безъ судебного разбирательства, почти безъ допроса, на спѣхъ, цѣлыми массами, всѣхъ, кого только предастъ имъ Комитетъ Общественнаго Спасенія, даже самыхъ завѣдомыхъ Монтаньяровъ, въ чемъ скоро убѣдится Дантонъ, самъ создатель этого суда. Благодаря двумъ этимъ правительственнымъ приспособленіямъ Комитетъ Общественнаго Спасенія держитъ занесенный ножъ надъ головами всѣхъ гражданъ и всѣ головы изъ страха смерти преклоняются, какъ въ провинціи, такъ и въ Парижѣ.

Какъ въ провинціи, такъ и въ Парижѣ благодаря искаженію мѣстной іерархіи и установленію новыхъ властей его всемогущая воля проявлялась всюду и вездѣ. Прямо, или косвенно «во всемъ что касается правительственныхъ и общественныхъ мѣропріятій, личностей и полиціи общей и внутренней, всѣ установленныя власти и всѣ должностныя лица находятся подъ его надзоромъ». Чтобы заранѣе уничтожить всякое стремленіе къ административной инертности онъ лишилъ департаментскую администрацію слишкомъ могущественной, пользовавшейся слишкомъ большимъ уваженіемъ, «слишкомъ склонной къ федерализму», ея значенія въ департаментѣ и ея «политическаго вліянія», онъ свелъ ея функціи къ распредѣленію податей, къ наблюденію за дорогами и каналами, онъ ее фильтруетъ, онъ такимъ же образомъ фильтруетъ окружную администрацію и муниципальныя учрежденія. Чтобы заранѣе уничтожить всякую возможность народнаго сопротивленія онъ ограничилъ засѣданія секцій двумя въ недѣлю, онъ ввелъ туда путемъ установленія ежедневной платы по сорокъ су на человѣка, большинство санкюотовъ и онъ заставилъ отложить «впредь до особаго распоряженія» муниципальныя выборы. Затѣмъ, чтобы имѣть возможность распоряжаться на мѣстахъ, онъ назначаетъ своихъ приверженцевъ, сначала комиссаровъ и уполномоченныхъ депутатовъ, какъ бы временныхъ начальниковъ провинцій, которыхъ онъ посылаетъ во всѣ департаменты съ неограниченными полномочіями, затѣмъ національныхъ агентовъ, нѣчто въ родѣ постоянныхъ субделегатовъ, которыми въ каждомъ округѣ или муниципалитетѣ онъ замѣняетъ прокуроровъ-синдиговъ.

Прибавьте къ этой арміи чиновниковъ въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ или крупномъ селѣ революціонный комитетъ, члены котораго получаютъ отъ трехъ до пяти франковъ ежедневно, на обязанности

котораго лежитъ осуществлять его постановленія и отдавать ему отчетъ. Никогда еще сверху на народъ не накидывалась болѣе плотной и крѣпкой сѣти, для того чтобы охватить и не выпустить изъ нея двадцати шести милліонное населеніе Франціи.

Такова фактическая конституція, которою якобинцы замѣняютъ свою показную конституцію. Въ арсеналѣ монархіи, которую они уничтожили, они отыскали самыя деспотическія учрежденія, централизацію власти, королевскій совѣтъ, полицейскихъ начальниковъ, исключительные суды, временныхъ начальниковъ провинцій и суб-делегатовъ; они откопали древній римскій законъ объ оскорбленіи величества и снова отполировали древніе мечи, притупившіеся благодаря цивилизаціи, для того чтобы имѣть возможность подносить ихъ къ горлу cadaго. Они дѣйствуютъ ими со всего размаху, не обращая никакого вниманія ни на свободы, ни на имущество, ни на жизнь, ни на совѣсть гражданъ. Это называется «революціоннымъ правительствомъ». Судя по его официальной деклараціи оно должно просуществовать до водворенія мира; истинные же якобинцы убѣждены, что оно должно существовать до тѣхъ поръ, пока всѣ французы не возродятся согласно якобинской формулѣ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Якобинская программа.

ГЛАВА I.

I. Программа якобинской партіи.—Абстрактный принцип и самопроизвольное развитіе теоріи. II. Представленіе объ обществѣ.—Общественный договоръ.—Полное поглощеніе личности обществомъ.—Государство—собственникъ всѣхъ предметовъ.—Конфискація и секвестрація.—Государство—собственникъ личности.—Реквизиція людей для военной службы.—Реквизиція для гражданской службы. Государство филантропъ, педагогъ, теологъ, моралистъ, цензоръ, руководитель идей и интимныхъ чувствъ.—III. Цѣль государства—возрожденіе человѣка.—Двѣ части этой задачи.—Возрожденіе естественнаго человѣка.—Образованіе общественнаго человѣка.—Величіе этой задачи.—Для выполненія ея употребленіе силы является правомъ и обязанностью.—IV. Оба искаженія естественнаго человѣка.—Позитивная религія.—Мѣры противъ не давшахъ присяги священниковъ.—Закрытіе церквей и уничтоженіе церемоній.—Преслѣдованія вплоть до Консульства.—V. Соціальное неравенство.—Зловредность аристократіи расы.—Мѣры противъ собственниковъ капиталовъ и рентъ.—Уничтоженіе крупныхъ состояній.—VI. Требуемыя условия для образованія гражданина. Проекты для уничтоженія бѣдности.—Мѣры въ пользу бѣдняковъ.—VII. Подавленіе эгоизма.—Мѣры противъ землевладельцевъ, промышленниковъ и купцовъ.—Соціалистическіе проекты.—Подавленіе федерализма.—Мѣры противъ мѣстнаго, корпоративнаго и семейнаго духа.—VIII. Форманія умовъ и душъ.—Гражданская религія.—Национальное воспитаніе.—Эгалитарные нравы.—Обязательная гражданская доблесть.—Пересозданіе человѣческой натуры соотвѣтственно якобинскому типу.

I

Нѣтъ ничего болѣе опаснаго существованія общей идеи въ узкихъ и пустыхъ умахъ. Такъ какъ они пусты, то она не находитъ никакого знанія, которое могло бы ей явиться помѣхой, такъ какъ они узки, то она скоро наполняетъ собой весь умъ. Съ этого момента люди такого ума болѣе не принадлежать себѣ, она всецѣло овладѣваетъ ими, такъ что люди эти становятся подобны одержимымъ, въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Что то существующее внѣ ихъ, чудовищный паразитъ, странная и несоразмѣрная мысль живетъ въ нихъ, развивается, порождаетъ проявленія зловредной воли. Они не предвидѣли, что у нихъ явятся эти волевые желанія, они не знали, что заключаетъ въ себѣ его принципъ, какія губительныя и ядовитыя послѣдствія произойдутъ отъ этого. А эти послѣдствія неизбѣжно наступаютъ, одно за другимъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ, сначала анархическія, а затѣмъ и деспотическія. Достигнувъ власти якобинецъ вноситъ и съ собой свою *idée fixe*.

II

Послѣдуемъ за внутреннимъ развитіемъ и обратимся вмѣстѣ съ якобинцемъ къ принципамъ, къ первоначальному договору, къ учрежденію общества. Существуетъ только одно надлежаще поставленное общество, это общество основанное на «общественномъ договорѣ» и всѣ пункты этого договора сводятся къ одному: и къ полному отчужденію каждаго индивидуума со всѣми его правами обществу, каждый отдаетъ себя всецѣло, каковъ онъ есть въ настоящее время, со всѣми своими силами, частью которыхъ является и имущество, которымъ онъ владѣетъ». Недопустимы никакія исключенія или ограниченія. Ему собственно не принадлежитъ ничего изъ того, чѣмъ онъ былъ или что имѣлъ раньше. То, чѣмъ онъ отнынѣ является или что у него есть, предоставлено ему по полномочію. Его собственность и его личность являются отнынѣ частью государственной собственности, если онъ и владѣетъ ими, то только изъ вторыхъ рукъ, если онъ пользуется ими, то только потому что ему это разрѣшается. Онъ просто хранитель, управитель ими и ничего болѣе. Другими словами, онъ по отношенію къ нимъ только управляющій то есть чиновникъ, подобно другимъ чиновникамъ. Онъ можетъ быть всегда смѣщенъ государствомъ, которое его назначило на это мѣсто.

«Подобно тому какъ природа даетъ каждому человѣку право неограниченнаго распоряженія всѣми его членами, такъ и общественный договоръ предоставляетъ общественному тѣлу абсолютную власть надъ его членами». Всемогущій суверенъ, всемірный собственникъ—государство своими неогреченными правами надъ лицами и предметами, какъ ему за благоразсудится пользуется, а поэтому мы, его представители, накладываемъ руку на вещи и на лица. Они принадлежать намъ, такъ какъ принадлежать государству.

Мы конфисковали духовныя имѣнія, приблизительно 4 миллиарда, мы конфискуемъ имущество эмигрантовъ, цѣною приблизительно въ 3 миллиарда, мы конфискуемъ имущество гильотинированныхъ и сосланныхъ, его тамъ на нѣсколько сотенъ милліоновъ. Сосчитать можно будетъ впослѣдствіи, вѣдь списокъ не заканчивается и новыя имена вносятся въ него каждый день. Мы секвеструемъ имущество лицъ подозрительныхъ, благодаря чему мы имъ пользуемся, а это опять-таки даетъ намъ нѣсколько сотенъ милліоновъ. Послѣ войны и изгнанія подозрительныхъ мы сдѣлаемся и собственниками, это доставитъ намъ капиталъ въ нѣсколько милліардовъ.

А тѣмъ временемъ мы конфискуемъ имущество больницъ и другихъ благотворительныхъ учреждений, приблизительно 800 милліоновъ, мы возьмемъ имущества фабрикъ, учреждений, воспитательныхъ заведеній, литературныхъ и научныхъ обществъ: опять цѣлая куча милліоновъ. Мы возьмемъ обратно имѣнія заложенные или отчужденныя государствомъ три столѣтія и болѣе тому назадъ! Ихъ наберется миллиарда на два. Мы уже по наслѣдству получили прежнія земли короны и имущество болѣе недавняго происхожденія по цивильному листу. Такимъ образомъ болѣе трехъ пятыхъ француз-

своей территории попадаетъ въ наши руки и эти три пяты представляютъ гораздо большую цѣнность чѣмъ остальные двѣ пяты, такъ какъ онѣ обнимаютъ почти все крупныя и прекрасныя постройки, замки, аббатства, дворцы, гостиницы, особняки и почти всю роскошную обстановку, королевскую, епископскую, дворянскую и буржуазную, дорогую мебель, посуду, библиотекы, картины, художественныя предметы, собиравшіяся въ теченіе вѣковъ.

Прибавьте къ этому захватъ наличной звонкой монеты и всеѣхъ серебряныхъ и золотыхъ слитковъ. Въ теченіе однихъ только ноября и декабря 1793 года, мы такимъ путемъ прячемъ въ наши сундуки триста или четыреста милліоновъ, не ассигнаціями, а звонкой монетой. Такъ, по предложенію народнаго общества въ Тулузѣ, департаментъ Верховьевъ Гаронны отдалъ приказаніе всеѣмъ владѣльцамъ золотыхъ и серебряныхъ вещей предъявить ихъ въ окружныя кассы для обмѣна на ассигнаціи. «Благодаря этому постановленію, говоритъ Камбонъ въ своемъ докладѣ, въ кассы Тулузы до сихъ поръ набралось около 1.500.000 или 1.000.000 фунтовъ серебряныхъ и золотыхъ вещей». Также дѣло обстояло въ Монтобанѣ и другихъ городахъ. «Многіе изъ нашихъ коллегъ, говоритъ Камбонъ, даже постановили предавать смертной казни всеѣхъ, которые не представляютъ къ извѣстному сроку своихъ золотыхъ или серебряныхъ вещей». Однимъ словомъ какова бы ни была форма постоянного капитала мы отберемъ все что будемъ въ состояніи отобрать, вѣроятно болѣе трехъ четвертей его.

Остается часть нефиксированная и обезцѣнивающаяся отъ употребленія, то-есть предметы потребленія, земныя плоды, всякаго рода припасы, все произведенія искусства и человѣческаго труда, способствующія поддержанію жизни. «Благодаря праву преимущественнаго приобрѣтенія и реквизиціи республика мгновенно становится собственникомъ всего, что торговля, промышленность и земледѣліе создало и произвело на территоріи Франціи». Все продукты и товары принадлежатъ намъ, прежде чѣмъ принадлежатъ ихъ фактически кому владѣльцу, мы отбираемъ у него все что намъ угодно, мы расплачиваемся съ нимъ ничего не стоящей бумагой, часто мы ему совершенно ничего не платимъ. Для большаго удобства мы непосредственно захватываемъ предметы въ томъ мѣстѣ, гдѣ они находятся, хлѣбъ и кормовую траву у земледѣльца, скотъ у скотовода, вино у виноградаря, кожи у кожевника, шкуру у мясника, мыла, сало, сахаръ, водку, полотно, матеріи и остальное у фабриканта, владѣльца склада и торговца,

Мы останавливаемъ на улицахъ экипажи и лошадей, мы являемся къ содержателю почтовыхъ станцій и транспортныхъ предпріятій и очищаемъ его конюшни. Мы уносимъ кухонную мѣдную посуду, чтобы достать мѣдъ, мы выгоняемъ людей изъ ихъ квартиръ, для того чтобы достать кровати. Мы снимаемъ у нихъ съ плечь плащи и рубашки, мы въ одинъ день снимаемъ сапоги съ десяти тысячъ жителей одного города. Такъ, постановленіе депутата Боманъ гласитъ: «Все синіе и зеленые плащи отнынѣ подлежатъ реквизиціи какъ въ департаментѣ Верховьевъ-Гаронны, такъ въ департаментахъ Ланга, Гарса и другихъ. Въ теченіи двадцати четы-

рехъ часовъ всякій гражданинъ владѣющій синими или голубыми плащами обязанъ сдать ихъ муниципалитету той мѣстности, гдѣ онъ находится». Въ противномъ случаѣ онъ будетъ считаться «подозрительнымъ» и съ нимъ будетъ поступлено какъ съ таковымъ. «Въ случаѣ государственной необходимости, говоритъ депутатъ Изоре „все принадлежитъ народу и ничего отдѣльнымъ личностямъ“. Въ силу того же права мы располагаемъ людьми какъ предметами. Мы объявляемъ созывъ поголовнаго ополченія и, что является самымъ страннымъ, осуществляемъ его на многихъ пунктахъ территоріи и въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ. Въ Вандеѣ и въ департаментахъ сѣверныхъ и восточныхъ мы набираемъ все мужское и годное для военной службы населеніе, всѣхъ мужчинъ до пятидесятилѣтняго возраста и цѣлыми толпами направляемъ ихъ на врага. Затѣмъ мы беремъ въ солдаты цѣлое поколѣніе, всѣхъ молодыхъ людей отъ восемнадцати до двадцати пяти лѣтъ, почти миллионъ жителей. Десяти лѣтнее тюремное заключеніе грозитъ всякому уклонившемуся отъ призыва, онъ считается дезертиромъ, имущество его конфискуется, родственники его наказываются вмѣстѣ съ нимъ, впоследствии онъ будетъ приравняться къ эмигрантамъ, приговариваться къ смерти, его отецъ, мать, родственники по восходящей линіи будутъ находиться подъ подозрѣніемъ, а поэтому значить будутъ заключаться въ тюрьму и имущество ихъ будетъ подлежать конфискаціи.

Чтобы вооружить, одѣть, обути, экипировать нашихъ рекрутовъ, намъ нужны рабочіе, поэтому мы созываемъ въ главные города округовъ и департаментовъ оружейниковъ, кузнецовъ, слесарей, всѣхъ портныхъ, всѣхъ сапожниковъ даннаго округа, «мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ», мы заключаемъ въ тюрьму неявившихся, а явившихся мы партіями размѣщаемъ въ общественныхъ зданіяхъ и распредѣляемъ между ними работу. Имъ запрещается работать что либо на частныхъ лицъ, отнынѣ сапожники во Франціи будутъ работать только для насъ и каждый изъ нихъ, подъ угрозой штрафа, долженъ будетъ доставлять намъ столько то паръ сапоговъ въ декаду.

Но гражданское управленіе не маловажное военнаго, такъ же необходимо обезпечить продовольствіемъ народъ, какъ и защищать его. Вотъ почему мы подвергаемъ «реквизиціи всѣхъ тѣхъ, которые содѣйствуютъ выработкѣ, транспорту и сбыту продуктовъ и товаровъ первой необходимости», а именно топлива и сѣстныхъ припасовъ, дровосѣковъ, возчиковъ, сплавщиковъ лѣса, мельниковъ, жнецовъ, молотильщиковъ, вязчиковъ, косарей, пахарей и всякаго рода «сельскихъ учителей». Они наши рабочіе, мы заставляемъ ихъ передвигаться и работать подъ угрозой тюремнаго заключенія и штрафа. Нѣтъ болѣе лѣтняевъ, въ особенности когда дѣло идетъ о жатвѣ, мы выводимъ на поля цѣлое населеніе коммуны или кантона, включая «праздныхъ мужчинъ и женщинъ», волею неволею они будутъ собирать хлѣбъ на нашихъ глазахъ, со своихъ и съ чужихъ полей и будутъ безъ разбора складывать снопы въ общественные амбары.

Но вѣдь все связано и держится одной работой, начиная отъ первоначальнаго и кончая финальнымъ созданіемъ, начиная отъ

крупнаго підприємателя и кончая незначительнымъ мелочнымъ торговцемъ. Когда наложили руку на первое звено цѣпи, остается только наложить ее и на послѣднее. И въ этомъ случаѣ опять таки оказывается пригодной реквизиція, мы примѣняемъ ее ко всякому труду. Каждый обязанъ продолжать трудиться, фабрикантъ фабриковать, купецъ торговать, даже себѣ въ убытокъ, такъ какъ, если онъ терпитъ убытокъ, въ прибыляхъ остается публика и добрый гражданинъ долженъ предпочитать общественную выгоду своей частной прибыли.

Вѣдь какое бы у него ни было занятіе, онъ служащій государства, а оно можетъ не только предписывать ему родъ занятій, но и выбирать таковой для него, оно не обязано совѣтоваться съ нимъ по этому вопросу, а онъ не правѣ отказываться. Вотъ почему мы назначаемъ на мѣста людей или удерживаемъ ихъ, даже вопреки ихъ желанію. Какъ они ни отказываются и ни уклоняются, они останутся или станутъ генералами, судьями, мѣрами, національными агентами, муниципальными совѣтниками, благотворительными или административными комиссарами. Тѣмъ хуже для нихъ, если мѣсто обременительно или опасно, если у нихъ нѣтъ необходимаго свободнаго времени, если они не чувствуютъ въ себѣ надлежащихъ способностей, если чинъ или мѣсто кажется имъ преддверіемъ къ тюрьмѣ или гильотинѣ. Когда они заявляютъ, что данное мѣсто для нихъ обуза, барщина, мы отвѣтимъ, что они обязаны отбывать барщину въ пользу государства.

Таковы отнынѣ условія существованія всѣхъ французовъ и всѣхъ французенокъ. Мы заставляемъ матерей водить своихъ дочерей на засѣданія народныхъ обществъ. Мы заставляемъ женщинъ парадировать и дефилировать группами на республиканскихъ празднествахъ, мы выбираемъ самыхъ красивыхъ изъ нихъ, для того чтобы одѣть ихъ древними богинями и возить ихъ всенародно на колесницѣ, мы иногда указываемъ на богатыхъ женщинъ, чтобы женить на нихъ патриотовъ. Нѣтъ основаній, чтобы бракъ, самое важное изъ служеній, не подлежалъ, подобно другимъ, реквизиціи.

Поэтому мы вторгаемся въ семью, отбираемъ ребенка, даемъ ему гражданское воспитаніе. Мы педагоги, филантропы, теологи, моралисты. Мы силою навязываемъ нашу религію и нашу культу, нашу мораль и наши нравы. Мы регламентируемъ частную жизнь и совѣсть человѣка, мы распоряжаемся его мыслями, мы изслѣдуемъ и наказываемъ его тайныя наклонности, мы облагаемъ штрафомъ, заключаемъ въ тюрьму и гильотинируемъ не только нашихъ недоброжелателей, но и «безразличныхъ умѣренныхъ и эгоистовъ». Такъ Сень-Жюстъ говорилъ: «Вы должны наказывать каждаго, кто къ Республикѣ пассивенъ и ничего не дѣлаетъ для нея». Мы диктуемъ каждой отдѣльной личности, кромѣ видимыхъ его дѣйствій, еще и мысли и интимныя чувства, мы предписываемъ ей какъ въ рожденія, такъ и наклонности и мы пересоздаемъ, согласно предвзятому плану, его умъ, его совѣсть и его сердце.

III.

Въ этой операции нѣтъ ничего произвольнаго, такъ какъ идеальный образецъ начертанъ заранее. Если государство всемогуще, то оно можетъ «возродить людей» и теорія, предоставляющая ему его права, назначаетъ ему и объектъ.

Въ чемъ заключается это возрожденіе человѣка? Взгляните на какое-нибудь домашнее животное, на собаку или на лошадь. Его бьютъ, плохо кормятъ и на тысячу изнуренныхъ и эксплуатируемыхъ животныхъ приходится развѣ только одно, которое чувствуетъ себя вольно и умретъ отъ ожиренія. У всѣхъ, у жирныхъ или у худыхъ, душа еще болѣе испорчена, чѣмъ тѣло. Суевѣрное почтеніе заставляетъ ихъ сгибаться подъ тяжестью бремени или же заставляетъ ихъ ползать передъ господами. Если онѣ, подмыа, лѣнивыя, обжорливыя, обезсиленыя, приобрѣли жалкія таланты рабства, то приобрѣли и немощи, потребности и пороки. Кора глупыхъ привычекъ и развращенныхъ наклонностей, что то искусственное и наносное покрыло ихъ первоначальную натуру.

А съ другой стороны лучшая часть ихъ первоначальнаго существа не могла развиваться. Разъединенные между собою они не восприняли чувства общности, они не умѣютъ, подобно своимъ братьямъ Саваннъ, помогать другъ другу и подчинять интересы отдѣльнаго существа интересамъ стаднымъ. Каждый изъ нихъ тянетъ въ свою сторону, никто не заботится объ остальныхъ, всѣ—эгоисты, социальныя инстинкты заглушены.

Таковъ современный человѣкъ, это искаженное существо, которое нужно возсоздать, недоконченное созданіе, которое нужно вполне завершить. Такимъ образомъ намъ предстоитъ двойная задача: намъ нужно разрушить, намъ нужно создать, мы сначала обнажимъ естественнаго человѣка, чтобы затѣмъ создать человѣка социальнаго.

Замыселъ этотъ грандіозенъ и мы чувствуемъ его грандіозность.

«Нужно, говоритъ Бильо-Вареннъ, въ нѣкоторомъ родѣ возсоздать народъ, который хотятъ вернуть къ свободѣ, такъ какъ нужно уничтожить старинные предразсудки, измѣнить старинныя привычки, усовершенствовать развращенныя наклонности, ограничить излишнія потребности, искоренить вкоренившіеся пороки». Но замыселъ этотъ грандіозенъ, такъ какъ дѣло идетъ о томъ, «чтобы выполнить требованія природы, осуществить судьбы человѣчества, сдержать обѣщанія философіи».

«Мы хотимъ, говоритъ Робеспьеръ, замѣнить эгоизмъ нравственностью, честь честностью, обычаи принципами, приличія обязанностями, тиранію моды царствомъ разума, презрѣніе къ несчастью презрѣніемъ къ пороку, дерзость грубостью, тщеславіе величіемъ души, любовь къ деньгамъ любовью къ славѣ, вѣжливыхъ людей честными людьми, интриги заслугами, благородство ума геніальностью, пресыщенность сладострастіемъ, прелестью счастья, мелочность великихъ людей величіемъ, легкомысленный и несчастный народъ народомъ великодушнымъ, мощнымъ, счастливымъ, то есть всѣ по-

рови и всѣ отрицательныя стороны монархіи всѣми добродѣтелями и всѣми чудесами республики».

Мы это сдѣлаемъ, сдѣлаемъ все это, во что бы то ни стало. Современное поколѣніе не имѣетъ згаченія, мы работаемъ для будущаго поколѣній. «Человѣкъ принужденный изолироваться отъ міра и самого себя бросаетъ свой якорь въ будущее и прижимаетъ къ своему сердцу невинное потомство настоящихъ бѣдствій». Онъ приноситъ въ жертву своему дѣлу свою жизнь и жизнь ближняго. «Въ тотъ день, когда я получу убѣжденіе, пишетъ Сень-Жюстъ, что невозможно дать французскому народу нравы мягкіе, энергичныя, чувствительныя, безжалостныя къ тираніи и несправедливости, я себя заколю». «Что я сдѣлалъ на Югѣ, говоритъ Бодо, я сдѣлаю на Сѣверѣ, я ихъ сдѣлаю патріотами; или они умрутъ, или я умру». «Мы сдѣлаемъ изъ Франціи владбище, говоритъ Карье, но возродимъ ее согласно нашему желанію».

Тщетно люди слѣпыя или съ извращенными сердцами пытались бы протестовать, потому что они слѣпы и чувства у нихъ извращенныя. Тщетно отдѣльная личность пыталась бы указывать на индивидуальныя права, ихъ у нея больше нѣтъ. Общественнымъ договоромъ, являющимся обязательнымъ и единственно дѣйствительнымъ, онъ отказался отъ всего своего существа. Такъ какъ онъ не оставилъ себѣ ничего, «онъ не имѣетъ права требовать себѣ что либо». Безъ сомнѣнія нѣкоторые будутъ еще возставать, потому что наносная привычка заглушаетъ еще оригинальный инстинктъ. Если отпустить на волю лошадь вертящую мельничный жерновъ, она станетъ крутиться по прежнему, если отпустить на волю привязанную на веревкѣ собаку фоксника, она будетъ снова становиться на заднія лапы. Для того, чтобы привести ихъ въ естественное положеніе, нужно будетъ основательно встряхнуть ихъ. Точно также нужно будетъ встряхнуть и человѣка, чтобы привести его въ нормальное состояніе. Но въ этомъ отношеніи мы его не принижаемъ, а возвеличиваемъ, по выраженію Руссо, «мы заставляемъ его быть свободнымъ», мы оказываемъ ему величайшее благодѣяніе, которое вообще можно оказать человѣческому созданію, мы возвращаемъ его природѣ и ведемъ его къ справедливости. Вотъ почему, если онъ теперь, будучи предупрежденъ, будетъ упорствовать въ своемъ сопротивленіи, онъ становится преступникомъ, достойнымъ всякаго наказанія (Девретъ 20 апрѣля 1794 года.—«Конвентъ объявляетъ, что опираясь на добродѣтели французскаго народа, онъ дастъ побѣду демократической республикѣ и накажетъ безъ всякаго состраданія его враговъ»), такъ какъ онъ является мятежникомъ и вѣтвоступникомъ, врагомъ челоѣчества и измѣнникомъ соціальному договору.

Такъ Жанбонъ-де-Сентъ-Андре говоритъ 25 сентября 1793 года въ Конвентѣ: «Говорятъ что наша власть неограниченна, насъ обвиняютъ въ томъ, что мы деспоты. Деспоты! Мы! Да, дѣйствительно, если свобода будетъ торжествовать благодаря этому деспотизму, то онъ является политическимъ возбужденіемъ». Робеспьеръ говоритъ въ своемъ докладѣ: «Говорили, что терроръ пружина деспотическаго правленія. Но развѣ ваше правленіе деспотическое? Да, подобно

тому какъ мечъ сіяющій въ рукахъ героевъ свободы походить на мечъ, которымъ вооружены сателлиты тираній... Правительство Революціи—деспотизмъ свободы противъ тираній»...

IV.

Начнемъ теперь съ того, что вообразимъ себѣ естественнаго человѣка. Конечно теперь его почти невозможно узнать. Онъ совершенно не походить на искусственное существо, которое мы найдемъ вмѣсто него, на существо изуродованное незапамятнымъ режимомъ принужденія и обмана, крѣпко сдавленное своей наслѣдственной броней суевѣрій и повинностей, ослѣпленное своей религіей и приниженное путемъ обмана, эксплуатируемое своимъ правительствомъ и дрессированное благодаря физическому воздействию. Оно находится на привязи, имъ всегда пользуются вопреки смыслу и природѣ, какова бы ни была его влѣтка, высока или низка, каково бы ни было его корыто, пусто или полно. Оно подобно изнуренной лошади, вертящейся съ завязанными глазами мельничной жерновъ или дрессированной собагѣ, разодѣтой въ рваную мишуру и показывающей публикѣ свои кунштюкѣ. Но уничтожьте мысленно лохмотья, путы, стойло социальной конюшни и вы увидите передъ собой новаго человѣка, первобытнаго человѣка, цѣльнаго и здороваго умомъ, душою и тѣломъ.

Въ этомъ состояніи онъ свободенъ отъ предразсудковъ, онъ не былъ опутанъ ложью, онъ не іудей, не протестантъ, не католикъ. Если онъ попытается понять совокупность міра и принципъ вещей, онъ не дастъ обмануть себя мнимымъ откровеніемъ, онъ послушается только своего разума. Можетъ быть иногда онъ станетъ атеистомъ, но почти всегда онъ будетъ деистомъ. Въ такомъ состояніи онъ не впутанъ ни въ какую іерархію, онъ не дворянинъ и не разночинецъ, не рабочій и не хозяинъ, не собственникъ и не пролетарій, не подчиненный и не начальникъ. Всѣ равны, ни одинъ отъ другого не зависитъ и если они согласятся образовать союзъ, то ихъ здравый разумъ подскажетъ имъ первое условіе—сохраненіе первоначальнаго равенства.

Вотъ человѣкъ, какимъ его создала природа, какимъ его сдѣлала исторія и какимъ его должна пересоздать Революція. Нельзя слишкомъ сильно ударять по обѣимъ повязкамъ, которыми онъ крѣпко стянутъ, по позитивной религіи, сдавливающей его умъ и по социальному неравенству, стѣсняющему и калѣчающему его волю; такъ какъ каждымъ наносимымъ ударомъ разрываютъ шнуръ обматывающій повязку, а это въ свою очередь возвращаетъ движеніе парализованнымъ членамъ.

Послѣдуемъ за успѣхами освободительной операціи.

Въ борьбѣ съ институтомъ духовенства Учредительное Собраніе, бывшее по обыкновенію робкимъ, сумѣло принять только полумѣры. Оно только прорубило кору, оно не рѣшилось нанести топоромъ ударъ въ толщу ствола. Конфискація имѣній духовенства, распушеніе религіозныхъ орденовъ, уничтоженіе авторитета папы, вотъ къ

чему свелась его работа; оно задумало учредить новую церковь и превратить священниковъ въ принявшихъ присягу государственныхъ чиновниковъ, какъ будто католицизмъ, даже административный, могъ перестать быть католицизмомъ! Оно не только уничтожило старинную лабораторію лжи, но рядомъ съ ней открыло другую, такъ что теперь вмѣсто одной ихъ оказалось двѣ. Съ официальной этикеткой или безъ нея оно функционируетъ во всѣхъ коммунахъ Франціи и какъ въ прежнее время безнаказанно раздастъ публикѣ свою страпню. Вотъ именно этого то мы и не можемъ допустить.

Правда, принужденные соблюдать внѣшнія приличія на словахъ мы, снова объявимъ свободу культовъ. Но въ дѣйствительности и на практикѣ мы уничтожимъ лабораторію и воспрепятствуемъ продажѣ снадобья. Не будетъ болѣе во Франціи католическаго культа, не будетъ ни одного крещенія, ни одной исповѣди, ни одного брака, ни одного соборованія, ни одной обѣдни, никто не будетъ открыто говорить или слушать проповѣдь, никто не будетъ открыто причащать или причащаться. Это будутъ дѣлать тайкомъ, имѣя въ перспективѣ эшафотъ или тюрьму.

Поэтому мы будемъ дѣйствовать по порядку. По отношенію къ церкви, объявляющей себя ортодоксальной, затрудненій быть не можетъ: ея члены отказались дать присягу и поэтому стоятъ внѣ закона. Вѣдь отказываясь отъ договора самъ себя исключаетъ изъ общества. А они потеряли свое званіе гражданъ, они превратились въ простыхъ иностранцевъ, находящихся подъ надзоромъ полиціи. Но такъ какъ они сѣютъ вокругъ себя непріязнь и неповиновеніе, то они являются даже не иностранцами а мятежниками, скрытыми врагами, создателями разсѣянной по Франціи тайной Бандел. Намъ вовсе не нужно преслѣдовать ихъ какъ шарлатановъ, достаточно покарать ихъ какъ мятежниковъ. Въ качествѣ таковыхъ мы уже изгнали изъ Франціи отказавшихся отъ присяги духовныхъ лицъ, около сорока тысячъ священниковъ, и мы высласмъ всѣхъ не переѣхавшихъ за границу къ опредѣленному сроку. Мы разрѣшаемъ пребываніе на французской территоріи только шестидесятилѣтнимъ старикамъ и немощнымъ и то еще въ качествѣ заключенныхъ. Имъ грозитъ смертная казнь, если они сами не явятся въ тюрьму главнаго города округа или департамента, смертная казнь угрожаетъ вернувшимся изгнанникамъ, смертная казнь грозитъ укрывателямъ священниковъ.

Въ виду этого, за немѣнимъ правовѣрнаго духовенства не будетъ болѣе правовѣрнаго культа, самая опасная изъ обѣихъ лабораторій суевѣрія закроется. Для того, чтобы вѣрнѣе остановить сбытъ ядовитаго товара, мы наказываемъ, одинаково какъ тѣхъ, которые его продаютъ, такъ и тѣхъ, которые его приобрѣтаютъ и мы преслѣдуемъ не только пастырей, но и фанатиковъ духовнаго стада. Вѣдь во всякомъ случаѣ, если они и не зачинщики мятежа духовенства, то несомнѣнно являются пособниками и соучастниками его. Благодаря схизмѣ они намъ заранѣе извѣстны и во всякой коммунѣ существуетъ полный ихъ списокъ. Мы называемъ фанатиками всѣхъ тѣхъ, которые не признаютъ давшаго присягу священника, буржуа, которые считаютъ его человѣкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ

церковью, монахинь, которыя ему не исповѣдуются, крестьянъ, которыя не идутъ въ церковь, разъ онъ тамъ совершаетъ богослуженіе, старухъ не цѣлующихъ его дискосъ, родителей не желающихъ, чтобы онъ крестилъ ихъ новорожденнаго. Всѣ эти люди и тѣ, которыя ихъ посѣщаютъ, ихъ близкіе, родственники, друзья, гости, посѣтители, кто бы они не были, мужчины или женщины, въ душѣ мятежники и поэтому люди подозрительные. Мы лишаемъ ихъ принадлежащихъ имъ избирательныхъ правъ, мы отнимаемъ отъ нихъ пенсіи, мы облагаемъ ихъ специальными податями, мы запрещаемъ имъ выѣзжать изъ мѣста ихъ постоянного жительства, мы заключаемъ ихъ тысячами въ тюрьму, мы ихъ гильетинируемъ сотнями. Мало по малу оставшіеся въ живыхъ падутъ духомъ и откажутся отъ исповѣданія культа, исповѣдывать который невозможно.

Остаются равнодушные, стадная толпа, придерживающаяся своихъ церковныхъ обрядовъ. Она возьметъ ихъ тамъ, гдѣ найдетъ и такъ какъ они совершенно одинаковы въ разрѣшенной и въ непокорной церквяхъ, то вмѣсто того чтобы итти къ неподчинившемуся она пойдетъ къ священнику подчинившемуся. Но она пойдетъ безъ всякаго рвенія, безъ довѣрія, часто даже съ недовѣріемъ, спрашивая себя, имѣютъ ли какое нибудь значеніе эти обряды, совершаемые отлученнымъ отъ церкви священникомъ. Подобная церковь прочности не имѣетъ и намъ придется нанести ей только одинъ ударъ, чтобы низвергнуть ее. Мы изо всѣхъ силъ будемъ стараться дискредитировать конституціонныхъ священниковъ. Мы заставимъ ихъ носить духовную одежду, мы декретомъ заставимъ ихъ благословлять браки ихъ сотоварищей-отступниковъ, мы пустимъ въ ходъ терроръ и тюрьмы, чтобы заставить ихъ самихъ вступать въ бракъ. Мы ихъ не оставимъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока они не вернутся къ частной жизни, пока большинство изъ нихъ не откажется отъ занимаемыхъ ими мѣстъ.

Лишенное, благодаря этимъ добровольнымъ или вынужденнымъ отступничествамъ, своихъ руководителей, католическое стадо безъ всякаго усилія дастъ себя вывести изъ овчарни и мы уничтожимъ прежнюю ограду, для того, чтобы оно не чувствовало никакого влеченія вернуться туда. Въ коммунгахъ, гдѣ мы являемся хозяевами, мы поговоримъ мѣстныхъ яеобинцевъ требовать отъ насъ уничтоженія религіознаго культа и мы насильно уничтожимъ его въ другихъ коммунгахъ черезъ посредство нашихъ уполномоченныхъ депутатовъ. Мы закроемъ церкви, мы снесемъ колокольни, мы расплавимъ колокола, мы пошлемъ священные сосуды въ Монетный дворъ, мы разобьемъ изображенія святыхъ, мы осквернимъ реликвіи, мы запретимъ религіозное погребеніе, мы предпишемъ отдыхъ въ десятый день декады и работу въ воскресенье.

Исключеній не допустимъ: разъ всякая позитивная религія коренное заблужденіе, мы безусловно упразднимъ какой бы то ни было культъ. Мы потребуемъ отъ протестантскихъ пасторовъ публичнаго отреченія, мы запретимъ иудеямъ выполнять свои обряды, мы сделаемъ «аутодафе всѣхъ книгъ и законовъ культа Моисея». Но среди различныхъ приспособленій фиглярничества католицизмъ самое худ-

шее, самое враждебное природѣ, благодаря безбрачію духовенства, самое противное разуму, благодаря нелѣпости своихъ догматовъ, самое враждебное демократическимъ учрежденіямъ, потому что въ католицизмѣ власть делегируется сверху внизъ, самое защищенное отъ гражданской власти, такъ какъ глава его находится внѣ Франціи.

Поэтому его то и нужно упорно преслѣдовать; даже и послѣ Термидора мы продолжимъ преслѣдованія противъ него, вплоть до консульства мы будемъ сылать и разстрѣливать священниковъ, мы возобновимъ противъ фанатиковъ законы Террора, «мы стѣснимъ ихъ движенія, мы замучаемъ ихъ терпѣніе, мы будемъ ихъ беспокоить днемъ, мы будемъ нарушать ихъ ночной покой, мы не дадимъ имъ ни минуты передышки». Мы обяжемъ население вести декадный календарь, мы будемъ преслѣдовать его нашей пропагандой вплоть до семейнаго очага, мы измѣнимъ базарные дни, чтобы ни одинъ изъ вѣрующихъ не могъ купить рыбы въ постные дни.

Ничто насъ такъ не озабочиваетъ какъ эта война съ католицизмомъ, ни одинъ пунктъ нашей программы не будетъ выполненъ съ такою настойчивостью и съ такимъ упорствомъ. Вѣдь дѣло въ данномъ вопросѣ идетъ объ истинѣ; мы ея хранители, поборники, орудія и никогда еще слуги истины не примѣняли съ такой обстоятельностью и послѣдовательностью силу для искорененія ошибки.

V

На ряду съ суевѣріемъ необходимо уничтожить другое чудовище и Учредительное Собраніе производитъ нападеніе и съ этой стороны. Но и тутъ, за отсутствіемъ смѣлости или логики, оно остановилось послѣ двухъ или трехъ слабыхъ ударовъ. Запрещеніе гербовъ, дворянскихъ титуловъ и ношенія фамилій по помѣстьямъ, которыми владѣли дворяне, уничтоженіе безъ всякаго возмѣщенія арендной платы, которую помѣщикъ взималъ въ качествѣ прежняго крѣпостного помѣщика, разрѣшеніе выкупать остальные феодальныя права, ограниченіе королевской власти—вотъ все, что оно сдѣлала для установленія естественнаго равенства.

Это не много, съ узурпаторами и тиранами нужно иначе обходиться, такъ какъ ихъ привилегіи сами по себѣ являются посягательствомъ на права человѣка. Поэтому мы свергли съ престола короля и отрубили ему голову; мы уничтожили безъ всякаго возмѣщенія всѣ неуплаченные феодальныя долги, включая подати, которыя взимались дворянами въ качествѣ земельныхъ собственниковъ и лицъ сдающихъ землю въ аренду. Мы предали ихъ самихъ и ихъ имущество на полный произволъ мѣстныхъ жакерій, мы принудили ихъ эмигрировать, мы заключаемъ ихъ въ тюрьмы, если они остаются во Франціи, мы ихъ гильотинируемъ, если они возвращаются. Такъ какъ они воспитаны въ привычкахъ, вкоренившихся въ нихъ благодаря ихъ преобладанію въ странѣ и такъ какъ они убѣждены, что они совершенно другой породы, чѣмъ обыкновенные люди, то ихъ расовые предразсудки неискоренимы; они неспособны войти въ общество людей равныхъ; мы должны раздавить ихъ или

повергнуть въ прахъ. Они впрочемъ виновны уже по тому одному, что они жили, что они главенствовали, управляли безъ всякаго права и вопреки всѣмъ правамъ притѣсняли человѣка. Такъ какъ они извлекали пользу изъ своего положенія, то вполнѣ справедливо, чтобы теперь они были за это наказаны.

Они будутъ теперь пользоваться привилегіями въ обратномъ смыслѣ, съ ними будутъ обращаться какъ обращались въ ихъ управленіе съ темными личностями, ихъ съ семействами будутъ арестовывать полиція, высылать, бросать цѣлыми массами въ тюрьмы, массами казнить, по меньшей мѣрѣ изгонять изъ Парижа, изъ портовъ и крѣпостей, ихъ будутъ заставлять ежедневно являться въ муниципальное управленіе, лишать политическихъ правъ, лишать возможности выполнять общественныя обязанности, ихъ будутъ исключать «изъ народныхъ обществъ, наблюдательныхъ комитетовъ, общинныхъ и секціонныхъ собраний». Замѣьте, что мы еще снисходительны; вѣдь мы должны были бы ихъ сравнивать съ каторжниками, разъ они обезпечены и заставить ихъ работать на большихъ дорогахъ. Въ своемъ докладѣ отъ 8 вентоза II года Сень-Жюсть говоритъ: «Правосудіе приговариваетъ враговъ народа и находящихся между нами сторонниковъ тираніи къ вѣчному рабству».

Но этого недостаточно, такъ какъ кромѣ родовой аристократіи существуетъ еще и другая, которой не коснулось Учредительное Собраніе, а именно денежная аристократія.

Изъ всѣхъ зависимостей зависимость бѣдняковъ отъ богатей—самая тяжелая. Богачь, вопреки равенству, не только потребляетъ болѣе чѣмъ ему приходится, соотвѣтственно его участию въ общемъ трудѣ, и притомъ потребляетъ не производя, но онъ, вопреки свободѣ, можетъ по своему желанію устанавливать вознагражденіе за трудъ, и вопреки гуманности онъ устанавливаетъ его въ насколько возможно низшемъ размѣрѣ. Между нимъ и нуждающимися заключаются только несправедливые контракты. Такъ какъ онъ единственный владѣлецъ земли, капитала и всѣхъ необходимыхъ для жизни вещей, онъ налагаетъ свои условія, которыя другіе, лишеныя преимуществъ, обязаны принять подъ страхомъ голодной смерти. Онъ эксплуатируетъ по своему желанію самыя неотложныя потребности и пользуется своей монополіей, чтобы оставить бѣдняковъ въ бѣдности.

«Вотъ почему, пишетъ Сень-Жюсть, богатство—гнусность, оно заключается въ томъ, что кормишь меньше естественныхъ или приемныхъ дѣтей, чѣмъ имѣешь тысячъ ливровъ дохода».

«Не нужно, говоритъ Робеспьеръ, чтобы самый богатый французъ имѣлъ болѣе 3,000 ливровъ ренты».

Обладаніе чѣмъ-либо сверхъ самаго необходимаго является незаконнымъ; мы имѣемъ право брать избытокъ тамъ, гдѣ онъ имѣется, не только теперь, потому что мы нуждаемся въ немъ для государства и бѣдняковъ, но и во всякое время, потому что излишекъ во всякое время предоставляетъ преимуществу обладателю его въ договорахъ, вліяніе на размѣры вознагражденія за трудъ, даетъ ему возможность совершенно произвольно устанавливать цѣны на пищевые продукты, однимъ словомъ даетъ ему преимущества худшія,

чѣмъ преимущества по рожденію. Такимъ образомъ мы являемся противниками не только дворянъ, но богатыхъ или состоятельныхъ буржуа, собственниковъ и капиталистовъ, мы до основанія разрушимъ ихъ скрытый феодализмъ.

Во-первыхъ, однимъ только дѣйствіемъ новыхъ учреждений мы препятствуемъ рентѣ взимать, по обыкновенію, лучшую часть плодовъ труда и такимъ образомъ трутни не будутъ болѣе каждый годъ уничтожать медъ пчель. Чтобы достигнуть этого результата нужно только пустить въ обращеніе ассигнаціи и установить принудительный курсъ. Благодаря обезцѣненію кредитныхъ билетовъ у ничѣмъ не занятого собственника или капиталиста таятъ доходы, онъ получаетъ только номинальныя цѣнности. Перваго января его жилецъ вноситъ ему фактически половину трехмѣсячной платы за занимаемую имъ квартиру вмѣсто всей платы, перваго марта фермеръ уплачиваетъ ему аренду мѣшкомъ зерна. Результатъ получается такой, какъ будто мы пересоставили заново всѣ договоры и уменьшили на половину, на три четверти или болѣе процентъ по взятымъ въ долгъ суммамъ, наемную плату за помѣщенія, арендную плату за землю.

Во то время, какъ доходы рентѣ уменьшаются, капиталъ его исчезаетъ и мы содѣйствуемъ этому всѣми силами. Если онъ владѣетъ обязательствами прежнихъ гражданскихъ или религіозныхъ учреждений, провинцій съ земскимъ представительствомъ, конгрегацій, институтовъ, больницъ, мы отбираемъ отъ него его спеціальныя залоги, мы конвертируемъ его бумаги въ государственную ренту, мы насильно присоединяемъ его частное состояніе къ государственному, мы влечемъ его къ общему банкротству, къ которому мы ведемъ всѣхъ кредиторовъ республики.

Впрочемъ для раззоренія его мы обладаемъ болѣе прямыми и болѣе скорыми средствами. Если онъ эмигрировалъ, а эмигрантовъ цѣлыя сотни тысячъ, мы конфискуемъ его имущество, если онъ гильотинированъ или сосланъ, а гильотинированныхъ и сосланныхъ цѣлыя десятки тысячъ, мы конфискуемъ его имущество, если онъ «признанъ врагомъ революціи», а «всѣ богачи отъ души желаютъ контръ-революціи», мы налагаемъ секвестръ на его имущество, мы пользуемся имъ до мира и сдѣлаемъ его собственникомъ послѣ войны. Во всѣхъ случаяхъ въ выгоду остается государство. Развѣ только мы иногда окажемъ временную помощь его семьѣ, которая не имѣетъ даже права претендовать на то, чтобы ихъ содержали.

Нѣтъ лучшаго средства для уничтоженія богатствъ. Что касается тѣхъ богатствъ, которыя мы не можемъ сокрушить однимъ ударомъ, то мы ихъ уничтожаемъ частями и противъ нихъ у насъ есть два оружія.

Съ одной стороны, въ принципѣ мы объявляемъ прогрессивный налогъ и на этомъ основаніи устанавливаемъ принудительный заемъ: мы въ доходъ отдѣляемъ необходимое отъ излишка. Мы ограничиваемъ необходимое тысячею франками на каждого чловека, затѣмъ смотря по размѣрамъ излишка мы беремъ четверть его, треть, половину, а свыше 9,000 франковъ все остальное, такимъ образомъ, кромѣ незначительнаго пищевого запаса, самая богатая семья можетъ имѣть не болѣе 4,500 франковъ ренты.

Съ другой стороны, революціонными налогами мы наносимъ глубокіе удары капиталамъ; наши комитеты и провинціальныя проконсулы облагаютъ произвольно податью въ триста, пятьсотъ и даже до двѣнадцати тысячъ франковъ какаго нибудь банкира, купца или буржуа, какую нибудь вдову и требуютъ взноса суммы въ теченіи недѣли. Тѣмъ хуже, если у оштрафованнаго лица нѣтъ денегъ, или если ему негдѣ ихъ занять, мы объявляемъ его находящимся подъ подозрѣніемъ, мы сажаемъ его въ тюрьму, имущество его секвеструется и пользуется имъ вмѣсто него государство.

Во всякомъ случаѣ, если оно даже уплатило требуемыя деньги, мы заставляемъ его вручить намъ всѣ имѣющіяся у него денежныя суммы золотомъ и серебромъ, давая иногда за нихъ ассигнаціи, а иногда и ничего не давая. Драгоценныя металлы подлежатъ реквизиціи, каждый долженъ выдать все имѣющееся у него серебро. И пусть никто и не смѣетъ прятать своего имущества. Посуда, брилліанты, золото, серебро монетой или слитками, всякія драгоценности, «найденныя зарытыми въ землю или спрятанными въ подвалахъ, замуравленными въ стѣнахъ, чердачныхъ помѣщеніяхъ, полахъ, очагахъ или дымовыхъ трубахъ и другихъ потайныхъ мѣстахъ», становятся собственностью Республики и доносчикъ получаетъ премію ассигнаціями въ размѣрѣ одной двадцатой части найденнаго.

Такъ какъ мы вмѣстѣ съ наличными деньгами и драгоценными металлами забираемъ бѣлье, постели, одежду, съѣстные припасы, вино и прочее, можно представить себѣ видъ дома, который мы посѣтили, въ особенности, если мы тамъ прожили нѣкоторое время. Движимое имущество погребло точно также какъ погребло недвижимое.

А теперь, когда оба они уничтожены, нужно воспрепятствовать тому, чтобы они могли снова образоваться. Съ этой цѣлью мы въ принципѣ уничтожаемъ право завѣщанія, мы во всякомъ наслѣдствѣ предписываемъ равный, вынужденный дѣлежъ оставленнаго имущества, мы предоставляемъ право наслѣдовать и незаконнымъ дѣтямъ, на совершенно одинаковыхъ основаніяхъ съ законными дѣтьми, мы допускаемъ предъявленіе претензій на наслѣдство до безконечности, «для умноженія числа наслѣдниковъ и раздробленія наслѣдствъ», мы запрещаемъ предоставлять, что бы то ни было лицамъ, получающимъ болѣе тысячи квинталовъ хлѣба въ годъ. Мы устанавливаемъ усыновленіе, «чудный институтъ» и притомъ чисто республиканскій по своему существу, «такъ какъ онъ влечетъ за собой безъ кризиса раздѣленіе крупныхъ состояній». Еще въ законодательномъ собраніи одинъ депутатъ говорилъ, что «равенство правъ можетъ поддерживаться только непрерывной тенденціей къ уравнию состояній». Мы позаботились объ этомъ въ настоящее время, позаботимся чтобы такъ обстояло дѣло и въ будущемъ. Не остается ничего отъ громадныхъ наростовъ, высавывавшихъ соевъ изъ человѣческаго растенія, мы ихъ срубили нѣсколькими сильными ударами.

VI.

Этимъ возстановленіемъ естественнаго человѣка мы подготовили появленіе человѣка общественнаго. Теперь нужно образовать гражданина, а это возможно только при уравнині условій. Въ хорошо устроенномъ обществѣ «не нужно ни богатыхъ, ни бѣдныхъ». Мы уже уничтожили богатство, которое развращаетъ, намъ остается уничтожить бѣдность, которая унижаетъ. Подъ тираніей обстоятельствъ, столь же тяжелой какъ тиранія людей, человѣкъ падаетъ ниже самого себя. Никогда не сдѣлаешь гражданина изъ несчастнаго, обреченнаго быть слугой, наемнымъ рабочимъ или нищимъ, думать только о себѣ и о своемъ ежедневномъ существованіи, тшето искать работы, напрягать свои силы двѣнадцать часовъ въ день за чисто машинальнымъ трудомъ, жить какъ вьючное животное и умереть въ больницѣ. Нужно чтобы онъ имѣлъ свой хлѣбъ, свой кровъ и всѣ необходимыя для жизни предметы, чтобы онъ работалъ не выше мѣры, безъ мучительнаго безпокойства и принужденія, «чтобы онъ жилъ независимымъ, чтобы онъ уважалъ себя, чтобы онъ имѣлъ опрятную жену, здоровыхъ и сильныхъ дѣтей».

Общество должно гарантировать ему достатокъ, безопасность, увѣренность, что онъ не будетъ, въ случаѣ немощности, голодать и что онъ не оставитъ, въ случаѣ смерти, свою семью безъ гроша.

«Недостаточно еще, говорить Бареръ, выпустить кровь изъ богатой промышленности, уничтожить крупныя состоянія, необходимо еще чтобы исчезло съ территории республики рабство нищеты». «Несчастные—владельцы земли, говорить Сенъ-Жюсть, они имѣютъ право говорить въ качествѣ владельцевъ съ правительствами, которыя ими пренебрегаютъ, они имѣютъ право на національную благотворительность»... «Въ только что организующейся демократіи все должно быть направлено къ тому, чтобы поднять каждаго гражданина надъ минимумомъ потребностей, посредствомъ работы, если онъ работоспособенъ, посредствомъ воспитанія, когда онъ еще ребенокъ, посредствомъ помощи, если онъ неработоспособенъ или старъ».

И никогда моментъ не былъ болѣе благопріятенъ. Богатая государственными имуществами Республика имѣетъ въ своемъ распоряженіи, для улучшенія участи мало состоятельныхъ гражданъ, миллиарды, на которые рассчитывали богачи для контръ-революціи.. Намѣревавшіеся убить свободу обогатили ее... Имуществомъ враговъ Революціи будутъ вознаграждены всѣ бѣдняки.. Пусть бѣднякъ беретъ его со спокойной совѣстью: это не милостыня а «возмѣщеніе убытковъ», которое мы ему оказываемъ, мы шадимъ его гордость заботясь о его благосостояніи и облегчаемъ его жизнь не унижая его. «Мы предоставляемъ благотворительныя работы монархіямъ, этотъ наглый и низкій способъ оказывать помощь приличествуетъ только рабамъ и господамъ, мы замѣняемъ его величественнымъ способомъ—національными работами, устроенными на всей территории Республики».

Съ другой стороны, мы составляемъ въ каждой коммунѣ «спиксъ гражданъ, не владѣющихъ никакой собственностью» и «спи-

сокъ не проданныхъ національныхъ имѣній». Мы дѣлимъ эти имѣнія на мелкіе участки, распредѣляемъ ихъ между работоспособными бѣдняками, мы отдаемъ какъ бы въ аренду одинъ арпантъ всякому главѣ семейства, влаждѣющему по крайней мѣрѣ однимъ арпантомъ. «Такимъ образомъ мы прикрѣпляемъ къ землѣ и къ родинѣ всѣхъ гражданъ, мы возвращаемъ землѣ праздныя и сильныя руки и затеряныя или разслабленныя въ мастерскихъ и городахъ семьи».

Для земледѣльцевъ и старыхъ или немощныхъ ремесленниковъ, для бѣдныхъ матерей, женъ и вдовъ ремесленниковъ, или земледѣльцевъ мы заводимъ въ каждомъ департаментѣ «книгу національной благотворительности». Мы вписываемъ туда на каждую тысячу жителей четырехъ земледѣльцевъ, двухъ ремесленниковъ, пять женъ, матерей или вдовъ; каждый изъ записанныхъ будетъ получать пенсію отъ государства, подобно искалѣченному солдату: инвалиды труда достойны такого же уваженія какъ и инвалиды войны.

Кромѣ этихъ привилегированныхъ бѣдняковъ мы ставимъ на ноги и помогаемъ всему классу бѣдняковъ, не только 1.300.000 немущимъ имѣющимъ во Франціи, но и всѣмъ тѣмъ, которые, не имѣя почти никакихъ сбереженій, живутъ изо дня въ день, трудомъ своихъ рукъ. Мы объявили, что государственная казна, путемъ введенія налога на крупныя состоянія, «доставитъ каждой коммунѣ или секціи необходимыя средства для того чтобы соразмѣрить цѣну хлѣба съ размѣрами вознагражденія за рабочей трудъ». Наши представители въ провинціи обязываютъ богачей «помѣщать у себя, кормить и одѣвать всѣхъ слабосильныхъ стариковъ, бѣдняковъ, сиротъ своихъ соответственныхъ кантоновъ». Декретомъ о реквизиціяхъ и установленіемъ максимума цѣнъ, мы дѣлаемъ доступными для бѣдняковъ всѣ предметы первой необходимости. Мы платимъ имъ 40 су въ день за присутствіе на секціонныхъ засѣданіяхъ и 3 франка въ день если они являются членами наблюдательныхъ комитетовъ. Мы набираемъ среди нихъ революціонную армію, мы среди нихъ выбираемъ безчисленныхъ охранителей секвестровъ и такимъ образомъ санюлоты сотнями тысячъ занимаютъ общественныя должности.

Наконецъ, бѣдняки исторгнуты изъ бѣдности, каждый изъ нихъ можетъ теперь имѣть свой участокъ, свое жалованье, или свою пенсію. «Въ хорошо устроенной республикѣ всякій долженъ имѣть какую либо собственность». Отнынѣ между частными лицами разница въ благосостояніи будетъ очень незначительна, отъ максимума до минимума будетъ одна только ступень и во всѣхъ домахъ можно будетъ найти почти одно и тоже хозяйство, хозяйство скромное и простое, хозяйство сельскаго хозяина, зажиточнаго фермера, ремесленника-хозяина, Руссо въ Монморенси, савойярдскаго викарія, хозяйство Дюплэ, столяра, у котораго живетъ Робеспьеръ. Прислуги какъ общественнаго класса болѣе не существуетъ. «Человѣка, который работаетъ и того, который пользуется этой работой могутъ связывать только узы услугъ и благодарности». — «Тотъ кто работаетъ на гражданина принадлежитъ къ его семьѣ и ѣсть за однимъ съ нимъ столомъ».

Этимъ измѣненіемъ низкаго общественнаго положенія мы придаемъ достоинство человѣку и изъ пролетарія, слуги, чернорабочаго мы начинаемъ выдѣлять гражданина.

VII.

Два главныхъ препятствія мѣшаютъ развитію гражданской доблести и первое изъ нихъ—эгоизмъ. Тогда какъ гражданинъ предпочитаетъ общество себѣ самому, эгоистъ ставитъ на первое мѣсто себя, а затѣмъ общество, онъ думаетъ только о своемъ собственномъ интересѣ, онъ не обращаетъ вниманія на общественныя нужды, онъ не видитъ высшихъ правъ, которые занимаютъ первое мѣсто и отгѣсняють его побочное право; онъ предполагаетъ, что собственность его принадлежитъ ему безъ всякаго ограниченія и условія. Онъ забываетъ, что если ему и позволено пользоваться, то во всякомъ случаѣ не во вредъ другому. Такъ поступаютъ въ настоящее время, даже въ среднемъ и низшемъ классѣ, владельцы предметовъ первой необходимости. Чѣмъ болѣе увеличивается потребность, тѣмъ болѣе они повышаютъ цѣны, хуже того, они прекращаютъ продажу, въ надеждѣ, что впослѣдствіи они продадутъ еще дороже свои продукты или товары. Этимъ самымъ они спекулируютъ на нуждахъ ближняго, они усиливаютъ общую бѣдность, они становятся общественными врагами. Въ настоящее время врагами общества являются почти всѣ земледѣльцы, промышленники и коммерсанты, крупные, какъ и мелкіе, фермеры, арендаторы, огородники, всякаго рода сельскіе хозяева и также ремесленники—хозяева, лавочники, въ особенности виноторговцы, булочники и мясники.

«Всѣ торговцы—контръ-революціонеры и могутъ продать свою родину за нѣсколько су барыша». Мы не допустимъ этого законнаго грабительства. Такъ какъ «сельское хозяйство ничего не сдѣлало для свободы и только старалось увеличить свои барыши», мы учредимъ за нимъ надзоръ и, если понадобится, возьмемъ его въ завѣдываніе государства. Такъ какъ «торговля стала какимъ то скучнымъ тираномъ», такъ какъ «она сама себя парализовала и съ контръ-революціонной досады пренебрегла фабрикаціей, обработкой и сбытомъ разныхъ продуктовъ», мы рассмотримъ расчеты ея варварской ариѳметики, мы очистимъ ее отъ аристократическаго и подтачивающаго ее зародыша». Мы считаемъ скупку «преступленіемъ достойнымъ смертной казни», мы называемъ скупщикомъ «того, который не пускаетъ въ обращеніе товары или продукты первой необходимости и держитъ ихъ подъ замкомъ, не обращая ихъ ежедневно и публично въ продажу». Смертная казнь угрожаетъ ему, если онъ въ теченіи недѣли не сдѣлалъ заявленія или если сдѣлалъ ложное заявленіе. Смерть грозитъ всякому, хвращающему у себя хлѣба, болѣе чѣмъ ему нужно для его существованія. Смерть земледѣльцу, не доставляющему каждую недѣлю на рынокъ свой хлѣбъ. Смерть торговцу, не объявляющему публично объ имѣющемся у него въ складѣ товарѣ или не держащему настежь дверей своей лавки. Смерть про-

мышленнику, не оправдывающему необходимости ежедневной обработки матеріаловъ, годныхъ для таковой.

Что касается цѣны, то мы насильно вмѣшиваемся въ отношенія между продавцомъ и покупателемъ. Мы устанавливаемъ высокую цѣну для всѣхъ предметовъ, служащихъ какимъ бы то ни было образомъ для питанія, отопления, снабженія одеждой и обувью людей, мы заключаемъ въ тюрьму всякаго предложившаго или взявшаго большую цѣну. Какое намъ дѣло, что по этой цѣнѣ торговецъ или промышленникъ не окупитъ своихъ расходовъ. Если послѣ установленія максимальной цѣны онъ закрываетъ свою фабрику или прекращаетъ свою торговлю, мы объявляемъ его подъ подозрѣніемъ, мы заставляемъ его взяться снова за работу, мы принуждаемъ его терпѣть убытки.

Вотъ какимъ образомъ можно отрѣзать когти хищнымъ звѣрямъ, крупнымъ и мелкимъ. Но когти отрастаютъ и можетъ быть, вмѣсто того чтобы ихъ отрѣзать, лучше было бы ихъ совсѣмъ вырвать. Нѣкоторые изъ насъ уже думали объ этомъ, можно было бы примѣнять ко всѣмъ предметамъ преимущественное право покупки, «можно было бы устроить въ каждомъ департаментѣ національные магазины, въ которые земледѣльцы, землевладѣльцы и владѣльцы фабрикъ были бы обязаны сдавать по умѣренной цѣнѣ излишекъ ихъ производства всякаго рода товаровъ, причемъ деньги они получали бы немедленно. Нація распредѣляла бы тѣ же самые товары крупнымъ торговцамъ, оставляя за собой барышъ въ 6%, прибыль оптоваго торговца была бы опредѣлена въ 8%, а мелочного въ 12%. Такимъ образомъ земледѣльцы, промышленники и купцы сдѣлались бы всѣ приказчиками государства, причемъ жалованьемъ ихъ являлась бы премія или скидка; не имѣя болѣе возможности много зарабатывать, они не имѣли бы попользованія зарабатывать слишкомъ много, они перестали бы быть жадными и скоро перестали бы быть эгоистами.

Въ сущности, разъ эгоизмъ является главнымъ порокомъ и индивидуальная собственность поощряетъ его, отчего бы не уничтожить индивидуальную собственность? Наши крайніе логики, съ Бабефомъ во главѣ доходятъ въ своихъ выводахъ до этого и Сенъ - Жюсть повидимому того же мнѣнія. Дѣло идетъ не о томъ, чтобы объявить аграрный законъ, нація предоставила бы себѣ всю землю и не раздѣлила бы между отдѣльными лицами землю, а отдала бы имъ извѣстные участки въ аренду. Въ концѣ концовъ установился бы такой порядокъ, что государство единственный земельный собственникъ, единственный капиталистъ, единственный фабрикантъ, единственный коммерсантъ, имѣя у себя на жалованьи и на службѣ всѣхъ французовъ, давало бы каждому работу соотвѣтственную его способностямъ и раздавало бы каждому его долю соотвѣтственно его потребностямъ.

Эти разные неоконченные проекты еще носятъ въ далекомъ туманѣ, но ихъ общая цѣль является уже въ яркомъ свѣтѣ. «Все, что направлено къ тому, чтобы централизовать человѣческія страсти въ низкомъ личномъ «я» должно быть отвергнуто или подавлено»; нужно уничтожить частные интересы, лишитъ отдѣльную личность

мотивовъ и средствъ къ изолированію, уничтожить предрасудки и тщеславіе, благодаря которымъ она дѣлаетъ себя центромъ въ ущербъ истинному центру, однимъ словомъ оторвать ее отъ самого себя, чтобы привязать ее всю къ государству.

Вотъ почему, кромѣ узкаго эгоизма, при которомъ отдѣльная личность ставитъ себя на первое мѣсто передъ обществомъ, мы преслѣдуемъ болѣе широкій эгоизмъ, при которомъ личность предпочитаетъ обществу группу, къ которой она принадлежитъ. Ни подъ какимъ предлогомъ она не можетъ совсѣмъ отдѣлиться, ни подъ какимъ видомъ ей нельзя позволить создать себѣ маленькую родину въ большой, такъ какъ она лишаетъ большую всей любви, которую она питаетъ къ маленькой. Нѣтъ ничего хуже федерализма политическаго, гражданскаго, религіознаго, домашняго, мы боремся съ нимъ, подъ какимъ бы видомъ онъ ни существовалъ. Въ этомъ вопросѣ Учредительное Собраніе расчистило намъ путь, такъ какъ оно распустило главныя историческія или естественныя группы, благодаря которымъ люди отдѣлялись отъ массы и образовывали отдѣльныя кружки, провинціи, духовенство, дворянство, парламенты, религіозныя ордена и цеховыя корпораціи. Мы доканчиваемъ предпринятое имъ дѣло, мы разрушаемъ церкви, мы уничтожаемъ литературныя или научныя общества, образовательныя или благотворительныя учрежденія и даже финансовыя общества.

Мы изгоняемъ всякій «мѣстный духъ», департаментскій или коммунальный, мы считаемъ «отвратительнымъ и противнымъ всѣмъ принципамъ, что между муниципалитетами одни богаты, а другіе бѣдны, что одинъ напримѣръ владѣетъ громаднымъ унаследованнымъ имуществомъ, а другой имѣетъ только долги». Мы предоставляемъ это имущество націи и на нее же возлагаемъ эти долги. Мы отбираемъ хлѣбъ у богатыхъ коммунъ и департаментовъ для того чтобы прокормить бѣдные коммуны и департаменты. Мы въ каждомъ округѣ на счетъ государства строимъ мосты, проводимъ дороги и каналы. «Мы широко централизуемъ трудъ французскаго народа». Мы не желаемъ болѣе мѣстныхъ интересовъ, воспоминаній, нарѣчій и патриотизма. Между отдѣльными личностями должны существовать только узы связывающія ихъ съ социальнымъ тѣломъ, всѣ остальные узы мы разрываемъ. Мы не допускаемъ существованія особаго аггломерата, мы стараемся насколько хватаетъ силъ уничтожить самый ерѣвкій изъ нихъ—семью.

Съ этой цѣлью мы приравниваемъ бракъ въ обыкновеннымъ договорамъ, мы дѣлаемъ его хрупкимъ и ненадежнымъ институтомъ, какъ можно болѣе подобнымъ свободному и временному союзу половъ. Онъ можетъ быть расторгнутъ по желанію обѣихъ сторонъ и даже одной изъ нихъ послѣ мѣсяца испытанія. Если супруги фактически прекратили сожителство въ теченіе шести мѣсяцевъ, имъ безъ всякой оторочки объявляется разводъ и разведенные супруги могутъ снова вступить въ бракъ. Съ другой стороны мы уничтожаемъ власть мужа, такъ какъ супруги равны, каждый изъ нихъ имѣетъ одинаковыя права на общее имущество и на имущество другого супруга. Мы лишаемъ мужа права управленія имуществомъ и дѣлаемъ его общимъ правомъ обѣихъ супруговъ. Мы уничтожаемъ

родительскую власть. «Устанавливать свои права насиліемъ, это значитъ обманывать природу. Надзоръ и защита—вотъ всё права родителей». Отецъ болѣе не заботится о воспитаніи своихъ дѣтей, эту заботу беретъ на себя государство. Отецъ уже не является хозяиномъ своего имѣщества, въ случаѣ полученія дара или наслѣдства онъ имѣетъ право на крайне незначительную долю, такъ какъ мы предписываемъ равный и принудительный дѣлежъ.

Въ довершеніе всего, мы проповѣдуемъ усыновленіе, мы предоставляемъ дѣтямъ свободной любви тѣ же права какъ и законнымъ дѣтямъ. Однимъ словомъ мы разбиваемъ замкнутый кругъ, исключительную группу, аристократическій организмъ, созданный подъ именемъ семьи эгоизмомъ и гордостью.

Этотъ пунктъ якобинской программы, имѣлъ, подобно другимъ, свой практическій результатъ. «Въ Парижѣ, въ теченіе двадцати семи мѣсяцевъ слѣдовавшихъ за обнародованіемъ сентябрьскаго закона 1792 года суды постановили 5994 развода и въ VI году число разводовъ превысило число браковъ». «Число брошенныхъ дѣтей во Франціи не превышавшее въ 1790 году 23.000 въ настоящее время (X годъ) болѣе 63.000» «Въ департаментѣ Ло и Гаронны, пишетъ префектъ Шейръ, насчитываютъ болѣе 1.500 брошенныхъ дѣтей. Число подкидышей увеличилось до крайней степени во время Революціи благодаря слишкомъ легкому допущенію матерей-дѣвушекъ и брошенныхъ дѣтей въ пріюты, благодаря временнымъ посѣщеніямъ военными своихъ очаговъ, благодаря потрясенію всѣхъ принциповъ религіи и морали».

«Повѣрите ли вы, сударыня, говорилъ одинъ Нимскій садовникъ, («Разсказъ о трехъ годахъ пребыванія во Франціи съ 1802 г. по 1805 г.») въ извѣстный періодъ Революціи мы никогда не смѣли бранить нашихъ дѣтей за совершенныя ими проступки. Тѣ, которые сами называли себя патріотами, считали за основной принципъ свободы, что дѣтей никогда не нужно наказывать. Благодаря этому они были такъ недисциплинированы, что очень часто, когда одинъ изъ родителей осмѣливался бранить своего ребенка, тотъ совѣтовалъ ему не соваться въ чужія дѣла и добавлялъ: «Мы свободны, мы равны, наши отецъ и мать—Республика. Что мнѣ за дѣло, что ты недоволенъ. Ты можешь убираться куда хочешь... Дѣти еще и теперь очень дерзки и потребуются много лѣтъ, чтобы ихъ исправить».

УІІІ.

Мы должны направлять умъ и душу человѣка и для этого овружимъ его нашими ученіями. Ему нужны общія идеи съ порождаемыми ими ежедневными обрядами, ему нужна теорія, которая объясняла бы ему происхожденіе и природу существъ, которая указывала бы его мѣсто и его роль въ этомъ мірѣ, которая внушала бы ему его обязанности, которая регулировала бы его жизнь, которая установила бы ему дни работы и дни отдыха, которая укрѣпилась бы въ немъ празднованіями въ память извѣстныхъ событій, обрядами, катехизисомъ и календаремъ. До сихъ поръ

властью, которой поручена была забота объ этомъ, являлась Религія, истолковываемая Церковью, которая была всегда къ ея услугамъ; теперь ея мѣсто займетъ Разумъ, толковать который и прислуживать которому будетъ государство.

Многіе изъ нашихъ сторонниковъ, ученики энциклопедистовъ, считаютъ Разумъ божествомъ и воздаютъ ему поклоненіе, но они олицетворяютъ отвлеченность, ихъ импровизированная богиня является только аллегорической тѣнью, нигде изъ нихъ не видить въ ней разумную міровую причину, въ глубинѣ души они отрицаютъ эту высшую причину и ихъ мнимая религія является явнымъ или скрытымъ безбожіемъ.

Мы отвергаемъ атеизмъ не только какъ нѣчто ложное, но еще и главнымъ образомъ какъ нѣчто растворяющее и вредное. Мы стремимся къ дѣйствительной, ободряющей и укрѣпляющей религіи, а таковой является религія естественная, столь же общественная, сколь истинная. «Безъ нея, какъ сказалъ Жанъ-Жакъ Руссо, не возможно быть хорошимъ гражданиномъ... Существованіе Божества, будущая жизнь, святость общественного договора и законовъ» — вотъ всѣ ея догматы. «Нельзя никого принудить вѣровать въ нихъ, но всякій осмѣливающийся заявить, что онъ въ нихъ не вѣруетъ, идетъ противъ французскаго народа, человѣческаго рода и природы». Поэтому мы объявляемъ, что «французскій народъ признаетъ существованіе Верховнаго Существа и безсмертіе душъ».

Необходимо утвердить эту всецѣло философскую религію въ сердцахъ людей. Мы вводимъ ее въ гражданское управленіе, мы отбираемъ календарь отъ церкви, мы освобождаемъ его отъ всѣхъ христіанскихъ изображеній, мы съ провозглашеніемъ Республики определяемъ начало новой эры, мы раздѣляемъ годъ по метрической системѣ, мы даемъ названія мѣсяцамъ согласно чередованію времени года, «мы замѣняемъ всудь бредни невѣжества реальностями разума и священнической престижъ истинами природы», замѣняемъ недѣлю декадой, воскресенье декады, духовныя празднества свѣтскими. Каждымъ празднованіемъ десятаго дня декады, пышнымъ и искусно скомпанованнымъ торжествомъ, мы стараемся вѣдрить въ народный разумъ одну изъ высокихъ истинъ нашего вѣрованія. Мы прославляемъ Природу, Истину, Правосудіе, Свободу, Равенство, Народъ, Несчастье, Человѣческій родъ, Республику, Потомство, Славу, Любовь къ родинѣ, Героизмъ и другія Добродѣтели. Мы кромѣ того, празднуемъ великіе дни Революціи, взятіе Бастиліи, сверженіе короля, смерть тирана, изгнаніе жирондистовъ. Мы тоже имѣемъ свои годовщины, своихъ святыхъ, своихъ мучениковъ, свои реликвіи, реликвіи Шалье и Марата (Сердце Марата, помѣщенное на алтарь въ клубъ Кордельеровъ, было предметомъ поклоненія), свои процессіи, свои богослуженія, свой ритуаль, обширное приспособленіе осязательныхъ декорацій, которыми проявляется и пропагандируется догматъ. Но нашъ догматъ, вмѣсто того чтобы унести людей на воображаемое небо, приводитъ ихъ къ живой родинѣ. Какъ нашими церемоніями такъ и нашимъ догматомъ мы проповѣдуемъ гражданскую доблесть.

Если необходимо проповѣдывать ее взрослымъ, тѣмъ болѣе не-

обходимо внушать ее дѣтямъ, такъ какъ дѣти болѣе поддаются вліянію чѣмъ взрослые. Мы можемъ вполне распоряжаться этими гибкими душами и благодаря національному воспитанію «мы захватываемъ въ свои руки рождающееся поколѣніе». Это крайне необходимо и вполне законно. «Родина, говоритъ Робеспьеръ, имѣетъ право воспитывать своихъ дѣтей, она не можетъ предоставить дѣло воспитанія ни семейной гордости, ни предразсудкамъ отдѣльныхъ личностей, вѣчнымъ спутникамъ аристократіи и домашняго федерализма, оказывающему отрицательное вліяніе на души, благодаря тому, что онъ ихъ изолируетъ. Мы хотимъ, чтобы воспитаніе было общимъ и одинаковымъ для всѣхъ французовъ и мы придаемъ ему отпечатокъ величія, аналогичный природѣ нашего управленія и величію судебъ нашей Республики. Необходимо формировать теперь не господъ, а гражданъ».

Мы заставляемъ учителей и учительницъ представлять удостовѣреніе объ ихъ гражданской доблести, то есть объ ихъ якобинствѣ. Мы закрываемъ ихъ школы, если они преподаютъ «ученія или принципы противныя революціонной морали», то есть согласныя съ христіанской моралью. Дѣти научатся читать по Декларациі Правъ и Конституціи 1793 года. Для ихъ употребленія будутъ приготовлены республиканскія руководства или катехизисы. «Имъ будутъ рассказывать о чертахъ добродѣтели, наиболѣе дѣлающихъ честь свободнымъ людямъ и въ частности о чертахъ французской Революціи, наиболѣе способныхъ возвысить душу и сдѣлать ихъ достойными равенства и свободы». Передъ ними будутъ восхвалять или оправдывать 14 Июля, 10 Августа, 2 Сентября, 21 Января, 31 Мая. Ихъ будутъ водить на засѣданія муниципалитетовъ, судовъ и «въ особенности народныхъ обществъ; въ этихъ чистыхъ источникахъ они будутъ черпать познаніе своихъ правъ, своихъ обязанностей, законовъ, республиканской морали» и при своемъ вступленіи въ свѣтъ они будутъ пропитаны всѣми этими принципами.

Кромѣ ихъ политическихъ убѣжденій мы образовываемъ ихъ практическія привычки. Мы въ увеличенномъ масштабѣ примѣняемъ планъ воспитанія, начертанный Жанъ-Жакомъ Руссо. Намъ больше не нужно образованныхъ хлыщей; въ арміи «мускусникъ дохнетъ при первомъ же походѣ». Намъ нужны молодые люди, способные переносить лишения и усталость, закаленные подобно Эмилю «благодаря тяжелому ремеслу» и тѣлеснымъ упражненіямъ.

По этой части воспитанія у насъ есть только проекты, но согласованность намѣченныхъ общихъ чертъ достаточно ясно указываетъ на смыслъ и значеніе нашего принципа. «Всѣ дѣти, безъ всякаго различія и исключенія говоритъ Ле-Пелетье-де-Сенъ-Фаржо въ своемъ планѣ воспитанія, мальчики отъ пяти до двѣнадцати лѣтъ, дѣвочки отъ пяти до одиннадцати лѣтъ воспитываются совмѣстно на средства Республики, всѣ, подъ покровомъ святаго закона равенства, будутъ получать одну и ту же одежду, одну и ту же пищу, одно и тоже воспитаніе, одинъ и тотъ же уходъ» въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, по одному въ кантонѣ, причѣмъ въ каждомъ изъ нихъ будетъ отъ четырехъ до шести сотъ учениковъ. Ученики будутъ подчиняться ежедневно и во всякое время одинаковымъ

правиламъ... у нихъ будетъ жесткая постель, пища у нихъ будетъ здоровая, но скудная, одежда удобная, но грубая». Прислуги не будетъ, дѣти должны сами услуживать другъ другу и кромѣ того должны услуживать старикамъ и больнымъ, помѣщающимся съ ними или подлѣ нихъ. «День будетъ проводится такимъ образомъ, что ручной трудъ будетъ главнымъ занятіемъ, все остальное будетъ имѣть второстепенное значеніе». Дѣвочки будутъ учиться праять, шить, стирать бѣлье, мальчики будутъ мостовыми рабочими, пастухами, землепашцами, рабочими, и тѣ и другіе будутъ работать или въ школьныхъ мастерскихъ, или въ поляхъ и сосѣднихъ фабрикахъ.

Сеть-Жюсть выражается еще болѣе опредѣленно и точно. «Мальчики воспитываются отъ пяти до шестнадцати лѣтъ для родины. Они носятъ одежду изъ холста во всё время года. Они спятъ на плетенкахъ и притомъ не болѣе восьми часовъ. Ихъ кормятъ совершенно и питаются они только кореньями, фруктами, зеленью, молочными продуктами, хлѣбомъ и водой. Они не ѣдятъ мяса до шестнадцатилѣтняго возраста... Съ десяти до шестнадцати лѣтъ они получаютъ военное и земледѣльческое воспитаніе. Ихъ раздѣляютъ на роты въ шестьдесятъ человекъ, шесть ротъ составляютъ батальонъ, дѣти одного округа составляютъ легионъ. Они каждый годъ собираются въ главномъ городѣ, располагаются лагеремъ и производятъ всё пѣхотныя упражненія въ специально устроенныхъ для этого аренахъ, они учатся также кавалерійскимъ упражненіямъ и всѣмъ военнымъ эволюціямъ. Ихъ распредѣляютъ между землепашцами въ жатвенное время». Съ шестнадцати лѣтъ «они поступаютъ въ ученіе къ земледѣльцу, ремесленнику или фабриканту, который становится ихъ дѣйствительнымъ «учителемъ» и у котораго они обязаны оставаться до двадцати одного года, «подъ угрозой быть лишенными правъ гражданина на всю свою жизнь... Всѣ дѣти должны одѣваться совершенно одинаково до шестнадцати лѣтъ, съ шестнадцати лѣтъ до двадцати одного года они должны носить костюмъ рабочаго, съ двѣнадцати до двадцати одного года до двадцати шести лѣтъ костюмъ солдата, если они не должностныя лица».

Уже на блестящемъ примѣрѣ мы дѣлаемъ очевидными послѣдствія нашей теоріи. Мы основываемъ Марсовую школу. Мы выбираемъ въ каждомъ округѣ шесть молодыхъ людей отъ шестнадцати до семнадцати съ половиною лѣтъ «между дѣтьми санжюлотовъ», мы ихъ вызываемъ въ Парижъ, для того чтобы они тамъ «получили, благодаря революціонному воспитанію, всѣ познанія и восприняли всѣ нравы республиканскаго солдата. Они получаютъ склонность къ братству, къ дисциплинѣ, къ простотѣ, къ добрымъ нравамъ, къ любви къ отчизнѣ и къ ненависти къ королямъ». Мы помѣщаемъ эти три или четыре тысячи молодыхъ людей въ палатки, мы кормимъ ихъ чернымъ хлѣбомъ, саломъ и разбавленной уксусомъ водой, мы приучаемъ ихъ къ обращенію съ оружіемъ, мы заставляемъ ихъ парадировать въ національныя торжества, мы возбуждаемъ ихъ патріотическими рѣчами.

Предположите, что всѣ французы вышли изъ подобной школы; привычки восприняты юношей останутся и у взрослого и въ каж-

домъ взрослому человѣку найдутъ простоту, энергію, патриотизмъ спартамца или римлянина.

Уже подъ вліяніемъ нашихъ декретовъ гражданская доблесть проникаетъ въ наши нравы и ясные признаки предвѣщаютъ со всѣхъ сторонъ общественное возрожденіе. «Французскій народъ, говоритъ Робеспьеръ, какъ будто опередилъ двумя тысячелѣтіями остальной человѣческой родъ, пожалуй даже можно было бы принять французскій народъ за совершенно особую породу. Въ Европѣ землепашецъ, ремесленникъ—животное дрессированное для удовольствія дворянина, во Франціи дворяне стараются превратиться въ землепашцевъ и ремесленниковъ и не могутъ даже добиться этой чести».

Послѣдовательно всѣ стороны текущей жизни принимаютъ демократическій отгѣнокъ. Запрещается заключеннымъ въ тюрьмѣ богатымъ покупать себѣ сладости или заботиться о своихъ особыхъ удобствахъ, они получаютъ то же довольствіе, что и неимущіе заключенные и ѣдятъ съ ними вмѣстѣ изъ одного котла. Булочникамъ приказано производить только одинъ сортъ хлѣба, полюбимый хлѣбъ, называемый «хлѣбомъ равенства» и чтобы получить свою порцію каждый становится въ очередь и передъ булочными образуется громадный хвостъ. Въ праздничные дни каждый гражданинъ долженъ вынести на улицу свои запасы и обѣдать вмѣстѣ со своими сосѣдями. Въ десятый день декады всѣ поютъ вмѣстѣ и танцуютъ въ храмѣ Верховнаго Существа. Декретами Конвента и постановленіями депутатовъ женщины обязуются носить кокарды; общественный духъ и примѣръ другихъ обязываютъ мужчинъ носить одежду санюлотовъ, даже встрѣчаются нѣкоторые «мускусники» съ усами, длинными волосами, краснымъ колпакомъ, въ карманьолкѣ, въ деревянныхъ башмакахъ или простыхъ сапогахъ.

Другъ другу больше не говорятъ сударь или сударыня, гражданинъ и гражданка—единственно разрѣшенные обращенія и притомъ всѣ говорятъ другъ другу «ты». Грубая фамильярность замѣняетъ монархическую вѣжливость, всѣ обращаются другъ съ другомъ какъ съ равными и товарищами. Существуетъ только одинъ тонъ, одинъ стиль, одинъ языкъ; революціонныя формулы составляютъ канву какъ рѣчей, такъ и книгъ и кажется, что люди только и умѣютъ мыслить нашими мыслями и говорить нашими фразами. Измѣнены даже названія мѣсяцевъ и дней, названія мѣстностей и памятниконъ, имена и фамиліи: Сентъ-Дени превратился въ Франсіаду, Пьеръ Гаспаръ превращается въ Анаксгора, Антуанъ-Луи измѣняя вѣло Брута, депутатъ Леруа измѣняетъ свою фамилію на Лалуа, присяжный Леруа превращается въ Десятое-Августа.

Путемъ такого измѣненія вѣшняго мы достигнемъ измѣненія внутренняго и вѣшней гражданской доблестью мы подготовимъ внутреннюю доблесть. Обѣ онѣ обязательны, но вторая еще болѣе первой, такъ какъ она составляетъ «основной принципъ, существенную пружину поддерживающую и приводящую въ движеніе демократическое и народное правительство». Невозможно примѣнять общественный договоръ, разъ всѣ не соблюдаютъ точно первого условія; полного отчужденія себя самого обществу. Нужно поэтому чтобы

каждый отдавался всецѣло, не только тѣломъ, но и душой и посвящалъ себя благу общества, заключается въ возрожденіи чело-вѣка, какъ мы его опредѣлили. Поэтому истинный гражданинъ тотъ, который идетъ вмѣстѣ съ нами. Какъ у него, такъ и у насъ отвлеченныя истины философіи властвуютъ надъ со-вѣстью и управляютъ волею. Онъ исходитъ изъ нашихъ догмъ и до конца выполняетъ ихъ; онъ извлекаетъ послѣдствія, которые мы извлекаемъ, онъ одобряетъ всѣ наши дѣйствія, онъ повторяетъ нашъ символъ, онъ соблюдаетъ нашу дисциплину, онъ—вѣрующій и по-сѣщающій церковь якобинецъ, правовѣрный якобинецъ, внѣ всякаго подозрѣнія въ ереси или схизмѣ. Никогда онъ не склоняется ни влѣво къ преувеличенію, ни вправо къ снисходительности, не торо-пясь и не медля онъ идетъ по узкой, крутой, прямолинейной тро-пинкѣ; которую мы ему указали. Это тропинка разсудка. Такъ какъ существуетъ только одинъ разумъ, то имѣется только одинъ путь. Пусть никто не сворачиваетъ въ сторону съ пути, вѣдъ съ обѣихъ сторонъ пропасть. Послѣдуемъ за нашими проводниками, людьми принципа, чистыми, въ особенности за Кутонемъ, Сень-Жюстомъ, Робеспьеромъ; они избранники, они всѣ вылиты по настоящему образцу и по этому единственному и твердо установленному образцу мы должны пересоздать всѣхъ французовъ.

ГЛАВА II.

I. Ретроградное представленіе о государствѣ.—Аналогія этой идеи съ англич-ной идеей.—Различіе между античнымъ и современнымъ мірами.—Перемѣна обстоятельствъ.—II. Измѣненія въ душахъ.—Совѣсть и ея христіанское про-исхожденіе.—Честь и ея феодальное происхожденіе.—Человѣкъ сегодня от-казывается всецѣло отречься отъ своихъ личныхъ интересовъ.—Мотивы этого.—Характеръ выборовъ и качества депутата.—III. Происхожденіе и при-рода современнаго государства.—Его функціи, его права, его границы.—IV. Оно имѣетъ попользованіе нарушать права.—Председенты и мотивы, на которые оно опирается.—V. Прямой общій интересъ.—Онъ заключается въ отсутствіи принужденія.—Двѣ причины въ пользу свободы.—Индивидуальный характеръ челоуѣка въ общемъ.—Современный челоуѣкъ—существо слож-ное.—VI. Общій косвенный интересъ.—Онъ заключается въ самомъ эконо-мичномъ и самомъ продуктивномъ употребленіи самопроизвольныхъ силъ.—Разница между добровольнымъ и принудительнымъ трудомъ.—Источники че-ловѣческой дѣятельности. При какихъ условіяхъ они бьютъ, работаютъ и производятъ.—Мотивы для оставленія ихъ въ рукахъ ихъ собственниковъ.—Размѣры частнаго владѣнія.—Частные люди могутъ ихъ расширять по своему желанію.—Земли государства составляютъ часть, отъ которой они отказы-ваются.—Обязательныя функціи государства.—Факультативныя функціи го-сударства.—VII. Изготовленіе общественныхъ орудій.—Примѣненіе того же принципа.—Какимъ образомъ образуются во всякой области полезныя тру-женники.—Необходимое и достаточное условіе—уваженіе къ самозарождаю-щимся источникамъ.—Государство обязано съ уваженіемъ относиться къ нимъ.—Они изымаютъ, когда оно ими захватывается.—Конецъ патріотизму.—Конецъ остальнымъ великодушнымъ проявленіямъ воли.—Истощеніе всѣхъ производительныхъ способностей.—Разрушительное дѣйствіе якобинской си-стемы.—VIII. Сравненіе этого деспотизма съ другими.—Филиппъ II и Людо-викъ XIV, Кромвель и Фридрихъ II.—Петръ Великій и Султаны.—Размѣры массы, которыя они поднимаютъ и сила, которыми они располагаютъ.—Несо-размѣрность между массами, которые хотятъ поднять якобинцы и силами, которыми они располагаютъ.—Безразсудство ихъ предпріятія.—Они пользуют-ся только физической силой.—Они принуждены злоупотреблять ею.—Ха-рактеръ ихъ управленія.—Характеръ ихъ вожаковъ.

I.

Логическое построение ограниченнаго человѣческаго типа, усиліе, чтобы подладить къ нему живыя существа, вмѣшательство общественной власти во всѣ отрасли частной жизни, давленіе, производимое на трудъ, обмѣнъ и собственность, на семью и воспитаніе, на религію, нравы и чувства, принесеніе въ жертву частныхъ лицъ въ пользу общества, всемогущество государства—такова якобинская концепція. Нѣтъ болѣе ретроградной концепціи, такъ какъ она направлена въ тому, чтобы вернуть современнаго человѣка къ общественной формѣ, которую онъ пережилъ уже восемнадцать столѣтій тому назадъ.

Во время историческаго періода, предшествовавшаго нашему періоду и въ особенности въ древнихъ греческихъ или римскихъ городахъ, въ Римѣ и Спартѣ, которые якобинцы берутъ за образецъ, человѣческое общество было устроено на подобіе войска или монастыря. Какъ въ монастырѣ, такъ и въ войскѣ царитъ единая, всепоглощающая мысль: солдатъ хочетъ одержать побѣду. Вотъ почему они отказываются отъ своихъ другихъ желаній и подчиняются вполнѣ, монахъ—правиламъ, а солдатъ—дисциплинѣ. Подобно этому, въ античномъ мірѣ преобладали двѣ заботы. Во первыхъ, городу имѣлъ своихъ боговъ основателей и покровителей, поэтому онъ воздавалъ имъ постоянное и предусмотрѣнное до мелочей поклоненіе. Малѣйшій пропущенный обрядъ могъ ихъ оскорбить и въ такомъ случаѣ они отступались отъ города и онъ могъ погибнуть. Во вторыхъ, война никогда не прекращалась и право войны было ужасно. Если городъ былъ захваченъ непріятелемъ, каждый житель могъ ожидать, что его убьютъ, искалѣчатъ, продадутъ съ торга, что онъ будетъ свидѣтелемъ того, какъ дѣтей его и жену продадутъ дашему наибольшую цѣну. Однимъ словомъ, когда представляешь себѣ городъ подъ состоящемъ изъ храмовъ Акрополемъ, окруженный укрѣпленіями, среди мстительныхъ и грозныхъ сосѣдей, находишь, что онъ очень похожъ на институтъ кавалеровъ ордена Св. Іоанна живущихъ на Родосской или Мальтійской скалѣ; онъ является религіознымъ и военнымъ братствомъ въ крѣпости и вокругъ храма.

Въ подобныхъ условіяхъ нѣтъ мѣста для свободы, общественныя вѣрованія слишкомъ настоятельны, общественныя опасности слишкомъ значительны. Подъ ихъ давленіемъ личность отказывается отъ своихъ правъ въ пользу общества; оно захватываетъ всего человѣка, потому что нуждается для своего существованія во всемъ человѣкѣ. Отнынѣ никто не можетъ развиваться отдѣльно и для самого себя, никто не можетъ дѣйствовать и думать внѣ опредѣленныхъ рамокъ. Если не логикой, то по крайней мѣрѣ традиціей предначертанъ типъ, каждая жизнь и каждая доля жизни должна согласоваться съ этимъ типомъ, иначе общественному благу грозитъ опасность. Такъ, ослабленіе физическаго воспитанія ослабляетъ армию, прохожіи, отказывающійся совершить обычное изліаніе въ честь изображеній боговъ, навлекаетъ на городъ небесный гнѣвъ. Поэтому, чтобы уничтожить всякія отклоненія, государство, абсолютный вла-

стелинъ, пользуется неограниченной юрисдикціей; въ отдѣльномъ человѣкѣ нѣтъ ничего независимаго, нѣтъ никакого уголка, защищеннаго отъ могущества общественныхъ властей, они распоряжаются его имуществомъ, его дѣтьми, его личностью, его мнѣніями, его совѣстью. Если въ дни голосованія онъ является властелиномъ, то въ остальные дни года онъ подданный и притомъ даже въ своей семейной жизни. Для этого Римъ имѣлъ двухъ цензоровъ, одинъ изъ архонтовъ Аѳинъ былъ инвизиторомъ. Сократъ былъ приговоренъ къ смерти, «такъ какъ онъ не вѣрилъ въ боговъ, въ которыхъ вѣрилъ городъ».

Въ сущности, не только въ Греціи и въ Римѣ, но и въ Египтѣ, въ Китаѣ, въ Индіи, въ Персіи, въ Іудеѣ, въ Мексикѣ, въ Перу, во всѣхъ цивилизаціяхъ перваго роста, принципъ человѣческихъ обществъ есть тотъ же, что принципъ животныхъ обществъ: человѣкъ принадлежитъ обществу, подобно тому какъ пчела принадлежитъ своему улью, муравей своему муравейнику; онъ является только органомъ въ организмѣ. Подъ различными формами и при различныхъ примѣненіяхъ одерживаетъ верхъ властный социализмъ.

Совершенно наоборотъ обстоитъ дѣло въ современномъ мірѣ: что нѣкогда было правиломъ, теперь стало исключеніемъ и античная система существуетъ только въ такихъ временныхъ сообществахъ, какъ армія или въ такихъ частичныхъ сообществахъ, какъ монастырь. Послѣдовательно индивидъ освободился и изъ столѣтія въ столѣтіе онъ расширилъ область своихъ владѣній, такъ какъ обѣ цѣни, привязывавшія его къ обществу, оборвались или стали болѣе свободными.

Прежде всего, общественныя власти перестали играть роль жандарма, оберегающаго культъ. Благодаря христіанству гражданское общество и религиозное общество стали двумя отдѣльными областями и самъ Христосъ раздѣлилъ обѣ юрисдикціи: «Воздавайте Кесарю Кесарево, а Богу Божіе». Съ другой стороны, благодаря возникновенію протестанства, великая христіанская церковь раздѣлилась на многія секты, которыя, не имѣя возможности уничтожить другъ друга, принуждены были жить совмѣстно, такъ что государство, если и предпочитало одну какую нибудь секту, вынуждено было допускать и другія. Наконецъ, благодаря развитію претестанства, философіи и наукъ, спекулятивныя вѣрованія умножились, сегодня ихъ почти столько же, сколько мыслящихъ умовъ, и такъ какъ число этихъ послѣднихъ увеличивается съ каждымъ днемъ, то многочисленнѣе становятся съ каждымъ днемъ и убѣжденія. Изъ этого слѣдуетъ, что если государство сдѣлало бы обязательнымъ одно какое нибудь убѣжденіе, оно возмутило бы противъ него безчисленное количество другихъ, а это заставляетъ его, если оно благоразумно, сначала оставаться нейтральнымъ, а затѣмъ признать, что оно не имѣетъ права вмѣшательства.

Затѣмъ надо принять во вниманіе, что войны стали рѣже, не такъ ужасны, потому что у людей нѣтъ столько причинъ для войнъ какъ раньше и нѣтъ тѣхъ прежнихъ причинъ, чтобы вести ихъ съ прежней безпощадностью. Прежде война была главнымъ источникомъ богатства, побѣдами приобретали рабовъ, подданныхъ,

данниковъ, ихъ эксплуатировали, ихъ принудительнымъ трудомъ пользовались какъ хотѣли. Теперь нѣтъ ничего подобнаго, больше не думаютъ о томъ, чтобы захватывать человѣческой скотъ, нашли, что между всѣми скотами онъ самый неудобный, самый непродуктивный и самый опасный. Свободнымъ трудомъ и машинами скорѣе и вѣрнѣе достигаютъ благосостоянія; великой задачей является теперь не захватъ, а производство и обмѣнъ. Съ каждымъ днемъ человѣкъ все болѣе стремительно подвигается впередъ на гражданскихъ поприщахъ и съ каждымъ днемъ все менѣе допускаетъ, чтобы ему преграждали туда доступъ; если онъ еще соглашается быть солдатомъ то это не для нападенія, а для защиты. Между тѣмъ благодаря усложненію приспособленій война, требующая нынѣ большаго искусства, стала дороже обходиться. Государство болѣе не можетъ, не рискуя раззориться, зачислить въ солдаты всѣхъ годовныхъ для этого людей, ни поставить слишкомъ много препонъ свободной промышленности, которая благодаря налогамъ доставляетъ ему деньги для расходовъ. Если оно только хотъ немного предусмотрительно оно охраняетъ свои гражданскіе интересы даже въ своемъ военномъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ изъ двухъ сѣтей, которыми государство опутывало всю человѣческую жизнь, однѣ порвались, а другія ослабли. Нѣтъ болѣе основанія предоставлять обществу всемогущество, индивиду болѣе не нужно отчуждать себя цѣликомъ, онъ можетъ, безъ всякихъ затрудненій, предоставить себѣ лично известную долю и если теперь вы его заставите подписать общественный договоръ, будьте увѣрены, что онъ позаботится о себѣ и о своихъ интересахъ.

II.

Въ дѣйствительности не только различны внѣшнія обстоятельства, но измѣнилась сущность души и въ современномъ человѣкѣ развилось чувство, противное античному договору.

Конечно въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и въ случаѣ грубой необходимости, я иногда могу дать на нѣкоторое время свою подпись на чистомъ листѣ бумаги. Но никогда, если я понимаю точный смыслъ выражений, я добровольно не подпишусь подъ окончательнымъ отреченіемъ отъ своихъ правъ. Это было бы противъ совѣсти и противъ чести; а обѣ эти вещи не отчуждаются. Мою честь и мою совѣсть я не долженъ выпускать изъ своихъ рукъ, я единственный ихъ хранитель, я ихъ не отдамъ даже моему отцу. Здѣсь имѣется два новыхъ слова, выражающихъ двѣ мысли и незнакомыя древнимъ. И та и другая имѣютъ глубокой смыслъ и безконечное значеніе. Благодаря имъ, подобно взгляду на виноградной вѣткѣ, отдѣляющемуся отъ вѣтки и пускающему въ землѣ совершенно отдѣльный корень, индивидъ отдѣлился отъ первобытнаго общества, клана, семьи или города, въ которомъ онъ жилъ смѣшавшись съ другими. Онъ пересталъ быть органомъ и придаткомъ. Онъ сталъ личностью.

Первая изъ этихъ идей христіанскаго происхожденія, вторая

феодальнаго и обѣ онѣ, приложенныя одна къ другой, опредѣляютъ громадное разстояніе, отдѣляющее античную душу отъ современной души.

Очутившись одинъ, передъ лицомъ Бога, христіанинъ почувствовалъ, что въ немъ подобно воску таютъ всѣ узлы, которыя связывали его жизнь съ жизнью его группы. Вѣдь онъ передъ лицомъ судьбы и этотъ непогрѣшимый Судья видитъ души такими, какими они на самомъ дѣлѣ. Онъ видитъ ихъ не въ общей массѣ, а каждую совершенно отдѣльно отъ другой. Передъ Нимъ никто не солидаренъ съ другимъ, каждый отвѣчаетъ только за себя, его судятъ только по его дѣйствіямъ. Но эти дѣйствія имѣютъ безконечные результаты, такъ какъ сама душа, получившая искупленіе цѣною крови Божества, имѣетъ безконечную цѣну. Поэтому, смотря по тому воспользуется она или нѣтъ божественной жертвой, награда ея или муки будутъ безконечны. На страшномъ судѣ передъ ней открывається вѣчность мученій или блаженства. Передъ этимъ несоизмѣримымъ интересомъ исчезаютъ всѣ остальные интересы. Отнынѣ вся забота души направлена къ тому, чтобы она была найдена справедливой, но не людьми, а Богомъ и каждый день въ ней начинается трагическій діалогъ, въ которомъ судья допрашиваетъ, а грѣшникъ отвѣчаетъ.

Благодаря этому діалогу, продолжавшемуся восемнадцать столѣтій и продолжающемуся еще и теперь, совѣсть усовершенствовалась и человекъ позналъ абсолютную справедливость. Пребываетъ-ли она во всемогущемъ властелинѣ или существуетъ она сама по себѣ, подобно математическимъ истинамъ, это нисколько не умаляетъ ни ея святости, ни поэтому ея авторитета. Она приказываетъ повелительнымъ тономъ, а то что она приказываетъ должно быть исполнено во чтобы то ни стало: существуютъ безусловныя обязанности, выполнять которыя строго обязанъ всякій человекъ. Никакое обязательство не освобождаетъ его отъ этой обязанности. Если онъ не выполняетъ ее, потому что принялъ противныя обязательства, онъ такъ же виновенъ. Болѣе того, онъ виновенъ уже въ одномъ томъ, что обязался, одно это уже преступленіе. Такимъ образомъ, вина его представляется двойной, вотъ почему чѣмъ болѣе деликатна совѣсть, тѣмъ больше чувствуетъ она отвращеніе къ дурному и заранѣе отвергаетъ всякій договоръ, который могъ бы ее побудить къ дурному поступку и не признаетъ за людьми право возбуждать въ ней укоры.

Въ тоже самое время возникло другое чувство, не менѣе драгоценное и болѣе живое, болѣе человѣческое, еще болѣе дѣйствительное. Живя одинъ въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ, во главѣ своего отряда, феодальный глава могъ рассчитывать только на самого себя, такъ какъ тогда не существовало еще общественной власти. Онъ долженъ былъ самъ защищать себя. Въ этомъ анархическомъ и военномъ мірѣ всякій допускавшій малѣйшее нарушеніе своихъ правъ, оставлявшій безнаказаннымъ малѣйшій признакъ оскорбленія, считался слабымъ или трусомъ и сейчасъ же становился добычей другихъ. Онъ былъ принужденъ быть гордымъ, подъ страхомъ смерти. И повѣрьте, что это ему было очень не трудно. Помѣщикъ

и почти абсолютный суверенъ не имѣетъ ни равныхъ, ни подобныхъ себѣ въ своихъ помѣстьяхъ. Онъ существо—единственное, высшаго порядка, внѣ сравненія съ другими существами. На этомъ вертится его постоянный монологъ въ теченіе долгихъ часовъ угрюмаго одиночества и монологъ этотъ длился девять вѣковъ. Поэтому его личность и все связанное съ его личностью становятся въ его глазахъ неприкосновенными. Эзальтированная гордость лучшая охрана права, такъ какъ она охраняетъ право не только для его защиты, но еще и главнымъ образомъ для своего удовлетворенія; человѣкъ придумалъ характеръ приличествующій его рангу и дѣлаетъ соблюдение его обязательнымъ для себя. Отнынѣ онъ не только заставляетъ другихъ уважать себя, но онъ и самъ себя уважаетъ, у него появилось чувство чести. Это—великодушное самолюбіе, благодаря существованію котораго онъ считаетъ себя благороднымъ созданіемъ, которому не разрѣшены низкіе поступки. Въ сужденіи о своихъ поступкахъ ему иногда придется ошибаться, иногда мода или тщеславіе увлекутъ его слишкомъ далеко или приведутъ его къ ребяческимъ или безумнымъ выходкамъ, но этого опредѣленнаго понятія онъ будетъ всегда крѣпко держаться, даже при абсолютной монархи, при Филиппѣ II въ Испаніи, при Людовикѣ XIV во Франціи, при Фридрихѣ II въ Пруссіи. У феодальнаго барона, придворнаго кавалера и современнаго джентельмена будетъ въ теченіе столѣтій существовать традиція и она будетъ опускаться со ступени на ступень, до самаго дна общества. Въ настоящее время всякій человѣкъ сердца, буржуа, крестьянинъ, рабочій, имѣетъ, подобно дворянину, свою честь.

Таковы въ настоящее время обѣ главныя идеи нашей европейской морали; одной изъ нихъ индивидъ призналъ за собой обязанности, освободить отъ которыхъ его ничто не можетъ, другой онъ присвоилъ себѣ права, лишить которыхъ его невозможно. На этихъ двухъ корняхъ развивалась и развивается наша цивилизація. Примите въ соображеніе размѣры исторической нивы и глубину, на которой они произрастаютъ и вы поймете какъ они крѣпки. Примите въ соображеніе вышину и безконечный ростъ дерева, которое они питаютъ, и вы поймете, что корни эти не повреждены. Вездѣ, гдѣ не доставало одного или другаго корня, въ Китаѣ, въ Римской имперіи, въ Исламѣ, сокъ въ деревѣ пропалъ и оно засохло или пропало. Благодаря этимъ корнямъ наше дерево продолжаетъ все расти, они питаютъ его лучшія вѣтви, его самые снѣлые плоды. Новый общественный договоръ приказываетъ сдать свое святилище и свое укрѣпленіе современному человѣку, который не является ни китайцемъ, ни древнимъ грекомъ или римляниномъ, ни мусульманиномъ, ни варваромъ, ни дикаремъ, человѣку, на образованіе котораго имѣло вліяніе феодальное воспитаніе, и который замыкается въ своей чести, какъ въ какомъ то укрѣпленіи.

А при этой демократіи, основанной на численномъ преимуществѣ, кому я долженъ ихъ сдать? Въ теоріи—обществу, то есть толпѣ, гдѣ индивидуальное сужденіе замѣняется анонимнымъ импульсомъ, гдѣ дѣйствіе является безличнымъ, потому что оно коллективно, гдѣ никто не чувствуетъ себя отвѣтственнымъ, гдѣ меня подхватываютъ

какъ песчинку въ вихрѣ пыли, гдѣ всѣ посягательства заранѣе оправдываются государственными соображеніями; въ дѣйствительности—большинству голосовъ, которое, возбужденное борьбой, злоупотребить своей побѣдой и произведетъ насилие надъ меньшинствомъ, къ которому и я могу принадлежать, временному большинству, которое рано или поздно будетъ замѣнено другимъ, такъ что если я притѣсняю сегодня, я могу быть увѣренъ, что меня будутъ притѣснять завтра, еще точнѣе шести или семистамъ депутатамъ, среди которыхъ я призванъ выбрать только одного. Для того чтобы выбрать этого единственнаго депутата, у меня только одинъ голосъ на десять тысячъ и я только одной десяти тысячной частью способствую его избранію, я не способствую даже десяти тысячной частью избранію другихъ.

И этимъ шести или семи стамъ постороннимъ людямъ я поручаю высказывать желанія вмѣсто меня и предоставляю имъ всѣ мои права, замѣтите неограниченную власть не только надъ моимъ имуществомъ и жизнью, но и надъ моей душевной жизнью. Я предоставляю имъ всѣ мои соединенныя права, то есть гораздо болѣе широкія права чѣмъ тѣ, которыя я предоставляю въ отдѣльности десяти лицамъ, которымъ я больше всего довѣряю, юристу, завѣдывающему моимъ состояніемъ, учителю, воспитывающему моихъ дѣтей, врачу охраняющему мое здоровье, исповѣднику, руководящему моею совѣстью, друзьямъ, которые будутъ моими душеприказчиками, свидѣтелямъ, которые въ дуэли являются третейскими судьями моей жизни и охранителями моей чести. Я не говорю уже объ отвратительной комедіи разыгрывающейся столько разъ вокругъ избирательнаго ящика, о принудительныхъ и подтасованныхъ выборахъ, которые выражаютъ наоборотъ чувства народа, объ официальной лжи. Когда какъ разъ въ этотъ моментъ кучка фанатиковъ и безумцевъ претендуетъ быть представителями націи, измѣрьте степень довѣрія которе я могу питать, даже послѣ честныхъ выборовъ, къ избранному такимъ путемъ депутатамъ.

Часто я вотировалъ за побѣжденнаго кандидата, въ такомъ случаѣ моимъ представителемъ является другой кандидатъ, избранію депутатомъ котораго я вовсе не желалъ. Если же я вотировалъ за избраннаго, то обыкновенно поступалъ такъ за неизбѣжимъ лучшаго кандидата и потому что конкурента его я считалъ хуже, самого его я совершенно не видалъ, а если и видѣлъ, то только мимоходомъ, я пожалуй знаю только тембръ его голоса, его манеру прижимать руку къ сердцу. Я знаю его только по его политической программѣ, высокопарной и смутной, по набору пышныхъ фразъ въ газетахъ, по слухамъ гостиныхъ, по толкамъ кафе или улицы. Довѣриться ему я не могу: ничто не свидѣтельствуетъ ни объ его честности, ни объ его компетентности, онъ не имѣетъ диплома или поручителя подобно учителю, его не гарантируетъ корпорація подобно врачу, священника, юриста, я колебался бы взять слугу со столь ничтожными свидѣтельствами, какія имѣются у него. Тѣмъ болѣе, что классъ, изъ котораго почти всегда я долженъ буду выбрать депутата, классъ политикановъ, подозрительный классъ, въ особенности въ странѣ со всеобщимъ избирательнымъ

правомъ, такъ какъ онъ состоитъ не изъ самыхъ независимыхъ, самыхъ способныхъ и самыхъ честныхъ людей, но изъ болтливыхъ интригановъ и убѣжденныхъ шарлатановъ, которые, потерпѣвъ неудачу на частныхъ поприщахъ, гдѣ жизнь человѣка какъ на ладони, обратились къ карьерѣ, въ которой безцеремонность и нескромность являются силой вмѣсто того чтобы быть слабостью, и передъ неделикатностью и безстыдствомъ которыхъ общественное поприще широко раскрыло свои двери.

Такова высокая личность, ради которой, согласно теоріи, я долженъ отречься отъ моей воли, отъ всей моей воли. Конечно, если бы мнѣ нужно было отречься отъ самого себя я менѣе рисковалъ бы, если бы ввѣрилъ свои права въ руки короля или аристократіи, даже наслѣдственныхъ, такъ какъ тогда мои представители были бы мнѣ по крайней мѣрѣ рекомендованы виднымъ ихъ положеніемъ и ихъ вѣроятною компетентностью.

По природѣ своей и структурѣ демократія—режимъ, при которомъ индивидъ оказываетъ наименѣе всего довѣрія и уваженія своимъ представителямъ, вотъ почему при этомъ режимѣ онъ долженъ имъ ввѣрять какъ можно менѣе власти. Вездѣ совѣсть и честь предписываютъ ему сохранять долю своей самостоятельности, но нигдѣ онъ не уступить такъ мало. Если во всякой современной конституціи область государства должна быть ограничена, то въ современной демократіи она должна быть сужена болѣе всего.

III.

Постараемся опредѣлить его границы. Послѣ шума нашествій и завоеваній, въ самомъ апогеѣ соціального разложенія, среди ежедневныхъ битвъ, которыя давались частными силами, въ каждомъ европейскомъ обществѣ возникла общественная сила, и эта сила, продержавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, существуетъ еще и теперь. Какимъ образомъ она образовалась, среди какихъ первобытныхъ напиль, происшествій и конфликтовъ, въ чьихъ рукахъ она теперь находится, на всегда или только на время, согласно какимъ законамъ она передается, по наслѣдству или по избранію, все это представляетъ второстепенный интересъ, самое важное это ея роль, ея функціи. Въ сущности она является громаднымъ мечомъ, вынутымъ изъ ноженъ и поднятымъ надъ маленькими ножами, которыми прежде люди зарывали другъ друга. Подъ его угрозой, ножи вошли обратно въ ножны, они стали неподвижными, ненужными, а затѣмъ они заржавѣли. Въ настоящее время весь міръ, за исключеніемъ злоумышленниковъ, потерялъ привычку и охоту ими пользоваться, и отнынѣ, въ умиротворенномъ обществѣ общественный мечъ такъ опасенъ, что всякое частное сопротивленіе исчезаетъ при одномъ его приближеніи.

Два интереса выковали его: такого размѣра мечъ былъ необходимъ, во первыхъ, противъ подобныхъ же мечей, которыми другія общества потрясаютъ на границѣ, затѣмъ противъ ножей, которые злоумышленники никогда не перестаютъ натачивать въ самомъ государствѣ. Человѣкъ захотѣлъ быть защищеннымъ отъ внѣшнихъ вра-

говѣ, отъ внутреннихъ убійць и воровъ и медленно, съ трудомъ, послѣ многихъ колебаній и передѣлокъ наслѣдственное содѣйствіе упорныхъ волей изготовило единственное оружіе способное дѣйствительно защитить собственность и жизнь человѣка.

Пока онъ служитъ для этого, я должникъ государства, которое держитъ въ своихъ рукахъ его рукоятку, оно доставляетъ мнѣ безопасность, которой безъ него не существовало бы; въ обмѣнъ этого я долженъ доставлять ему свою долю средствъ для поддержанія этого оружія. Всякій пользующійся услугой, долженъ ее оплачивать. Значитъ, между имъ и мною существуетъ если не специальный договоръ, то по крайней мѣрѣ молчаливое соглашеніе, аналогичное тому, которое связываетъ ребенка и его родителей, вѣрующаго и Церковь, къ которой онъ принадлежитъ и съ обѣихъ сторонъ пункты нашего соглашенія весьма опредѣленны.

Оно обѣщаетъ заботиться о моей безопасности внѣшней и внутренней, я обѣщаю доставить ему для этого средства и средствами этими являются мое уваженіе и моя благодарность, мое рвеніе гражданина, моя служба въ войскѣ, мои пособія государству какъ плательщика налоговъ, однимъ словомъ все, что необходимо для содержанія арміи, флота и дипломатіи, гражданскихъ и уголовныхъ судовъ, жандармеріи и полиціи, центральныхъ и мѣстныхъ агенствъ, гармоничнаго тѣла органовъ, субстанцій и кровью котораго являются мое послушаніе и моя вѣрность.

Я обязанъ по чести и совѣсти этими послушаніемъ и вѣрностью, бѣденъ ли я или богатъ, католикъ я или протестантъ; еврей или свободный мыслитель, роялистъ ли я или республиканецъ, индивидуалистъ или социалистъ, кѣмъ бы я ни былъ, такъ какъ я получилъ эквивалентъ этого. Но я плачу государству только при томъ условіи, чтобы оно не требовало болѣе чѣмъ нужно, а оно требуетъ болѣе должнаго въ томъ случаѣ, если оно нарушаетъ свое главное условіе, если оно вдобавокъ предпринимаетъ физическое или моральное дѣло, (чего я отъ него не требую), если оно дѣлается фанатикомъ, моралистомъ, филантропомъ или педагогомъ, если оно старается распространять у себя или за своими предѣлами религіозную или философскую догму, политическую или социальную форму; такъ какъ тогда къ первоначальному договору оно прибавляетъ новую статью и согласіе на эту статью не единодушно и не несомнѣнно, какъ согласіе на весь договоръ. Каждый изъ насъ соглашается быть защищеннымъ отъ насилія и обмана, внѣ этого и почти во всѣхъ пунктахъ мы расходимся.

У меня есть моя собственная религія, мои взгляды, мои нравы, мое собственное пониманіе вселенной и присущій мнѣ образъ жизни, вотъ именно это то и составляетъ мою личность, то, что честь и совѣсть мѣшаютъ мнѣ отчуждить; что государство обѣщало мнѣ охранять. Такъ что, когда оно своимъ добавочнымъ параграфомъ пытается регулировать ихъ по своему желанію, и если его желаніе не совпадаетъ съ моимъ, оно не сдерживаетъ своего первоначальнаго обѣщанія и вмѣсто того чтобы охранять, меня угнетаетъ. Хотя бы на его сторонѣ стояло большинство, хотя бы всѣ избиратели, кромѣ одного, согласны были предоставить ему эти сверхдоговорныя

функции, хотя бы былъ одинъ несогласный, ему нанесенъ ущербъ двоякимъ образомъ.

Прежде всего и во всѣхъ случаяхъ государство, для выполнения своей новой задачи, требуетъ отъ него лишнихъ денежной поддержки и услугъ. Меньшинство участвуетъ во всѣхъ вызываемыхъ этимъ расходахъ, которые оно не одобряетъ, наравнѣ съ утверждающимъ ихъ большинствомъ. Тѣмъ хуже для рекрута или плательщика налоговъ, если они принадлежатъ къ группѣ недовольныхъ. Волей неволей рука податнаго инспектора будетъ шарить въ карманѣ плательщика и жандармъ наложитъ руку на рекрута.

Во-вторыхъ и въ большинствѣ случаевъ государство не только несправедливо беретъ у меня больше чѣмъ я ему долженъ, но оно еще пользуется вымаенными у меня деньгами для несправедливаго наложенія на меня новыхъ обязательствъ. Это бываетъ тогда, когда оно навязываетъ мнѣ свою религію или свою философію, когда оно мнѣ предписываетъ или запрещаетъ какой-нибудь культъ, когда оно претендуетъ регулировать мои нравы и привычки, ограничивать мой трудъ или мои расходы, направлять воспитаніе моихъ дѣтей, опредѣлять цѣну моихъ товаровъ или размѣры моего вознагражденія. Тогда, для поддержки своихъ приказаній или своихъ запрещеній, оно объявляетъ противъ непокорныхъ слабыя или сильныя наказанія, начиная отъ ограниченія въ политическихъ или гражданскихъ правахъ до штрафа, тюрьмы, изгнанія и гильотины. Другими словами тѣмъ эку, который я ему не долженъ и который оно у меня отбираетъ, оно уплачиваетъ за мое преслѣдованіе, и я вынужденъ допустить, чтобы изъ моего кошелка брали вознагражденіе моихъ инвизиторовъ, моего тюремщика и моего палача. Нельзя вообразить себѣ болѣе яркаго угнетенія.

Будемъ опасаться приращеній государства и не будемъ допускать, чтобы оно было чѣмъ либо другимъ, кромѣ сторожевой собаки. Въ то время какъ зубы и ногти другихъ хозяевъ притуплялись, ея когти стали очень опасными. Въ настоящее время она необыкновенной величины и только привыкла еще къ грызнѣ. Будемъ ее хорошенько откармливать противъ волковъ, но пусть она никогда не дотрагивается до своихъ мирныхъ сотрапезниковъ; чѣмъ больше она поѣдала бы, тѣмъ увеличивался бы у нее аппетитъ и скоро она сама стала бы волкомъ, самымъ кровожаднымъ изъ всѣхъ волковъ. Нужно держать ее на цѣпи и притомъ въ мѣстѣ отгороженномъ заборомъ.

IV

Обойдемъ заборъ; мѣсто обнесенное имъ широко и своими углами онъ входитъ почти во всѣ закоулки частной жизни. Дѣйствительно, каждому частному владѣнью, физическому или моральному, могутъ легко нанести ущербъ его сосѣди и вотъ, чтобы остаться въ цѣлости, оно обращается къ высшему посредничеству третейскаго судьи. Приобрѣтать, владѣть, продавать, давать, завѣщать, заключать договоры, быть мужемъ или женой, отцомъ, матерью или ребенкомъ, господиномъ или слугой, служащимъ или хозяиномъ—

каждое изъ этихъ дѣйствій или положеній заключаетъ въ себѣ права ограниченныя, съ опредѣленными и противоположными правами и вотъ государство и ограничиваетъ ихъ. Оно не создаетъ между ними границъ, но только набрасываетъ ихъ и поэтому создаетъ гражданскіе законы, примѣняемые его судами и жандармами. Такимъ образомъ оно регуляторъ и контролеръ не только частной собственности, но и семьи и домашней жизни. Его авторитетъ законно вмѣшался въ замкнутый кругъ, въ которомъ укрывалась индивидуальная воля и по обыкновенію силы оно, прорвавъ кругъ, стремится занять все пространство круга.

Съ этой цѣлью оно приводитъ новый принципъ. Являясь моральной личностью, подобно церкви, университету, благотворительному или ученому обществу, не обязано ли оно, какъ всякое учрежденіе предназначенное къ вѣчному существованію, заглядывать впередъ и предпочитать частнымъ интересамъ, являющимся недолговѣчными, общій интересъ—интересъ вѣчный? Не есть ли это высшая цѣль, которой нужно подчинить всѣ остальные цѣли и нужно ли принести этотъ высшій интересъ въ жертву двумъ хрупкимъ инстинктамъ, которые часто безразсудны и иногда опасны, совѣсти, доводящей до мистическаго безумія и чести, побуждающей къ губительнымъ поединкамъ?

Конечно, нѣтъ, и во-первыхъ, когда, въ своихъ величайшихъ твореніяхъ, государство регулируетъ въ качествѣ законодателя бракъ, наследство и завѣщаніе, уваженіе къ индивидуальной волѣ не является единственнымъ руководителемъ его дѣйствій, оно не довольствуется тѣмъ, что обязываетъ каждого платить свои долги, всѣ свои долги, даже невольные и врожденные, въ подобныхъ случаяхъ оно принимаетъ въ расчетъ общественный интересъ, оно учитываетъ отдаленные толчки, будущія противодѣйствія. Когда оно разрѣшаетъ или защищаетъ разводъ, когда оно разрѣшаетъ или запрещаетъ назначеніе послѣдующаго наследника къ завѣщаемому имуществу, оно дѣлаетъ это главнымъ образомъ въ виду какой-нибудь выгоды, политической, экономической или социальной, съ цѣлью облагородить или упрочить союзъ обоихъ половъ, утвердить въ семьѣ привычку къ дисциплинѣ или чувства привязанности, внушить дѣтямъ духъ инициативы или духъ согласія, чтобы приготовить націи главный штабъ естественныхъ предводителей или армію мелкихъ собственниковъ. И на все это оно имѣетъ согласіе общества.

Болѣе того, и опять-таки съ согласія общества, кромѣ своей обычной работы, оно беретъ на себя и другія обязанности и никто не находитъ, что оно узурпируетъ, когда оно выбиваетъ монету, когда оно устанавливаетъ вѣсъ и мѣру, когда оно учреждаетъ карантинны, когда за вознагражденіе оно отчуждаетъ имущество частныхъ лицъ въ виду общественнаго интереса, когда оно строитъ маяки, порты, молы, каналы, проводитъ дороги, когда оно даетъ средства на научныя экспедиціи, когда оно основываетъ музеи и библиотеки; иногда даже допускаютъ, чтобы оно содержало университеты, школы, церкви и театры и чтобы оправдать новое опустошеніе, которое оно дѣлаетъ въ кошелькахъ гражданъ, оно ссылается на общіе для всѣхъ интересы.

Почему же ему не взять на себя всякое предпріятіе полезное для всѣхъ? Почему, разъ какое-нибудь дѣло выгодно для общества, оно не будетъ его предпринимать и почему разъ какое-нибудь дѣло вредно обществу, оно остановится передъ его запрещеніемъ? Примите во вниманіе, что въ человѣческомъ обществѣ, всякое индивидуальное дѣйствіе или бездѣйствіе, даже самое интимное, является потерей или выигрышомъ для общества: если я плохо смотрю за моимъ имуществомъ или здоровьемъ, за моимъ умомъ или сердцемъ, я въ моемъ лицѣ разоряю или ослабляю члена общества, которое богато, здорово и сильно только богатствомъ, силою и здоровьемъ своихъ членовъ, такъ что съ этой точки зрѣнія всѣ мои частныя поступки являются общественными благомъ или зломъ. Почему же, въ виду этихъ соображеній, государство будетъ настолько щепетильно, что не предпишетъ мнѣ одни поступки и не запретитъ другіе? Почему же, съ цѣлью лучшаго осуществленія этого права и лучшаго выполненія этой обязанности, оно не сдѣлается всеобщимъ предпринимателемъ труда и всеобщимъ распредѣлителемъ продуктовъ? Почему не быть ему единственнымъ земледѣльцемъ, фабрикантомъ и коммерсантомъ, единственнымъ собственникомъ и управляющимъ Франціи?

Именно потому, что это было бы противно интересамъ каждаго и всѣхъ. Здѣсь второй принципъ, тотъ же самый, который выставляли противъ индивидуальной независимости, мѣняетъ свою позицію и, вмѣсто того, чтобы быть противникомъ, становится защитникомъ. Онъ не только освобождаетъ отъ цѣней государство, но надѣваетъ на него еще новые оковы и укрѣпляетъ ограду, въ которую современныя честь и совѣсть заключили общественнаго страуса.

У.

Дѣйствительно, въ чемъ же заключается интересъ всѣхъ?

Въ интересѣ каждаго, а каждаго интересуютъ вещи, обладаніе которыми ему пріятно и лишеніе которыхъ тяжело. Цѣлый міръ тщетно пытался бы отрицать это. Всякое ощущеніе лично. Мои страданія и мои наслажденія не могутъ быть оспариваемы передо мной, точно такъ же какъ и мое влеченіе къ предметамъ, доставляющимъ мнѣ наслажденія и мое отвращеніе къ предметамъ, доставляющимъ мнѣ страданія. Поэтому невозможно произвольно опредѣлять интересъ каждаго; независимо отъ законодателя и фактически интересъ этотъ существуетъ, приходится только констатировать его, констатировать, что предпочитаетъ каждый.

Смотря по расамъ, эпохамъ и обстоятельствамъ наклонности измѣняются, но среди вещей, обладаніе которыми всегда желательно и лишеніе которыхъ всегда нежелательно, существуетъ одна, обладаніе которой становится, благодаря прогрессу цивилизаціи, все болѣе и болѣе желаннымъ, и лишеніе которой становится, благодаря прогрессу цивилизаціи, все болѣе и болѣе горькимъ. Я говорю о полномъ распоряженіи каждымъ человѣкомъ своимъ существомъ, своимъ тѣломъ и имуществомъ, о возможности мыслить, вѣрить, молиться по своему желанію, входить съ другими въ союзы, дѣйствовать еди-

нолично или съ этими другими, безъ помѣхъ, однимъ словомъ, о свободѣ человѣка. Во всѣ времена одной изъ самыхъ мощныхъ потребностей человѣка было какъ можно большее расширеніе этой свободы и такова въ наши дни самая мощная его потребность. Существуютъ двѣ причины этого, одна естественная, другая историческая.

По своей природѣ человѣкъ индивидъ, то есть отдѣльный мірокъ, отдѣльный центръ въ замкнутомъ кругѣ, законченный въ самомъ себѣ и страдающій, когда его стремленія, встрѣчаютъ помѣху благодаря вмѣшательству посторонней силы. Исторія же сдѣлала его сложнымъ организмомъ, на которомъ оставили свой отпечатокъ три или четыре религіи, пять или шесть цивилизацій, тридцать вѣковъ интенсивной культуры, въ которомъ приобретены комбинировались, унаслѣдованныя черты скрещивались, особенности нагромождались, такъ что въ концѣ концовъ получилось самое оригинальное и самое чувствительное изъ существъ. По мѣрѣ роста цивилизаціи его сложность растетъ, поэтому его оригинальность усиливается и чувствительность его оживляется. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ болѣе онъ цивилизуется, тѣмъ большее отвращеніе онъ чувствуетъ къ принужденію и однообразію.

Въ настоящее время каждый изъ насъ является конечнымъ и особеннымъ продуктомъ чудесной разработки (единственнымъ въ своемъ родѣ одинокимъ индивидомъ, высшей и нѣжной сущности, растеніемъ, которое, имѣя свою врожденную структуру и свой неотъемлемый типъ, можетъ дать только свои собственные плоды. Нѣтъ ничего болѣе противнаго интересамъ дуба, какъ насиловать его, чтобы онъ приносилъ плоды яблони, точно также и яблоню нельзя заставить приносить желуди. Такимъ образомъ главный интересъ всѣхъ состоитъ въ томъ, чтобы переносить какъ можно менѣе принужденій, если же они установили у себя агентство принужденія, то сдѣлали это съ цѣлью предохранить себя этимъ отъ другихъ, болѣе сильныхъ принужденій, именно отъ посягательствъ иностранца и злоумышленниковъ. До этихъ предѣловъ и не далѣе вмѣшательство его имъ выгодно, за этими предѣлами оно становится однимъ изъ золъ, противъ которыхъ и призвано бороться.

Итакъ, если заботиться объ единственномъ интересѣ всѣхъ, вотъ единственная обязанность государства: препятствовать принужденію, заставлять уважать каждого въ его физической и нравственной области, вторгаться въ нее только ради этого и тотчасъ же удалиться, воздерживаться отъ всякаго нескромнаго вмѣшательства; болѣе того, сократить свои прежнія потребности, насколько оно можетъ сдѣлать это не компрометируя общественную безопасность, требовать только минимума денежной поддержки и услугъ, ограничить послѣдовательно свои дѣйствія, даже полезныя, оставить себѣ только минимумъ обязанностей, предоставить каждому максимумъ инициативы, мало по малу отказаться отъ своихъ монополій, не дѣлать конкуренціи частнымъ лицамъ, отказаться отъ функций, которыя они могутъ выполнять такъ же удачно какъ и само государство. Какъ видно границы, указываемыя государству интересомъ общимъ совпадаютъ какъ разъ съ тѣми, которыя ставили ему долгъ и право.

VI.

Если теперь принять во вниманіе не прямой, а косвенный интересъ всѣхъ гражданъ, если, вмѣсто того, чтобы думать о людяхъ, подумать объ ихъ дѣлахъ, если взглянуть на человѣческое общество, какъ на матеріальную и духовную мастерскую, совершенство которой заключается въ томъ, чтобы быть какъ можно болѣе экономичной и продуктивной, какъ можно лучше оборудованной и управляемой, то и съ этой точки зрѣнія, при этой побочной и второстепенной дѣли, область государства не менѣе ограничена. Ему могутъ быть предоставлены очень мало новыхъ функцій, всѣ остальные будутъ выполнены съ большимъ успѣхомъ свободными существами, естественными обществами или добровольными союзами.

Взгляните на человѣка, работающаго на самого себя, на земледѣльца, промышленника или торговца и вы увидите съ какимъ усердіемъ онъ занимается своимъ дѣломъ. Вѣдь тутъ затронуты его интересъ и его самолюбіе, дѣло идетъ о благосостояніи близкихъ ему людей, объ его капиталѣ, репутаціи, о занимаемомъ имъ общественномъ положеніи и объ его успѣхахъ въ обществѣ, съ другой стороны его ожидаютъ—бѣдность, раззореніе, лишенія, зависимость, банкротство, больница. Передъ этой альтернативой онъ держится на сторожѣ и изопряется, онъ думаетъ о своемъ дѣлѣ даже въ постели и за столомъ, онъ изучаетъ его не издалека, теоретически, въ общихъ чертахъ, а на мѣстѣ, практически и во всѣхъ его подробностяхъ. Онъ неустанно высчитываетъ затрудненія и источники, съ столь острымъ тактомъ и столь чисто личнымъ напряженіемъ, что для всякаго другого задача рѣшаемая имъ ежедневно была бы неразрѣшима, потому что никто кромѣ него не обладаетъ точными данными и не соразмѣряетъ ихъ подобно ему.

Съ этимъ необыкновеннымъ пыломъ и чрезвычайной компетентностью сравните банальную исполнительность и вялое соблюденіе всѣхъ предписаній администратора, даже опытнаго и честнаго. Онъ увѣренъ въ томъ, что будетъ получать свое жалованье, только бы онъ сносно исполнялъ свои служебныя обязанности, а выполняетъ онъ ихъ сносно, когда просиживаетъ извѣстное количество часовъ въ присутственномъ мѣстѣ. Разъ бумаги его составлены безошибочно, согласно съ правилами и традиціей, отъ него болѣе нечего требовать, ему не зачѣмъ изопряться. Если онъ придумаетъ какую-нибудь экономію или какое-нибудь улучшеніе, не онъ извлекаетъ изъ этого пользу, а публика, существо анонимное и туманное. Да и къ чему это дѣлать, разъ изобрѣтеніе или реформа приведутъ только въ догадку, а докладъ этотъ будетъ положенъ подъ сукно.

Машина слишкомъ велика и слишкомъ сложна, слишкомъ тяжела, слишкомъ отягчена заржавленными колесами, «прежними правами и пріобрѣтенными положеніями», чтобы быть пересозданной заново и по желанію, подобно фермѣ, магазину, фабрикѣ. Поэтому чиновникъ старается не примѣнять на ней своихъ способностей. Выйдя изъ своей канцеляріи, онъ не думаетъ больше о ней, онъ предоставляетъ ей выполнять рутинную работу автоматически, кое-

какъ, съ довольно большой затратой и довольно посредственнымъ результатомъ. Вычислили, что даже въ такой честной странѣ какъ Франція, всякое предпріятіе, осуществляемое государствомъ, стоитъ въ четверо дороже и приноситъ въ четверть менѣе того, что оно стоило и приносило бы, если-бы находилось въ рукахъ частныхъ лицъ. Поэтому, если бы отстранили отъ всякаго труда частныхъ лицъ и предоставили-бы его государству, въ концѣ концовъ общество имѣло-бы вдвое больше убытку, чѣмъ теперь.

Сказанное относится ко всякому труду, духовному или материальному, не только къ произведеніямъ земледѣлія, промышленности и торговли, но и къ произведеніямъ науки и искусства, литературы и философіи, благотворительности, воспитанія и пропаганды, не только когда двигателемъ является эгоистическое чувство, подобно личному интересу и грубому тщеславію, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда двигателемъ является безкорыстное чувство, подобно потребности раскрыть истину или создать красоту, заразительную вѣру или передающееся другимъ убѣжденіе, религиозный энтузіазмъ или естественное благородство, широкую любовь или любовь ограниченную, начиная отъ той, которая обнимаетъ все человѣчество и кончая той, которая сосредоточивается на друзьяхъ и на близкихъ.

Въ обоихъ случаяхъ послѣдствія одни и тѣ же, потому что причина одна и та же. Въ мастерской, которой завѣдуетъ свободный индивидъ, двигательная сила всегда громадна, почти безгранична, потому что она является живымъ источникомъ, воды котораго работаютъ во всякое время и никогда не иссякнутъ. Безпрерывно мать думаетъ о своемъ ребенкѣ, ученый о своей наукѣ, художникъ о своемъ искусствѣ, изобрѣтатель о своихъ изобрѣтеніяхъ, филантропъ о своихъ учрежденіяхъ, Фарадей объ электричествѣ, Стефенсонъ о своемъ паровозѣ, Пастеръ о своихъ микробахъ, Лессепсъ о своемъ перешейкѣ. Благодаря этому необыкновенному сосредоточенію мыслей, человѣкъ извлекаетъ изъ своихъ способностей и изъ окружающихъ его людей пользу какую только онъ можетъ; онъ самъ становится усовершенствованнымъ орудіемъ и изготовляетъ себѣ другія орудія: каждый день въ могучей машинѣ, которой онъ управляетъ и первымъ колесомъ которой является онъ самъ, онъ уменьшаетъ тренія, увеличиваетъ количество полезной ея работы, экономить, слѣдитъ за машиной, поправляетъ ее, совершенствуетъ съ никѣмъ не оспариваемыми успѣхомъ и компетентностью; однимъ словомъ онъ фабрикуетъ высшіе сорта.

Но этотъ живой источникъ, составляющій силу фабрики и обезпечивающій ей превосходство, не можетъ быть отдѣленъ отъ фабриканта, такъ какъ онъ является душой, его самымъ сильнымъ и самымъ интимнымъ чувствомъ. Онъ можетъ быть примѣненъ въ дѣло только имъ однимъ, въ чужихъ рукахъ этотъ источникъ прекращаетъ бить, работать, производить. Поэтому, если желательно хорошее и обильное производство, только ему одному нужно довѣрить мастерскую, онъ ея вѣчный собственникъ, рабочій, заранѣе предугазанный для этой работы, прирожденный управляющій.

Тщетно пытались бы отвести источникъ въ другое мѣсто, удалось бы только забить его естественный выходъ, не дать возмож-

ности изливаться его благодѣтельнымъ водамъ, отвести его на удачу, безъ всякой пользы, онъ заглохъ бы въ нѣдрахъ земли, или изрылъ бы рытвины на отвѣсныхъ покатосяхъ. Самое большее, если при помощи миллионъ ведеръ, силою взятыхъ въ частныхъ резервуарахъ, удастся, съ трудомъ, на половину наполнить большую искусственную центральную цистерну, стоячая вода которой никогда не будетъ имѣть достаточно силы, чтобы приводить въ дѣйствіе громадное общественное колесо, замѣняющее маленькія частныя колеса и долженствующее одно выполнить всю работу націи.

Такимъ образомъ, если даже видѣть въ людяхъ только фабрикантовъ, если даже обращаться съ ними какъ съ простыми производителями цѣнностей, если имѣть цѣлью только снабженіе продуктами общества и выгоду потребителей, частная область заключаетъ въ себѣ всѣ предпріятія, которыми изъ личнаго интереса и по личнымъ наклонностямъ занимаются частныя лица, изолированныя или объединившіяся въ союзы. Этого достаточно, чтобы они вели ихъ лучше чѣмъ государство, въ силу этого предпріятія эти какъ бы всецѣло имъ предназначены.

Поэтому на обширномъ поприщѣ труда, они сами должны выбрать свою часть, они же сами своей собственной властью поставятъ себѣ опредѣленные границы. Они могутъ поэтому расширить занимаемую ими область какъ имъ будетъ угодно и безконечно сѣзуть область государства. Напротивъ, государство можетъ претендовать только на ихъ остатки. По мѣрѣ того, какъ они двигаются впередъ по мѣстности пересѣченной и имѣющей неясныя границы, оно принуждено отступать, уступать имъ мѣсто, каковы бы ни были обязанности, оно должно брать ихъ на себя только въ случаѣ вполнѣ доказаннаго ихъ отказа.

Поэтому на немъ лежатъ во-первыхъ обязанности, на которыя они никогда не будутъ претендовать и которыя охотно предоставятъ ему, потому что они не обладаютъ соответственными инструментами, специальнымъ и необходимымъ орудіемъ—вооруженной силой. Поэтому на немъ лежатъ такія обязанности, какъ защита общества отъ иностранцевъ, защита однихъ частныхъ лицъ отъ другихъ, рекрутскій наборъ, взиманіе податей, исполненіе законовъ, правосудіе и полицейская охрана.

Затѣмъ на немъ лежатъ обязанности, исполненіе которыхъ прямымъ образомъ затрагиваетъ интересы всѣхъ, не затрагивая прямо интересовъ какого-нибудь отдѣльнаго лица, таковы—завѣдываніе нигѣмъ незанятыми землями, общими лѣсами, рѣками, прибрежной полосой моря и общественными дорогами, обязанность управлять подчиненными областями, порученіе выработать и редактировать законы, выбивать монеты, предоставлять права гражданской личности, вести переговоры отъ имени общества съ мѣстными или специальными установленіями, департаментами, коммунами, банками, установленіями, церквами, университетами.

Прибавьте къ этому, нѣкоторыя, смотря по обстоятельствамъ, добровольныя и подвергающіяся измѣненіямъ услуги. Такъ иногда даются субсидіи общественнымъ учрежденіямъ, для содержанія которыхъ частная подписка не въ силахъ предоставить соответ-

ствующихъ средствъ, иногда предоставляются привилегіи обществамъ, взамѣнъ которыхъ на нихъ налагаются равноцѣнные обязательства, часто принимаются государствомъ гигиеническія предосторожности, которыя частныя лица изъ безопасности не принимаютъ, иногда государство оказываетъ человѣку временную поддержку—въ общемъ все это представляетъ изъ себя вмѣшательство скромное и мало замѣтное въ настоящее время, но имѣющее большое значеніе для будущаго, которое оберегая свободы живыхъ индивидовъ, подготавливаетъ благосостояніе будущихъ далекихъ поколѣній.

VII.

Притомъ въ этой подготовкѣ будущаго благосостоянія преобладаетъ тотъ же принципъ. Среди драгоценныхъ продуктовъ, самые первые и самые драгоценные очевидно, оживленныя орудія, то есть люди, такъ какъ они производятъ все остальное. Поэтому необходимо сформировать людей, людей способныхъ къ труду физическому, умственному или моральному, самому дѣятельному, самому настоящему, самому искусному и самому плодотворному. Мы, однако, знаемъ при какихъ условіяхъ они образуются. Необходимо и достаточно, чтобы каждый изъ только что описанныхъ живыхъ источниковъ вытекалъ изъ своихъ естественныхъ выходовъ, и находился подъ рукою у своего собственника. При этомъ условіи получается болѣе мощная струя воды, такъ какъ приобретенный напоръ усиливаетъ первоначальный порывъ, рабочій становится искуснѣе, потому что онъ обучается на практикѣ; даже его сосѣди станоятся лучшими рабочими, такъ какъ они воодушевляются его успѣхомъ и примѣняютъ у себя его открытія.

Такимъ образомъ, однимъ тѣмъ, что государство уважаетъ и заставляетъ уважать находящіяся въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ индивидуальныя источники, оно развиваетъ въ нихъ и вокругъ нихъ желаніе и талантъ производить много и хорошо, стремленіе и способность производить все лучше и больше, другими словами, со всей мощью развиваетъ въ нихъ всестороннюю энергію и различныя способности. Такова его роль и притомъ единственная роль, сначала у такихъ мутныхъ и холодныхъ источниковъ, какъ эгоизмъ и самолюбіе, требующихъ его надзора, затѣмъ и еще съ большимъ основаніемъ у горячихъ и чистыхъ источниковъ, подобно семейнымъ привязанностямъ и частной дружбѣ, у рѣдкихъ и высшего качества источниковъ, любви къ прекрасному, потребности къ истинному, духа единенія, патриотизма и любви къ человѣчеству, наконецъ и съ еще большимъ основаніемъ у обоихъ священныхъ и единственно дѣльныхъ между всѣми источниковъ, совѣсти, подчиняющей волю долгу и чести, связывающей волю съ правомъ.

Пусть государство не даетъ другимъ прикасаться къ этимъ источникамъ и пусть само оно къ нимъ не прикасается. Пусть оно дѣлаетъ это и только это. Его сдержанность также необходима, какъ и его бдительность. Пусть оно охраняетъ источники и оно увидитъ, что подъ его охраной во всякое время и во всякомъ

мѣстѣ, образуются самые трудолюбивые и знающіе работники, земледѣльцы, промышленники и купцы, ученые и артисты, изобрѣтатели и пропагандисты, мужья и жены, отцы и матери, патриоты, филантропы и сестры милосердія.

Напротивъ, если оно подобно нашимъ якобинцамъ будетъ стараться обращать въ свою пользу всѣ естественныя силы, если оно поставитъ абсолютнымъ императивомъ привязанность, объектомъ которой оно является, если оно задумаетъ уничтожить остальные страсти и остальные интересы, если у него будутъ одни только заботы объ обществѣ и общемъ благѣ, если оно захочетъ силой превратить всѣхъ своихъ членовъ въ спартапцевъ или иезуитовъ, тогда оно съ большими издержками не только разрушаетъ частныя источники и производитъ несчетныя опустошенія на всей территоріи, но оно осушаетъ свой собственный источникъ.

Мы любимъ государство только за услуги, которыя оно намъ оказываетъ и соразмѣрно съ этими услугами, соразмѣрно съ безопасностью, предоставляемой имъ намъ и свободой, которую оно намъ обезпечиваетъ, въ качествѣ всеобщаго благодѣтеля. Но когда оно съ умысломъ оскорбляетъ насъ въ нашихъ самыхъ дорогихъ интересахъ и въ нашихъ самыхъ горячихъ привязанностяхъ, когда оно преслѣдуетъ насъ, не оставляя въ покоѣ даже нашей чести и нашей совѣсти, въ концѣ концовъ наша любовь превращается въ ненависть. Если этотъ режимъ продолжаетъ существовать, патриотизмъ ослабляется, изсякаетъ и затѣмъ послѣ него изсякаютъ одинъ за другимъ, остальные драгоценныя источники. Въ концѣ концовъ въ странѣ видны только гнилыя болота или залитыя водой мѣстности, люди находящіяся подъ управленіемъ или разбойники. Какъ въ Римской Имперіи въ IV вѣкѣ, какъ въ Италіи XVII вѣка, какъ въ наши дни въ турецкихъ провинціяхъ, остается только безпорядочное стадо, хилыя, неповоротливыя существа, ограниченныя ежедневными потребностями и животнымъ инстинктомъ, равнодушныя къ общему благу и ихъ далекому интересу, павшіе до того низко, что они забываютъ свои собственныя изобрѣтенія, свои науки, свои искусства, свои промышленности. Болѣе того получаютъ люди съ испорченными душами, живые и низкіе люди, лишеныя всякой чести и совѣсти.

Нѣтъ ничего болѣе разрушительнаго, какъ неограниченное вмѣшательство государства, даже разумное и попечительное. Въ Парагваѣ, подъ заботливымъ управленіемъ иезуитовъ индѣйцы имѣли «видъ захваченныхъ въ капканъ животныхъ». Они работали, ѣли, пили, рожали, при звонѣ церковныхъ колокольчиковъ, подъ постояннымъ надзоромъ, совершенно механическимъ образомъ, но они не имѣли ни въ чемъ наклонностей, они даже не видѣли никакого интереса въ жизни. Изъ нихъ сдѣлали автоматовъ, по крайней мѣрѣ мирными средствами, а то раньше вѣдь они были дикарями. А революціонные иезуиты стремятся теперь превратить людей въ автоматовъ и притомъ насильственнымъ путемъ.

VIII.

Нѣсколько разъ въ исторіи Европы почти такія же жестокія проявленія деспотизма угнетали человѣческую волю, но не было ни одного столь глубоко нелѣпаго деспотизма, потому что ни одинъ изъ нихъ не пытался поднять столь тяжелую массу при помощи столь короткаго рычага.

Прежде всего надо замѣтить, что какъ самовластенъ не былъ деспотъ, его вмѣшательство было ограничено. Когда Филиппъ II сжигалъ на кострахъ еретиковъ, преслѣдовалъ мавровъ и гналъ евреевъ, когда Людовикъ XIV обращалъ насильно протестантовъ въ католичество, они производили насиліе надъ диссидентами, приблизительно надъ одною пятнадцатою или двадцатою частью своихъ подданныхъ. Хотя Кромвель сдѣлавшись протекторомъ, оставался сектантомъ и слугою арміи сектантовъ, онъ и не думалъ о томъ, чтобы навязывать другимъ церквямъ теологію, обряды и режимъ своей церкви, напротивъ онъ подавлялъ насилія еретиковъ, защищалъ анабаптистовъ наравнѣ со своими индепендентами, онъ предоставлялъ пресвитеріанцамъ оплачиваемые церковные приходы и разрѣшалъ имъ публичное священнослуженіе; къ епископальной церкви онъ относился съ широкой терпимостью и разрѣшалъ членамъ ея частное исповѣданіе ихъ вѣры, онъ поддерживалъ оба англиканскихъ университета и разрѣшалъ евреямъ строить синагогу.

Въ слѣдующее столѣтіе Фридрихъ II дѣлалъ солдатами столько работоспособныхъ крестьянъ, сколько онъ могъ прокормить, онъ ихъ держалъ двадцать лѣтъ на военной службѣ, подъ дисциплиной худшей чѣмъ рабство и съ перспективой почти вѣрной смерти. Въ послѣднюю войну, которую онъ велъ, убита была почти одна шестая часть его подданныхъ мужского пола, но это были вѣрнопостные и на военную службу онъ не бралъ гражданъ. Онъ бралъ изъ кармана гражданъ и изъ другихъ кармановъ все, что только онъ могъ взять, даже въ случаѣ нужды дѣлалъ фальшивыя монеты и не платилъ болѣе жалованья своимъ чиновникамъ, но подъ его недремлющимъ окомъ администрація была честна, полиція хорошо организована, правосудіе совершенно, царила безграничная терпимость и полная свобода слова. Король допускалъ печатаніе самыхъ ѣдкихъ на него памфлетовъ и разрѣшалъ ихъ продажу въ самомъ Берлинѣ.

Немного раньше въ обширной восточной имперіи Петръ Великій съ внутомъ въ руцѣ заставлялъ передвигаться и танцовать по европейски своихъ московскихъ медвѣдей, но это были медвѣди, приученные отъ отца къ сыну къ внуту и цѣпи; впрочемъ онъ оставался ихъ религіознымъ главой главой и не касался ихъ «міра».

Наконецъ на другомъ концѣ Европы и даже внѣ ея предѣловъ, въ пятнадцатомъ столѣтіи, въ седьмомъ столѣтіи, султанъ или халифъ, Магометъ или Омаръ, грубый турокъ, фанатичный арабъ, только что мечемъ побѣдившій христіанъ самъ устанавливалъ границы своему произволу. Если онъ побѣжденных и приводилъ въ положеніе

данниковъ, обремененныхъ тяжелою данью и ежедневно унижаемыхъ, то все же онъ разрѣшалъ ихъ культъ, предоставлялъ имъ ихъ гражданскіе законы, не шелъ противъ ихъ домашнихъ обычаевъ, онъ оставлялъ имъ ихъ учрежденія, ихъ монастыри и ихъ школы, онъ разрѣшалъ имъ управляться по своему желанію, подъ юрисдикціей ихъ патриарховъ или другихъ національныхъ главъ.

Такъ что, каковъ бы ни былъ тиранъ, онъ не задумывалъ передѣлать цѣликомъ челоѣка или подвергать всѣхъ своихъ подданныхъ этой передѣлкѣ. Какъ глубоко не проникала тиранія, она останавливалась передъ извѣстнымъ мѣстомъ души, челоѣкъ былъ свободенъ въ своихъ чувствахъ. Какъ ни всеобъемлюща была тиранія, она обрушивалась только на одинъ классъ людей, вѣ ея сѣтей остальные люди были свободны. Если она и оскорбляла сразу всѣ душевныя фибры, то только фибры ограниченаго, неспособнаго къ защитѣ меньшинства, въ большинствѣ способномъ на защиту она уважала главныя фибры, а именно самыя чувствительныя, смотря по обстоятельствамъ, то совѣсть, привязывающую челоѣку къ его религіи, то самолюбіе, привязывающее челоѣка къ его чести, то привычку, привязывающую челоѣка къ его домашнимъ нравамъ, къ его наслѣдственнымъ обычаямъ, къ его внѣшнимъ манерамъ. Впрочемъ, она только съ осторожностью задѣвала другія, очень чувствительныя фибры, которыми онъ привязанъ къ своей собственности, къ своему благосостоянію, къ своему общественному положенію. Такимъ образомъ, послабленія уменьшали сопротивленіе и все дѣло, даже зловерное, не было нелѣпо. Можно было его выполнить, для этого достаточно было обладать мощью, равной вызываемому сопротивленію.

И съ другой стороны этой мощью обладали. За монархомъ, для совмѣстной съ нимъ работы и оцѣнки оказываемаго сопротивленія, имѣлись руки и руки очень многочисленныя или очень сильныя. За Филиппомъ II или Людовикомъ XIV, для преслѣдованія диссидентовъ стояло католическое большинство, столь-же фанатичное или столь-же мало либеральное какъ и его король. За Филиппомъ II, Людовикомъ XIV, Фридрихомъ II и Петромъ Великимъ, стояла вся нація, собравшаяся вокругъ монарха въ силу его освященнаго титула и его неоспоримаго права, въ силу традиціи и привычки, въ силу опредѣленнаго чувства долга и смутной идеи общественнаго блага. Помощниками Петра Великаго были всѣ выдающіеся и культурные люди его страны. Кромвель имѣлъ за собою свою дисциплинированную и двадцать разъ побѣдоносную армію, за халифомъ или султаномъ шелъ его привилегированный и воинственный народъ. Съ подобнымъ персоналомъ можно поднять очень грузныя массы, даже часто поднимаешь ихъ надолго. Послѣ операціи устанавливается родъ равновѣсія, удерживаемая постояннымъ противовѣсомъ масса остается въ воздухѣ и требуется только небольшое ежедневное усиленіе, чтобы воспрепятствовать ей снова упасть на землю.

Дѣло обстоитъ совершенно иначе у якобинцевъ: по мѣрѣ того какъ осуществляется ихъ предпріятіе, теорія, болѣе требовательная, присоединяетъ къ поднятой глыбѣ другія болѣе тяжелыя глыбы и въ концѣ концовъ глыбы безконечнаго вѣса.

Въ началѣ якобинецъ нападаетъ только на королевскую власть, на церковь, на дворянство, на парламенты, на привилегіи, на церковныя и федеральныя имѣнія, однимъ словомъ на средневѣковыя установленія, теперь онъ уже нападаетъ на гораздо болѣе древнія и болѣе прочныя установленія, на позитивную религію, на собственность и на семью. Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ довольствовался тѣмъ, что разрушалъ, теперь онъ хочетъ созидать. Нужно не только упразднить позитивную религію и уничтожить социальное неравенство, отвергнуть постигнутые догматы, наслѣдственныя вѣрованія и установленныя культы, первенство социальнаго положенія и преимущества матеріальныя, богатство и бездѣліе, вѣжливость и изящество, нужно кромѣ того образовать гражданина, создать новыя чувства, и навязать человѣку естественную религію, гражданское воспитаніе, эгалитарныя нравы, якобинскія манеры, спартанскую добродѣтель, однимъ словомъ не оставить въ немъ ничего, чтобы не было предписано.

Отнынѣ Революціи имѣеть противъ себя не только сторонниковъ прежняго режима, священниковъ, дворянъ, членовъ парламента, роялистовъ и католиковъ, но и всѣхъ людей пропитанныхъ европейскою цивилизаціей, членовъ нормальной семьи и обладателей крупнаго или маленькаго капитала, собственниковъ всякаго рода, земледѣльцевъ, промышленниковъ, купцовъ, фермеровъ, ремесленниковъ и даже большинство революціонеровъ, которые почти всѣ рассчитываютъ не испытывать налагаемаго ими гнета и любятъ смиренную рубашку только на другихъ, а не на себѣ. Въ этотъ моментъ вѣсь оказывающихъ сопротивленіе волей становится неизмѣримымъ, легче было бы поднять цѣлую гору, и какъ разъ въ этотъ моментъ якобинцы устраняютъ всѣ моральныя силы, которыми вліяетъ на волю всякій политикъ.

Они не имѣютъ за собой подобно Филиппу II и Людовику XIV нетерпимость громаднаго большинства, такъ какъ, вмѣсто пятнадцати или двадцати ортодоксальныхъ на одного еретика, въ ихъ церкви насчитывается едва одинъ ортодоксальный противъ пятнадцати или двадцати диссидентовъ. «Я былъ въ Мартейгѣ, маленькомъ городѣ въ десяти миляхъ отъ Марсеа, пишетъ одинъ современникъ, и нашелъ въ городѣ съ 5000 жителей всего семнадцать патріотовъ». «Въ Бергѣ, пишетъ другой, муниципалитетъ состоитъ изъ купцовъ, лавки которыхъ пусты и изъ «пивоваровъ сидящихъ безъ дѣла, со времени обнародованія закона о максимумѣ изготовляемаго пива». Поэтому царить крайнее равнодушіе, нашли только «сорокъ человѣкъ для образованія народнаго общества, засѣданія котораго съ большимъ трудомъ бывають черезъ каждые пять дней. Духъ общественности убитъ, царить одинъ только фанатизмъ». Въ Драгиньянѣ на 7000 жителей приходится только 40 патріотовъ, которыхъ презирають какъ недобросовѣстныхъ людей; въ Видобанѣ ихъ всего девять или десять человѣкъ, имъ покровительствуютъ муниципальныя власти и они живутъ очень широко, хотя, какъ всѣмъ извѣстно, личныхъ средствъ у нихъ не имѣется; въ Бриньольѣ очень часто на дорогахъ производятся грабежи людьми, которые въ началѣ Революціи заявляли себя ярыми патріотами, ихъ всѣ боятся и никто не смѣетъ

ихъ выдать, въ Френсьосѣ девять «патріотовъ» проводятъ все время въ кафе. Брутъ Тіери, лавочникъ, членъ революціоннаго комитета Анжера говорилъ, что «въ Анжерѣ не найдется шестидесяти революціонеровъ».

На ихъ сторонѣ, не стоитъ какъ на сторонѣ законныхъ сувереновъ упорная вѣрность цѣлаго народа, идущаго влѣдъ за своимъ главой въ силу престижа наслѣдственнаго права и практики привычнаго послушанія. Напротивъ, они втерлись со вчерашняго дня, водворились сначала при помощи государственнаго переворота, затѣмъ, посредствомъ подобія выборовъ, они обманнымъ образомъ приобрѣли голоса, они такъ привыкли къ обману и насилию, что въ ихъ собственномъ собраніи, главенствующее меньшинство забрало и крѣпко держало въ своихъ рукахъ путемъ насилія и обмана власть, что оно путемъ возмущенія утомило большинство, что оно силой оружія утомило департаменты и, чтобы дать своимъ насильственнымъ дѣйствіямъ правовой характеръ, оно импровизировало два торжественныхъ представленія, съ одной стороны, внезапную фабрикацію бумажной конституціи, которую оно прячетъ въ пыльный архивъ, съ другой стороны, скандальную комедію насильственнаго и подтасованнаго плебисцита.

Во главѣ партіи десятокъ вожаковъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ безграничную власть, но по ихъ собственному признанію власть ихъ позаимствована, имъ далъ полномочія конвентъ, ихъ непрочное званіе должно быть возобновляемо каждый мѣсяць, перемѣщеніе большинства можетъ смести ихъ и ихъ дѣло, возстаніе черни, которую они приучили къ возстаніямъ, можетъ смести ихъ, ихъ дѣло и ихъ большинство. Но своихъ собственныхъ приверженцевъ они имѣютъ спорное, ограниченное и эфемерное вліяніе. Они не военные вожди, подобно Бромвелю или Наполеону, генералы арміи повинующейся безпрекословно, но простые ораторы, находящіеся въ зависимости отъ аудиторіи, которая ихъ судитъ. Въ этой аудиторіи нѣтъ никакой дисциплины, въ силу своихъ принциповъ каждый якобинецъ остается независимымъ. Если онъ и слѣдуетъ за вожаками, то только условно, такъ какъ онъ самъ выбиралъ, онъ можетъ измѣнить свой выборъ, онъ оставляетъ за собой право бросить своихъ настоящихъ фаворитовъ, какъ онъ бросилъ своихъ фаворитовъ предыдущаго дня. Въ этой аудиторіи субординаціи нѣтъ никакой, послѣдній изъ демагоговъ, второстепенный крикунъ, Геберъ или Жакъ Ру, стремится занять первенствующее положеніе и перещегоолять базарныхъ шарлатановъ, чтобы занять ихъ мѣсто. Если бы якобинцевѣ вожаки пользовались полнымъ и прочнымъ вліяніемъ на организованную армію послушныхъ приверженцевъ, они всетаки не были бы сильны за неимѣніемъ достаточныхъ орудій, такъ какъ сторонниковъ они имѣютъ только среди людей подозрительной честности и завѣдомо неспособныхъ.

Бромвель, при примѣненіи своей пуританской программы, имѣлъ вокругъ себя избранную часть націи, армію ригористовъ, людей не обладавшихъ растяжимой совѣстью, болѣе строго отнссившихся къ себѣ самимъ, чѣмъ къ другимъ, они не позволяли себѣ ни ругательствъ, ни излишествъ въ винѣ, не разрѣшали себѣ и четверти

часа чувственныхъ удовольствій, ни часу бездѣля, они воздерживались отъ всякаго дѣйствія или угущенія, за которыя они могли бы себя уворить. Это были самые честные, самые воздержанные, самые трудолюбивые и самые выдержанные люди, единственно способные положить основанія практической нравственности, въ которой еще и теперь живутъ Англія и Соединенные Штаты.

Маколей говоритъ въ своей «Исторіи Англіи»: «Сами роялисты признавались, что въ каждой отрасли честнаго труда, отставные солдаты преуспѣвали болѣе другихъ людей, и что никого изъ нихъ нельзя было обвинить въ разбоѣ или враждѣ и что если какой-нибудь булочникъ, каменщикъ, возчикъ привлекалъ вниманіе своей воздержностью и трудолюбіемъ, можно было съ большою вѣроятностью сказать, что это одинъ изъ старыхъ солдатъ Кромвеля».

Петръ Великій для осуществленія своей европейской программы имѣлъ вокругъ себя отборную часть интеллектуальныхъ силъ страны, главный штабъ импровизированныхъ талантовъ и отечественныхъ полуталантовъ, всѣхъ образованныхъ людей, водворившихся въ Россіи иностранцевъ и туземныхъ учителей. Они одни были способны организовать школы и общественныя учрежденія, учредить центральную и регулярную администрацію, распределить мѣста соотвѣтственно заслугамъ, однимъ словомъ построить въ снѣгъ и грязи безформеннаго варварства теплицу, въ которой перенесенная подобно экзотическому дереву цивилизація способна была произростать и постепенно акклиматизироваться.

Кутонъ, Сень-Жюсть, Бильо, Колло, Ребеспьеръ, если исключить людей подобно Карно, посвящающихъ свою жизнь не утопці и не отечеству и являющихся подъ ливреей системы слугами Франціи, при осуществленіи якобинской программы, были окружены только людьми партійными, настолько ограниченными, что они не понимали глупости этой программы или настолько фанатичными, что они примирались съ ея ужасной стороной, отбросомъ людей, подонками, вообразившими себя государственными людьми, потерявшими голову отъ несоотвѣтствія между ихъ способностями и ихъ ролью, людьми съ поверхностнымъ воспитаніемъ, ничтожными познаніями и неограниченнымъ честолюбіемъ, души которыхъ были искалѣчены и извращены софизмами или зачерствѣли отъ гордости или были убиты преступленіями, безнаказанностью и успѣхомъ.

Итакъ въ то время какъ другіе деспоты, для того чтобы поднять среднюю тяжесть, призываютъ вокругъ себя избранную часть или большинство націи, пользуются самыми могучими силами страны и удлинняютъ насколько могутъ рычагъ, якобинцы, желающіе поднять громадную тяжесть, отталкиваютъ далеко отъ себя отборную часть и большинство націи, отвергаютъ самыя могучія силы страны и укорачиваютъ насколько могутъ свой рычагъ. Они оставляютъ у себя въ рукѣ только толстый и грубый конецъ, кусокъ желѣза, которымъ можно наносить удары, то есть физическую силу, тяжелую руку жандарма, налагаемую на внушающаго подозрѣнія челоуѣка, тюрьму, въ которую бросаютъ арестованнаго, удары ружейнымъ прикладомъ, которыми санжюлотъ осыпаетъ гражданина, для того чтобы заставить его двигаться быстро и прямо, еще лучше того, сентябрьскія избенія

аристократовъ и паденіе ножа на голову втиснутую въ полуругъ гильотины.

Таковы огниѣ ихъ единственныя государственныя пружины, такъ какъ отъ другихъ они отказались. Они вынуждены выставять на показъ этотъ механизмъ, потому что онъ оказываетъ дѣйствіе только при томъ условіи, чтобы его кровавое изображеніе надолго запечатлѣвалось во всѣхъ умахъ. Вѣдь если негритянскій царекъ или паша хочетъ, чтобы всѣ головы склонялись при его проходѣ, нужно, чтобы онъ шелъ окруженный своими палачами. Они должны злоупотреблять своимъ орудіемъ, такъ какъ привычка притупляетъ ужасъ и его нужно оживлять примѣрами: вѣдь если негритянскій царекъ или паша хочетъ поддерживать въ своихъ подданныхъ страхъ, благодаря которому онъ царствуетъ, нужно, чтобы онъ изо дня въ день его усиливалъ, чтобы онъ убивалъ слишкомъ много, чтобы онъ убивалъ немедля, безъ процесса, цѣлыми массами, безъ разбора, за всякій проступокъ, по одному подозрѣнію, какъ виновныхъ, такъ и невинныхъ. Онъ рискуетъ погибнуть самъ и погубить своихъ близкихъ, какъ только онъ не выполнитъ этого правила. Всякій яеоби-нецъ, подобно всякому негритянскому царьку или пашѣ, обязанъ соблюдать это правило, чтобы сдѣлаться и остаться вожакомъ толпы.

Вотъ почему главари партій, ея естественные, заранѣе предназначенные къ этому вожаки, являются теоретиками способными усвоить ея принципъ и логиками способными вывести изъ него заключенія, достаточно глупыми, чтобы не понять того, что задуманное ими дѣло превышаетъ ихъ силы и всѣ человѣческіе силы, достаточно сообразительными, чтобы понять, что грубая сила ихъ единственное орудіе, достаточно безчеловѣчными, чтобы примѣнять ее безъ стѣсненія и безъ ограниченія и достаточно извращенными людьми, чтобы распространять вокругъ себя убійства ради возбужденія ужаса.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Правители.

ГЛАВА I.

Психологія якобинскихъ вожаковъ.—I. Марать.—Несоразмѣрность его способностей и его притязаній.—Онъ безумецъ.—Вредъ честолюбія.—Манія преслѣдованія.—Кощмаръ.—Мономанія убійства.—II. Дантонъ.—Богатство его способностей.—Несоразмѣрность его положенія и его инстинктовъ.—Варваръ.—Его дѣла.—Его гибель.—III. Робеспьеръ.—Посредственность его способностей.—Отсутствие идей.—Напыщенность.—Его самолюбіе.—Его «черные романы».—Чѣмъ онъ походитъ на Марата.—Чѣмъ онъ разнится отъ него.—Лицемеръ убѣжденный въ своей искренности. Праздникъ Высшаго Существа и законъ 22 преріала.—Внѣшняя и внутренняя сторона Революціи.

I.

Между якобинцами три человѣка, Марать, Дантонъ, Робеспьеръ, приобрѣли первенствующее положеніе и власть. Это объясняется тѣмъ, что благодаря уродству или неправильному строенію своего ума и своего сердца, они выполнили требуемыя условія. Изъ нихъ трехъ Марать чудовищнѣе всѣхъ. Онъ почти стоитъ на границѣ сумашествія, въ немъ можно отмѣтить главныя черты безумія, яростную экзальтацію, постоянное возбужденіе, лихорадочную дѣятельность, неизсякаемую страсть къ писанію, автоматизмъ мысли и столбнякъ воли, подъ влияніемъ и давленіемъ ідеѣ fixe, кромѣ того обычные физическіе симптомы, безсонницу, сѣроватый цвѣтъ лица, крайнюю нечистоплотность. Последніе пять мѣсяцевъ онъ былъ весь покрытъ лишаями и чувствовалъ зудъ во всемъ тѣлѣ. Родители его были совершенно противоположныхъ расъ, отецъ его былъ испанскаго происхожденія, а мать швейцарка, съ физической стороны онъ недоносокъ, а съ нравственной, человѣкъ претендующій играть выдающуюся роль. Его отецъ, докторъ, предназначалъ его съ самаго ранняго дѣтства быть ученымъ, мать его идеалистка, подготовила его быть филантропомъ, и онъ самъ всегда стремился къ этимъ двумъ цѣлямъ.

«Когда мнѣ было пять лѣтъ, — говоритъ онъ самъ, я стремился быть школьнымъ учителемъ, въ пятнадцать лѣтъ профессоромъ, въ восемнадцать — писателемъ, гениемъ-творцомъ въ двадцать лѣтъ, а затѣмъ и до конца жизни апостоломъ и мученикомъ человѣчества. Съ раннихъ лѣтъ я былъ снѣдаемъ любовью къ славлѣ, страстью, мѣнявшей свой объектъ въ теченіе разныхъ періодовъ моей жизни, но не оставившей меня ни на одно мгновеніе». Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ блуждалъ по Европѣ или прозябалъ въ Парижѣ. Онъ былъ

писателемъ, котораго освистывали, ученымъ, котораго не признавали, философомъ, котораго не знали, третестепеннымъ публицистомъ, жаждущимъ извѣстности и славы, вѣчнымъ претедентомъ и вѣчнымъ отверженцемъ; между его притязаніями и его способностями несоотвѣствіе было слишкомъ значительное. Лишенный таланта, неспособный къ критикѣ, человѣкъ посредственнаго ума, онъ былъ созданъ только для преподаванія науки или для занятія какимъ-либо искусствомъ, для того чтобы быть учителемъ или болѣе или менѣе рѣшительнымъ и хорошимъ докторомъ, чтобы слѣдовать съ нѣкоторыми уклоненіями по заранѣ намѣченному пути. Но онъ говоритъ, что онъ всегда отказывался отъ всякаго дѣла, въ которомъ онъ не могъ добиться крупныхъ результатовъ и въ которомъ онъ не могъ быть оригинальнымъ, такъ какъ онъ не рѣшался братья за сюжетъ, который уже былъ хорошо разработанъ или же пережевывать произведенія другихъ.

Но когда онъ пробуетъ что-либо сочинять, онъ подражаетъ или же впадаетъ въ ошибки. Его трактатъ *О человекѣ* представляется изъ себя нагроможденіе фізіологическихъ и моральныхъ мѣствъ, отрывковъ плохо воспринятыхъ и непонятыхъ сочиненій, взятыхъ на удачу именъ, ни на чемъ не основанныхъ, нелѣпыхъ предположеній, въ которомъ соединяются ученія семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтія и порождаютъ одни только пустыя фразы. «Душа и тѣло являются различными субстанціями не имѣющими между собою никакой необходимой связи и соединенными между собою однимъ только нервнымъ токомъ». Этотъ токъ приводитъ въ движеніе душу, которая въ свою очередь приводитъ въ движеніе токъ, поэтому то она находится въ мозговой оболочкѣ. Его *Оттиска* — полное отрицаніе великой истины найденной Ньютономъ цѣлое столѣтіе тому назадъ и повѣренной другимъ столѣтіемъ опытовъ и вычисленій. По вопросу о теплѣ и электричествѣ онъ высказываетъ только легковѣсныя гипотезы: въ одинъ прекрасный день припертый къ стѣнѣ онъ вводитъ иглу въ резиновую палку, чтобы сдѣлать ее проводникомъ и физикъ Шарль изобличаетъ его въ научномъ мошенничествѣ. Онъ даже не въ состояніи понять великихъ изобрѣтателей, своихъ современниковъ, Лапласа, Монжа, Лаваузе, Фурьева, напротивъ, онъ клеветаетъ на нихъ, подобно мятежному узурпатору, стремящемуся занять мѣсто законныхъ властей, не имѣя на это никакихъ правъ.

Въ политикѣ онъ присоединяется къ бывшей тогда въ модѣ нелѣпности — Соціальному контракту, основанному на естественномъ правѣ и онъ дѣлаетъ ее еще глупѣе, присоединяя сюда разсужденія грубыхъ социалистовъ, затерявшихся въ морали фізіологовъ, основывавшихъ право на физической потребности. «Изъ однихъ только потребностей человѣка проистекаютъ всѣ его права... Когда у кого-нибудь нѣтъ ничего онъ имѣетъ право отобрать у другого силой то, въ чемъ у него излишекъ. Что я говорю? Онъ имѣетъ право отобрать у него необходимое и, чтобы только не погибнуть отъ голода, онъ имѣетъ право задуть другого человѣка и пожрать его еще трепещущее тѣло. Для сохраненія своей жизни человѣкъ имѣетъ право посягать на собственность, свободу, даже на жизнь другихъ людей, чтобы избѣгнуть ига онъ имѣетъ право угнетать, поработать и уби-

вать. Для обезпеченія своего счастья онъ имѣетъ право рѣшаться на все».

Отсюда вполне ясны послѣдствія. Но каковы бы они не были, чтобы онъ не писалъ и чтобы онъ не дѣлалъ, онъ всегда восхищается собой, столь же гордясь своимъ энциклопедическимъ безсильемъ, какъ и своей социальной злоуредностью. По его словамъ онъ сдѣлалъ въ физикѣ безсмертныя открытія: «Онѣ произведутъ полный переворотъ въ оптикѣ... До меня настоящія, первоначальныя цвѣта были неизвѣстны». Онъ—Ньютонъ и даже больше того. До него «не знали какое мѣсто занимаетъ въ природѣ электрическій токъ... я открылъ его и указалъ на его роль, такъ что теперь никакихъ сомнѣній быть не можетъ». До его трактата о человѣкѣ отношенія существовавшія между физикой и моралью были непонятны. «Декартъ, Гельвецій, Галлеръ, Лексъ, Юмъ, Вольтеръ, Бонне, дѣлали изъ этого непроницаемый секретъ, тайну». Онъ раскрылъ тайну, установилъ мѣстопребываніе души, указалъ посредника, черезъ котораго сообщаются душа и тѣло. Въ высшихъ наукахъ, трактующихъ въ общемъ о природѣ или человѣческомъ обществѣ онъ дошелъ до конца. «Я полагаю, что исчерпалъ почти всѣ комбинаціи человѣческаго ума по вопросамъ морали, философіи и политики». Онъ не только открылъ истинную теорію Государства, но онъ самъ государственный человѣкъ, опытный практикъ, способный предвидѣть будущее и создавать его. Онъ дѣлаетъ предсказанія и притомъ совершенно вѣрныя, среднимъ числомъ два раза въ недѣлю: въ первые дни Конвента онъ уже считаетъ за собой «триста предсказаній главныхъ событій Революцій, вполне оправдавшихся фактами».

Находя, что члены учредительнаго собранія разрушаютъ и снова возсоздаютъ слишкомъ медленно, онъ заявляетъ, что онъ въ состояніи все уничтожить и снова возсоздать въ совершенномъ видѣ въ одно мгновеніе. «Если бы я былъ народнымъ трибуномъ и меня поддерживало нѣсколько тысячъ рѣшительныхъ людей, я ручаюсь за то, что черезъ шесть недѣль конституція была бы совершенна, что политическая машина работала бы вполне исправно, что нація была бы свободна и счастлива, что менѣе чѣмъ черезъ годъ страна была бы въ цвѣтущемъ состояніи и внушала бы уваженіе своимъ врагамъ и что все это было бы до тѣхъ поръ, пока бы я былъ въ живыхъ». Въ случаѣ необходимости онъ можетъ быть генераломъ и притомъ побѣдоноснымъ. Достаточно будетъ ему только видѣть два раза какимъ образомъ сражаются вандейцы, чтобы найти средство кончить войну «послѣ первой же схватки». — «Если бы я могъ переносить путевыя лишенія, я предложилъ бы себя для осуществленія моихъ плановъ; во главѣ маленькаго отряда надежныхъ войскъ легко уничтожить въ одинъ день всѣхъ мятежниковъ до одного. Я понимаю кое-что въ военномъ искусствѣ и я могъ бы безъ самохвальства отвѣчать за успѣхъ».

Если существуютъ неудачи, то только потому что не слушались его совѣтовъ. Онъ великій политическій врачъ. Съ самаго начала Революціи его діагнозъ былъ всегда вѣренъ, его предсказанія были безошибочны, его терапевтика была дѣйствительно человѣчна и спасительна. Онъ приноситъ съ собою панацею, пусть же будетъ ему

дано ее и примѣнить. Для того же, чтобы она хорошо дѣйствовала, онъ самъ долженъ ее примѣнить. Поэтому дайте ему въ руки общественный ланцетъ, чтобы онъ могъ произвести гуманитарное кровопусканіе. «Таково было мое мнѣніе, я его высказалъ въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ, я подписался подъ ними и я не краснѣю за это. Если вы неспособны меня понимать, тѣмъ хуже для васъ». Другими словами въ глазахъ Марата, Маратъ—превосходящій всѣхъ своимъ гениемъ и характеромъ, является единственнымъ спасителемъ.

По подобнымъ признакамъ врачъ тотчасъ же призналъ бы въ немъ одного изъ помѣшанныхъ съ проблесками разума, которыхъ не запираютъ въ больницы, но которые тѣмъ болѣе опасны. Онъ назвалъ бы даже техническое названіе болѣзни. Это—честолюбивый бредъ, хорошо извѣстный въ домахъ для сумасшедшихъ. Два предрасположенія являютя его источниками, а именно: ненормальность сужденія и громадный избытокъ самолюбія и нигдѣ эти оба источника не были такъ обильны какъ у Марата. Никогда человѣкъ послѣ таковой разнообразной культуры не имѣлъ столь неиспѣлимо ложнаго ума. Никогда человѣкъ не имѣлъ и не сохранялъ столь высокаго представленія о самомъ себѣ. Такъ какъ онъ обладаетъ способностью не видѣть вещи такими, какими они являются на самомъ дѣлѣ, онъ можетъ приписать себѣ положительныя качества и гениальность; убѣжденный въ томъ, что онъ обладаетъ и этими качествами и гениальностью, онъ принимаетъ свои посягательства за заслуги, а свои причуды за истины. Съ этого момента и своимъ естественнымъ теченіемъ болѣзнь усложняется: къ честолюбивому бреду присоединяется манія преслѣдованія. Въдъ очевидныя и доказанныя истины, которыя онъ возвѣщаетъ, должны были бы сразу быть понятными всѣми; если этого не случается и онъ глохнуетъ, это значить, что противъ него шли враги его или завистники; очевидно противъ него устраивали все время заговоры.

Сначала былъ заговоръ философовъ: когда трактатъ *О человекѣ* былъ высланъ изъ Амстердама въ Парижъ, «они почувствовали какою ударъ я наносу ихъ принципамъ и добились того, что книгѣ задержали въ таможи». Затѣмъ послѣдовалъ заговоръ докторовъ: «Они съ болью высчитывали размѣры моихъ заработковъ... Я могъ бы доказать въ случаѣ необходимости, что они устраивали частыя собранія, чтобы придумать самыя дѣйствительныя средства меня оклеветать». Наконецъ послѣдовалъ заговоръ академиковъ. «Академія наукъ не прекращала противъ меня въ теченіе десяти лѣтъ недостойныхъ преслѣдованій, послѣ того какъ она убѣдилась, что мои открытія въ области свѣта уничтожали всѣ ея вѣковыя изслѣдованія и что я вовсе и не думалъ стать ея членомъ... Повѣрите ли, что шарлатаны этого, ученаго учрежденія добились того, что обезцѣнили мои открытія во всей Европѣ, возстановили противъ меня всѣ ученые общества и закрыли передо мной всѣ газеты». Естественно, что мнимый угнетаемый защищается, то есть нападаетъ. Естественно, что, разъ онъ нападаетъ, его отталкиваютъ и теперь уже онъ имѣетъ дѣло не съ воображаемыми, а съ настоящими врагами, въ особенности въ политикѣ, гдѣ онъ изъ принципа проповѣдуетъ каждый

день мятежъ и убійство. Естественно поэтому, что его преслѣдуютъ, что онъ долженъ бѣжать и жить по мѣсяцамъ подобно летучей мыши «въ погребѣ, въ подземельи и въ темномъ тайникѣ». Однажды, говоритъ его другъ Панись, онъ провелъ наединѣ со своей мечтой шесть недѣль сидя на одномъ мѣстѣ, подобно безумному въ своей камерѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при подобныхъ условіяхъ бредъ его усиливается и превращается въ постоянный кошмаръ, что онъ видитъ всѣхъ и людей и вещи въ увеличительномъ и изогнутомъ зеркалѣ, что, когда иногда болѣзнь его обостряется, его врачъ пускаетъ ему кровь, чтобы предотвратить усиленіе болѣзни.

Но болѣзнь уже сложилась, отнынѣ въ его мозгу существуютъ самыя нелѣпыя, даже физически и математически невозможныя представленія. «Патріотическая контрибуція, говоритъ онъ, должна дать 4860 милліоновъ и можетъ быть вдвое больше; съ этой суммой Неккеръ можетъ вооружить 500000 человѣкъ и онъ, рассчитываетъ на это, чтобы подчинить себѣ Францію». Со времени взятія Бастиліи, «растраты одного только муниципалитета превышаютъ 200 милліоновъ, считаютъ, что Бальи положилъ себѣ въ карманъ болѣе двухъ милліоновъ, а что въ теченіе двухъ лѣтъ положилъ себѣ въ карманъ Лафайетъ прямо не поддается учету». 15 ноября 1791 года скопище эмигрантовъ заключаетъ въ себѣ «не менѣе 120.000 бывшихъ дворянъ и партизановъ и дисциплинированныхъ солдатъ, не считая силъ нѣмецкихъ князей, которыя должны присоединиться къ нимъ». Подобно собратьямъ его изъ Бисетра ему представляются ужасы и гнусности, передъ его глазами проходятъ ужасныя или отвратительныя видѣнія. По его мнѣнію ученые, не пожелавшіе восхищаться имъ—дураки, шарлатаны и плагиаторы. Лапласъ и Монжъ, простые автоматы, являются только счетными машинами; Лавуазье, «мнимый авторъ всѣхъ надѣлавшихъ шуму изобрѣтеній, не имѣетъ ни одной оригинальной мысли», онъ ограбляетъ другихъ, не понимая ихъ и «мѣняетъ системы какъ рубашки». Всѣ они мошенники: «Я могъ бы привести сто случаевъ подлости господъ академикомъ Парижа, сто растратъ довѣренныхъ суммъ». Имъ было довѣрено 12.000 франковъ для изысканія средства управленія воздушными шарами, «а они подѣлили ихъ между собой и промотали ихъ въ Рапе, въ Оперѣ и у дѣвокъ».

Въ политикѣ, гдѣ пренія являются схватками, дѣло обстоитъ еще хуже: другъ народа можетъ имѣть противниками только злодѣевъ. Какая нелѣпость хвалить отвагу и безкорыстіе Лафайета! Если онъ отправился въ Америку то только изъ чувства неудовлетворенной любви, только потому что его отвергла какая-то Мессалина, и кромѣ того онъ воръ. Байльи тоже воръ, а Малюе паяцъ. Неккеръ задумалъ «ужасное дѣло—извести голодомъ и отравить народъ, онъ навсегда навлекъ на себя провлятіе французовъ и презрѣніе челоуѣческаго рода». Что такое учредительное собраніе, какъ не «сборище людей низкихъ, подлыхъ и неспособныхъ?» «Гнусные законодатели, подлые злодѣи, вы вмѣстѣ съ монархомъ торгуете нашими состояніями, нашими правами, нашими свободами и нашими существованіями!» «Второе Законодательное учрежденіе не менѣе гнило чѣмъ первое». Когда безумецъ видитъ вездѣ вокругъ себя, на полу, на стѣнахъ, на

потолкѣ, скорпіоновъ, пауковъ, когда онъ видитъ, какъ кишатъ воюющіе и ядовитые паразиты, онъ только и думаетъ о томъ, чтобы ихъ раздавить и тогда наступаетъ послѣдній періодъ умственного разстройства: послѣ бреда честолюбія, мани преслѣдованія и постоянного кошмара наступаетъ мономанія убійства.

Съ первыхъ же мѣсяцевъ Революціи эта манія овладѣваетъ Маратомъ; дѣло въ томъ, что она была ему прирождена, была ему ранѣе привита, онъ отдался ей изъ принциповъ и сознательно. Никогда разсудительное безуміе не проявлялось болѣе рѣзкимъ образомъ. Съ другой стороны исходя изъ физической необходимости правъ человѣка, онъ приходитъ къ тому заключенію, «что общество должно обезпечить поддержку тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые не имѣютъ никакой собственности и которые едва могутъ удовлетворить свои потребности трудомъ, общество должно позаботиться объ ихъ пищѣ, о помѣщеніи и одеждѣ, оно должно дать имъ возможность лечиться въ случаѣ нездоровья, старости и воспитать своихъ дѣтей. Тѣ, у которыхъ имѣется излишекъ должны удовлетворять потребности чувствующихъ нужду въ самомъ необходимомъ». Въ противномъ случаѣ «честный гражданинъ, котораго общество предоставляетъ нищетѣ и отчаянію, возвращается къ естественному состоянію и имѣетъ право требовать съ оружіемъ въ рукахъ преимущества, которыя онъ отчуждилъ только для того, чтобы получить болѣе крупныя преимущества. Всякая власть, оказывающая ему сопротивление, является властью тираннической и судья присуждающій его къ смерти—подлый убійца». Такимъ образомъ оправдываются безчисленныя мятежи, вызываемыя голодовками и такъ какъ эти голодовки постоянны, ежедневны мятежи исполнѣ законы.

Съ другой стороны, выставивъ принципомъ верховенство народа, онъ выводитъ изъ него «священное право давшихъ полномочія отозвать своихъ делегатовъ», схватить ихъ за горло, если они нарушаютъ свой долгъ, страхомъ заставить ихъ исполнять свой долгъ, свернуть имъ шею, если когда-нибудь у нихъ явится пополуноженіе неподобающе вотировать или управлять. «Существуетъ одна вѣчная истина, въ которой необходимо убѣдить людей; самый смертельный врагъ, котораго долженъ опасаться народъ—это правительство».—«Всякій министръ остающійся на мѣстѣ двое сутокъ, когда кабинетъ имѣетъ возможность орудовать противъ отчизны, внушаетъ подозрѣнія». Возстанте же бѣдняки городовъ и деревень, рабочіе безъ работы, люди шатающіеся на улицахъ и проводящіе ночи подъ мостами, нищѣ безъ пристанища, босыя въ лохмотьяхъ, люди съ нищенской сумой и дубинкой и схватите за горло вашихъ невѣрныхъ уполномоченныхъ!

14 іюля, 5 и 6 октября «народъ имѣлъ право не только казнить нѣкоторыхъ заговорщиковъ, но и уничтожить ихъ всѣхъ, перерѣзать всю камарилью королевскихъ сателлитовъ, составившихъ заговоръ для нашей гибели и безчисленную толпу измѣнниковъ отчизнѣ, каково бы не было ихъ званіе и кѣмъ бы они не были». Не ходите никогда въ Собраніе, не наполнивъ ваши карманы камнями для избіенія злодѣевъ, имѣющихъ наглость проповѣдывать монархическіе принципы». «Намъ нужна не отставка министровъ, намъ

нужны ихъ головы, головы всѣхъ сторонниковъ министерства въ Собраніи, головы вашего мэра, вашего генерала, почти всего генеральнаго штаба, большей части муниципальных совѣтниковъ, главныхъ агентовъ исполнительной власти въ королевствѣ». — «Къ чему подумѣры? Ваша месть должна быть обдуманна. Смерть, смерть, таково должно быть наказаніе измѣнниковъ, упорно старающихся васъ погубить, одно только это наказаніе наполняетъ ихъ души ледянымъ ужасомъ. Подражайте поэтому вашимъ неумолимымъ врагамъ, не выходите никогда безъ оружія и закалывайте или застрѣливайте ихъ тутъ же, чтобы они не могли ускользнуть отъ васъ благодаря затяжкамъ правосудія». «Я слышу какъ двадцать милліоновъ ерчатъ въ одинъ голосъ: Если черные и пораженные гангренной министерские приверженцы будутъ настолько дерзки, что проведутъ проектъ роспуска и возсозданія арміи, постройте, граждане, восемьсотъ висѣлицъ въ Тюльрійскомъ саду и повѣсьте на нихъ всѣхъ измѣнниковъ, съ гнуснымъ Рикети, графомъ Мирабо во главѣ, и устройте въ серединѣ бассейна громадный костеръ, чтобы сжечь на немъ министровъ и ихъ сообщниковъ».

Если бы Другъ народа могъ найти двѣ тысячи рѣшительныхъ людей, «онъ для спасенія родины вырвалъ бы сердце у дьявольскаго Мотье, окруженнаго своими батальонами, онъ сжегъ бы въ его дворцѣ монарха и его клеветовъ, онъ умертвилъ бы депутатовъ въ залѣ засѣданій и ихъ тѣла были бы погребены подъ пылающими развалинами ихъ вертепа». При первомъ пушечномъ выстрѣлѣ на границѣ, «нужно, чтобы народъ закрылъ ворота всѣхъ городовъ и чтобы онъ тотчасъ же освободился отъ всѣхъ мятежныхъ священниковъ, антиреволюціонныхъ чиновниковъ, завѣдомыхъ махинаторовъ и ихъ сообщниковъ». «Должностныя лица должны быть настолько предусмотрительны, чтобы позаботиться о безпрерывномъ изготовленіи громаднаго количества очень ерѣвкихъ ножей, съ короткимъ лезвіемъ, острымъ съ обѣихъ сторонъ; подобнымъ ножомъ долженъ быть вооруженъ всякій гражданинъ извѣстный за друга родины. Все искусство сражаться этимъ страшнымъ оружіемъ заключается въ томъ, что лѣвую руку обвертываютъ до самаго плеча тряпками, волосомъ и затѣмъ набрасываются на врага, держа въ правой рукѣ ножъ». Нужно безъ всякаго промедленія пользоваться этими ножами, такъ какъ «какое же средство остается у насъ для того, чтобы положить конецъ подавляющему насъ злу? Повторяю еще разъ, что другого средства кромѣ народной расправы не существуетъ». Вотъ, наконецъ, престоль опрокинуть, но «смотрите, не поддавайтесь голосу ложнаго состраданія... Не нужно пощады; я предлагаю вамъ уничтожить антиреволюціонныхъ членовъ муниципалитетовъ, мировыхъ судовъ, департаментовъ и Национальнаго Собранія». Въ самомъ началѣ достаточно было незначительнаго количества жизней, «нужно было отрубить 500 головъ послѣ взятія Бастиліи и тогда все было бы хорошо». Но благодаря непредусмотрительности и трусости дали злу возможность распространиться и чѣмъ больше оно распространяется, тѣмъ большую ампутацію нужно произвести.

Точнымъ глазомъ ромъ хирурга Марать опредѣляетъ размѣры зла. Въ сентябрѣ 1792 г. въ Совѣтѣ Коммуны онъ исчисляетъ прибли-

зительно въ 40,000 число головъ, которыя нужно отрубить. Когда шесть недѣль спустя общественный нарывъ становится гораздо больше, число возрастаетъ соотвѣтственно, теперь онъ уже требуетъ 270.000 головъ, все изъ человѣчности, «чтобы обезпечить общественное спокойствіе», при томъ условіи, чтобы ему поручить произвести эту операцію, одну только эту операцію, въ качествѣ мстителя. За исключеніемъ послѣдняго пункта все остальное ему предоставлено; досадно, что онъ не могъ видѣть своими глазами полного выполненія своей программы, массовыя смертныя казни, вынесенныя революціоннымъ трибуналомъ въ Парижѣ, избіенія въ Ліонѣ и Тулонѣ, массовыя потопленія въ Нантѣ. Съ самого начала и до конца онъ идетъ по теченію Революціи оставаясь ясновидящимъ въ силу своего ослѣпленія, благодаря своей логикѣ безумца, благодаря соотвѣтствію своей частной болѣзни съ общественной болѣзью, благодаря тому, что одинъ только его бредъ отличается пѣльностью среди неполнаго и поздняго бреда другихъ, благодаря тому, что его одного нельзя сдвинуть съ мѣста, что у него нѣтъ упрековъ совѣсти, что онъ торжествуетъ, утвердившись однимъ скачкомъ на острой вершинѣ, на которую его соперники не осмѣливаются дойти или доходить только ощупью.

II.

Въ Дантонѣ нѣтъ ничего безумнаго, напротивъ, у него не только самый здравый умъ, но онъ еще обладаетъ политическимъ талантомъ въ столь значительной степени, что съ этой стороны ни одинъ изъ его соратниковъ или противниковъ не можетъ быть съ нимъ сравнимаемъ и что среди дѣятелей Революціи одинъ Мирабо былъ ему равенъ или превзошелъ его. Это оригинальный, самобытный умъ, а не, подобно большинству своихъ современниковъ резонерствующій теоретикъ и писакъ, то есть педантичный фанатикъ, существо созданное книгами, лошадь вертящая мельничный жерновъ съ наглазниками и все бружащая по одному и тому пути. На его взглядъ не оказываютъ вліянія абстрактныя предрассудки, онъ не вноситъ съ собой ни соціальнаго договора подобно Руссо, ни соціальнаго искусства подобно Сіеяесу, ни принциповъ или кабинетныхъ комбинацій, онъ отошелъ отъ нихъ въ сторону инстинктивно, можетъ быть даже изъ презрѣнія: онъ въ нихъ не нуждался, онъ не зналъ бы что съ ними дѣлать. Системы являются костылями для безсильныхъ, а онъ вѣдь работоспособенъ, формулы являются очками для близорукихъ, а вѣдь у него хорошіе глаза.

Онъ мало читалъ, мало думалъ, говоритъ одинъ образованный современникъ-философъ; онъ почти ничего не зналъ и онъ не имѣлъ дерзости предугадывать что либо, но онъ *смотрѣлъ и видѣлъ*. Представляетъ себѣ расходящіяся или сходныя, поверхностныя или глубокия, существующія въ настоящее время или возможные въ будущемъ, стремленія различныхъ партій и двадцати шести миллионныхъ душъ, правильно оцѣнивать силу вѣроятнаго сопротивленія и мощь свободныхъ силъ, подмѣчать и улавливать рѣшающій моментъ, комбинировать средства выполненія, находить дѣятельныхъ людей, разиѣ-

рять произведенное дѣйствіе, предвидѣть будущія противодѣйствія, не раскаиваться и не упорствовать, примѣнять преступленія ради политическихъ цѣлей, лавировать передъ слишкомъ значительными препятствіями, останавливаться и дѣйствовать окольными путями, даже вопреки выставляемымъ принципамъ, смотрѣть на вещи и людей только взглядомъ механика, строителя машинъ—ко всему этому неуклонно стремился Дантонъ 10 августа, 2 сентября, во время фактической диктатуры, которую онъ себѣ присвоилъ между 10 августомъ и 21 сентября, затѣмъ въ Конвентѣ, въ первомъ Комитетѣ Общественнаго спасенія, 31 мая и 2 июня. До самого конца, вопреки взглядамъ своихъ приверженцевъ, онъ старался уменьшить или по крайней мѣрѣ не увеличивать сопротивленій, которыя должно было побѣдить правительство.

Среди брани и криковъ клубовъ, требовавшихъ изгнанія пруссаковъ, захвата прусскаго короля, низверженія всѣхъ престоловъ и короля, онъ переговорами добился почти мирнаго отступленія герцога Брауншвейгскаго, онъ старался отдѣлить Пруссію отъ коалицій, онъ стремился превратить войну пропаганды въ войну интересовъ, онъ заставилъ Конвентъ декретировать, что «Франція никоимъ образомъ не вмѣшается въ управленіе другихъ державъ», онъ добился союза съ Швеціей, онъ заранѣе положилъ основы Базельскаго трактата, онъ думалъ о спасеніи короля. Такъ, графъ де Ламетъ, полковникъ, членъ законодательнаго собранія, рассказывалъ, что онъ отлично зналъ Дантона. Послѣ сентябрьскихъ избіеній онъ бѣжалъ въ Швейцарію и былъ внесенъ въ списокъ эмигрантовъ. Приблизительно за мѣсяць до смерти короля онъ рѣшился на послѣднюю попытку и прибылъ въ Парижъ. «Я отправился прямо къ Дантону и не называя своего имени настоятельно просилъ меня принять. Въ концѣ концовъ меня ввели къ Дантону и я нашелъ его сидящимъ въ ваннѣ. — Вы здѣсь? — воскликнулъ онъ, — вы знаете, что стоитъ мнѣ только сказать одно слово и вы погибнете на гильотинѣ? Дантонъ,—сказалъ я ему, вы большой преступникъ, но есть гнусности, на которыя вы неспособны и между прочимъ вы не способны донести на меня.—Вы явились спасти короля?—Да». Послѣ этого у насъ завязался очень дружескій разговоръ.—«Я согласенъ,—сказалъ Дантонъ, попытаться спасти короля, но мнѣ нужно имѣть миллионъ, чтобы подкупить необходимыхъ людей и эта сумма мнѣ нужна черезъ недѣлю. Я васъ предупреждаю, что если я не могу сохранить ему жизнь, я буду вотировать за его смерть. Я хочу спасти его голову, но не имѣю малѣйшаго желанія потерять свою». Нужную сумму не удалось достать, Дантонъ, какъ онъ предупредилъ, подаль свой голосъ за казнь короля, а затѣмъ онъ способствовалъ возвращенію г. де Ламета въ Швейцарію.

Несмотря на недовѣріе и нападенія жирондистовъ, стремящихся обезчестить его и погубить, онъ упорно протягиваетъ имъ руку для примиренія, онъ объявляетъ имъ войну только потому, что они не хотятъ заключить мира и онъ старается облегчить ихъ участь, когда они повержены на землю. Среди столькихъ болтуновъ и писаекъ, которые обладаютъ логикой только на словахъ и ярость которыхъ слѣпа, которые повторяютъ фразы съ чужого голоса и являются механизмами

для убійствъ, его умъ, всегда широкій и гибкій, идетъ прямо къ фактамъ, не для того чтобы ихъ извращать, но для того чтобы подчиниться имъ, подладиться къ нимъ и понять ихъ. Съ такимъ умомъ можно дойти далеко и добиться многого, остается только выбрать путь по которому пойдешь. Мандрентъ, при старомъ режимѣ, былъ тоже необыкновеннымъ человѣкомъ, только онъ избралъ большую дорогу.

Между демагогомъ и разбойникомъ существуетъ большое сходство. И тотъ и другой предводители шайкъ и каждому изъ нихъ необходимъ случай для образованія ихъ шайки. Дантону нужна была Революція для образованія своей шайки. Не имѣя никакой протекціи, ни средствъ, получивъ званіе адвоката послѣ большихъ усилій, онъ долгое время блуждалъ безъ дѣла и скитался по улицамъ и по кафе, подобно тому какъ нынѣшніе адвокаты считаются по пивнымъ. Въ кафе Школы хозяинъ, человѣкъ въ парикѣ, въ сѣромъ платьѣ и съ салфеткой подъ мышкой, прислуживалъ гостямъ съ улыбкой на лицѣ, а дочь его сидѣла за конторкой въ качествѣ кассирши. Дантонъ познакомился съ ней и предложилъ ей руку. Для этого ему пришлось купить должность адвоката въ Королевскомъ Совѣтѣ, найти въ своемъ маленькомъ городѣ людей, которые согласились бы за него поручиться и одолжить необходимыя средства. Онъ женился и поселился въ маленькомъ пассажѣ Торговли. Долговъ у него было больше чѣмъ дѣлъ. Онъ былъ обреченъ на профессию требующую аккуратности, умѣренности тона, приличнаго стиля и безукоризненности манеръ, на прозябаніе въ ограниченной рамками семейной жизни, причѣмъ безъ помощи тестя, дававшего еженедѣльно по двадцати франковъ, невозможно было свести концы съ концами. Въ подобной обстановкѣ возмутилось все его существо, чувствовавшее потребность къ удовольствіямъ и власти, возмутились все его могучіе инстинкты инициативы и дѣятельности. Онъ не подходилъ къ мирной рутинѣ нашихъ гражданскихъ поприщъ, ему подходила не регулярная дисциплина стараго общества, продолжающаго свое существованіе, но грубая рѣзкость общества, которое разрушается или вновь создается.

По темпераменту и характеру онъ варваръ и притомъ варваръ рожденный для того чтобы командовать другими людьми, подобно какому-нибудь вассалу въ шестомъ столѣтіи или барону въ десятомъ. Онъ колоссъ съ лицомъ монгола, обезображеннымъ оспой. Безобразіе его трагично и ужасно. У него сведенное судорогой лицо «ворчащаго бульдога», маленькіе глаза подъ нависшими бровями, угрожающе сморщенный лобъ, громовой голосъ, жесты солдата, въ немъ выпить кровь, энергія. Силы, кажущіяся неограниченными подобно силамъ природы, ищутъ себѣ выхода, его могучая декламаторская рѣчь, подобная реву быка, разносится несмотря на закрытыя окна на пятьдесятъ шаговъ вдаль, у него искренній пафосъ, у него вырываются крики возмущенія, мести и патріотизма, способные возбудить самыя жестокіе инстинкты въ самой мирной душѣ и великодушныя инстинкты въ самой очерствѣлой душѣ, онъ проноситъ проклятія и ругательства, у него цинизмъ не монотонный и напускной какъ у Гебера, но живой, естественный, достойный

Раблэ, въ немъ извѣстная доля веселой чувственности и насмѣшливаго добродушія, у него сердечное и фамиллярное обхожденіе, открытый товарищескій тонъ, однимъ словомъ онъ обладаетъ внѣшними и внутренними данными болѣе всего способными къ тому, чтобы овладѣть довѣріемъ и симпатіями парижскаго плебса. Все содѣйствуетъ его природной популярности и создаетъ изъ него одного изъ вожаковъ санкюлотизма. Съ подобными данными благоприятными для сцены чувствуешь искушеніе играть извѣстную роль, какъ только открывается театр, каковъ бы не былъ театр, каковы бы не были актеры, бездѣльники или уличныя дѣвки, какова бы ни была роль, гнусна, смертоносна, и хотя бы она въ концѣ концовъ привела къ гибели того кто ее играетъ. Для того, чтобы сопротивляться искушенію, нужно имѣть отвращеніе въ чувствахъ и душѣ, развиваемое тонкой или глубокой культурой, а у Дантона этого нѣтъ. Ни съ физической, ни съ моральной стороны онъ не чувствуетъ ни къ чему отвращенія: онъ можетъ цѣловать Марата, брататься съ пьяницами, поздравлять сентябристовъ, отвѣчать выраженіямъ ломовыхъ извозчиковъ на ругательства уличныхъ женщинъ, жить вмѣстѣ съ мазуриками, ворами, съ Ёорра, Вестерманомъ, Гюгененомъ и Росиньодемъ, завѣдомыми злодѣями, которыхъ онъ послѣ 2 сентября посылаетъ въ департаменты.

Для того, чтобы работать въ грязи, необходимо быть грязнымъ, не нужно зажимать носа когда подобные люди приходятъ за своимъ заработкомъ, нужно имъ хорошо платить, обращаться къ нимъ со словами одобренія. Дантонъ соглашается на это и примѣняется къ порокамъ, онъ нисколько не стѣсняется. Онъ не возстаетъ противъ того, что берутъ взятки. Онъ самъ бралъ деньги отъ двора для того, чтобы имѣть возможность играть свою роль, тратить ихъ противъ самого же двора и вѣроятно при этомъ внутренне хохоталъ, подобно тому какъ мысленно хохочетъ крестьянинъ въ блузѣ, когда ему удастся провести своего помѣщика, подобно тому какъ хохоталъ, какъ описываютъ древніе историки, франкъ, когда онъ получалъ отъ римлянъ деньги и затѣмъ употреблялъ ихъ на веденіе войны съ ними же. Дантонъ не имѣетъ уваженія ни къ себѣ самому, ни къ другимъ, точныя и деликатныя ограниченія окружающія человеческую личность, кажутся ему выдумками законниковъ и салонными приличіями. Подобно Хлодвигу онъ попираетъ ихъ, и подобно Хлодвигу такимъ же образомъ, съ худшей шайкой онъ бросается на колеблющееся общество съ цѣлью его уничтожить и возсоздать его ради своей выгоды.

Съ самаго начала онъ понялъ характеръ и нормальное средство производить революцію, то есть примѣненіе народной силы. Въ 1788 году онъ уже участвовалъ въ мятежахъ. Съ самаго начала онъ понималъ конечный объектъ и окончательный результатъ революціи, то есть диктатуру насильственного меньшинства: на слѣдующій день послѣ 14 іюля 1789 года онъ основалъ въ своемъ кварталѣ маленькую республику, независимую, агрессивную, центръ партіи, убѣжище дѣтей неимѣющихъ родителей, мѣсто собранія фанатиковъ, вертепъ всѣхъ людей съ воспаленными мозгами и всѣхъ убійцъ, мошенниковъ, духовидцевъ и насильниковъ, газетныхъ или улич-

ныхъ болтуновъ, и въ этомъ болѣе чѣмъ якобинскомъ государствѣ, которое онъ установитъ впоследствии, онъ царитъ какъ будетъ царить впоследствии, въ качествѣ вѣчнаго предсѣдателя округа, баталіоннаго командира, клубнаго оратора, зачинщика всевозможныхъ нападений. Тамъ узурпація является правиломъ, никакая законная власть не признается; бравируютъ короля, министровъ, судей, собраніе, муниципалитетъ, мэра, начальника національной гвардіи. По природѣ и изъ принциповъ поставили себя выше законовъ: округъ беретъ Марата подъ свое покровительство, ставитъ двухъ часовыхъ у его дверей, чтобы защитить его отъ преслѣдованій и сопротивляется съ оружіемъ въ рукахъ противъ вооруженной силы, которой поручено привести въ исполненіе приказъ объ арестѣ. Лучше того, отъ имени Парижа, «перваго часоваго націи», претендуютъ управлять Франціей. Такъ Дантонъ объявляетъ въ Національномъ Собраніи, что граждане Парижа—естественные представители восьмидесяти трехъ департаментовъ и предлагаетъ ему, по ихъ приказанію, отмѣнить уже изданный декретъ.

Въ этомъ заключается вся идея якобинства, съ своимъ проникающимъ умомъ Дантонъ проникъ въ нее до глубины и возвѣстилъ ее въ надлежащихъ выраженіяхъ; теперь, чтобы примѣнить ее широко на дѣлѣ, ему остается только перейти изъ маленькаго театра въ большой, изъ кордельеровъ въ Коммуну, въ министерство, въ Комитетъ Общественнаго Спасенія и во всѣхъ этихъ театрахъ онъ играетъ ту же роль съ тѣмъ же самымъ результатомъ. Деспотизмъ, установленный силой и поддерживаемый страхомъ—вотъ его цѣль и его средства; это онъ, прилаживая средства къ цѣли и цѣль къ средствамъ, руководитъ великими днями и вызываетъ рѣшительныя мѣры Революціи, 10 августа, 2 сентября, 31 мая, 2 июня, декретъ поднимающій въ каждомъ большомъ городѣ армию санеколотовъ, которыми платятъ жалованье «для того, чтобы они угрожали своими пиками аристократамъ», декретъ, который въ каждой коммунѣ, гдѣ хлѣбъ дорогъ, облагаетъ богатыхъ податью, чтобы дать возможность бѣднякамъ покупать хлѣбъ, декретъ, который предоставляетъ рабочимъ сорокъ су за каждое засѣданіе въ севціяхъ, учрежденіе Революціоннаго трибунала, предложеніе превратить Комитетъ Общественнаго Спасенія въ временное правительство, провозглашеніе террора, примѣненіе семи тысячъ делегатовъ первичныхъ собраній въ качествѣ агентовъ всеобщаго вооруженія, благодаря ему произносятся зажигательныя слова, которыя возбуждаютъ всю молодежь и бросаютъ ее къ границамъ, благодаря ему выносятся разумныя рѣшенія, ограничивающія поголовное ополченіе наборомъ гражданъ отъ восемнадцати до двадцати пяти лѣтъ и полагающія конецъ безобразіямъ черни поющей и танцующей карманьолу въ самой залѣ Конвента.

Но почему же разъ онъ создалъ машину, онъ не рѣшается ею управлять? Дѣло въ томъ, что хотя онъ ее и построилъ, онъ не способенъ управлять ею. Въ критическіе дни онъ способенъ увлечь собраніе или толпу, управлять въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Комитетомъ. Но работа правильная, упорная, внушаетъ ему отвращеніе, онъ не созданъ для писанія, для бумагъ и рутинны администра-

тивнаго дѣла. Онъ не будетъ никогда полицейскимъ и чиновникомъ, подобно Робеспьеру и Биллю, не будетъ никогда самымъ тщательнымъ образомъ читать ежедневные рапорты, не будетъ учителемъ декоративныхъ отвлеченностей, холоднымъ лугономъ, старательнымъ и убѣжденнымъ инквизиторомъ, въ особенности онъ никогда не будетъ методичнымъ палачемъ. Съ одной стороны глаза его не покрыты сѣрой пеленой теории: онъ видитъ людей не сквозь призму социальнаго договора, какъ сумму арифметическихъ единицъ, но видитъ ихъ такими, какими они на самомъ дѣлѣ, видитъ, что они живутъ, страдаютъ, въ особенности и тѣ, которыхъ онъ знаетъ, видитъ что у каждаго есть своя физиономія и свои жесты. При этомъ зрѣлищѣ все внутреннее существо содрогается, если у человѣка оно имѣется, а у него оно есть; у него есть даже сердце, широкая и живая чувствительность, чувствительность человѣка, въ которомъ существуютъ всѣ первобытныя инстинкты, хорошіе наряду съ дурными, которые культура не могла иссушить, чувствительность, которая допустила сентябрьскія избиенія, но при которой человѣкъ не рѣшается дѣйствовать собственноручно и лично принимать каждый день участіе въ систематическихъ и ничѣмъ не ограниченныхъ убійствахъ. Уже въ сентябрѣ, «прикрывая свое состраданіе рыданіями», онъ вырвалъ у убійцъ нѣсколько славныхъ жизней. Когда гильотина угрожаетъ жирондистамъ, онъ «боленъ отъ горя» и отчаянія. «Я не могу ихъ спасти, восклицаетъ онъ и крупныя слезы скатываются по его щекамъ». Съ другой стороны на глазахъ его нѣтъ толстой пелены неспособности и непредусмотрительности. Онъ понялъ внутренний недостатокъ системы, неизбежное и скорое самоубійство Революціи. «Жирондисты заставили насъ броситься въ санкюлотизмомъ, который ихъ поглотилъ, который насъ всѣхъ поглотитъ, который поглотитъ самого себя». «Я учредилъ революціонный трибуналъ, я прошу за это прощенія у Бога и у людей». «Въ революціяхъ власть попадаетъ въ руки большихъ злодѣевъ. Лучше быть простымъ рыбакомъ чѣмъ управлять людьми». Но онъ имѣлъ претензію ими управлять, онъ построилъ новую правительственную машину и не обращая вниманія на его крики, машина его работаетъ согласно своей структурѣ и данному имъ импульсу. Она стоитъ передъ нимъ эта мрачная машина, съ своимъ громаднымъ колесомъ, которое давить всю Францію, со своей желѣзной цѣпью, безчисленныя зубья которой раздираютъ каждую часть каждой жизни, съ своимъ стальнымъ ножомъ, который безпрестанно поднимается и снова опускается; ходъ ея, который ускоряется, требуетъ каждый день все большаго и большаго количества человѣческихъ жизней и ея поставщики должны быть такъ же безчувственны, такъ же глуцы какъ и онъ. Дантонъ не хочетъ, не можетъ быть такимъ.—Онъ устраняетъ себя, онъ развлекается, старается забыться, онъ полагаетъ, что главные головорѣзы быть можетъ будутъ согласны его забыть, конечно они не валадутъ на него. «Они не осмѣлятся... Меня трогать нельзя, я—животъ». Онъ предпочитаетъ быть гильотинированнымъ, чѣмъ гильотинировать другихъ.—Разъ онъ сказалъ или подумалъ это, онъ вполне созрѣлъ для эшафота.

III.

Даже если бы у него было твердое рѣшеніе остаться предводителемъ головорѣзовъ, онъ не былъ бы совершеннымъ представителемъ Революціи. Она является разбойничествомъ, но при этомъ философскимъ, воровство и убійство включены въ его догматы, но какъ ножъ въ своихъ ножнахъ. На народъ нужно выставлять блестящія и полированные ножи, а не острый и окровавленный мечъ. Дантонъ, подобно Марату, слишкомъ открыто показываетъ мечъ. При одномъ только взглядѣ на Марата, грязнаго и оборваннаго, съ его круглыми, блестящими и неподвижными глазами, съ его амплумбомъ иллимината и монотонной яростью его постоянного пароксизма, все существо человѣка возстаетъ; въ предводители не берутъ маніака—убійцу. При одномъ только взглядѣ на Дантона, только слушая его изощренныя грубости и голосъ подобный набату, видя его лицо циклопа и его жесты, человѣчество приходитъ въ ужасъ, нельзя довѣряться безъ отвращенія политическому мяснику.

Революція нуждается въ другомъ посредникѣ, съ выгодной показной стороны и таковъ то Робеспьеръ съ его безупречною внѣшностью, хорошо напудренными волосами, чистымъ платьемъ, съ его догматическимъ тономъ, его изысканнымъ и тусклымъ стилемъ. Ни одинъ умъ своей посредственностью не соответствовалъ болѣе духу времени, въ противоположность государственнымъ людямъ онъ витаетъ въ пустомъ пространствѣ, среди отвлеченностей, всегда сидя верхомъ на принципахъ, не желая соскочить съ нихъ и коснуться обѣими ногами практики. «Онъ, говорить про него Дантонъ, неспособенъ сварить яйцо». «Неясныя общія выраженія его рѣчей, пишетъ другой его современникъ, не приводили обыкновенно ни къ какой мѣрѣ ни къ какому прозрѣнію закона. Онъ оспаривалъ все, не предлагалъ ничего и секретъ его политики счастливо сочетался съ безиліемъ его разума и ничтожностью его законодательныхъ предположеній».—Когда онъ выкладываетъ весь запасъ своей революціонной схоластики, онъ болѣе ничего не можетъ говорить. Въ области финансовъ и военнаго искусства онъ ничего не понимаетъ и не рискуетъ входить въ обсужденіе этихъ вопросовъ, а только старается очернить и оклеветать Карно и Камбона, которые являются знатоками въ этой области. Въ области внѣшней политики его рѣчь о состояніи Европы швольническое многословіе. Когда онъ выставяетъ планы англійскаго министерства («оно хотѣло посадить герцога Юркскаго на престолъ Людовика XVI»), онъ высказываетъ колоссальную нелѣпость, можно было бы подумать, что это говоритъ не глава правительства, а швейцаръ яacobинскаго клуба.

Онъ не имѣетъ вѣрнаго и точнаго представленія о современной ему Франціи: вмѣсто людей онъ видитъ двадцать шесть милліоновъ простыхъ автоматовъ, которыхъ можно заставить дѣйствовать согласно и безъ толчковъ; дѣйствительно, по природѣ своей они добры и послѣ маленькой необходимой очистки они всѣ станутъ добрыми, поэтому ихъ коллективная воля—«голосъ разума и общественнаго интереса». Вотъ почему, какъ только они собираются вмѣстѣ, онъ

становятся разсудительными. «Если было бы возможно, собраніе делегатовъ народа должно было бы совѣщаться въ присутствіи всего народа», по меньшей мѣрѣ законодательное собраніе должно было бы засѣдать «въ обширномъ и величественномъ зданіи, расчитанномъ на двѣнадцать тысячъ зрителей». Замѣтите, что вотъ уже четыре года, въ Учредительномъ, Законодательномъ собраніяхъ, въ Конвентѣ, въ Городской Ратушѣ, въ якобинскомъ клубѣ, всюду гдѣ появлялся Робеспьеръ, трибуны никогда не переставали принимать участіе въ преніяхъ. Всякій умъ проявился бы при столкновеніи со столь ошутительнымъ опытомъ. Его умъ остается закрытымъ, изъ предразсудка или изъ корысти, истина, даже физическая не проникаетъ въ него, потому ли, что онъ неспособенъ ее понять, потому ли, что онъ долженъ ею пренебречь. По этому онъ или тушица или шарлатанъ, и въ дѣйствительности онъ и то и другое, потому что и тотъ и другой сливаются и образуютъ педанта, то есть человѣка пустаго и надутаго, который полагаетъ, что въ немъ масса идей только потому, что онъ за словомъ въ карманъ не полѣзеть, который наслаждается своими собственными фразами и обманываетъ самого себя, чтобы руководить другими.

Таковъ онъ, его характеръ и его роль; въ Революціи, искусственной и декламаторской трагедіи, онъ играетъ главную роль. Предъ нимъ мало по малу ступевываются на задній планъ сумасшедшій и варваръ; къ концу Маратъ и Дантонъ ступевываются или ихъ ступевываютъ, и Робеспьеръ, одинъ оставшійся на сценѣ, приковываетъ къ себѣ всѣ взгляды. Если хочешь его понять, нужно разсмотрѣть его на мѣстѣ и среди окружающихъ его людей. Въ послѣдней стадіи интеллектуальнаго произрастанія, заканчивающагося расположенной на верхушкѣ вѣтвью восемнадцатаго столѣтія, онъ является послѣднимъ выродкомъ и засушеннымъ плодомъ классическаго духа. Изъ изъянутой философіи онъ сохранилъ только осадокъ, выученныя формулы, формулы Руссо, Мабли, Райналя, о народѣ, природѣ, разумѣ, свободѣ, тиранахъ, мятежникахъ, добродѣтели, морали, заранее составленный словарь, слишкомъ общія выраженія, смыслъ которыхъ плохо установленный самими учителями, испаряется въ головахъ учениковъ. Онъ никогда не старается установить этотъ смыслъ, его сочиненія и рѣчи полны отвлеченныхъ и смутныхъ сентенцій, нѣтъ ни одного точнаго факта, ни одной индивидуальной и характерной подробности, ничего, что говорило бы глазамъ и вызвало бы живой образъ, ни одного личнаго и характернаго замѣчанія, ни одного отчетливаго отеровеннаго и непосредственнаго впечатлѣнія.

Можно подумать, что онъ самъ ничего не видѣлъ, что онъ не хочетъ и не можетъ ничего видѣть, что между нимъ и объектомъ помѣстились прочно утвердившіяся вводныя идеи. Онъ комбинируетъ ихъ логическимъ способомъ и симулируетъ отсутствующую мысль занятыми на этотъ случай условными выраженіями. Рядомъ съ нимъ и другіе якобинцы выражаются на этомъ школьномъ языкѣ, но ничто изъ нихъ не выражается на немъ съ такой любовью какъ онъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ слѣдуешь за нимъ ошущю, среди неясныхъ тѣней спекулятивной политики, въ холодномъ и скользкомъ туманѣ дидактическихъ общностей и среди столь многихъ

безвѣтныхъ тирадъ тщетно стараешься что-нибудь уловить. Тогда съ удивленіемъ спрашиваешь себя, что онъ говорилъ и зачѣмъ онъ говорилъ и принужденъ отвѣтить, что онъ ничего не сказалъ и что онъ говоритъ ради того, чтобы говорить, какъ партійный человѣкъ передъ партійными людьми. Ни ораторъ, ни его аудиторія никогда не устанутъ ни вертѣть, ни смотрѣть какъ вертять механизмъ, состоящій изъ принциповъ. И тѣмъ лучше если онъ пустъ, чѣмъ онъ болѣе пустъ, тѣмъ легче и скорѣе онъ вертится. Хуже того, слову «пустой» онъ придаетъ обратное значеніе. Подъ своими громкими словами о справедливости, чловѣчествѣ, онъ подразумѣваетъ бучу набросанныхъ другъ на друга головъ. Точно также поступалъ одинъ инвизиторъ, когда онъ нашелъ, что по его мнѣнію, въ Евангеліи дано приказаніе жечь еретиковъ. Такимъ образомъ напыщенный педантъ, благодаря своей крайней извращенности, коверкаетъ свой собственный умственный аппаратъ; отнынѣ онъ можетъ пользоваться имъ какъ хочетъ, слушаясь однихъ только своихъ страстей, онъ можетъ отнынѣ думать, что онъ служитъ истинѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ будетъ служить этимъ страстямъ.

Первая его страсть, первая страсть Робеспьера—это литературное тщеславіе. Никогда глава партіи, секты или правительства не былъ даже въ рѣшительный моментъ такимъ неизлѣчимъ риторикомъ и притомъ плохимъ, высокопарнымъ и плоскимъ риторикомъ. Наканунѣ 9 термидора, когда дѣло идетъ о побѣдѣ или гибели, онъ всходитъ на трибуну съ написанной заранѣе и переписанной нѣсколько разъ рѣчью, гладкой, отполированной, снабженной всѣмъ академическимъ глянцемъ, съ обязательной декорацией симметрическихъ антитезъ, тщательно отдѣланныхъ періодовъ, восклицаній, умолчаній и другихъ риторическихъ фигуръ. «О, навсегда счастливый день, говоритъ онъ, когда весь французскій народъ собрался, чтобы принести единственную достойную тверца природы дань уваженія! Какое трогательное собраніе всѣхъ предметовъ, могущихъ очаровать взглядъ и сердце людей! О, почтенная старость! О, великодушный пылъ дѣтей отчизны! О, наивная и чистая радость молодыхъ гражданъ! О, чудныя слезы разстроганныхъ матерей! О, божественное очарованіе невинности и красоты! О, величіе великаго народа, счастливаго однимъ только сознаніемъ своей силы, своей славы и своей добродѣтели!» и т. д.

Въ самомъ извѣстномъ и самомъ важномъ изъ его довлдговъ я насчиталъ двадцать четыре прозопопеи, въ подражаніе Руссо и античнымъ писателямъ, однѣ обращенныя къ мертвымъ, къ Бруту, къ молодому Барра, другія къ отсутствующимъ лицамъ, къ священникамъ, къ аристократамъ, къ несчастнымъ, къ французскимъ женщинамъ, наконецъ нѣкоторымъ отвлеченнымъ понятіямъ, какъ на примѣръ, Свобода или Дружба. Съ непоколебимымъ убѣжденіемъ и внутреннимъ удовлетвореніемъ онъ считаетъ себя ораторомъ, потому что по всякому случаю прибѣгаетъ къ старымъ ухищреніямъ. Нѣтъ ни одного искренняго тона въ его изворотливомъ краснорѣчьи, одни только наставленія и притомъ наставленія и риторическія фигуры уже потерятыя, общія выраженія, заимствованныя у греческихъ и латинскихъ авторовъ, Сократъ и его цукута, Брутъ, и его кинжалъ,

классическія метафоры, выспреннія рѣчи, всѣ заимствованныя у Жанъ-Жака Руссо, но гораздо болѣе худшаго качества.

Контрастъ между его ролью и его талантами слишкомъ рѣзокъ. Съ такимъ жалкимъ умомъ какъ его умъ менѣе всего можно было руководить людьми; впрочемъ у него было занятіе, заранѣе опредѣленное и которому бы онъ предался, если бы находился среди спокойнаго общества. Уничтожьте Революцію и Маратъ навѣрное кончилъ бы свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, были нѣкоторыя данныя, чтобы Дантонъ сталъ разбойникомъ или наемнымъ убійцей и былъ въ концѣ концовъ зарѣзанъ или быть можетъ повѣшенъ. Напротивъ, Робеспьеръ продолжалъ бы свою жизнь какъ онъ ее началъ, онъ былъ бы старательнымъ, занятымъ и уважаемымъ адвокатомъ, членомъ Арасской академіи, лауреатомъ на конкурсахъ, авторомъ литературныхъ хвалебныхъ рѣчей, моральныхъ трактатовъ, филантропическихъ брошюръ. Его зажженная маленькая лампа, подобно сотнямъ остальныхъ одинаковаго калибра, скромно сіяла бы и распространяла бы въ провинціальномъ кругу свой банальный, тусклый свѣтъ, пропорціональный малому количеству масла, содержащагося въ ея узкомъ резервуарѣ.

Но Революція вознесла его въ Учредительное Собраніе и въ теченіе долгаго періода времени, на этой большой сценѣ, жестоко страдало самолюбіе его, самая чувствительная фибра подобныхъ ему людей. Съ первыхъ же дѣтскихъ лѣтъ самолюбіе его страдало и, уже оскорбленное, было тѣмъ болѣе чувствительно. Онъ былъ сиротой бѣднякомъ, ему оказалъ протекцію его епископъ и онъ получилъ стипендію въ коллежѣ Луи-ле-Гранъ. Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ Бриссо былъ клеркомъ въ революціонномъ судѣ писцовъ, въ концѣ концовъ ему пришлось поселиться въ мрачной улицѣ и посвятить себя разбору и веденію всякихъ врючковторныхъ тяжбъ, имѣя подлѣ себя сварливую сестру. Онъ взялъ себѣ въ учителя философіи, политики и стіля Руссо, котораго онъ видѣлъ одинъ разъ и котораго онъ безпрестанно изучаетъ. Вѣроятно подобно многимъ молодымъ людямъ своего положенія и своего возраста онъ вообразилъ, что ему предопредѣлена аналогичная роль и чтобы выйти изъ тѣни онъ печаталъ эффектные судебныя рѣчи, участвовалъ въ конкурсахъ на академическія преміи, читалъ доклады передъ своими arrasскими коллегами. Успѣхомъ онъ пользовался посредственнымъ, одна изъ его рѣчей была упомянута въ Альманахѣ Артура; академія Метца присудила ему только вторую премію, Аміенская академія не присудила ему вовсе преміи, критикъ *Меркурія* давалъ ему понять, что стиль его отдавалъ провинціей.

Въ Національномъ Собраніи, заслоненный крупными талантами, онъ долго оставался въ тѣни и не разъ онъ, благодаря своей настойчивости и отсутствію такта, находился въ смѣшномъ положеніи. У него была типичная, угловатая и сухая адвокатская фигура, голосъ у него былъ глухой, монотонный и хриплый, и притомъ у него былъ акцентъ Артуа. Онъ видимо имѣлъ предвзятое намѣреніе выставляя себя всегда на первое мѣсто, повторять общія выраженія и нагонять смертельную скуку на культурныхъ людей и еще умныхъ слушателей—все это не располагало Собраніе въ его пользу и не дѣлало

его снисходительнымъ къ совершаемымъ имъ ошибкамъ. Однажды, по вопросу о постановленіяхъ Совѣта онъ сказалъ: «Нужна благо-родная и простая форма, возвѣщающая національное право и все-ляющее въ души народовъ уваженіе къ закону», поэтому въ изда-нныхъ декретахъ послѣ словъ: «Людовикъ Божьею милостью и т. д.» нужно будетъ вставить фразу: «Народы, вотъ законъ, который на васъ налагается, пусть этотъ законъ будетъ ненарушимъ и святъ для всѣхъ!» Тогда поднимается одинъ гасконскій депутатъ и за-являетъ со своимъ южнымъ акцентомъ: «Господа, эта формула со-вершенно не годится. *Намъ псалмовъ не нужно*». Всеобщій смѣхъ, Робеспьеръ молчитъ и внутренне страдаетъ. Двѣ или три подобныхъ неудачи должны сильно задѣть самолюбіе такого какъ онъ чело-вѣка.

Не то что глупость его кажется ему глупостью, никогда педантъ, захваченный на мѣстѣ преступления и освищенный не признается, что онъ заслуживаетъ свистовъ. Напротивъ, онъ убѣжденъ, что онъ говорилъ какъ законодатель, какъ философъ, какъ моралистъ. Тѣмъ хуже для ограниченныхъ умовъ и людей съ испорченными сердцами, если они его не поняли. Его загнанное внутрь честолюбіе ищетъ себѣ пищи и оно беретъ его тамъ, гдѣ находится, я хочу сказать въ безплатной регулярности буржуазной умѣренности. У Робеспьера нѣтъ потребностей какъ у Дантона, онъ ведетъ скромный образъ жизни, чувства его не мучаютъ, если онъ имъ поддается, то дѣлаетъ это съ хмуримъ видомъ. «Въ теченіе семи мѣсяцевъ, пере-даетъ его секретарь, я зналъ о существованіи только одной жен-щины, съ которой онъ между прочимъ очень дурно обращался. Очень часто онъ ее не принималъ у себя», такъ какъ когда онъ работаетъ должно быть полная тишина, онъ по природѣ своей акку-ратенъ, трудолюбивъ, чловѣкъ кабинетной работы, въ коллежѣ онъ былъ образцовымъ ученикомъ, въ провинціи корректнымъ адвокатомъ, въ Собраніи ревностнымъ депутатомъ, не имѣющимъ никакихъ иску-шений и неспособнымъ ни на какія уклоненія.

«Безупречный» — вотъ слово, которое со времени его дѣтства ше-потомъ повторяетъ ему внутренній голосъ, чтобы вознаградить его за неизвѣстность и долгія ожиданія, онъ былъ имъ, есть и будетъ; онъ говоритъ это себѣ, говоритъ другимъ и на этомъ основаніи цѣ-ликомъ образуется его характеръ. Не его можно обольстить подобно Демулону обѣдами, подобно Барнаву ласками, подобно Мирабо и Дан-тону деньгами, подобно жирондистамъ вкрадчивой привлекательностью дворянской вѣжливости и тонкаго общества, подобно Дантонистамъ прелестями широкой жизни и полной свободы: онъ неподвиженъ. Не его остановишь и не сведешь съ пути подобно фейльямъ, жи-рондистамъ, дантонистамъ, — соображеніемъ второстепеннаго свойства, соблюденіемъ интересовъ, уваженіемъ къ приобретеннымъ положені-ямъ, опасностью слишкомъ энергичнаго выступленія, необходимостью не нарушать порядка и предоставлять свободу человѣческимъ стра-стямъ, мотивами полезности и своевременности. Онъ непоколебимый борецъ за право.

«Одинъ я или только почти одинъ я не поддаюсь подкупу, одинъ я, или почти только одинъ я не вхожу въ соглашенія съ правосу-

діємъ и я обладаю этими двумя высшими достоинствами въ высшей мѣрѣ. Нѣкоторые другие быть можетъ нравственны, но они борятся съ принципами, или измѣняютъ имъ, нѣкоторые другіе только заявляютъ о своихъ принципахъ, но не имѣютъ нравственности. Никто съ такими чистыми правами не вѣренъ такъ принципамъ, никто не соединяетъ столь строгій культъ истины со столь точнымъ соблюденіемъ добродѣтели. Я единственный человѣкъ».

Можно ли себѣ представить болѣе нѣжный монологъ. Съ перваго же дня онъ слышится подъ сурдинку въ памятныхъ запискахъ Робеспьера въ третьему сословію Арраса, въ послѣдніе дни онъ ясно слышится въ его знаменитой рѣчи въ Конвентѣ. Въ промежуткахъ между ними во всѣхъ своихъ писаняхъ, рѣчахъ или докладахъ онъ разсыпается въ разныхъ риторическихъ фигурахъ и упивается фразами. Въ силу того, что онъ ими упивается, онъ не можетъ слышать ничего другого и вотъ какъ разъ эхо извнѣ начинаетъ сопровождать своимъ аккомпаниментомъ внутреннюю кантату, которую онъ самъ себѣ поетъ. Къ концу Учредительнаго собранія, благодаря тому, что люди болѣе или менѣе способные и компетентные удались или были устранены, онъ остается однимъ изъ самыхъ видныхъ теноровъ на политической сценѣ и во всякомъ случаѣ самымъ знаменитымъ теноромъ среди якобинцевъ.

«Единственный соревнователь римлянина Фабриція!» обращается къ нему отдѣленіе якобинскаго клуба въ Марсели. «Базмертвый защитникъ правъ народа», называетъ его якобинскій клубъ въ Буржѣ. Въ Салонѣ 1791 имѣется два его портрета, причемъ одинъ изъ нихъ съ надписью: «Неподкупный». На сценѣ театра Мольеръ играютъ злободневную пьесу, гдѣ «онъ обрушивается на Рогана и Конде своей логивой и добродѣтелью». На его пути въ Баномѣ мѣстные патриоты, проходившіе мимо національные гвардейцы и власти выходятъ встрѣчать и привѣтствовать великаго человѣка. Городъ Аррасъ устраиваетъ иллюминацію въ честь его прибытія. Послѣ закрытія Учредительнаго Собранія народъ привѣтствуетъ его криками на улицѣ, на голову его возлагаютъ дубовый вѣнокъ, изъ экипажа, въ которой онъ сѣлъ, выпрягаютъ лошадей и съ триумфомъ влекутъ его на улицу Сентъ-Онорэ, къ столару Дюплэ, у котораго онъ нанимаетъ помѣщеніе.

Тамъ среди одной изъ тѣхъ семей, въ которыхъ полу-буржуазія сопривасается съ народомъ, среди непосредственныхъ душъ, на которыя общія идеи и ораторскія тирады оказываютъ все свое вліяніе, онъ нашелъ обожателей; его словами удивляются, на его самага смотрятъ, его же глазами, для всѣхъ окружающихъ его, для мужа, жены и дочерей онъ великій патриотъ, непогрѣшимый мудрецъ. Утромъ и вечеромъ онъ является прорицателемъ, ему воскриваютъ фіміамъ, онъ Богъ. Для того, чтобы добраться до него, вѣрующіе стоять во дворѣ цѣлой вереницей. Ихъ допускаютъ по одиночкѣ въ гостиную и тамъ они благоговѣнно сосредоточиваются передъ его портретами написанными карандашомъ, эстампомъ, бистеромъ, аquarelью, передъ его маленькими бюстами изъ красной или сѣрой глины. Затѣмъ, по знаку видимому севозъ стеклянную дверь, они проникаютъ въ святилище, гдѣ онъ царитъ, въ рабочій кабинетъ, въ кото-

ромъ его главный бюстъ, украшенный стихами и девизами, замѣняетъ его въ его отсутствіе.

Върующіе въ него преклоняются передъ нимъ и женщины еще болѣе чѣмъ мужчины. Въ тотъ день, когда онъ произноситъ свою апологию въ конвентѣ «проходы заполнены женщинами... на трибунахъ ихъ семь или восемьсотъ, а мужчинъ самое большое двѣсти». И съ какимъ восторгомъ онѣ ему аплодируютъ! «Это священникъ, имѣющій своихъ поклонницъ». Въ одномъ изъ номеровъ «*Парижской Хроники*» 1792 г. помѣщена статья Кондорсе, въ которой онъ съ своей чуткостью свѣтскаго человѣка отлично опредѣлилъ характеръ Робеспьера: «Робеспьеръ проповѣдуетъ, Робеспьеръ порицаетъ, онъ то гнѣвенъ, то спокоенъ, то меланхоличенъ, экзальтированъ, онъ внимательно слѣдитъ за своими мыслями и поступками; онъ громитъ богатыхъ и знатныхъ, онъ живетъ малымъ и не знаетъ физическихъ потребностей. У него всѣ характерныя черты не главы религии, а главы секты. Онъ создалъ себѣ репутацію строгости нравовъ, граничащей со святостью. Онъ говоритъ о Богѣ и Провидѣніи, онъ выставляетъ себя другомъ бѣдныхъ и слабыхъ и за нимъ слѣдуютъ женщины и люди неразумные, онъ съ важностью принимаетъ ихъ обожанія и знаки ихъ преклоненія. Робеспьеръ—священникъ и всегда будетъ только священникомъ».

Среди поклонницъ Робеспьера необходимо отмѣтить одну молодую вдову, которая предлагаетъ ему свою руку и 40,000 ливровъ ренты: «Ты мое божество, пишеть она ему, и я другого божества въ мірѣ кромѣ тебя не знаю. Я считаю тебя моимъ ангеломъ-хранителемъ и хочу жить только подъ твоей охраной».

Когда въ клубѣ якобинцевъ онъ произноситъ свою безсвязную, нелѣпую рѣчь, раздаются плачь умиленія «крики, топотъ, отъ котораго могла бы провалиться запа». Такъ какъ одинъ зритель остается хладнокровнымъ, то на него обращаютъ вниманіе, перешептываются и онъ принужденъ удалиться подобно еретикъ, зашедшему въ часовню во время службы. По мѣрѣ того какъ громы революціи разражаются надъ другими, Робеспьеръ поднимается все выше и выше въ апофеозъ своей славы. Ему пишутъ, что онъ «основатель Республики, неподкупный геній выдающій все, предвидящій все, отвращающій все, геній, котораго нельзя ни обмануть, ни прельстить, что у него энергія спартамца и краснорѣчіе афинянина, что онъ покрываетъ Республику эгидой своего краснорѣчія, что онъ просвѣщаетъ міръ своими сочиненіями, что онъ наполняетъ міръ своей славой, что онъ возрождаетъ на землѣ родъ людской, что имя его почитается и будетъ почитаться всѣми настоящими и будущими вѣками, что онъ Мессія, котораго вѣчное Существо обѣщало послать для всеобщаго преобразованія».

«Онъ пользуется громадной популярностью», говоритъ Бильо-Вареннъ, «которая начавшись при учредительномъ собраніи, только увеличилась при законодательномъ собраніи, а впоследствии усилилась еще болѣе, такъ что въ національномъ конвентѣ онъ былъ единственнымъ человѣкомъ привывавшемъ всеобщее вниманіе... Съ этимъ влияніемъ на общественное мнѣніе, ... съ этимъ рѣшающимъ преимущественнымъ положеніемъ онъ былъ уже самымъ значитель-

нымъ челоѣкомъ Франціи, когда онъ попалъ въ комитетъ общественаго спасенія». Черезъ три года образованный и управляемый имъ хоръ изъ тысячи голосовъ въ униссонъ неустанно повторяетъ его литанію, его интимное «вѣрую», гимнъ изъ трехъ строкъ, составленный имъ въ честь себя и повторяемый имъ каждый день шепотомъ, а иногда и громкимъ голосомъ: «Одинъ Робеспьеръ нашелъ идеальную форму гражданина. Одинъ Робеспьеръ съ точностью осуществляетъ ее. Одинъ Робеспьеръ достоинъ и способенъ вести Революцію». Такая степень холоднаго, безумнаго себялюбія и самовосхваленія равняется горячечному бреду и Робеспьеръ доходитъ до мыслей, почти до видѣній Марата.

Во-первыхъ, въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ подобно Марату считаетъ себя гонимымъ челоѣкомъ, подобно Марату онъ считаетъ себя мученикомъ, но при этомъ онъ болѣе искусно и сдержанно ведетъ себя; у него покорный жалкій видъ чистой жертвы, готовой погибнуть и подняться къ небесамъ, оставивъ людямъ вѣчную память о своихъ добродѣтеляхъ. «Я возбуждаю противъ себя всѣ самолюбія, я оттачиваю тысячи кинжаловъ, я обрекаю себя на ненависть... Я увѣренъ, что заплачу своей головой за истины, которыя я только что сказалъ, я пожертвовалъ своею жизнью, я приму смерть почти какъ благодѣяніе».—«Можетъ быть небо призываетъ меня начертать мою кровью дорогу, которая должна привести мою страну къ счастью и свободѣ; я съ восторгомъ принимаю мою сладкую и славную судьбу».—«Не для того чтобы жить, объявляютъ войну всѣмъ тиранамъ и, что еще опаснѣе, всѣмъ негодьямъ.. Чѣмъ болѣе они стараются покончить съ моей карьерой на землѣ, тѣмъ болѣе я тороплюсь наполнить мою жизнь полезными для счастья моихъ ближнихъ дѣлами».—«Всѣ негодяи меня оскорбляютъ; поступки самые безразличныя, самые безупречныя, если они совершаются другими, являются преступленіями, если ихъ совершаю я. На челоѣка клеветаютъ, какъ только онъ вступаетъ со мною въ знакомство. Другимъ прощаютъ ихъ счастье, а мое рвеніе ставятъ мнѣ въ вину. Возьмите у меня мою совѣсть и я самый несчастный изъ людей. Я даже не пользуюсь правами гражданина; мнѣ даже не позволено выполнять обязанности народнаго представителя... Я согласенъ пожертвовать своимъ существованіемъ, которое кажется врагамъ моей страны препятствіемъ для осуществленія ихъ гнусныхъ замысловъ, если только ихъ отвратительному существованію суждено продолжаться... Пусть они приготовить мнѣ цикуту, я буду ихъ ждать на этихъ священныхъ скамейкахъ, я тогда по крайней мѣрѣ завѣщаю моей отчизнѣ примѣръ постоянной любви къ ней, а врагамъ челоѣчества позоръ моей смерти».

Конечно, и опять-таки подобно Марату, онъ видитъ вокругъ себя только «извращенныхъ людей, интригановъ, измѣнниковъ». Конечно у него, какъ и у Марата, здравый смыслъ извращенъ и подобно Марату онъ говоритъ, что ему никогда не нужно обдумывать, такъ какъ онъ всегда отдается первому своему впечатлѣнію. Для него «лучшими мотивами являются его подозрѣнія» и эти подозрѣнія не могутъ уничтожить даже осязательная очевидность. 4 сентября 1792 года въ интимномъ разговорѣ съ Петіономъ, онъ въ концѣ

концовъ отвѣчаетъ на его вопросы: «Ну да, я думаю, что Бриссо въ Брауншвейгѣ». Наконецъ, конечно подобно Марату, онъ создаетъ въ своемъ воображеніи самыя необыкновенныя, мрачныя выдумки, но менѣе импровизированныя и менѣе нелѣпыя, болѣе обдуманныя и болѣе искусно сконцентрированныя въ его мозгу резонера и полицейскаго.

«Очевидно, заявляетъ онъ Гара, жирондисты устраиваютъ заговоры.—Гдѣ же устраиваютъ они заговоры?—«Да всюду, въ Парижѣ, во всей Франціи, во всей Европѣ. Въ Парижѣ Женсоннэ злоумышляетъ въ предмѣстьи Сентъ-Антуанъ, обходя всѣ лавки и убѣждая торговцевъ, что мы, патріоты, намѣрены разграбить ихъ лавки. Жиронда давно уже задумала проесть отдѣлиться отъ Франціи и примкнуть къ Англіи и сами предводители ея являются авторами этого плана, который они хотятъ во чтобы то ни стало привести въ исполненіе. Женсоннэ это не скрываетъ, онъ говоритъ всѣмъ и каждому, что они не представители націи, а уполномоченные Жиронды. Бриссо злоумышляетъ въ своей газетѣ, которая призываетъ въ междоусобной войнѣ; извѣстно, что онъ былъ въ Англіи и извѣстно также зачѣмъ онъ туда поѣхалъ, намъ отлично извѣстны его интимныя сношенія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ этимъ Лебренномъ, уроженцемъ Люриха и креатурой Австріи. Лучшій другъ Бриссо—Блаверъ, а Блаверъ устраивалъ заговоры всюду, гдѣ онъ только ни находился. Рабо, измѣнникъ, такъ какъ онъ протестантъ и философъ, не былъ достаточно ловокъ, чтобы скрыть отъ насъ свою переписку съ придворнымъ и измѣнникомъ Монтескью. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ какъ они стараются надъ тѣмъ, чтобы открыть пьмонтцамъ доступъ въ Савойю и Францію. Серванъ былъ назначенъ командующимъ Пиринейской арміи только для того, чтобы вынести ключи Франціи испанцамъ».—«Вы нисколько не сомнѣваетесь въ томъ, что только что сказали?».—«Нисколько».

Это страшная увѣренность равная увѣренности Марата и влекущая за собой еще худшіе результаты, такъ какъ списокъ заговорщиковъ составленный Робеспьеромъ еще длиннѣе списка Марата. Такъ какъ Маратъ принимаетъ во вниманіе политическую и социальную сторону, то въ его списокъ включены только аристократы и богачи. Робеспьеръ смотритъ съ теологической и моральной точки зрѣнія и поэтому въ его списокъ включены атеисты и люди безчестные, то есть почти вся его партія. Въ этомъ ограниченномъ мозгу, склонномъ къ отвлеченностямъ и привыкшемъ раздѣлять людей на двѣ категоріи съ совершенно противоположными этикетками, укрѣпилось убѣжденіе, что тотъ, кто не съ нимъ, противъ него и что между мятежниками всякаго направленія и негодьями всякаго рода царитъ полное согласіе. «Всякій аристократъ развращенъ и всякій испорченный человекъ—аристократъ, такъ какъ республиканское правительство и общественная мораль—одно и то же». Эти злоумышленники обоихъ родовъ не только стараются соединиться инстинктивно и изъ сознанія выгоды, но они уже всѣ соединились между собой. Достаточно открыть глаза, чтобы замѣтить тотчасъ же устроенный ими заговоръ, «ужасную систему уничтоженія общественной нравственности». Гуадэ, Верньо, Женсоннэ, Дантонъ, Геберъ, «всѣ

эти продувные личности» только и имѣли это въ виду. «Они чувствовали, что для уничтоженія свободы нужно было оказывать покровительство всѣми средствами тому, что направлено къ оправданію эгоизма, къ изсушенію сердець, къ уничтоженію идеи той нравственной красоты, благодаря которой общественный разумъ судить защитниковъ и враговъ челоуѣчества».

Остаются ихъ наслѣдники, но пусть они опасаются. Безнравственность—политическое посягательство. Злоумышляютъ противъ государства уже однимъ тѣмъ, что афишируютъ матеріализмъ и проповѣдуютъ снисходительность, когда люди ведутъ себя скандальнымъ образомъ, когда нравы ихъ испорчены, когда челоуѣка ажіотируетъ, слишкомъ обильно обѣдаетъ, когда челоуѣкъ порочень, интриганъ, сумасбродъ или трусъ, когда онъ волнуетъ народъ, когда онъ его развращаетъ, когда онъ его обманываетъ, хулитъ, когда онъ не довѣряетъ народу, однимъ словомъ, когда челоуѣкъ не идетъ прямо, предписаннымъ шагомъ, по узкому пути, намѣченному Робеспьеромъ согласно его принципамъ. Кто спотыкается или уклоняется отъ этого пути, тотъ злодѣй, измѣнникъ. Не считая роялистовъ, фейльяновъ, жирондистовъ, гебертистовъ, дантонистовъ и другихъ уже обезглавленныхъ или заключенныхъ въ тюрьму соответственно ихъ заслугамъ, сколько еще имѣется измѣнниковъ въ Конвентѣ, въ комитетахъ, между депутатами въ провинціяхъ, въ плохо профильтрованныхъ управленіяхъ, между подручными тиранами, во всемъ правящемъ или вліятельномъ персоналѣ въ Парижѣ и въ провинціи! За исключеніемъ «двадцати политическихъ траппистовъ въ Конвентѣ», за исключеніемъ небольшой преданной группы чистыхъ якобинцевъ въ Парижѣ, за исключеніемъ рѣдкихъ приверженцевъ разсѣянныхъ по народнымъ обществамъ въ департаментахъ, сколько Фуше, Фрероновъ, Талліеновъ, Сурдоновъ, Колло, среди мнимыхъ революціонеровъ! Сколько диссидентовъ переодѣтыхъ правовѣрными, сколько шарлатановъ переодѣтыхъ патриотами, пашей переодѣтыхъ санкюлотами. Присоедините эту сволочь къ той, которую хочетъ раздѣлить Маратъ и уже придется считать виновныхъ и отрубить головы не сотнямъ тысячъ, а милліонамъ, какъ кричатъ объ этомъ Бодо, Жанбонъ-Сентъ-Андрэ, Жюффруа.

И согласно своимъ принципамъ Робеспьеръ долженъ отрубить всѣ эти головы. Онъ это знаетъ; какъ не враждебень его умъ точнымъ идеямъ, но сидя иногда въ кабинетѣ, наединѣ съ самимъ собой, онъ ясно сознаетъ происходящее, также ясно какъ и Маратъ. Однимъ взмахомъ химера Марата унесла своего пылкаго наѣздника къ послѣдному убѣжищу — кладбищу, химера въ свою очередь, спотыкаясь и прихрамывая, приведетъ Робеспьера туда же, въ свою очередь она требуетъ пищи и высокопарный ораторъ, профессоръ догматовъ начинаетъ высчитывать прожорливость чудовишнаго животнаго, на котромъ онъ сидитъ. Хотя оно двигается медленно и медленно кровожадно, оно все же болѣе обжорливо, такъ какъ имѣя такіе же когти и такіе же зубы какъ чудовище Марата, оно имѣетъ болѣе сильный аппетитъ. По истеченіи трехъ лѣтъ Робеспьеръ догналъ Марата на высшемъ посту, который тотъ занялъ уже съ первыхъ дней и докторъ присваиваетъ себѣ политику, цѣль, сред

ства и чуть ли не словарь безумца: вооруженная диктатура городской черни, систематическое запугивание подкупаемой черни, война буржуа, уничтожение богатей, проскрипция писателей, администраторов и депутатов оппозиции. Оба чудовища нуждаются въ одномъ и томъ же кормѣ, только Робеспьеръ прибавляетъ къ корму своего чудовища «порочныхъ людей», въ качествѣ изысканнаго блюда.

Отнынѣ какъ онъ не замыкается во фразахъ, какъ онъ не закрываетъ свои цѣломудренные уши, какъ онъ не поднимаетъ къ небу свой взоръ проповѣдника, онъ не можетъ не слышать и не видѣть, какъ вокругъ него, подъ его незапятнанными ногами ломаются кости, течетъ ручьями кровь, не можетъ не видѣть, отверсткую, ненасытную пасть чудовища, которое онъ создалъ и на которомъ онъ сидитъ. Эта ненасытная пасть требуетъ каждый день все больше и больше человѣческаго мяса и онъ долженъ не только не мѣшать ей въ этомъ, но долженъ даже доставлять ей кормъ, часто подносить его собственными руками съ тѣмъ, чтобы потомъ ихъ отмывать и говорить или даже вѣрить въ то, что никогда кровь не забрызгала его добродѣтельныя руки. Обыкновенно, онъ довольствуется тѣмъ, что льститъ и ласкаетъ звѣря, извиняетъ, одобряетъ его и предоставляетъ ему свободу дѣйствія.

Но уже не разъ искушаемый подходящимъ случаемъ онъ выпускалъ его, указывая ему добычу. Теперь онъ самъ отправляется за живой добычей, онъ окутываетъ ее сѣтью своей риторики, онъ связанную владетъ ее въ открытую пасть, онъ рѣшительнымъ жестомъ устраниваетъ руки друзей, женъ, матерей, руки протягиваемыя для защиты; вокругъ шеи сопротивляющихся несчастныхъ людей онъ внезапно набрасываетъ петлю и изъ опасенія, чтобы они не спаслись, онъ ихъ предварительно душитъ. Въ концѣ концовъ это больше уже не удовлетворяетъ, звѣрь нуждается въ крупной добычѣ, а поэтому въ цѣлой сворѣ собакъ, въ загонщикахъ и волей неволей Робеспьеру приходится снаряжать и посылать загонщиковъ въ Оранжъ, въ Парижъ, съ приказомъ очистить тюрьмы и дѣйствовать въ этомъ направленіи какъ можно проворнѣе.

По мѣрѣ того какъ онъ предается этому ремеслу мясника, разрушительные инстинкты, долго заглушенные цивилизаціей, поднимаютъ голову. Сначала онъ былъ похожъ на домашнюю кошку, безлокойную, но довольно тихую. Затѣмъ онъ началъ походить внѣшностью на дикую кошку, а затѣмъ и на тигра. Въ Учредительномъ Собраніи онъ говорилъ только со вздохами, въ Конвентѣ онъ говоритъ съ пѣной у рта. Этотъ монотонный голосъ надутаго учителя принимаетъ оттѣнокъ яростной страсти, онъ свиститъ и ссережечетъ, иногда кажется, что онъ плачетъ, но его самыя рѣзкія выходки менѣе ужасны, чѣмъ его накусная растроганность. Никогда онъ не устаетъ снова поражать уже гильотинированныхъ своихъ враговъ, жирондистовъ, Шометта, Гебера, въ особенности Дантона, вѣроятно потому что Дантонъ былъ дѣятельнымъ рабочимъ Революціи, тогда какъ онъ только неспособный педагогъ. Надъ этимъ еще теплымъ трупомъ его ненависть раздражается вычурной клеветой, завѣдомой ложью.

Такимъ образомъ, пожираемое внутреннимъ ядомъ, выделяемымъ

изъ себя, его физическое существо приходитъ въ разстройство, какъ и у Марата, только съ другими симптомами. Когда онъ говоритъ съ трибуны «онъ нервнымъ движеніемъ сжимаетъ руки», внезапныя подергиванія появляются въ его плечахъ и въ его шеѣ, которую онъ конвульсивно поворачиваетъ то направо, то направо. У него свинцовый цвѣтъ лица, глаза мигаютъ подѣ очками и какой у него взглядъ. «Да, говорилъ одинъ монтаньяръ, вы вотировали бы какъ и мы 9 термидора, если бы видѣли его зеленые глаза!» Съ физической стороны какъ и съ нравственной онъ сталъ вторымъ Маратомъ, но съ еще большими душевными страданіями, такъ какъ его волненіе еще не улеглось и такъ какъ онъ принужденъ истреблять болѣе людей, въ виду того, что политикой его является нравственность.

Но это приличный Маратъ, робкаго темперамента, безпокойный, сдержанный, созданный для преподаванія и адвокатства, а не для инициативы и управленія, дѣйствующій противъ своей воли, съ неохотой и желающій быть скорѣе папой, чѣмъ диктаторомъ Революціи. Такъ въ первые мѣсяцы существованія законодательнаго Собранія Маратъ увидѣлъ разъ Робеспьера и началъ ему высказывать свои проекты народныхъ движеній и очистительныхъ боенъ. «Робеспьеръ слушалъ меня съ ужасомъ, говоритъ самъ Маратъ, онъ поблѣднѣлъ и нѣкоторое время хранилъ молчаніе. Это свиданіе подтвердило мнѣніе, которое я всегда имѣлъ о немъ, что онъ соединялъ съ величайшей честностью рвеніе истиннаго патріота, но что ему не доставало широкихъ взглядовъ и смѣлости государственнаго человѣка». Прежде всего онъ хочетъ остаться политическимъ Грандиссономъ, до самаго конца и не только на народѣ и для другихъ, но и для самого себя, и въ своемъ интимномъ кругу онъ сохраняетъ маску. Поэтому маска его пристала къ лицу, онъ болѣе не можетъ отличить одну отъ другаго.

Если вѣрить ему, то онъ не причемъ въ сентябрьскихъ избіеніяхъ. Еще до того времени, когда разыгрались эти событія, онъ пересталъ посѣщать генеральный совѣтъ Коммуны. Онъ больше туда не ходилъ. Ему тамъ не давали никакого порученія. Онъ не пользовался тамъ никакимъ вліяніемъ и не онъ вызвалъ арестъ и убійство жирондистовъ. Онъ только съ откровенностью говорилъ о нѣсколькихъ членахъ комиссіи Двадцати одного. Не было ли его обязанностью въ качествѣ «магистрата» и при томъ въ муниципальномъ собраніи «свободно высказаться объ авторахъ опаснаго заговора»? Впрочемъ, по его словамъ Коммуна не только не вызвала событія 2 сентября, но сдѣлала все что было въ ея власти, чтобы имъ помѣшать. Наконецъ, погибъ только одинъ невинный человѣкъ: «Это конечно много. Граждане, оплакиваете эту грустную ошибку. Мы уже давно ее оплакали, но пусть ваше горе имѣетъ свой конецъ, какъ и все на землѣ». Когда суверенный народъ, отбирая назадъ данныя имъ полномочія, осуществляетъ свое неотчуждаемое право, намъ только остается преклониться передъ нимъ. Впрочемъ онъ справедливъ, уменъ и добръ: «все что онъ дѣлаетъ полно добродѣтели и истины, не можетъ быть въ его поступкахъ ни излишествъ, ни ошибокъ, ни преступленій». Онъ долженъ вмѣшаться, когда его истинные пред-

ставители стѣснены закономъ. «Пусть онъ соберется въ своихъ секціяхъ и силой заставитъ насъ арестовать невѣрныхъ депутатовъ». Вотъ и вся доля участія Робеспьера въ событіяхъ 31 мая. Онъ слишкомъ шепегилень, чтобы совершить или заставить другихъ совершить незаконный поступокъ. Такъ дѣлаютъ Дантоны, Мараты, люди съ распущенной нравственностью или разгоряченной головой, которые въ случаѣ нужды входятъ въ грязный ручей и засучиваютъ свои рукава до локтей, что касается его, то ничто не сомнѣтъ, или не залачиваетъ его костюмъ честнаго человѣка и совершеннаго гражданина.

Въ Комитетѣ общественнаго спасенія онъ только выполняетъ декреты Конвента, а вѣдь Конвентъ всегда свободенъ. Онъ—диктаторъ?! Да онъ только простой депутатъ изъ числа остальныхъ семисотъ и если онъ пользуется авторитетомъ, то только въ силу неотразимаго вліянія, оказываемаго разумомъ и добродѣтелью. Онъ — убійца! Но если онъ донесетъ на заговорщиковъ, то вѣдь Конвентъ отдастъ ихъ на судъ Революціоннаго трибунала и этотъ трибуналъ приговорилъ ихъ къ смерти. Онъ—террористъ?! Да вѣдь если онъ хочетъ упростить процедуру, то только для того, чтобы ускорить освобожденіе невинныхъ, наказаніе виновныхъ и окончательную фильтрацію, благодаря которой утвердятся свобода и добрые права. Во все это, прежде чѣмъ сказать, онъ почти вѣрнѣе и сказавши уже получаетъ полную увѣренность, что все обстоитъ такъ, какъ онъ говоритъ.

Когда природа и исторія соединяются, чтобы составить какую-нибудь личность, имъ это удается лучше чѣмъ человѣческому воображенію. Ни Мольеръ въ своемъ Тартюфѣ, ни Шекспиръ въ своемъ Ричардѣ III не осмѣлились выставить лицемѣра, убѣжденнаго въ своей искренности и Каина, воображающаго себя Авелемъ. А вотъ онъ на колоссальной сценѣ, въ присутствіи ста тысячъ зрителей, 8 іюня 1794 года, въ самый прекрасный день своей славы, въ день праздника Верховнаго существа, являющагося громкимъ триумфомъ его ученія и официальнымъ посвященіемъ его въ папы. Въ немъ два человѣка какъ и въ Революціи, представителемъ которой онъ является, одинъ видимый, наружный, а другой скрытый, интимный и второго маскируетъ первый.

Первый, торжественный, дѣйствіями котораго руководитъ холодный разсудокъ, такой же напускной, какъ и торжественный фарсъ, разыгрывающійся вокругъ него. Согласно программѣ Давида толпа статистовъ проходящая передъ аллегорической горой, дѣлаетъ указанные жесты, испускаетъ указанные крики, подъ окомъ Генрю и его жандармовъ и въ назначенный часъ испытываетъ предписанныя волненія. Въ пять часовъ утра «цѣлуются друзья, братья, супруги, родственники, дѣти... Старецъ, глаза котораго увлажнены слезами радости, чувствуетъ, что онъ молодѣетъ душой». Въ два часа, на дерновыхъ эстрадахъ святой горы «все приходитъ въ волненіе, въ движеніе: здѣсь матери прижимаютъ къ себѣ дѣтей, которыхъ онѣ кормятъ грудью, тамъ, схвативъ самыхъ младшихъ изъ своихъ сыновей, онѣ въ знакъ утѣшенія предъявляютъ ихъ творцу природы; въ ту же мгновеніе сыновья сторая воинственнымъ пыломъ поднимаютъ свои мечи и вкладываютъ ихъ въ руки своихъ старыхъ от-

цовъ. Раздѣляя энтузіазмъ своихъ сыновей восхищенные старики лобызаютъ ихъ и расточаютъ надъ ними отповское благословіе... Всѣ мужчины находящіеся на Полѣ Собранія будутъ хоромъ повторять первый куплетъ... Всѣ женщины, находящіеся на Полѣ Собранія будутъ хоромъ повторять второй куплетъ... Всѣ французы сольютъ свои чувства въ братскомъ лобызаніи».

Идиллія, разыгрываемая какъ по мановенію жезла передъ моральными символами и божествами изъ картона,—что можетъ быть болѣе прекраснаго для показнаго моралиста, который никогда не различалъ ложнаго отъ истиннаго и вся чувствительность котораго замѣствована отъ чувствительныхъ писателей! Въ первый разъ лицо его проясняется, онъ весь свѣтится радостью и энтузіазмъ писателя выливается какъ всегда въ книжныхъ фразахъ: «Вотъ, говоритъ онъ, самая интересная часть человѣчества! Здѣсь собрался весь міръ. О природа, какъ велико и восхитительно твое могущество! Какъ должны поблѣднѣть тираны при мысли объ этомъ праздникѣ! Не является ли онъ самъ лучшимъ его украшеніемъ?» Вѣдь онъ былъ единогласно избранъ предѣдателемъ Конвента и ему поручено завѣдывать всей церемоніей. Развѣ онъ не основатель новаго Культа, единственнаго чистаго Культа, который могутъ признать на землѣ нравственность и разумъ.

Въ пышномъ нарядѣ представителя, въ свѣтложелтыхъ штанахъ, въ костюмѣ васильковаго цвѣта съ трехцвѣтнымъ поясомъ, въ шляпѣ съ султаномъ, держа въ рукѣ букетъ изъ колосьевъ и цвѣтовъ онъ шествуетъ первымъ, во главѣ Конвента и на эстрадѣ онъ священнодѣйствуетъ: онъ поджигаетъ кисею прихерывавшую изображение Атеизма, и на его мѣстѣ благодаря искусному механизму появляется величественная статуя Мудрости. Послѣ этого онъ говоритъ, снова говоритъ, обращается къ гражданамъ съ увѣщаніями, вызываетъ къ нимъ, проповѣдуетъ, возвышаетъ свою душу къ Верховному Существу и притомъ съ какими только ораторскими комбинаціями! Изъ этихъ періодовъ нанизанныхъ другъ на друга какъ бы для произнесенія при раздачѣ наградъ или при погребеніи, изъ всѣхъ этихъ увядшихъ цвѣтовъ, выдѣляется запахъ ризницы или гимназіи, онъ съ удовольствіемъ вдыхаетъ его и уивается имъ. Несомнѣнно онъ въ этотъ моментъ чистосердеченъ, онъ безпредѣльно восхищается собой, онъ въ собственныхъ своихъ глазахъ не только великій писатель и ораторъ, но и великій государственный человѣкъ, великій гражданинъ.

Но посмотрите обратную сторону, или подождите мгновеніе. Сзади него разыгрались антипатіи, Лекуентръ въ глаза оказалъ ему пренебреженіе; ропотъ, оскорбленія и, что еще хуже насмѣшки, долетѣли до его ушей. Въ подобный день и въ подобномъ мѣстѣ! Противъ себя первосвященнику истины, апостолу добродѣтели! Какъ осмѣлились на это невѣрующіе? Молча, мертвенно блѣдный, онъ подавляетъ свою ярость и теряя равновѣсіе онъ съ закрытыми глазами бросается на путь убійства. Во что бы то ни стало невѣрующіе должны погибнуть и тотчасъ-же. Чтобы дѣйствовать скорѣе нужно украсить ихъ головы и такъ какъ «въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія до сихъ норъ всѣ вполне довѣряли другъ другу», то онъ одинъ съ

Бутономъ не предупредивъ своихъ коллегъ составляетъ, приносить въ Конвентъ и заставляетъ его вотировать страшный законъ Преріала, отдающій въ его распоряженіе жизнь всѣхъ людей.

Въ своей хитрой и неловой послѣдственности онъ потребовалъ слишкомъ многого; поразмысливъ каждый начинаетъ опасаться за свою собственную жизнь. Онъ принужденъ отступить, заявить, что его не такъ поняли, допустить исключеніе для представителей, значить положить обратно въ ножны мечъ, который онъ поднесъ къ горлу своихъ противниковъ. Но онъ не отказался отъ своего, онъ ихъ подзарауливаетъ и симулируя отступленіе, дѣлая видъ, что онъ отказался отъ намѣченного имъ плана, забившись въ уголь, онъ выжидаетъ момента, когда они себя дискредитируютъ, чтобы потомъ наброситься на нихъ вторично. Это не замедлитъ послѣдовать, ибо машина истребленія, установленная имъ 22 преріала, находится въ ихъ рукахъ и нужно, чтобы она дѣйствовала въ ихъ рукахъ согласно структурѣ, которую онъ ей придалъ, то есть ускореннымъ ходомъ, почти на удачу. Имъ предоставлена вся мерзость рѣзни массовой и почти въ слѣпую, онъ не только не сопротивляется, но даже поощряетъ ихъ, дѣлая видъ, что воздерживается отъ этого. Запершись въ своемъ кабинетѣ тайной полиціи, онъ отдаетъ приказы объ арестахъ, посылаетъ своего главного сыщика Германа, онъ подписываетъ первый и тотчасъ же посылаетъ приказъ, который предполагаетъ заговоры среди заключенныхъ и который, создавая «овець» или подученныхъ доносчиковъ, нагромождаетъ цѣлыя массы осужденныхъ на казнь, «для того, чтобы всѣ тюрьмы были очищены въ одно мгновеніе».

«Я тутъ не причемъ, скажетъ онъ впоследствии, послѣднія шесть недѣль невозможность творить добро и предотвращать зло принудили меня окончательно отказаться отъ моихъ обязанностей члена Комитета Общественнаго Спасенія». Губить своихъ противниковъ посредствомъ убійствъ, которыя заставляешь ихъ совершить и въ которыхъ ихъ обвиняешь, однимъ и тѣмъ же мазкомъ кисти облить себя и очернить ихъ—какое наслажденіе! Если иногда естественная совѣсть пытается шепотомъ протестовать, совѣсть, такъ сказать накладная тотчасъ же вмѣшивается и заставляетъ ту умолять и прикрывать свою частную злобу общественными мотивами. какъ ни какъ гильотинированные были аристократами, а люди, которыхъ нужно гильотинировать—люди безнравственные, такимъ образомъ средство хорошо, а цѣль лучше. И пользуясь средствомъ и преслѣдуя цѣль какъ бы священнодѣйствуешь.

Такова декорация революціи, показная ея сторона и такова ея обратная, отвратительная сторона; при номинальномъ господствѣ гуманитарной теоріи она прикрываетъ дѣйствительную диктатуру злыхъ и низкихъ страстей. Въ ея истинномъ представителѣ, какъ и въ ней самой, вездѣ сквозитъ филантропію прорывается жестокость, а въ напыщенномъ педантѣ—палачь.

ГЛАВА II.

Правители. I. Конвентъ.—Равнина.—Гора.—Низость душъ. II. Зависимость и раболопство Конвента.—Его участіе въ преступленіяхъ. III. Комитетъ общественнаго спасенія.—Дѣловые люди.—Карно, Приеръ де-ла Котъ-Д'Орь, Жаабоиъ Сентъ-Андре, Роберъ Ловде. IV. Государственные люди.—Вильо-Варенъ, Колло-Д'Эрбуа, Робеспьеръ. Кутонъ, Сень-Жюсть.—На какихъ условіяхъ они царствуютъ.—Разногласіе между ними.—Давленіе страха и теорій. V. Ихъ официальные органы.—Доклады Сень-Жюста и Барера.—Достоинство докладчиковъ и докладовъ. VI. Депутаты на мѣстахъ.—Ихъ всемогущество.—Угрожающія имъ опасности и ихъ страхъ.—Ихъ близость къ порученному имъ дѣлу.—Послѣдствія этого положенія. VII. Взрывъ грубыхъ инстинктовъ.—Дюкенуа въ Метцѣ.—Дюмонъ въ Амьенѣ.—Цыяница Кюссе, Бурбоъ, Монестье, Бурдонъ де Л'Уазъ, Дартигоейтъ. VIII. Близость съумасшествія.—Потеря здраваго разума.—Фабръ, Гастонъ, Гитеръ въ восточно-Пиринейской арміи. Бодо, Леба, Сень-Жюсть, ихъ предшественники и ихъ прѣемники въ Рейнской арміи.—Яростное раздраженіе.—Лебонъ въ Аррасѣ и Карье въ Нантѣ. IX. Развитие пороковъ.—Тщеславіе и жажда удовольствія.—Колло д'Эрбуа, Изабо, Тальенъ.—Воры.—Тальенъ, Жавогъ, Роверъ, Фуше.—Два источника жестокости.—Потребность доказать себѣ свое могущество.—Сень-Жюсть въ Па-де-Калэ и въ Альзасѣ.—Колло-д'Эрбуа въ Лионѣ.—Давленіе депутатовъ на суды.—Удовольствіе видѣть страданія и смерть.—Монестье, Фуше, Колло д'Эрбуа и Карье.

Послѣдуемъ за новымъ правительствомъ начиная съ первоисточника и до самыхъ послѣднихъ его отклоненій и постараемся увидѣть какъ дѣйствуетъ коллегія и индивидуумы, черезъ посредство которыхъ оно функционируютъ, собранія, комитеты, делегаты, администраторы и подчиненные всякихъ степеней. Подобно расклеванному желѣзу положеніе дѣла отпечатывается на ихъ лбахъ свои два клейма, различныхъ размѣровъ и цвѣтовыхъ оттѣнковъ. Какъ они ни стараются ихъ прикрыть вѣнками, которыми они себя украшаютъ и титулами, которые они себѣ раздають, все же видно клеймо раба или клеймо тирана.

I.

Въ Тюльери, въ большой театральной залѣ, превращенной въ залу засѣданій, торжественно засѣдаетъ всемогущій конвентъ, каждый день онъ обсуждаетъ дѣла, декреты его, встрѣчаемые слѣпымъ повиновеніемъ, ужасають Францію и потрясають Европы. Издали величіе его подавляющее, болѣе грандіозно, чѣмъ величіе республиканскаго сената въ Римѣ. Вблизи дѣло обстоитъ совершенно иначе: эти неоспоримые повелители на самомъ дѣлѣ рабы живущіе въ постоянномъ страхѣ, такъ какъ нигдѣ и даже въ тюрьмѣ не чувствуешь большаго стѣсненія и не находишься въ меньшей безопасности, чѣмъ на ихъ скамьяхъ.

Начиная съ іюня 1793 года ихъ неприкосновенный залъ, громадный оффиціальный резервуаръ, изъ котораго истекаетъ всякая законная власть, сталъ какъ бы живорыбнымъ садомъ, въ который съ увѣренностью въ благоприятный исходъ ловли забрасывается разъ за разомъ революціонная сѣть, чтобы вытащить оттуда отборную рыбу, по одиночѣ или дюжинами, а иногда цѣлыми кучами. Такъ,

во-первыхъ были казнены или попали въ проскрипціонные листы шестьдесятъ семь жирондистскихъ депутатовъ, затѣмъ захвачены были въ одинъ день и посажены въ тюрьму семьдесятъ три члена правой, затѣмъ изъ видныхъ якобинцевъ Осселенъ арестованъ 19 брюмера, Базиръ, Шабо и Делонэ привлечены къ суду 24 брюмера, Фабръ д'Эглантинъ арестованъ 24 нивоза, Бернаръ гильотинированъ 3 плювоза, Анахарзисъ Клоотцъ гильотинированъ 4 жерминаля, Геро де-Сешель, Лакруа, Филиппо, Камилль Демулень, Дантонъ и еще четверо гильотинированы 10 жерминаля; Симондъ гильотинированъ 24 жерминаля, Осселенъ гильотинированъ 28 мессидора.

Конечно это служить предостереженіемъ для оставшихся въ живыхъ и они ведутъ себя осторожно. При открытіи засѣданія они входятъ въ залу съ безпокойнымъ видомъ, «полные опасеній», подобно животнымъ, которыхъ втагиваютъ въ загонъ, гдѣ они предчувствуютъ ловушку. «Каждый изъ нихъ, пишетъ одинъ очевидецъ, наблюдалъ за своими поступками и словами, изъ страха, чтобы ему ихъ не поставили въ вину. И дѣйствительно все имѣло значеніе, мѣсто, на которое садилась, взглядъ, жестъ, шепотъ, улыбка». Вотъ почему стадо инстинктивно сбивается въ болѣе защищенную и безопасную, лѣвую сторону. «Все хлынуло къ вершинѣ горы, на правой сторонѣ не было никого... Многіе нигдѣ не сидели и во время засѣданія часто мѣняли мѣсто, думая, что этимъ обмануть шпіона и ни съ кѣмъ не станутъ въ скверныя отношенія. Болѣе благоразумные никогда не сидели, они стояли у подножья трибуны и въ наиболѣе щекотливыхъ случаяхъ они тайкомъ исчезали изъ залы». Большинство скрывается въ своихъ комнатахъ, каждый старается быть забытымъ, не привлечь на себя никакого вниманія.

Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за 2 іюня зала Конвента на половину или на три четверти пуста; выборы председателя не собираютъ и двухъ сотъ вотирующихъ; оказывается только двѣсти голосовъ, сто голосовъ, пятьдесятъ голосовъ для выборъ членовъ Комитета общественнаго спасенія и Комитета общей безопасности, судьи Революціоннаго трибунала выбираются только пятьюдесятью голосами, ихъ замѣстители выбираются только десятью голосами. При голосованіи обвинительнаго декрета противъ депутата Дюлоръ не оказывается ни одного голосующаго. «Ни одинъ членъ не встаетъ ни за, ни противъ. Голосованія нѣтъ», тѣмъ не менѣе председатель объявляетъ декретъ принятымъ и «болото» молчитъ. Членовъ этой партіи называли «болотными жабами» до 2 іюня, когда въ самомъ подпольѣ центра они квакали противъ Горы. Теперь они еще въ четыреста пятьдесятъ три раза многочисленнѣе монтаньяровъ, но они преднамѣренно молчатъ. Ихъ старое прозвище «дѣлаетъ ихъ, такъ сказать, слизкими, въ ушахъ ихъ еще звучатъ вѣчныя угрозы, сердца ихъ похудѣли отъ ужаса» и языки ихъ парализованные привычкою молчать, прилипли къ ихъ гортани. Какъ они не стараются ступешаться, соглашаться на все, выпрашивать себѣ только жизнь и отказываться отъ всего остальнаго, отъ своего голоса, отъ своей воли, отъ своей совѣсти, они чувствуютъ,

что жизнь ихъ виситъ на волосѣхъ. Самый безмолвный изъ нихъ Сіэйса, на котораго былъ сдѣланъ доносъ, избѣгаетъ смерти только благодаря защитѣ своего сапожника, который встаетъ и заявляетъ: «Я знаю этого Сіэйса, онъ вовсе не занимается политикой, онъ все время погруженъ въ свои книги. Я шью на него сапоги и я за него ручаюсь».

Понятно, что до 9 термидора никто изъ нихъ не откроетъ рта; будутъ говорить одни только монтаньяры и притомъ всегда согласно инструкціи. Если Лежендръ, поклонникъ, ученикъ, интимный другъ Дантона и осмѣливается разъ вмѣшаться по поводу декрета, посылающаго его друга на эшафотъ и просить, чтобы былъ предварительно выслушанъ Дантонъ, то онъ тотчасъ же формально отрывается отъ своихъ словъ; въ тотъ же вечеръ для большей безопасности «онъ валяется въ грязи», по выраженію Мишлэ, объявляетъ въ якобинскомъ клубѣ, «что онъ вполне довѣряетъ приговору Революціоннаго трибунала» и даетъ клятву, что донесетъ на всякаго, «кто захочетъ воспрепятствовать выполненію декрета. Развѣ не научилъ его этому Робеспьеръ и притомъ самымъ своимъ рѣзкимъ тономъ? Есть ли что-нибудь болѣе прекраснаго, сказалъ великій моралистъ, болѣе возвышеннаго, чѣмъ собраніе, которое само себя очищаетъ!—Такимъ образомъ сѣть захватившая уже такъ много трепещущей добычи не разорвалась, не расширилась, или не была убрана, какъ ненужная вещь, а напротивъ она теперь такъ уже хорошо ловитъ налѣво, какъ и направо и притомъ преимущественно на самыхъ высокихъ скамьяхъ Горы. За нѣсколько времени до 9 термидора, Давидъ, одинъ изъ приближенныхъ къ Робеспьеру, самъ говорилъ: «Останется ли насъ на Горѣ хоть двадцать человѣкъ?» Около этого же времени за Лежендромъ, Тюрьо, Бурдономъ, Таллемомъ, Бурдономъ изъ департамента Уазы и за другими еще, цѣлыми днями слѣдуютъ шпіоны по пятамъ. Тридцать депутатовъ будутъ обречены на смертную казнь безъ суда, ихъ имена шепотомъ передаютъ другъ другу и поэтому шестьдесятъ депутатовъ не ночуютъ дома, убѣжденные, что завтра утромъ явятся арестовать ихъ въ постеляхъ.

При этомъ режимѣ, продолжающемся столько мѣсяцевъ, души ставовятся низменнѣе. «Все понижалось, для того чтобы пройти подъ игомъ простого народа... Все превращалось въ простонародье... Отказывались отъ костюма, манеровъ, изящества, чистоты, жизненныхъ удобствъ, вѣжливости и приличій». Ходятъ оборванными и проносятъ проклятья; стараются походить на монтаньяровъ, санкюотовъ, которые «ругаются и одѣваются какъ портовые рабочіе», на чесальщика шерсти Армонвиля, засѣдающаго въ шерстяномъ коппакѣ, на газоваго рабочаго Кюссе, всегда пьянаго. Нужно быть Робеспьеромъ, чтобы позволить себѣ быть прилично одѣтымъ. Если бы на это рѣшились другіе, не пользующіеся такимъ влияніемъ какъ онъ, этотъ пережитокъ прежняго режима могъ бы быть для нихъ опасенъ. Они отлично дѣлаютъ, что не привлекаютъ на себя вниманіе плохо обученаго и безграмотнаго шпіона. Во время засѣданій нужно сливаться съ толпою, нужно стараться не привлекать на себя вниманіе наемныхъ клакеровъ, испившихся бездѣльниковъ и

такъ называемыхъ «жирныхъ юбокъ» трибунъ. Нужно даже кричать подобно имъ и вмѣстѣ съ ними, принимая участіе въ ихъ дневныхъ выходахъ.

Въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ депутаціи народныхъ обществъ являются въ Конвентъ произносить свои экстравагантныя или пошлыя тирады и Конвентъ обязанъ имъ рукоплескать. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ уличные пѣвцы и завсегдатаи кафе являются въ Конвентъ и во время засѣданій безъ всякаго стѣсненія поютъ пѣсенки на современныя темы, а Конвентъ долженъ имъ подпѣвать. По предложенію Дантона былъ изданъ декретъ, которымъ устанавливалось, что разрѣшается говорить только прозой. Тѣмъ не менѣе послѣ его смерти снова начинаются представленія и 12 мессидора «одинъ гражданинъ, допущенный въ ораторской трибунѣ читаетъ поэму, сочиненную имъ въ честь побѣды нашихъ войскъ на Самбрѣ».—Въ теченіе шести недѣль профанаторы церквей являются въ Конвентъ разыгрывать свои кабацкія буффонады и Конвентъ принужденъ не только выслушивать ихъ, но и принимать въ нихъ участіе.—Никогда въ императорскомъ Римѣ, даже при Неронѣ и Гелиогобалѣ, высшее политическое учрежденіе не падало такъ низко.

II.

Взгляните на одну изъ ихъ выходовъ 20, 22 или 30 брюмера; этотъ маскарадъ повторяется нѣсколько разъ въ недѣлю, почти безъ всякихъ вариантовъ.

Процессія мегеръ и мазуриковъ является къ дверямъ залы; они еще «пьяны отъ водки вышитой ими въ церковныхъ чашахъ послѣ того какъ онѣ поѣли рыбу, сжаренную на дискосахъ». Впрочемъ, они напились и по дорогѣ. «Сидя верхомъ на покрытыхъ ризами ослахъ, которыми они правятъ вмѣсто возжей эпитрахилью», они останавливались у кабаковъ, протягивая дароносицу. Кабатчикъ съ пинтой въ рукахъ наполняетъ имъ дароносицу и на каждой остановкѣ они пьютъ три раза, пародируя обѣдню, которую они служатъ такимъ образомъ на свой манеръ, на улицѣ. Послѣ этого надѣвъ на себя ризы, рясы, они дефилируютъ двумя длинными рядами вдоль ступенекъ залы Конвента. Нѣкоторые несутъ на носилкахъ или въ корзинахъ канделябры, церковныя чаши, золотыя и серебряныя блюда, дароносицы, ковчегъ съ мощами, другіе держатъ въ рукахъ хоругви, кресты и другіе захваченные въ церквахъ предметы. Тѣмъ временемъ музыка играетъ *Карманьолу*, *Мальбругъ въ походѣ со-брался*. Въ тотъ моментъ, когда вносятъ балдахинъ, всѣ сбрасываютъ свои митры, рясы, эпитрахили, которые летятъ на воздухъ и «защитники отечества появляются въ національной формѣ». Раздаются крики, хохотъ, шумъ, гамъ, еще большій грохотъ оркестра. Банда проситъ разрѣшенія протанцовать *Карманьолу* и Конвентъ разрѣшаетъ. Находятся даже депутаты, которые сходятъ со своихъ скамеекъ и выдѣлываютъ антрапа съ подвыпившими уличными дѣвками.

Въ довершеніе Конвентъ объявляетъ, что онъ будетъ присутствовать вечеромъ на праздникѣ Разума, и дѣйствительно, отправляется туда въ полномъ составѣ. За актрисой въ короткой юбкѣ и

красномъ колпакѣ, изображающемъ Свободу или Разумъ, депутаты тоже въ красныхъ колпакахъ, со смѣхомъ и съ пѣніемъ шествуютъ въ новый храмъ, устроенный изъ досокъ и картона на хорахъ Собора Парижской Богоматери. Они садятся въ первомъ ряду и Богиня, «обычная участница ужинновъ князя Субиза со всѣми хорошенькими оперными», выставяетъ передъ ними на показъ прелести оперной артистки. Начинаютъ пѣть гимнъ Свободѣ и такъ какъ въ то же самое утро декретомъ Конвентъ обязался пропѣть его, я могу предположить, что онъ его и пропѣлъ. Затѣмъ начинаются танцы. Къ несчастью нѣтъ источниковъ для разрѣшенія вопроса танцевалъ ли Конвентъ. По меньшей мѣрѣ онъ присутствуетъ при танцахъ и своимъ присутствіемъ освящаетъ единственную въ своемъ родѣ оргію, не кермессу Рубенса, на вольномъ воздухѣ, пышащую здоровьемъ, но ночное посѣщеніе Куртиля, послѣдній день карнавала, празднуемый блѣдными и свихнувшимися воршиками. Въ серединѣ церкви «танцоры чуть ли не безъ штановъ, съ голой шеей и грудью, съ засученными рукавами» бѣсуются, выкрикивая Карманьолу. Въ боковыхъ часовняхъ, завѣшанныхъ большими коврами, дѣвки съ пронзительными криками предаются разврату.

Брататься съ уличными пьяницами и «непотребными дѣвками», переносить ихъ объятія и поцѣлуи, перемѣшанные пьянымъ иканьемъ, все это тяжело переносить даже и покорнымъ депутатамъ. Болѣе половины чувствовали къ этому уже заочное отвращеніе и остались у себя; отнынѣ они не хотятъ болѣе являться въ Конвентъ. Но Гора посылаетъ за ними и приставъ ихъ приводитъ, они должны своимъ присутствіемъ и своими поздравленіями принять участіе въ слѣдующихъ за этимъ профанціяхъ и святотатствахъ, надо, чтобы они одобряли и декретировали то, къ чему они питаютъ ужасъ, не только нелѣпости и безумія, но и преступленія, убійство невинныхъ, убійство своихъ друзей.

На все это они идутъ. «Единоголасно и при бурныхъ рукоплесканіяхъ» лѣвая соединившись съ правой посылаетъ на эшафотъ Дантона, своего естественнаго вожака, великаго двигателя и руководителя Революціи. «Единоголасно и при бурныхъ рукоплесканіяхъ» правая соединившись съ лѣвой вотируетъ самые худшіе декреты революціоннаго правительства. «Единоголасно», съ криками восторга и энтузіазма, съ заявленіями живѣйшей симпатіи къ Колло д'Эрбуа, къ Котону и Робеспьеру, Конвентъ, путемъ новаго переизбранія оставляетъ на старомъ мѣстѣ кровавое правительство, которое ненавидитъ Равнина, за то что оно кроваво и которое ненавидитъ Гора, за то что оно ее истребляетъ. Благодаря страху Равнина и Гора, большинство и меньшинство, въ концѣ концовъ способствуютъ своему же собственному самоубійству. 22 преріала весь Конвентъ протянулъ шею, 8 термидора, въ теченіе первой четверти часа послѣдовавшей за рѣчью Робеспьера, онъ снова ее протянулъ и навѣрно онъ далъ бы себя уничтожить, если бы пять или шесть челоуѣкъ, названныхъ или указанныхъ Робеспьеромъ, Бурдонъ изъ Уазы, Ваде, Камбонъ, Вилльо, Панись, въ силу животнаго инстинкта самосохраненія не подняли руки, чтобы остановить направленный ударъ. Только боязнь крайней, личной и смертельной опасности мо-

жеть въ этихъ поверженныхъ въ прахъ душахъ пересилить вкоренившуюся привычку къ страху. Когда впоследствии Сэйса спрашивали, что онъ дѣлалъ въ это время, онъ отвѣчалъ: «Я жилъ!» Дѣйствительно и онъ и другіе ограничились этимъ всю свою роль и постарались добиться этого всего во что бы то ни стало, но какой цѣною!

III.

Когда человѣкъ становится рабомъ, говорятъ старый Гомеръ, боги лишаютъ его половины души, то же самое происходитъ, когда человѣкъ становится тираномъ. Въ павильонѣ Флоры, рядомъ и надъ впавшимъ въ рабѣйство Конвентомъ, двѣнадцать королей, которыхъ онъ себѣ выбралъ, засѣдаютъ два раза въ день и командуютъ имъ точно также какъ и Франціей. Вполнѣ понятно, что для занятія этого мѣста, они дали извѣстныя гарантіи, нѣтъ между ними ни одного, который не былъ бы съиздавна революціонеромъ, нераскайненнымъ царубійцею, фанатикомъ по существу и деспотомъ изъ принциповъ. Но вино всемогущества не опьянило ихъ всѣхъ въ равной степени. Трое или четверо, Робертъ Ленде, Жанбонъ-Сентъ-Андре, Пріеръ и Карно, занимаются каждый своимъ полезнымъ и второстепеннымъ дѣломъ. Этого достаточно, чтобы ихъ наполовину уберечь.

Являясь специалистами, которымъ поручено особое, необходимое дѣло, они хотятъ прежде всего исполнить свою обязанность, вотъ почему они подчиняютъ этому все остальное, даже требованія теоріи и клубные крики. Прежде всего Ленде необходимо озаботиться прокормленіемъ департаментовъ, не имѣющихъ зерна и городовъ, у которыхъ не хватаетъ хлѣба, Пріеру—сфабриковать и послать въ арміи бисевиты, водку, одежду, сапоги, порохъ и оружіе, Жанбону—снарядить корабли и дисциплинировать экипажи, Карно—составить планы компаніи и управлять движеніями армій; доставить столько то мѣшковъ зерна для слѣдующихъ двухъ недѣль въ такой то городъ и собрать зерно въ такихъ то округахъ, изготовить столько то рацийновъ въ теченіе недѣли и перевезти въ теченіе мѣсяца въ определенное мѣсто у границы, превратить столько то рыбаковъ въ артиллеристовъ или матросовъ и спустить столько то судовъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, передвинуть столько то кавалеріи, инфантеріи и артиллеріи по такимъ то дорогамъ, чтобы они были къ извѣстному дню у извѣстнаго мѣста, вотъ точныя комбинаціи, очищающія разумъ отъ догматическихкихъ фразъ, отодвигающія на задній планъ революціонный жаргонъ, поддерживающія въ человѣкѣ здравый разумъ и практическій смыслъ; тѣмъ болѣе, что трое изъ нихъ, Жанбонъ, бывшій капитанъ коммерческаго судна, Пріеръ и Карно, инженерные офицера, отправляются на мѣста и сами работаютъ, какъ простые солдаты.

Жанбонъ, садится на судно флота выходящаго изъ Бреста для спасенія большаго транспорта изъ Америки, Карно въ Ватиньи заставляеть Журдана сдѣлать рѣшающій маневръ и съ ружьемъ въ рукѣ идетъ вмѣстѣ съ войсками на приступъ. Естественно, они не

имѣютъ свободнаго времени для болтовни въ якобинскомъ клубѣ или для интригъ въ Конвентѣ. Карно живетъ въ Комитетѣ и своихъ канцеляріяхъ, не теряетъ даже времени для того, чтобы пойти пообѣдать со своей женой, обѣдаетъ маленькой булкой и запиваетъ ее графиномъ лимонада и работаетъ шестнадцать, восемнадцать часовъ въ день; Ленде, обремененный работой болѣе чѣмъ кто либо другой, потому что голодъ не ждетъ, самъ читаетъ всѣ доклады и «проводитъ въ чтеніи ихъ дни и ночи»; Жанбонъ въ деревянныхъ башмакахъ и шерстяной карманолѣ, съ большимъ кускомъ хлѣба и стаканомъ севернаго пива передъ собой, пишетъ и диктуетъ, пока не выбивается изъ силъ и не бросается на разложенный на полу матрацъ.

Конечно они недовольны, когда ихъ беспокоятъ и когда ломаютъ орудія, которыми они дѣйствуютъ, они слишкомъ хорошо знаютъ цѣну хорошаго орудія, а имъ для службы, какъ они ее понимаютъ, нужны компетентные и трудолюбивые чиновники, усердно посѣщающіе службу, а не клубы. Когда они встрѣчаютъ подобнаго подчиненнаго, они относятся къ нему благосклонно, они его защищаютъ иногда съ опасностью для собственной жизни, и даже навлекая на себя непріязнь Робеспьера. Камбонъ, являющійся въ своемъ финансовомъ комитетѣ какъ бы полнымъ хозяиномъ, держитъ въ казначействѣ пять или шестьсотъ чиновниковъ не могшихъ достать свидѣтельства въ политической благонадежности и на которыхъ все время дѣлаютъ доносы якобинцы. Карно спасаетъ и употребляетъ въ дѣло выдающихся инженеровъ, д'Арсона, де Монталембера, д'Обенгейма, все дворянъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ антиякобинцы, не говоря уже о значительномъ количествѣ обвиненныхъ офицеровъ, которыхъ онъ оставляетъ на старыхъ мѣстахъ.

Этими отважными и человѣчными поступками они по крайней мѣрѣ временно облегчаютъ свою совѣсть. Впрочемъ они сдѣлались государственными людьми только случайно и въ силу подавляющихъ обстоятельствъ, скорѣе отдавая себя во власть теченію, чѣмъ руководя имъ и являясь террористами скорѣе случайными, по необходимости, чѣмъ по инстинкту. Если въ согласіи съ остальными десятью Пріеръ и Карно отдадутъ приказы о массовыхъ ограбленіяхъ и бойняхъ, если они подписываютъ десятками и сотнями приказы, являющіеся простыми убійствами, это потому, что они принадлежатъ къ одной коллегіи. Когда обсуждаетъ дѣла весь Комитетъ, они принуждены въ важныхъ вопросахъ подчиняться имѣющему преимущество мнѣнію большинства, хотя бы они вотировали противъ. Во второстепенныхъ постановленіяхъ, когда не было общаго и предварительнаго обсужденія, единственное отвѣтственное лицо—первый подписавшійся, подписи послѣдующія и которыя они даютъ не читая являются «только формальностью, требуемой закономъ», простой скрѣпой, по необходимости машинальной. Иначе и быть не можетъ: при необходимости рѣшать ежедневно четырехста или пятьсотъ дѣлъ, физически невозможно было бы читать все и голосовать по всякому вопросу. И въ сущности, «развѣ общая воля, по крайней мѣрѣ проявляющаяся общая воля, единственно на которую можетъ опираться государство, сама не является ультра—революціонной?» Другими

словами развѣ въ государствѣ не должно скорѣе слушаться пяти или шести еригуновъ негодяевъ, чѣмъ сотни честныхъ людей, сохраняющихъ молчаніе?

Этимъ софизмомъ чисто якобинскаго производства, какъ онъ не грубъ, Карно въ концѣ концовъ заглушаетъ свою честь и свою совѣсть. Будучи натурой нетронутой и въ гораздо большей степени чѣмъ его коллеги, онъ, подъ вліяніемъ своей должности и подъ престижемъ своего ученія, уничтожаетъ въ себѣ оба лучшихъ человѣческихъ качества, самое полезное—здравый разумъ и самое высокое—моральное чувство.

IV.

Если такъ калѣчатся прямые, твердые и здоровые души, то какъ же будутъ искалѣчены люди съ испорченными или слабыми душами, въ которыхъ уже преобладаютъ дурные инстинкты? И замѣтите, что у нихъ нѣтъ предохранительнаго средства Карно и дѣловыхъ людей—преслѣдованія ограниченной и явно полезной цѣли. Ихъ называютъ «людьми правительства», «революціонерами», дѣйствительно они то имѣютъ общее руководство. Изобрѣтеніе, организація и примѣненіе террора принадлежатъ всецѣло имъ, они строители и руководители машины, признанные главы партіи и правительства, въ особенности Бильо и Робеспьеръ, которые никогда не разъѣзжаютъ въ качествѣ уполномоченныхъ по провинціи и не выцускаютъ ни на минуту ручку центрального двигателя.

Первый изъ нихъ активный политикъ, ему поручено вмѣстѣ съ Колло наблюдать за дѣйствіемъ установившихся властей, округовъ, муниципалитетовъ, національныхъ агентовъ, революціонныхъ комитетовъ и депутатовъ на мѣстахъ, второму, теологу, моралисту, патентованному учителю и проповѣднику поручено завѣдывать Конвентомъ и внушать якобинцамъ истинные принципы; за нимъ идетъ, Кутонъ, его помощникъ, Сень-Жюсть, его ученикъ и исполнитель его смертныхъ приговоровъ, между ними Бареръ, рупоръ Комитета, простое, но необходимое орудіе, человекъ цѣнный тѣмъ, что онъ всегда, когда только будетъ угодно, и на какую угодно тему можетъ импровизировать торжественныя рѣчи въ честь партіи, которая имъ пользуется. Подъ ними Комитетъ общей безопасности, Бадье, Амаръ, Вулланъ, Жюффрау, Панисъ, Давидъ, Жаго и остальные предприниматели, докладчики и агенты всеобщей проскрипціи. Ихъ должность наложила на нихъ отпечатокъ, ихъ узнаешь «по ихъ поблекшимъ лицамъ, по ихъ впавшимъ, налитымъ кровью, глазамъ»; привычка всемогущества наложила на нихъ отпечатокъ гордости и презрѣнія. Члены Комитета общей безопасности имѣютъ въ себѣ что то бывшее присущимъ прежнимъ начальникамъ полиціи, а члены Комитета общественнаго спасенія напоминаютъ прежнихъ государственныхъ министровъ. Въ Конвентѣ «оспариваютъ честь разговаривать съ ними, здороваться съ ними, на ихъ лбахъ какъ бы читаютъ долгъ, которыми всѣ обязаны слѣдовать. Въ тотъ день когда какое либо изъ ихъ постановленій должно быть обращено въ декретъ, «члены Комитета, довлѣдчикъ заставляютъ себя ждать подобно

главамъ государства и представителемъ верховной власти; когда они направляются въ залу засѣданій имъ предшествуетъ бучка куртизановъ, которые какъ будто возвѣщаютъ о появленіи міровыхъ владыкъ». Дѣйствительно они властвуютъ, но посмотрите при какихъ условіяхъ.

«Не протестуй, говоритъ Бареръ автору одной оперы, представленія которой были только что запрещены, въ наше время не нужно навлекать на себя общественное вниманіе. Развѣ не всѣ мы стоимъ у подножья эшафота, *вѣсь, начиная съ меня*? И когда двадцать лѣтъ спустя его просятъ высказать истинную цѣль, сокровенную мысль Комитета общественнаго спасенія, онъ говоритъ: «У насъ было только одно чувство самосохраненія, одно желаніе—спасти нашу жизнь, которой, какъ полагалъ каждый изъ насъ, угрожала опасность. Гильотинировали своего сосѣда для того, чтобы онъ не могъ васъ гильотинировать».

Тотъ же самый страхъ существовалъ въ сильныхъ душахъ, хотя на ряду со страхомъ у нихъ были болѣе неизмѣнные мотивы чѣмъ страхъ. «Сколько разъ, говоритъ Карно, мы брались за предпріятія, требующія продолжительнаго времени, убѣжденные, что намъ не дано будетъ довести ихъ до конца». «Неувѣренные, говоритъ Пріеръ, въ томъ, что черезъ мгновеніе мы не очутимся передъ Революціоннымъ трибуналомъ, а оттуда не будемъ посланы на эшафотъ, не имѣя даже времени на прощаніе съ нашими семьями, мы продолжали нашу ежедневную работу, чтобы не оставить безъ движенія машины, какъ будто бы мы имѣли передъ собой цѣлую жизнь, тогда какъ было очень вѣроятно, что мы не увидимъ восхода солнца слѣдующаго дня». Невозможно рассчитывать, что черезъ двадцать четыре часа будешь еще живъ. «Рѣшенія принятыя нами, говоритъ Бильо-Бареннъ, часто отвергались нами за день, два до этого. Они вызывались только кризисомъ.. Мы не хотѣли убивать ради убійства, но мы стремились побѣдить во что бы то ни стало, быть господами, осуществить наши принципы».

Это правда. Они настолько же подданные, насколько и деспоты. За столомъ въ комитетѣ, во время ихъ продолжительныхъ ночныхъ засѣданій, съ ними засѣдаетъ ихъ властительница, революціонная Идея, предоставляющая имъ власть убивать, при томъ условіи, что они будутъ примѣнять ее ко всѣмъ безъ исключенія, а поэтому и въ самимъ себѣ. Около двухъ, трехъ часовъ ночи, утомленные, не находя болѣе ни мыслей, ни словъ, не зная болѣе куда нужно направлять свои удары, они смотрятъ на нее съ ожиданіемъ и стараются прочесть ея волю въ ея неподвижномъ взорѣ. «Кого нужно поразить завтра?» Все одинъ и тотъ же отвѣтъ можно прочесть на ея лицѣ: «нужно поражать контръ-революціонеровъ» и подъ это названіе подходятъ всѣ тѣ, которые дѣйствіемъ, словомъ, мыслью или интимнымъ чувствомъ, изъ гуманности или умѣренности, изъ эгоизма или безпечности, изъ инертности, равнодушія, не служатъ вовсе или плохо служатъ Революціи.

Остается поставить имена подъ этимъ страшно растяжимымъ постановленіемъ. Кто ихъ поставилъ. Можетъ быть Бильо? Можетъ быть Робеспьеръ? Поставитъ ли Бильо имя Робеспьера, или Робес-

пьеръ имя Бильо? Или каждый изъ нихъ имя другого, присоединивъ сюда еще другія имена, которыя заблагоразсудится выбрать въ обоихъ комитетахъ? Въ этихъ комитетахъ членами состояли Осселэнъ, Шабо, Базиръ, Жюльенъ, Лакруа, Дантонъ и когда они оттуда вышли, головы ихъ пали. Геро-де Сешель былъ членомъ и пользовался большимъ почетомъ въ виду недавняго одобренія Конвента, исполняя наряду съ другими двѣнадцатью свои обязанности, какъ вдругъ по постановленію остальныхъ одиннадцати онъ предается революціонному трибуналу, а оттуда посылается на гильотину.

Чей теперь настанетъ чередъ одиннадцати оставшимися? Его схватятъ совершенно неожиданно, при единодушныхъ рукоплесканьяхъ покорнаго Конвента и послѣ трехъ дней судебной комедіи повозка привезетъ его на площадь Революціи. Самсонъ его свяжетъ, владеры, получающіе двадцать четыре су, будутъ рукоплескать и на слѣдующій день весь народъ, принимающій участіе въ политической жизни будетъ въ восторгѣ отъ того, что въ бюллетенѣ гильотинированныхъ онъ прочтетъ имя великаго измѣнника. Для того, чтобы тотъ или этотъ изъ царей дня перешелъ такимъ образомъ изъ Национальнаго Альманаха въ списокъ умершихъ, достаточно простого соглашенія между коллегами. Можетъ быть соглашеніе уже состоялось. Между кѣмъ и противъ кого? Конечно при подобной мысли сидящіе вокругъ большого стола одиннадцать человѣкъ съ опасеніемъ смотрятъ другъ на друга. Они высчитываютъ свои шансы и вспоминаютъ все сказанное другъ другу. А между ними были произнесены слова, которыя не забываются, нѣсколько разъ Карно говорилъ Сенъ-Жюсту: «Ты и Робеспьеръ мѣтите въ диктаторы». Сенъ-Жюстъ говорилъ Карно: «Ты въ близкихъ сношеніяхъ съ врагами патріотовъ, знай что мнѣ достаточно написать нѣсколько строчекъ обвинительнаго акта и ты будешь казненъ черезъ два дня». Однажды Робеспьеръ въ ярости закричалъ, что комитетъ устраиваетъ противъ него заговоръ и повернувшись къ Бильо, онъ ему сказалъ: «Теперь я тебя знаю». Бильо отвѣтилъ: «И я тебя знаю, ты контръ-революціонеръ». Значитъ контръ-революціонеры и заговорщики имѣются въ самомъ комитетѣ, что дѣлать, чтобы избѣгнуть этого прозвища, являющагося смертнымъ приговоромъ?

Фатальная фигура царящей среди нихъ Эринніи, благодаря которой они стоятъ во главѣ правленія, молча изрекла свой отвѣтъ и онъ отозвался во всѣхъ сердцахъ: «Между вами тѣ заговорщики и контръ-революціонеры, которые не захотятъ быть палачами».

V.

Они шествуютъ такимъ образомъ—въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ, толкаемые теоріей и страхомъ, среди кровавой лужи, которая становится глубже съ каждымъ днемъ, держась вмѣстѣ, сохраняя между собой солидарность. Никто не смѣетъ увлоняться въ сторону, каждаго забрызгиваютъ кровью идущіе около него коллеги. Очень скоро ихъ зрѣніе притупляется, они болѣе не знаютъ куда имъ итти. Когда какое нибудь правительство вноситъ на разсмотрѣніе собраніе важныя дѣветы, онъ появляется передъ націей, передъ Европой и

передъ исторіей; если оно заботится о своей собственной чести, оно выбираетъ докладчиковъ достойныхъ, которымъ поручаетъ привести основанія предполагаемой мѣры, по обсужденіи и принятіи его всѣмъ совѣтомъ, докладъ долженъ явиться мѣриломъ его способностей, его севѣдомленности и его здраваго смысла. Познакомьтесь съ докладами прочитываемыми отъ имени комитета, взвѣсьте ихъ основанія, отмѣтьте ихъ тонъ, выслушайте обоихъ обычныхъ докладчиковъ, Сень-Жюста, редактирующаго декреты частной или общей проскрипціи, Барера, составляющаго безъ различія все, но главнымъ образомъ военныя объявленія и декреты противъ заграницы; никогда еще официальные лица, обращавшіеся къ Франціи и къ потомству, не говорили такую безсмыслицу и такъ нагло не лгали.

Первый, неподвижный, со втянутой въ высокій воротникъ шеи, болѣе самовластный, чѣмъ самъ Робеспьеръ, съ высоты трибуны предписываетъ французамъ равенство, честность, скромность, спартанскіе нравы. Это отлично подходитъ къ кавалеру Сень-Жюсту, нѣкогда домогавшемуся мѣста въ отрядѣ тѣлохранителей графа Артура, домашнему вору серебряныхъ блюдъ, которыя онъ отправился продавать въ Парижъ и гдѣ онъ прокутилъ вырученную сумму съ проститутками, къ Сень-Жюсту, содержавшемуся въ тюрьмѣ шесть мѣсяцевъ по просьбѣ своей родной матери, автору гнусной, похотливой поэмы. Теперь онъ держитъ себя крайне важно; онъ больше не смѣется, онъ убиваетъ, но посредствомъ какихъ аргументовъ! Лабардемонъ и наемные доносчики и обвинители императорскаго Рима менѣе обезславили человѣческой умъ, такъ какъ елевреты Ришелье и Тиверія мыслили здраво, болѣе или менѣе удачно сплетали сѣть обвиненій. У Сень-Жюста нѣтъ никакой логики, никакой послѣдовательности, онъ топчется на мѣстѣ нанизывая другъ на друга эффектные афоризмы, догматическія аксіомы. Фактовъ въ своихъ рѣчахъ онъ никакихъ не приводитъ, онъ клеветаетъ, вполне очевидно, нагло, какъ базарный шарлатанъ на своей эстрадѣ, онъ даже не старается придать своимъ елветамъ тѣнь правдоподобности. По его мнѣнію нѣтъ достаточнаго наказанія для жирондистовъ, Дантона, Фабръ д'Эглантина и другихъ его противниковъ, каковы бы они не были, съ ними вѣдь нечего церемониться, они завѣдомые заговорщики. Въ своихъ обвинительныхъ рѣчахъ онъ приводитъ для доказательства вины клубныя сплетни. Это претенціозный риторъ, все въ немъ напускное и заимствованное, весь умъ его ограничивается рѣдкими вспышками мрачнаго воображенія. Онъ такой же ученикъ Робеспьера, какъ тотъ является ученикомъ Руссо, пылкій ученикъ прилежнаго ученика, всегда доходящій до крайностей, яростный съ расчетомъ, преднамѣренно коверкающій идеи и языкъ, онъ какой-то великій визирь съ позами чистаго моралиста и шалостями чувствительнаго пастушка. Надъ этимъ можно только смѣяться пожимая плечами, но конвентъ, въ состояніи, въ которомъ онъ находится, способенъ только бояться. Своими властными фразами онъ наноситъ мощные удары и самые крѣпкіе люди приходять въ ужасъ, такъ какъ съ нимъ нельзя спорить. Когда Сень-Жюстъ утверждаетъ что нибудь отъ имени Комитета ему нужно вѣрить совершенно другой тонъ у второго докладчика, Барера, «патен-

тованнаго оратора», милаго гасконца, подвижнаго, сыпавшаго шутками даже въ Комитетѣ общественнаго спасенія. Онъ себя чувствуетъ, отлично среди убійствъ и до самого конца онъ будетъ говорить о Террорѣ «какъ о самой простой, самой невинной вещи». Не было чловѣка болѣе безсовѣстнаго чѣмъ онъ, у него нѣсколько совѣстей, вчера одна, сегодня другая, завтра третья, и такъ далѣе, онъ всегда на сторонѣ сильнаго противъ слабаго, онъ всегда готовъ итти туда откуда подуетъ вѣтеръ, въ его безнравственномъ существѣ преобладаетъ постоянно физическій инстинктъ, инстинктъ самосохраненія и наслажденія жизнью. Утромъ въ халатѣ онъ принимаетъ только просителей и онъ изящно беретъ записки сначала у дамъ, «расточая любезности самымъ хорошевымъ; онъ общается, улыбается, затѣмъ вернувшись въ свой кабинетъ бросаетъ всѣ бумаги въ огонь: «Вотъ моя корреспонденція и готова». Два разъ въ декаду онъ ужинаетъ въ своемъ чудномъ домѣ въ Клиши съ тремя хорошевыми, болѣе чѣмъ доступными женщинами, онъ веселится, шутитъ съ ними, относится къ нимъ съ любезностью и внимательностью провинителя; онъ интересуется ихъ женскими дѣлами и когда одна изъ нихъ въ своей оскорбленной ревности ссорится съ другой, надѣвшею бѣлый парикъ и претендующею задавать «тонъ моды», онъ тотчасъ призываетъ національнаго агента и съ важностью заявляетъ ему, что эта прическа, заимствованная у гильотинированныхъ, служитъ признакомъ контръ-революціонеровъ. На слѣдующій день дѣлается доносъ въ Совѣтъ Коммуны и парики уничтожаются. «Бареръ задыхался отъ смѣха, когда онъ вспоминалъ о своей шуткѣ». Шутка могильщика и ловкость комми-вожера.

Онъ играетъ съ терроромъ. Онъ точно также играетъ со своими докладами, онъ иногда импровизируетъ и никогда ни передъ чѣмъ не теряется. «Если ему нужно было о чемъ нибудь говорить, онъ подходилъ къ Робеспьеру, Геро, Сень-Жюсту, выпытывалъ у каждаго изъ нихъ мысли, затѣмъ появлялся на трибунѣ и всѣ поражались, что въ немъ какъ въ зеркалѣ отражались ихъ мысли». Никто ни въ Комитетѣ, ни въ Конвентѣ не можетъ сравниться съ нимъ, ему вѣдь не нужно думать, чтобы говорить. Въ немъ слово какъ бы независимый органъ, функционирующий совершенно отдѣльно, причемъ равнодушное сердце и пустой умъ не принимаютъ никакого участія. Конечно онъ не выходитъ изъ предѣла готовыхъ фразъ, онъ пользуется языкомъ якобинцевъ, выспренними банальностями, школьными метафорами. Подъ этой риторикой не скрывается ни одной идеи. Когда Наполеонъ впоследствии захочетъ воспользоваться Бареромъ, то ему удастся примѣнить его къ дѣлу только въ качествѣ газетчика, обыкновеннаго шпиона, агента-провокатора оставшихся въ живыхъ якобинцевъ, а впоследствии въ качествѣ чловѣка подслушивающаго у дверей, собирателя сплетенъ и новостей. Онъ и на это оказывается неспособенъ и Наполеонъ скоро отказывается отъ его услугъ, у него нѣтъ времени слушать его болтовню. Вотъ этому то фабриканту фразъ, этому будущему шпиону имперіи, этому изобрѣтателю заговора бѣлокурыхъ париковъ, правительствомъ поручаютъ съ трибуны объявлять о побѣдахъ, возвѣщать о воинской доблести и провозглашать войну на жизнь и на смерть. 7 преріала,

отъ имени Комитета, Бареръ предлагаетъ вернуться къ праву дикарей: «Ни англичане, ни ганноверцы не будутъ больше захватываться въ плѣнъ». Предложенный Карно декретъ единогласно принимается Конвентомъ. Если бы онъ былъ присоединенъ въ исполненіе, то соответственно числу плѣнныхъ на каждого разстрѣляннаго англичанина пришлось бы три повѣшенныхъ французъ. Человѣчность и честь исчезаютъ съ поля битвъ, войны между христіанами превращаются въ рѣзню между неграми. Къ счастью французскіе солдаты чувствуютъ благородство своего ремесла. При командѣ разстрѣлять плѣнныхъ одинъ бравый сержантъ: «Мы не будемъ ихъ разстрѣливать, пошлите ихъ въ Конвентъ, если представители находятъ удовольствіе въ томъ, чтобъ убивать плѣнныхъ, они могутъ отлично сами убить ихъ и съѣсть». Бареръ составилъ пѣлый обвинительный актъ въ двадцать семь страницъ противъ англичанъ со всей обычной нелѣпой ложью, объясняя, что «Британскій леопардъ» подкупилъ людей для убійства представителей, что лондонскій кабинетъ вооружилъ маленькую Цецилію Рено, «Новую Кордэ», противъ Робеспьера, что англичанинъ по природѣ своей варваръ, «не можетъ отрекаться отъ своего происхожденія, что онъ происходитъ отъ варягенянь и финиціянь, что нѣкогда онъ торговалъ звѣриными шкурами и рабами, что онъ теперь не измѣнилъ своей торговли; что нѣкогда Цезарь приставъ къ берегу Англии, нашелъ тамъ дикій народецъ, который оспаривалъ дѣса у волковъ и который угрожалъ съечь всё суда пытавшіеся пристать, что онъ и теперь остался такимъ же». Все это выкрики базарнаго оператора, и на этихъ то данныхъ правительство основываетъ декретъ, который можно подуматъ, издавъ краснокожими, къ гнусностямъ дѣйствій онъ прибавляетъ гнусность рѣчи и находитъ только нелѣпости для оправданія ужасовъ.

VI.

Представители въ числѣ около ста человѣкъ посланные Комитетомъ общественнаго спасенія, разѣзжаются по провинціи, то по одиночкѣ, то по двое или по трое «съ неограниченными полномочіями», для установленія или поддержки революціоннаго правительства и ихъ прокламаціи тотчасъ ясно показываютъ въ чемъ состоитъ это правительство. «Храбрые и сильные санкюлоты, пишите одинъ депутатъ, окончившій свою командировку и возвращающій пріѣздъ своего преемника, вы повидимому хотѣли имѣть хорошаго представителя, который никогда бы не уклонялся отъ принциповъ, то есть истиннаго монтаньяра. Я исполнилъ ваше желаніе и вы будете имѣть гражданина Энграна. Подумайте, храбрые санкюлоты, что съ патріотомъ Энграномъ вы можете все сдѣлать, всего достигнуть, все судить, все ссылатъ, все гильотинировать и все возрождать. Не давайте ему ни минуты покоя, пусть благодаря ему все дрожатъ, все рушится и тотчасъ же приходитъ въ самый прочный порядокъ».

Депутатъ пріѣзжаетъ въ главный городъ, представляетъ свои полномочія, тотчасъ же всё власти преклоняются до земли; вече-

ромъ въ шляпѣ съ султаномъ и съ волочащейся саблей онъ ораторствуетъ въ народномъ обществѣ, разжигаетъ пламя якобинства. Затѣмъ по личному своему выбору, если онъ родомъ оттуда, куда пріхалъ, или по указаніямъ Комитета общей безопасности, если онъ пріхалъ впервые, онъ избираетъ пять или шесть «наиболѣе горячихъ санеюлотовъ», образуетъ изъ нихъ революціонный комитетъ и устраиваетъ ихъ послѣ себя, объявляя засѣданія Комитета непрерывными, иногда даже въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ онъ живетъ, въ сосѣдней комнатѣ и по запискамъ или свѣдѣніямъ даннымъ ими онъ начинаетъ тутъ же дѣйствовать.

Во первыхъ, чистка всѣхъ мѣстныхъ властей. Онѣ всегда должны помнить, «что нѣтъ ничего преувеличеннаго для дѣла народа; тотъ, кто не пронялся этимъ принципомъ, тотъ, кто его не примѣнилъ на практикѣ, не можетъ занимать выдающагося положенія». Поэтому въ народномъ обществѣ, въ департаментѣ, въ округѣ, въ муниципалитетѣ, всѣ подозрительные люди должны быть исключены, лишены должностей и заключены въ тюрьму, если же временно изъ милости сохраняютъ на мѣстахъ еще нѣсколькихъ слабыхъ людей ихъ грубо бранятъ и высокомернымъ тономъ поучаютъ: «Вы должны болѣе внимательнымъ и болѣе энергичнымъ патриотизмомъ загладить злосодѣянное вами тѣмъ, что вы не сдѣлали всего добра, которое могли сдѣлать». Иногда, какъ бы по мановенію руки, сразу мѣняется весь административный персоналъ и уступаетъ мѣсто другому персоналу какъ бы вышедшему изъ земли по мановенію руки.

Считая, что «все чухнетъ» въ департаментѣ Вовлюзы «и что отвратительный модерантизмъ парализуетъ самыя революціонныя мѣры». Менье однимъ и тѣмъ же постановленіемъ назначаетъ департаментскихъ администраторовъ и секретаря, администраторовъ и генеральный совѣтъ округа, администраторовъ, генеральный совѣтъ и національнаго агента Авиньона, президента, публичнаго обвинителя и дѣлопроизводителя уголовного суда, президента, судей, національнаго комиссара и дѣлопроизводителя гражданскаго суда, членовъ коммерческаго суда, мировыхъ судей, окружнаго сборщика, директора почтъ, командира жандармскаго эскадрона. И будьте увѣрены, что вновь назначенные тотчасъ же возьмутся за исправленіе своихъ должностей. «Каждый гражданинъ, назначенный для исполненія какой нибудь изъ вышеозначенныхъ должностей, будетъ обязанъ занять свое новое мѣсто, немедленно по полученіи простаго извѣщенія о своемъ назначеніи, подъ страхомъ быть объявленнымъ подъ подозрѣніемъ». Всеобщее и пассивное повиновеніе администраторовъ и администрируемыхъ, такъ какъ не существуетъ больше выборности и независимости должностей. Всѣ чины, утверждаемые на своихъ мѣстахъ депутатами, находятся въ ихъ рукахъ. Ни одинъ изъ нихъ не дѣйствуетъ безъ его разрѣшенія и безъ приказанія депутата. Непосредственно или черезъ ихъ посредство онъ дѣлаетъ реквизиціи и секвестрируетъ все, что пожелаетъ, облагаетъ штрафами, заключаетъ въ тюрьму, ссылаетъ или обезглавливаетъ кого ему угодно и такой депутатъ въ своемъ округѣ паша.

Но это паша на цѣпи и притомъ на очень короткой. Въ декабрѣ 1793 года ему предписывается «сообразоваться съ постановленіями

Комитета общественнаго спасенія и сноситься съ нимъ каждые десять дней». Территориальная единица, въ которой онъ управляетъ, «строго ограничена», онъ не имѣетъ никакого вліянія въ другихъ департаментахъ «и не позволяетъ, чтобы онъ вѣчно оставался на своемъ мѣстѣ». Во всякой магистратурѣ нужно компенсировать величіе и размѣры власти кратковременностью ея. На слишкомъ продолжительныя командировки стали бы смотрѣть какъ на мѣста наслѣдственныя». Поэтому черезъ два или три мѣсяца, а иногда черезъ мѣсяцъ депутата отзываютъ въ Парижъ или посылаютъ въ другое мѣсто, и притомъ тономъ властнымъ, иногда угрожающимъ, не какъ коллегу, въ которому относятся дружелюбно, а какъ подчиненнаго, котораго вдругъ, безъ всякаго основанія, отзываютъ или перемѣщаютъ, потому что считаютъ его неподходящимъ. Для большой вѣрности посылаютъ часто какого нибудь члена Комитета, Кутона, Колло, Сень-Жюста, или близкаго родственника члена Комитета, Леба, Робеспьера младшаго, иногда же, простые агенты Комитета, взятые внѣ Конвента и не имѣющіе никакого личнаго значенія, совершенно молодые люди какъ Русселенъ, Жюльенъ, замѣняютъ или наблюдаютъ за депутатомъ, имѣя равныя съ нимъ полномочія. Въ то же самое время сверху и съ центра на него оказываютъ давленіе и имъ управляютъ, ему выбираютъ мѣстныхъ совѣтниковъ, его бранятъ за выборъ его агентовъ или квартиры, обязываютъ его смѣщать, назначать, арестовывать, казнить. Вокругъ него платные эмиссары и даровые наблюдатели безпрестанно пишутъ въ Комитеты общественнаго спасенія и общей безопасности, часто доносятъ на него, всегда отдаютъ отчетъ въ его поведеніи, высказываютъ сужденія о принимаемыхъ имъ мѣрахъ, вызываютъ своими донесеніями мѣры, которыхъ онъ не принимаетъ.

Чтобы онъ ни дѣлалъ, онъ не можетъ обращать свой взоръ на Парижъ безъ опасенія. Отсюда грозитъ ему опасность, смертельная опасность; противъ него въ Комитетахъ, въ Конвентѣ, въ якобинскомъ клубѣ, надвигается или надвинется гроза. Бреца, выказавшаго большую храбрость въ осажденномъ Валенсенѣ и котораго Конвентъ привѣтствовалъ и присоединилъ къ числу членовъ Комитета общественнаго спасенія, упрекаютъ въ томъ, что онъ остался живъ. «Тотъ, кто былъ въ Валенсенѣ, когда непріятель вошелъ въ него, никогда не отвѣтитъ на вопросъ: Вы умерли?» Ему тогда только остается признать себя неспособнымъ и отказаться отъ чести предоставленной ему Конвентомъ по ошибкѣ. Дюбуа де Крансе взявъ Лионъ и въ награду за эту громадную услугу его вычеркиваютъ изъ числа якобинцевъ. Его обвиняютъ въ измѣнѣ за то, что онъ не взялъ этотъ городъ достаточно скоро, два дня до капитуляціи Комитетъ лишилъ его полномочій, три дня послѣ капитуляціи Комитетъ общественнаго спасенія велитъ его арестовать и подъ стражей привезти его въ Парижъ.

Если съ подобными людьми, послѣ ихъ подобныхъ поступковъ, поступаютъ подобнымъ образомъ, то что же станеть съ остальными? Послѣ посланки молодого Жюльена, Карье въ Нантѣ, Изабо и Тальенъ въ Бордо, чувствуютъ, что ихъ головы не сидятъ крѣпко на плечахъ. Послѣ командировки Робеспьера младшаго на востокъ и на

югъ Баррасъ, Фреронъ, Бернаръ де Сентъ, считаютъ себя погибшими. Считають себя погибшими также Фуше, Роверъ, Жавогъ и сколько еще другихъ скомпрометированныхъ партій, въ которой они состоятъ или состояли. Гебергисты, Дантонисты, увѣрены въ своей погибели въ случаѣ паденія своихъ патроновъ въ Комитетѣ, не увѣрены въ своей жизни, если ихъ патроны въ Комитетѣ не погибнуть, такъ какъ не знаютъ не будутъ ли ихъ головы даны въ обмѣнъ на другія головы. Такъ какъ они придерживаются самой узкой, самой строгой, самой постоянной ортодоксальности, они будутъ признаны виновными и осуждены, если ихъ сегодняшняя ортодоксальность станетъ завтрашней ересью. Всѣмъ угрожаетъ опасность, сначала ста восьмидесяти самодержцамъ, царствовавшимъ до концентрации революціоннаго правительства, въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ провинціи, безъ всякаго контроля, а затѣмъ и въ особенности пятидесяти монтаньярамъ.

Для нихъ не можетъ быть никакого спасенія кромѣ временнаго, и это-то спасеніе зависитъ отъ послушанія и рвенія, доказаннаго такимъ образомъ, каковымъ это хочетъ Комитетъ, то есть строгостью. «Такъ хотѣли Комитеты, скажетъ впоследствии Менье, поджигатель Бедуина, все дѣлали Комитеты. Обстоятельства управляли мной... Агенты-патріоты заклинали меня не поддаваться слабостямъ... Я исполнялъ гораздо меньше чѣмъ это приказывалъ самый императивный мандатъ». Точно также Каррье, бичъ Нанта, заявилъ на просьбы помиловать сдавшихся мятежниковъ: «Вы хотите, чтобы меня гильотинировали? Не въ моей власти спасти этихъ людей». А другой разъ: «У меня есть приказанія, я долженъ имъ повиноваться, я не хочу, чтобы мнѣ отрубили голову». Подъ страхомъ смерти командированный депутатъ-геррористъ, подобно своимъ коллегамъ Конвента и Комитета общественнаго спасенія, но съ гораздо большимъ потрясеніемъ своего нервнаго и моральнаго механизма. Вѣдь онъ не оперируетъ, подобно имъ на бумагѣ, на разстояніи, съ категоріями отвлеченныхъ, анонимныхъ и туманныхъ существъ. Если онъ родомъ изъ того мѣста, куда онъ командированъ, какъ на примѣръ, Ле-Карпентье, Баррасъ, Лебонъ, Жавогъ, Кутонъ, Андре Дюмонъ и еще многіе другіе, онъ знаетъ семьи, которыя онъ приговариваетъ къ смерти, имена ихъ для него не простой наборъ буквъ, но воспоминаніе о прошломъ. Во всякомъ случаѣ онъ зритель, ремесленникъ и человѣкъ извлекающій пользу изъ своей собственной диктатуры; посуда и серебро, которыя онъ конфискуетъ находятся передъ его глазами, въ его рукахъ, передъ нимъ проходятъ подозрительные, которыхъ онъ арестуетъ. Онъ находится на мѣстѣ, когда его судъ выносить смертные приговоры, часто гильотина, которой онъ поставляетъ головы, работаетъ подъ его окнами, онъ помѣщается въ домѣ эмигранта, онъ дѣлаетъ реквизицію мебели, бѣлья, погреба казенныхъ или арестованныхъ, ложится въ ихъ кровать, пьетъ ихъ вино, участвуетъ въ большихъ, парадныхъ обѣдахъ за ихъ счетъ и на ихъ мѣстѣ. Точно также глава шайки бандитовъ, не убивающій и не ворующій своими собственными руками, въ своемъ присутствіи заставляетъ воровать и убивать.

VII.

«Кажется, говорить одинъ современникъ, долго знавшій Менье, что все сдѣланное имъ въ теченіе пяти или шести лѣтъ только болѣзненный бредъ, послѣ котораго онъ снова зажилъ прежней жизнью, какъ будто бы ничего не случилось». И Менье самъ пишетъ: «Я не былъ созданъ для этихъ грозъ». Это совершенно вѣрно по отношенію ко всѣмъ и главнымъ образомъ къ грубымъ натурамъ. Подчиненіе ихъ бы стѣснило, диктатура ихъ выставляетъ на первое мѣсто и грубый инстинктъ пьяницы и фавна проявляется въ нихъ.

Взгляните на Дюкенуа, который походитъ на всегда лаящаго и кусающагося дога, болѣе яростнаго чѣмъ когда-либо, когда онъ сытъ. Командированный въ армию Мозели и проѣзжая черезъ Метцъ, онъ велитъ явиться къ себѣ публичному обвинителю Альтмайеру, а тѣмъ временемъ онъ садится за столъ. Тотъ же ждетъ три съ половиной часа въ передней и когда наконецъ его принимаютъ, онъ слышитъ вопросъ произнесенный громовымъ голосомъ: «Ты кто такой?—Публичный обвинитель.—У тебя видъ епископа, ты былъ священникомъ и монахомъ, ты не можешь быть революціонеромъ. Я пріѣхалъ въ Метцъ съ неограниченными правами. Общественный духъ здѣсь нехорошъ. Я здѣсь все приведу въ порядокъ, не пройдетъ двухъ недѣль, какъ я велю разстрѣлять и въ Метцѣ и въ Нанси чловѣкъ пятьсотъ или шестьсотъ». Тоже самое происходитъ у коменданта, генерала Бессьера. Встрѣтивъ тамъ помощника коменданта, стараго офицера Кледа, онъ ожидываетъ его взглядомъ съ головы до ногъ: «У тебя видъ «мускусника». Откуда ты? Ты должно быть скверный республиканецъ, у тебя такой видъ.—У меня сѣдые волосы, но я добрый республиканецъ, можете узнать объ этомъ у генерала и у всего города». «Убирайся къ чорту, а не то я тебя арестую...» На улицѣ онъ арестуетъ чловѣка, лицо котораго ему не нравится. Когда же мировой судья Жоли удостовѣряетъ ему гражданскую доблесть этого чловѣка, онъ обращается къ Жоли: «Ты тоже аристократъ, я это вижу по твоимъ глазамъ, я никогда не ошибаюсь». И сорвавъ съ него судейскую медаль, онъ отправляетъ его въ тюрьму.

Тѣмъ временемъ возникаетъ пожаръ, скоро прекращенный, въ пекарнѣ провіантской части; офицера, горожане, рабочіе, крестьяне, даже дѣти стали въ цѣпь для передачи воды и Дюкенуа является подбодрять рвеніе своимъ особымъ способомъ. Онъ обрушивается съ кулаками на людей, которыхъ встрѣчаетъ на своемъ пути, на чиновника интенданства, на больного офицера, на двухъ людей, стоящихъ въ цѣпи и на многихъ другихъ. Одному изъ нихъ онъ кричитъ: «Ты «мускусникъ». Другому: «Я вижу по твоимъ глазамъ, что ты аристократъ». Третьему: «Ты негодяй, аристократъ, мерзавецъ». И онъ осыпаетъ его ударами кулака въ животь, четвертаго онъ хватаетъ за шею и бросаетъ на мостовую. Въ довершеніе всего онъ всѣхъ отсылаетъ въ тюрьму. Когда пожаръ потушенъ, одинъ неосторожный, желающій подслужиться, приглашаетъ Дюкенуа, «утереть своей лобъ». — «У тебя живые глаза. Кто ты такой? Отвѣчай.

Я депутатъ». Тотъ отвѣчаетъ съ покорностью: «Нѣтъ никого почтеннѣе депутата». Дюкенуа подноситъ злополучному вуртизану кулакъ къ лицу: «Ты разсуждаешь, отправляйся въ тюрьму». — «Я это тотчасъ и сдѣлалъ», добавляетъ въ своихъ запискахъ покорный гражданинъ. Въ тотъ же вечеръ «принимая во вниманіе, что никто изъ жителей состоятельныхъ не явился на тушеніе пожара, что пришли только санюлоты какъ гарнизона, такъ и коммуны», Дюкенуа «постановляетъ, что богатые жители коммуны Метца будутъ обложены штрафомъ въ 40.000 ливровъ, которые должны быть распредѣлены между бѣдными въ теченіе декады».

Андре Дюлонъ, бывшій сельскій прокуроръ, теперь король Пикардіи и султанъ на одинъ день, иногда держитъ себя добродушно, но обыкновенно онъ очень рѣзокъ и цинично грубъ. Онъ заставляетъ женщинъ заключенныхъ въ тюрьмы и просительницъ танцовать какъ на праздникѣ. «Онъ хотѣлъ, чтобы танцовали во всей Пикардіи, танцовали даже въ тюрьмахъ. Если же не танцовали, то навлекали на себя подозрѣніе. Онъ строго соблюдалъ праздники Разума и всѣ должны были посѣщать храмъ богини, устроенный въ соборѣ. Дамы, горожанки, портнихи и кухарки должны были составлять такъ называемую цѣпь равенства. Однажды утромъ, у него въ пріемной, среди двадцати санюлотовъ ждетъ дама, явившаяся просить за освобожденіе своего мужа. Дюмонъ является въ халатѣ, садится, выслушиваетъ прошеніе и говоритъ: «Садитесь, гражданка». Онъ усаживаетъ ее къ себѣ на колѣни, запускаетъ руку въ ея корсажъ и говоритъ: «Я никогда не думалъ, чтобы груди бывшей маркизы такъ таяли въ рукахъ представителя народа». При громкомъ хохотѣ санюлотовъ, онъ отсылаетъ домой бѣдную женщину, а мужа изъ тюрьмы не выпускаетъ. Вечеромъ онъ можетъ доносить Конвенту, что онъ самъ ведетъ слѣдствія и что онъ самъ разсматриваетъ аристократовъ».

Для того чтобы держаться на этой степени революціоннаго пыла, не мѣшаетъ быть подъ влияніемъ вина и поэтому большинство принимаетъ необходимыя мѣры. Въ Лионѣ «представители, посланные для обезпеченія счастья народа», Альбиттъ и Колло, «требуютъ отъ комиссіи секвестровъ двѣсти бутылокъ лучшаго вина, и кромѣ того 500 бутылокъ краснаго бордоскаго вина перваго сорта для ихъ стола». Въ три мѣсяца за столомъ представителей, опустошающихъ Вандею, осушаютъ 1974 бутылки вина, захваченныя у эмигрантовъ, такъ какъ «разъ ты содѣйствовалъ сохраненію въ цѣлости коммуны, имѣешь право пить въ честь Республики». За этой попойкой председательствуетъ представитель Барботтъ, бывшій подмастерье ювелиръ, затѣмъ участникъ сентябрьскихъ избиеній, всю свою жизнь бывшій гадиной и разбойникомъ, а теперь главнокомандующій, съ нимъ Россиньоль, его адъютанты, Граммонъ, бывшій актеръ и Газаръ, бывшій священникъ, съ ними пируетъ Вашеронъ, добрый республиканецъ, насилующій женщинъ и разстрѣливающий ихъ, когда онѣ отказываются отдаться ему, кромѣ того, нѣсколько блестящихъ барышень, несомнѣнно привезенныхъ изъ Парижа, изъ которыхъ «самая хорошенькая дѣлитъ свои ласки между Россиньолемъ и Барботтомъ», въ то время какъ другія отдаются остальнымъ

Вся банда поселилась въ отелѣ семьи де Фонтенэ, гдѣ она съ самаго же начала разбиваетъ наложенныя печати, конфискуетъ въ свою пользу «мебель, драгоценности, платья, женскія украшенія и даже фарфоръ». А въ Шантоннэ, представитель народа Бурронъ пьетъ съ генераломъ Тюнкомъ, дѣлается «дростнымъ» отъ вина и велитъ арестовать въ своихъ кроватяхъ въ полночь администраторовъ, которыхъ онъ наканунѣ лобызалъ.

Почти всѣ подобно ему становятся буйными отъ вина, и Каррье въ Нантѣ, и Петижанъ въ Тьерѣ, и Дюкенуа въ Аррасѣ, и Кюссе въ Тонвиллѣ и Монестье въ Тардѣ. Въ Тонвиллѣ Кюссе «петь какъ лапоть и отдаеть, въ состояніи опьяненія, приказанія визиря», которыя приводятся въ исполненіе. Въ Тардѣ Монестье «послѣ обильнаго обѣда, сильно разгоряченный отъ вина, съ горячностью отчитываетъ судъ, самъ допрашиваетъ обвиняемаго, бывшего офицера, г. де Лассала, добивается его смертнаго приговора, подписываетъ приговоръ о немедленномъ его гильотинированіи и г. де Лассала гильотинируютъ въ тотъ же вечеръ, въ полночь, при свѣтѣ факеловъ. На слѣдующій день Монестье говоритъ предсѣдателю суда: «Ну, что, вчера вечеромъ мы сильно напугали бѣднаго Лассала!»— Какъ напугали! Да вѣдь онъ казненъ». Монестье былъ крайне удивленъ, онъ больше не помнилъ, что подписалъ приказъ о казни. У другихъ, подъ влияніемъ вина, кромѣ кровожадныхъ инстинктовъ, развертываются отвратительныя инстинкты. Въ Нимѣ Бори въ одеждѣ представителя съ мэромъ Курбисомъ, судьей Жире и дѣвками, пляшетъ фарандолу вокругъ гильотины. Въ Ошѣ одинъ изъ ужаснѣйшихъ тирановъ юга Дартигоейтъ, всегда пьяный, высказываетъ всякаго рода гнусности женщинамъ приходящимъ къ нему за правосудіемъ, онъ заставляетъ подъ угрозой тюремнаго заключенія матерей водить своихъ дочерей въ народное общество, чтобы слушать тамъ гнусныя рѣчи. Однажды вечеромъ въ театрѣ, вѣроятно послѣ оргіи, онъ задѣваетъ всѣхъ женщинъ въ антрактахъ, осыпаетъ ихъ непристойностями и въ концѣ концовъ для демонстраціи, иллюстрирующей его слова, онъ раздѣвается передъ ними до гола. Въ этомъ случаѣ проявляется звѣрь. На землю падаетъ вся одежда сотканная вѣтками и надѣтая на него цивилизаціей, остается только первобытное животное, жестокая и сладострастная горилла, которую считали укрощенной, но которая существуетъ въ человѣкѣ и которую диктатура въ связи съ опьяненіемъ возродила въ болѣе ужасномъ видѣ, чѣмъ въ первые дни первобытной жизни.

VIII.

Если необходимо опьяненіе для пробужденія звѣря, достаточно диктатуры для пробужденія сумасшествія. У большинства новыхъ властителей умственное равновѣсіе нарушено; между тѣмъ, чѣмъ былъ человѣкъ и чѣмъ онъ есть теперь, разница слишкомъ велика. Ибогдѣ мелкій адвокатъ, сельскій врачъ, учитель коллежа, невѣдомый членъ мѣстнаго клуба, вчера еще былъ въ Конвентѣ простымъ вотирующимъ среди семисотъ пятидесяти человѣкъ, а сегодня онъ въ какомъ нибудь департаментѣ вершитель всѣхъ судебъ,

распорядитель пятисотъ тысячъ жизней. Подобно чашкѣ вѣсовъ, на которую падаетъ несоразмѣрный грузъ, его разумъ теряетъ равновѣсіе въ сторону спеси. Нѣкоторые полагаютъ, что ихъ компетенція безгранична, какъ и ихъ полномочія и, явившись наканунѣ въ армію, уже сегодня хотятъ быть главнокомандующими.

«Объявите официально, пишетъ Фабръ въ Комитетъ общественнаго спасенія, что отнынѣ генералы будутъ только подчиненными делегатовъ Конвента». А въ ожиданіи требуемаго они присваиваютъ себѣ фактическое командованіе. «Я не знаю ни генераловъ, ни штатскихъ, говоритъ офицерамъ Гастонъ, бывший мировой судья, что касается министра, такъ это незванный гость, я одинъ здѣсь команду и мнѣ будутъ повиноваться». «Къ чему генералы? добавляетъ его коллега Гитеръ, женщины нашихъ предмѣстевъ не менѣе опытны чѣмъ они. Расчеты, холодныя вычисленія, палатки, лагеря, редуты? Все это пустяки. Вторженія, холодное оружіе, вотъ единственная война, преличествующая отнынѣ французамъ». Они умѣютъ только смѣщать, гильотинировать, приводить въ разстройство, идти впередъ съ закрытыми глазами, швырять человѣческими жизнями, быть причиной пораженія, иногда гибнуть сами. Они все потеряли бы, если бы результаты ихъ неспособности, ихъ дерзости, не смягчались преданностью офицеровъ и энтузіазмомъ солдатъ.

Ту же картину мы видимъ въ Эльзасѣ, гдѣ Лакошь, Бодо, Рюанъ, Субрани, Милю, Сень-Жюсть и Лебасъ, благодаря своей суровости и рѣзкости почти достигаютъ полного разстройства арміи и хвастаются этимъ. Въ главной квартирѣ учреждается революціонный трибуналъ, солдатъ приглашаютъ доносить на своихъ офицеровъ, доносчикамъ обѣщаютъ деньги и соблюденіе тайны, обѣщаютъ не устраивать очной ставки между ними и обвиняемыми. Слѣдствія никакого не ведется, ничего не записывается, даже приговоръ; ведется простой допросъ, который нигдѣ не записывается, обвиняемаго арестуютъ въ восемь часовъ, судятъ въ девять и разстрѣливаютъ въ десять. Естественно, что при такомъ режимѣ никто не хочетъ болѣе командовать, уже передъ пріѣздомъ Сень-Жюста Менье согласился быть только временнымъ главнокомандующимъ. Онъ постоянно требовалъ, чтобы его замѣтили, и такъ какъ его не могли замѣстить, онъ отказывался давать какія либо приказанія. Чтобы найти ему преемника представители должны были обратиться въ какому то капитану кадроваго баталіона, Карленку, достаточно отважному или достаточно ограниченному, чтобы взять вмѣстѣ съ патентомъ на командованіе патентъ на гильотину.

Если такова ихъ самонадѣянность въ военныхъ дѣлахъ, какова должна быть ихъ заносчивость въ дѣлахъ гражданскаго управленія! Съ этой стороны не имѣется никакого вышшняго тормоза, въ видѣ испанской или нѣмецкой арміи, которая могла бы тотчасъ на мѣстѣ доказать ихъ полную тщеславія неспособность и вредъ ихъ вмѣшательства. Каково бы не было социальное орудіе, правосудіе, администрація, кредитъ, торговля, промышленность, земледѣліе, они могутъ привести его въ разстройство и безнаказанно его ломать.

Они такъ и поступаютъ и болѣе того, въ своихъ депешахъ они

радуются наносимому ими ущербу. Въ этомъ то и заключается ихъ миссія, въ противномъ случаѣ ихъ сочли бы за дурныхъ якобинцевъ, они скоро бы возбудили подозрѣніе. Они царствуютъ только при условіи быть разрушителями, въ нихъ извращеніе здраваго смысла является необходимостью и на этой основѣ обязательнаго безумья могутъ произрости всѣ физическія извращенія.

У тѣхъ, кого можно наблюдать вблизи, не только разумъ извращенъ, но и нервная система затронута и началось постоянное возбужденіе и болѣзненное раздраженіе.—Взгляните на Іосифа Лебона, сына сержанта, преподавателя въ школѣ монаховъ, затѣмъ священника, отвергаемаго избранной частью своихъ прихожанъ, и оставшагося почти безъ насты. Два года спустя онъ становится властелиномъ своей провинціи и голова у него идетъ кругомъ. Это и не удивительно, ему всего двадцать восемь лѣтъ, онъ уже затронуть тщесловіемъ, жаждой мести, и теперь подъ громадностью своего величія онъ теряетъ голову. Въ нарядѣ депутата, въ шляпѣ Генрихъ IV, съ трехцвѣтнымъ султаномъ, съ развѣвающимися поясомъ и волочащейся саблею, Лебонъ собираетъ при звонѣ колокола поселянъ въ церковь и тамъ съ высоты кафедръ, съ которой онъ нѣкогда говорилъ проповѣди въ потертой сутанѣ, онъ обращается къ нимъ и выясняетъ свою метаморфозу: «кто бы могъ думать, что я вернусь сюда съ неограниченными полномочіями!» И пусть передъ этимъ накладнымъ величіемъ, все покоряется и молчитъ. Однажды онъ входитъ вечеромъ въ ложу театра; дамы сидящія впереди не встаютъ. Въ ярости онъ выбѣгаетъ, бросается съ обнаженной саблей на публику, такъ что многія женщины падаютъ въ обморокъ. «Вы видите, рычитъ онъ, этихъ мужеснищъ, которыя не багуютъ даже потревожиться ради представителя двадцати пяти миллионъ! Въ прежнее время какому-нибудь князю всѣ дали бы мѣсто, а онъ не желаютъ подвинуться для меня, представителя, который болѣе чѣмъ король!»

Да, но это растерявшійся король, который только спитъ и видитъ заговоры и полагаетъ, что на улицѣ, среди бѣлаго дня, прохожіе всяческимъ образомъ устраиваютъ противъ него заговоры. Онъ встрѣчаетъ на главной улицѣ Арраса молодую дѣвушку съ матерью говорящихъ на фламандскомъ языкѣ. Это ему кажется подозрительнымъ. Онъ спрашиваетъ молодую дѣвушку: «куда ты идешь?»—«А вамъ какое дѣло?»—отвѣчаетъ та, не зная его. Въ тюрьму дочь, мать и отца! На крѣпостномъ валу сидѣла другая молодая дѣвушка въ сопровожденіи своей матери и читала. «Дай книгу», проговорилъ представитель. Мать ее даетъ. Это—*Исторія Клариссы Гарлоу* и молодая дѣвушка протягивая руку, чтобы взять обратно книгу, прибавляетъ, вѣроятно съ улыбкой: «Эта-то ужъ не подозрительная книга». Лебонъ ударомъ кулака въ животъ валитъ ее на землю, велитъ обыскать обѣихъ женщинъ и лично отводить ихъ на гауптвахту. Малѣйшее слово, жестъ, выводятъ его изъ себя; при видѣ движенія, котораго онъ не понимаетъ, онъ подпрыгиваетъ какъ будто подъ вліяніемъ электрическаго тока. Конечно король Арраса и Камбре не далеко отъ бѣлой горячки, съ такими симптомами всякаго частнаго человѣка помѣстили бы въ больницу.

Менѣ тщеславенъ, но болѣе ужасенъ Карье въ Нантѣ. Онъ одержимъ болѣе мрачными мыслями и иногда его припадки превращаются въ галлюцинаціи. «Я видѣлъ, какъ онъ въ ораторскомъ пылу саблей срубалъ свѣчи, воображая, что это головы аристократовъ.» Въ другой разъ за столомъ, заявивъ, что Франція не можетъ кормить свое слишкомъ многочисленное населеніе и что рѣшено уничтожить излишекъ его, дворянъ, магистратовъ, священниковъ, купцовъ и т. д., онъ приходитъ въ ярость, воображая, что онъ уже принялся за дѣло и кричитъ: «Рѣжь! Руби!»—Даже когда онъ еще не пьянъ, онъ не болѣе мягокъ. Когда департаментскіе администраторы являются переговариваться съ нимъ, они сначала открываютъ дверь, чтобы посмотреть, не въ ярости ли онъ и можетъ ли онъ ихъ выслушать. Онъ осыпаетъ ругательствами не только просителей, но и чиновниковъ, входящихъ къ нему по дѣламъ службы. Онъ не только обнажаетъ саблю, но и пользуется ею. Просители, лодочникъ, которыхъ онъ намѣревается ударить, спасаются отъ него бѣгствомъ, генерала Мулена онъ припираетъ къ амбразурѣ окна и ударяетъ его. Всѣ боятся подойти къ нему, а еще болѣе того противорѣчить ему. Приведенный къ нему посланный Комитета общественнаго спасенія, Жюльенъ, старается «стать подальше отъ него, въ углу комнаты» и онъ разумно увертывается отъ перваго удара, еще болѣе разумно отвѣчая на крики Карье единственнымъ убійственнымъ аргументомъ: «Если ты меня сегодня убьешь, ты будешь казненъ черезъ недѣлю.» Когда защищаешься отъ нападенія бѣшеной собаки, надо воткнуть ему шпагу въ пасть, нѣтъ другого средства заставить его успокоиться.

У Карье, какъ у бѣшеной собаки весь мозгъ наполненъ идеей fixe, постоянными зрѣлищами убійства и смерти. Президенту Филиппу-Тронжолу онъ говоритъ по поводу вандейскихъ дѣтей: «Гильотина, всегда гильотина!» По поводу потопленій: «Вамъ судьямъ нужны приговоры, топи ихъ въ водѣ, это гораздо проще». Въ народномъ обществѣ въ Нантѣ онъ говоритъ: «Всѣ богачи, всѣ торговцы, скупщики—контръ-революціонеры, донесите мнѣ на нихъ и я срѣжу имъ головы національной бритвой, донесите мнѣ на фанатиковъ, закрывающихъ свои лавки по воскресеньямъ и я ихъ гильотинирую».—«Когда же скатятся головы этихъ мерзавцевъ—купцовъ?»—«Я вижу здѣсь нищихъ въ лохмотьяхъ; вы въ Ансиносѣ такъ же глупы, какъ и въ Нантѣ. Развѣ вы не знаете, что состоянія, богатства этихъ крупныхъ торговцевъ вамъ принадлежать и развѣ рѣка не подъ руками?»—«Мои славные санкюлоты, наступило время вамъ наслаждаться въ свою очередь, дѣлайте мнѣ доносы, свидѣтельства двухъ добрыхъ санкюлотовъ будетъ довольно, чтобы отрубить головы крупнымъ торговцамъ.» «Мы скорѣе превратимъ Францію въ кладбище, чѣмъ не возродимъ ее. Его сплошной ревъ кончается крикомъ смертной тоски: «Я думаю, что всѣхъ насъ казнять одного за другимъ!» Таково умственное состояніе, въ которому приводитъ миссія депутатовъ, кромѣ Карье, который дошелъ до крайней степени безумія и другіе депутаты блѣднѣютъ передъ ужаснымъ видѣніемъ, являющимся неизбежнымъ результатомъ ихъ

дѣятельности и ихъ мандата. За всѣми этими могилами, которыя они роютъ, они видятъ, уже отверстой могилу предназначенную для нихъ самихъ, и имъ остается только забыться, предавшись удовольствіямъ момента.

IX.

Большинство такъ и дѣласть, инстинктивно, потому что пышность показной стороны увеличиваетъ ихъ авторитетъ. «Сидя въ каретахъ запряженныхъ шестью лошадьми, окруженные охраной, сидя за пышно убранными столами на тридцать приборовъ, обѣдая при звукахъ музыки съ цѣлымъ штатомъ комедіантовъ, куртизанокъ и преторіанцевъ», они запечатлѣваютъ въ воображеніи мысль о своемъ всемогуществѣ и передъ ними преклоняются тѣмъ ниже, чѣмъ болѣе широкой образъ жизни они ведутъ. Въ Труа, въ честь пріѣзда молодого Русселена, стрѣляютъ изъ пушекъ, какъ это дѣлали раньше для вѣзда монарха. Все населеніе Невера должно радоваться рожденію дочери у Фуше; гражданскія и военныя власти являются его поздравлять и національная гвардія находится подъ ружьемъ. Въ Лионѣ «торжественная аудіенція у Коло д'Эрбуа походитъ на аудіенцію у турецкаго султана. Къ нему можно попасть только послѣ трехъ повторныхъ ходатайствъ, цѣлая анфилада апартаментовъ находится передъ его пріемной залой, никто не можетъ подойти къ нему ближе чѣмъ на пятнадцать шаговъ, два стража съ заряженными ружьями стоятъ по обѣ стороны его, не спуская глазъ съ просителей».

Менѣе угрожающа, но не менѣе импозантна обстановка, которую окружаютъ себя представители въ Бордо, къ нимъ тоже можно проникнуть только съ разрѣшенія начальника охраны, севозъ цѣлую цѣпь часовыхъ. Одинъ изъ нихъ, Изабо, смягчился послѣ того, какъ раньше усиленно казнилъ и теперь подобно герцогу Ришелье, бывшему въ Версаль, изопряется въ роли популярнаго монарха. Въ театрѣ, въ его присутствіи, даютъ балетъ, «въ которомъ пастушки составляютъ изъ цвѣточныхъ гирляндъ слова: Изабо, Свобода, Равенство». Онъ способствуетъ распространенію своего портрета и благоволитъ улыбнуться художнику, сдѣлавшему подъ гравюрой, приуроченной къ событіямъ того времени, слѣдующую надпись: «Событіе происшедшее при Изабо, представительъ народа». — «Проходитъ ли онъ по улицѣ, всѣ снимаютъ шляпы, рукоплещутъ, кричатъ: «Да здравствуетъ Изабо, да здравствуетъ спаситель Бордо, нашъ другъ, нашъ отецъ!» Дѣти аристократовъ подходятъ къ его экипажу съ подобными возгласами. У него нѣсколько экипажей, кучеръ, лошади; жандармы всюду предшествуютъ ему, даже въ его прогулкахъ внѣ города, гдѣ новые куртизаны называютъ его «великимъ человѣкомъ» и принимаютъ его съ восточной роскошью. За его столомъ подаютъ изысканныя кушанья, «чудный бѣлый хлѣбъ», пазываемый «хлѣбомъ представителей», тогда какъ крестьяне окрестностей питаются корешками, а жители Бордо имѣютъ ежедневно только четыре унціи затхлаго хлѣба.

Та же роскошь у представителей въ Лионѣ, среди такой же нищеты. Въ счетахъ Коло наряду съ бутылками водки по 4 франка

помѣщены тетерьки, каплуны, индюки, пулярды, раки; прибавьте къ этому бѣлый хлѣбъ. Другой хлѣбъ называемый «хлѣбомъ равенства» противенъ этой высочайшей особѣ. Прибавьте къ этому реквизиціи Альбига и Фуше, одинъ разъ они отбираютъ себѣ 700 бутылокъ тонкаго вина, другой разъ 50 фунтовъ кофе, 160 локтей муселина, три дюжины шелковыхъ платковъ для галстуконъ, три дюжины паръ перчатокъ, 4 дюжины паръ носковъ. Между столькими странствующими сатрапами самымъ наглѣмъ, чувственнымъ, я думаю, является Тальенъ, участникъ сентябрьскихъ измѣненій въ Парижѣ, предающій всѣхъ гильотинѣ въ Бордо, но еще болѣе того распутникъ и грабитель. Онъ сынъ повара знатнаго вельможи и поэтому у него навѣрное есть семейныя традиціи, такъ какъ для него его управленіе является чуланомъ для провизіи, причѣмъ онъ сѣдаетъ все что можетъ съѣсть, а остальное превращаетъ въ деньги. Въ данный моментъ его фаворитка Тереза Кабарюсъ, женщина свѣта или полусвѣта, которую онъ выпустилъ на свободу изъ тюрьмы. Онъ показываетъ ее народу и развѣзжаетъ съ ней въ открытомъ экипажѣ «съ лакеемъ сзади и спереди»; иногда на ней красная шапочка и въ рукахъ она держитъ пикю. И это еще самое лучшее изъ его чувствъ, такъ какъ въ рѣшительный моментъ неминуемая опасность угрожающая его любовницѣ придаетъ ему отваги дѣйствовать противъ Робеспьера и хорошенъкая любовница являющаяся доброй, сострадательной женщиной, требуетъ отъ него не убійствъ, а прощенія и милосердія для всѣхъ.

Другіе, такіе же волокиты какъ онъ, но имѣющіе меньше вкуса, грубо захватываютъ женщинъ для своихъ удовольствій, которыя отдаются имъ изъ почтенія къ ихъ особѣ или за которыхъ платитъ государственная казна. Въ Блуа Гемберто оплачиваетъ подобнаго рода расходы росписками въ полученіи революціоннаго налога. Карье въ Нантѣ заставилъ какого-то собственника себѣ уступить домъ и садъ, въ которомъ онъ устраиваетъ свой сераль; можно предположить, что, когда онъ захочетъ занять мѣсто мужа, тотъ не протестуетъ. Онъ устраиваетъ оргіи со своими друзьями и взятыми по реквизиціи дѣвками, онъ устраиваетъ также празднества на галютѣ, съ котораго бросаютъ внушающихъ подозрѣніе гражданъ въ рѣку. Нѣкоторые изъ представителей, люди предусмотрительные, подумываютъ о своемъ будущемъ и во главѣ ихъ стоитъ Тальенъ, король воровъ, дырявые карманы котораго наполняются только для того, чтобы сейчасъ опорожниться. Жавогъ эксплуатируетъ Монбризонъ, Роверъ за 80.000 франковъ ассигнаціями силою заставляетъ продать себѣ имѣніе, стоющее 500.000 франковъ звонкой монетой. Фуше начинаетъ собирать въ Ньеврѣ тѣ двѣнадцать или четырнадцать милліоновъ, которые были у него впоследствии. Многіе другіе, бѣдные и разорившіеся до Революціи, по окончаніи ея окажутся богачами. Баррасъ, приобрѣтаетъ себѣ помѣстье, Андре Дюмонъ отель съ чудной обстановкой и имѣніе цѣною въ 400.000 ливровъ, Мерленъ загородные дома, экипажи, нѣсколько помѣстievъ. Не говоря уже о штрафахъ и конфискаціяхъ, въ которыхъ они не отдаютъ отчета, всѣ они имѣютъ еще источники, заключающіеся во взяткахъ съ лицъ внушающихъ подозрѣнія и съ ихъ семей. Нѣтъ ничего болѣе удобнаго, тѣмъ болѣе что, хотя Ко-

митеть Общей безопасности и осведомленъ объ этомъ, но смотреть на это севозъ пальцы. «Преслѣдовать монтаньяровъ значило бы повернуть вспять Революцію. Нужно шадить полезныхъ слугъ, трудъ которыхъ тяжелъ, подобно труду сентябрьскихъ работниковъ. Какъ и сентябрьскимъ работникамъ имъ нужно прощать неподобающіе поступки, предоставлять имъ побочные доходы и относиться съ снисходительностью.»

Этого было бы недостаточно, чтобы удержать ихъ на ихъ мѣстахъ, если бы не было болѣе сильной приманки. Для обыкновенныхъ цивилизованныхъ людей работа сентябристовъ сначала тяжела, но затѣмъ, послѣ нѣкоторой практики, въ особенности когда душа ихъ тиранична и когда подъ покровомъ теоріи или подъ предлогомъ общественнаго спасенія она можетъ удовлетворять свои инстинкты власти, отвращеніе ихъ пропадаетъ. Въ пользованіи абсолютной властью чувствуешь необыкновенное наслажденіе: во всякое время пріятно имѣть доказательство того, что ты всемогущъ и самое дѣйствительное доказательство заключается въ возможности разрушать. Чѣмъ болѣе полно, радикально и быстро разрушеніе, тѣмъ большее имѣешь ощущеніе своей силы. Каково бы не было препятствіе, не хочешь ни отступать, ни остановиться, разрушаешь всѣ преграды, называемыя людьми здравымъ смысломъ, человѣчностью, справедливостью и при этомъ чувствуешь удовольствіе. Разрушать и укрощать становится громаднымъ наслажденіемъ, дымомъ жертвоприношенія совершаемаго деспотомъ на своемъ собственномъ алтарѣ; въ этомъ ежедневномъ жертвоприношеніи онъ является въ одно и то же время и божествомъ и жрецомъ и самъ приноситъ себѣ жертвы, для того, чтобы чувствовать сознаніе, что онъ божество.

Таковъ Сень-Жюсть, тѣмъ болѣе деспотъ, что онъ въ одно и то же время и депутатъ въ командировкѣ и членъ Комитета общественнаго спасенія; для того, чтобы найти схожія ему души, нужно выйти изъ современнаго міра, вернуться къ какому-нибудь Калигулѣ, отыскать въ Египтѣ, въ десятомъ вѣкѣ, калифа Гакема. Онъ тоже, подобно этимъ двумъ чудовищамъ, считаетъ себя богомъ или вице-богомъ на землѣ, облеченнымъ властью: благодаря воплощенной въ немъ власти, представителемъ таинственной, неограниченной и высшей силы—народа. Для того, чтобы быть достойнымъ представителемъ этой силы нужно имѣть душу насильника. Душа Сень-Жюста такова и есть: остальные чувства ея служатъ только къ одному этому; различные металлы составляющіе ее, чувствительности, тщеславіе, всѣ пороки, всѣ честолюбивыя мечты, всѣ пылкія страсти и меланхоліи его молодости, амальгамировались въ революціонной формѣ, для того чтобы получить видъ и крѣпость острой стали. Молчаливый, невозмутимый, держа другихъ на такомъ почтительномъ разстояніи, будто въ его лицѣ осуществлялась воля единоплеменнаго народа и величіе его разума, онъ какъ будто ограничилъ свои страсти желаніемъ сокрушать и ужасать.

Можно бы сказать, что подобно татарскимъ завоевателямъ онъ измѣряетъ воображаемое свое величіе съ размѣрами производимыхъ имъ бойней. Никто другой не носилъ столько состояній, столько свободъ и жизней, никто другой не усиливалъ болѣе ужасающее

дѣйствіе своихъ дѣйствій лаконизмомъ своей рѣчи и внезапностью своихъ ударовъ. Онъ, напримѣръ, отдаетъ приказъ арестовать въ двадцать четыре часа и заключить въ одиночныя камеры всѣхъ бывшихъ дворянъ, мужчинъ и женщинъ, четырехъ департаментовъ, буржуазіи Страсбурга внести девять миллионовъ въ двадцать четыре часа, въ двѣнадцать часовъ онъ обязываетъ десять тысячъ чело- вѣкъ доставить сапоги для нуждъ войска, онъ разстрѣливаетъ безъ всякаго разбора офицеровъ Рейнской арміи. Тѣмъ хуже для невин- ныхъ, тутъ некогда разбирать: «слѣпой, который ищетъ булаву въ кучѣ мусора, хватается эту кучу». И каково бы не было пригазаніе, будь оно даже невыполнимо, тѣмъ хуже для получившаго его. Одному артиллерійскому капитану онъ поручилъ устроить въ извѣст- ному сроку батарею. Тотъ работалъ всю ночь изо всѣхъ силъ, <ушотребивъ въ дѣло столько людей, сколько могло помѣститься на данномъ прострѣивѣ>. Когда же батарея не была готова въ услов- ленному часу, Сентъ-Жюсть послалъ капитана на гильотину.

Тѣ же самыя аппетиты у бывшаго актера Колло д'Эрбуа, кото- рый уже не на сценѣ, а въ жизни разыгрываетъ роль тирана мелодрамы. Однажды утромъ въ Лионѣ онъ предписываетъ револю- ціонному трибуналу арестовать, допросить и судить до захода солнца одного подозрительнаго юношу. «Около шести часовъ вечера, когда Колло сидѣлъ за столомъ съ дѣвками, комедіантами и палачами, входитъ одинъ изъ судей, послѣ обычныхъ формальностей его вво- дятъ къ депутату. Онъ объявляетъ, что послѣ допроса юноши и строжайшаго разслѣдованія выяснилось, что его ни въ чемъ нельзя упрекнуть и что судъ предполагаетъ выпустить его на свободу. Колло, не смотря на судью, возвышая голосъ говоритъ ему: «Я вамъ приказалъ наказать этого челоуѣка, я хочу, чтобы онъ погибъ до захода солнца. Если щадить невинныхъ, ускользнетъ слишкомъ много виновныхъ. Ступайте!»—Оргія продолжалась и черезъ часъ юноша былъ разстрѣлянъ». Точно также поступали и другіе пани въ своихъ пашалыкахъ. Возражать представителю нельзя! Онъ не можетъ ошибаться! Уже одно это есть оскорбленіе: представители народа обязаны передъ самими собой наказывать непокорныхъ, арестовывать выпущенныхъ изъ тюрьмы виновныхъ и поддерживать свои жестокости жестокостями.

Привыкнувъ къ виду челоуѣческой крови они уже начинаютъ чувствовать удовольствіе. Лекино, Лейнвело и Лебонъ сажаютъ за свой столъ палача. Монестье «со своими головорѣзами самъ отпра- вляется за обвиняемыми въ тюрьмы, приводитъ ихъ въ судъ, осы- паетъ ихъ ругательствами, если они хотятъ защищаться и заста- вивъ ихъ осудить на смерть, самъ присутствуетъ въ парадной формѣ при ихъ казни». Фуше, стоя у окошка, смотритъ въ лорнетъ на избіеніе двухсотъ десяти лшонцевъ. Колло, Лапоргъ и Фуше устраиваютъ празднества въ дни разстрѣловъ и при звукѣ выстрѣ- ловъ встаютъ съ криками радости и машутъ шляпами. На площади Арраса, г. де-Вильфотъ, уже связанный и положенный на доску гильотины ожидалъ смерти. Лебонъ появляется на балконѣ, дѣлаетъ знакъ палачу пріостановить казнь, развертываетъ газету, громко читаетъ и комментируетъ въ теченіе десяти минутъ недавніе успѣхи

французской армии и затѣмъ обращаясь къ осужденному, говоритъ: «Присоединись, злодѣй, къ подобнымъ тебѣ и объяви имъ о нашихъ побѣдахъ».

Очевидно ремесло мясника начало имъ нравиться; какъ ихъ сентябрьскіе предшественники, они опыняются своими убійствами; вокругъ нихъ весело говорятъ о «красномъ театрѣ, о національной битвѣ», у нихъ самихъ стиль и шутка ихъ ремесла. «Завтра въ семь часовъ, пишетъ Гюгъ, возведите святую гильотину». «Г.г. родственники и друзья эмигрантовъ и непокорныхъ священниковъ, пишетъ Лебонъ, прямо заповоложили гильотину». Каррье громко заявляетъ, что онъ никогда такъ не смѣялся, какъ при видѣ священниковъ, дѣлавшихъ предсмертную гримасу на гильотинѣ. «Это высшее извращеніе человѣческой природы, это извращеніе Домиціана, который по лицу осужденныхъ слѣдитъ за ихъ мученіями, негра, который раздражается хохотомъ и держитъ себя за бока при видѣ человѣка, посаженнаго на колъ».

И Каррье на дѣтяхъ доставляетъ себѣ удовольствіе слѣдить за мученіями кровавой смерти. Несмотря на замѣчаніе революціоннаго трибунала и настояніе президента Филиппа-Тронжоли, онъ 29 фримера II года подписываетъ приказъ гильотинировать безъ суда двадцать семь лицъ, изъ нихъ семь женщинъ, между прочимъ четыре сестры, барышни де ла Метери, одну двадцати восьми, другую двадцати семи, третью двадцати шести и послѣднюю семнадцати лѣтъ. Два дня передъ тѣмъ, несмотря на протесты того же трибунала, онъ подписалъ приказъ гильотинировать двадцать четыре ремесленника и крестьянина, среди которыхъ было два мальчика четырнадцати лѣтъ и два—тринадцати лѣтъ; онъ пріѣхалъ на извозницѣ на мѣсто казни и внимательно слѣдилъ за всѣми ея перепетіями. Онъ слышалъ какъ одинъ изъ тринадцатилѣтнихъ мальчиковъ, лежа уже связанный на доскѣ, но будучи слишкомъ малъ, такъ что ножъ гильотины приходился не на горло, а на макушку головы, спросилъ палача: «Ты мнѣ сдѣлаешь очень больно?» Понятно, на что упалъ ножъ гильотины. Каррье видѣлъ это своими глазами и тогда какъ палачъ, питая ужасъ къ самому себѣ, кончаетъ черезъ нѣкоторое время жизнь самоубійствомъ, Каррье, поставивъ къ гильотинѣ новаго палача, продолжаетъ начатое дѣло.

ГЛАВА III.

I. Административный персоналъ въ Парижѣ. — Составъ группы, изъ которой онъ набирается. — Упадокъ этой группы. — Филтрація ея въ собраніяхъ секцій. — Филтрація въ народныхъ собраніяхъ. — Давленіе правительства. — II. Подчиненные вожаки. — Какъ они царствуютъ въ секціонныхъ собраніяхъ. — Какъ они завладѣваютъ мѣстами и не исполняютъ должности. — III. Министръ иностранныхъ дѣлъ. — Главнокомандующій. — Парижская коммуна. — Революціонный комитетъ. — IV. Административный персоналъ въ провинціи. — Якобинство въ департаментскихъ городахъ имѣетъ меньше силы чѣмъ въ Парижѣ, а въ деревнѣ меньше чѣмъ въ городахъ. — Въ маленькихъ коммунахъ нѣтъ революціонныхъ комитетовъ. — Власть муниципалитетовъ въ деревняхъ. — Якобинцы слишкомъ малочисленны въ поселеніяхъ и маленькихъ городахъ. — Недостаточность набираемаго на мѣстахъ персонала. — V. Парижскіе якобинцы посылаются въ провинцію. — Якобинцы экзальгире-

ванныхъ городовъ являются въ умѣренные города.—Якобинцы главнаго города округа распространяются по всему округу.—Крайне незначительное количество истинно якобинскихъ агентовъ.—VI. Значеніе образовавшагося такимъ образомъ персонала.—Соціальное положеніе агентовъ.—Ихъ безтолковость и непорядочное поведеніе.—Администраторы въ Марнѣ и Обѣ.—Пьянство и кутежи.—Комитеты и муниципалитеты въ Котъ-д'Орѣ.—Расхищенія и растраты общественныхъ денегъ.—Взятчики въ Бордо.—Покупатели національной собственности.—Продажи движимыхъ имуществъ.—Подлоги и мошенничества.—Продажа недвижимыхъ имуществъ.—Коммиссары въ Тулузѣ.—Административный персоналъ и общества покупателей въ Провенсѣ.—Революціонный комитетъ въ Нантѣ.—VII. Вооруженная сила, національная гвардія и жандармерія.—Ея составъ.—Революціонныя арміи въ Парижѣ и въ департаментахъ.—Рекруты.—Ихъ обязанность.—Ихъ экспедиціи въ села и города.—Ихъ подвиги въ окрестностяхъ Парижа и Ліона.—Рота Маратовъ, американскіе гусары и германскій легионъ въ Нантѣ.—Общій характеръ революціоннаго правительства и персонала террора.

I.

Для того чтобы доставить мѣстнымъ повелителямъ помощниковъ и подчиненныхъ, въ которыхъ они нуждаются, приходится ихъ выбирать изъ якобинскаго населенія. Выше было уже сказано изъ кого оно состоитъ, изъ людей всякаго рода и положенія, опустившихся, потерявшихъ голову и развращенныхъ, въ особенности самаго низкаго положенія, завистливыхъ и полныхъ ненависти подчиненныхъ, мелкихъ задолжавшихся лавочниковъ, рабочихъ, кутиль и бродягъ, обычныхъ носѣтителей кафе и кабацковъ, уличныхъ и дорожныхъ бродягъ, панельныхъ женщинъ, однимъ словомъ изъ антисоціальнаго отребья. Въ этомъ сборищѣ имѣлось нѣсколько фаватиковъ убѣжденныхъ, въ надтреснутомъ мозгу которыхъ открылся доступъ для модной теоріи. Остальные, въ гораздо большемъ количествѣ, являются настоящими хищными звѣрями, эксплуатирующими установившійся режимъ и исповѣдующими революціонную вѣру только потому, что она даетъ возможность удовлетворить ихъ хищныя стремленія.

Въ Парижѣ ихъ пять или шесть тысячъ и послѣ Термидора ихъ почти столько же. Всѣхъ ихъ соединяють одни и тѣ же аппетиты вкругъ одного и того же догмата. Они разрушители и террористы, «одни потому, что они находятся въ нищетѣ, другіе потому, что они отыкали отъ работы, которой они занимались». Они чувствуютъ ярость «противъ богачей и обладателей предметовъ первой необходимости», многіе изъ нихъ пачкались въ революціи и готовы снова приняться за это дѣло, только бы пришлось убивать негодяевъ-богачей, скупщиковъ и торговцевъ. Всѣ они «посѣщаютъ народныя общества и считаютъ себя философами, хотя большинство изъ нихъ не умѣетъ читать. Во главѣ ихъ стоитъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ политическихъ бандитовъ, пресловутый почтмейстеръ Друэ, самъ себя объявившій съ трибуны Конвента «разбойникомъ», Жавогъ, Монбризонскій воръ и «Неронъ Эна», пьяница Кюссе, бывший раньше рабочимъ на шелковой фабрикѣ, а впоследствии Тюнвильскимъ пашей, Бертранъ, другъ Шалье, бывший мэръ и палачъ Ліона, Дарте, бывший секретарь Лебона и палачъ Арраса, Россиньоль и девять дру-

гихъ сентябристовъ Аббатства и Кармелитскаго монастыря и, наконецъ, великій апостолъ коммунизма, Бабефъ. Этотъ послѣдній, приговоренный къ двадцатилѣтнему тюремному заключенію за двойной подлогъ официальныхъ бумагъ, столь же бѣдный, сколько и испорченный, шатается по парижскимъ улицамъ съ своими обманутыми надеждами и пустыми карманами, въ компаніи падшихъ негодяевъ, которые, въ случаѣ если имъ не удастся выплыть на поверхность благодаря какой-нибудь новой бойнѣ, принуждены будутъ безконечно бродить по улицамъ въ своихъ стоптанныхъ сапогахъ, за неимѣніемъ денегъ «чтобы купить у башмачника пару сапогъ», или для того чтобы купить утромъ водки, будутъ продавать свой послѣдній источникъ—какую-нибудь табакерку.

Въ такомъ состояніи правящая чернь является во всей своей рѣзкой опредѣленности. Отдѣленная отъ своихъ приверженцевъ по принужденію и административныхъ автоматовъ, такъ же служащихъ ей, какъ они бы служили всякой другой власти, она является въ чистомъ своемъ видѣ, безъ постороннихъ примѣсей, въ ней существуетъ постоянный осадокъ, плотная и глубокая грязь социальной сточной канавы. Въ этихъ-то подонкахъ невѣжества и разврата революціонное правительство набираетъ свой персоналъ.

Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя его найти, такъ какъ ежедневная работа, налагаемая на него и которую онъ долженъ производить собственными руками, заключается въ воровствѣ и убійствѣ; за исключеніемъ чистыхъ фанатиковъ, которые очень бѣдны, одни только звѣри и негодяи имѣютъ способности и наклонности къ этому занятію. Въ Парижѣ и въ провинціи ихъ будутъ набирать вездѣ, гдѣ ихъ только можно найти, въ посѣщаемыхъ ими обычно мѣстахъ, въ клубахъ или народныхъ обществахъ, которыхъ въ Парижѣ въ каждой секціи имѣется по крайней мѣрѣ по одному. Ихъ всѣхъ сорокъ восемь, они объединены вокругъ центрального клуба улицы Сентъ-Онорэ. Это сорокъ восемь лигъ состоящихъ изъ профессиональных мятежниковъ и грабителей, изъ босяговъ и отбросовъ социальной арміи, изъ всѣхъ индивидуумовъ, мужчинъ и женщинъ, неспособныхъ къ степенному образу жизни и къ полезному труду, въ особенности изъ тѣхъ, которые 31 мая и 2 іюня помогли Коммунѣ и Горѣ произвести насиліе надъ Конвентомъ. «Они сознаютъ, что каждый изъ нихъ въ случаѣ контръ-революціи будетъ повѣшенъ и считаютъ несомнѣнной истиной, что если они пощадятъ хоть одного аристократа, они всѣ пойдутъ на эшафотъ». Конечно они держатся на-сторожѣ и сплачиваются между собой. Въ ихъ кружкѣ все дѣлается изъ кумовства и для того, чтобы войти туда, надо дать доказательство своего участія въ событіяхъ 10 августа и 31 мая.

И такъ какъ вслѣдъ за своими побѣдоносными вожаками они проникли въ Коммуну и въ революціонные комитеты, они могутъ посредствомъ свидѣтельствъ, которыя они выдаютъ по своему произволу, исключить не только изъ политической, но и изъ гражданской жизни всѣхъ не принадлежащихъ къ ихъ шайкѣ людей. «Посмотри-ка, пишетъ одинъ корреспондентъ Дантону, посмотри это именно легко получаетъ эти свидѣтельства: Ронсены, Журданы, Майльеры, Венсеы, банкроты, содержатели притоновъ, головорѣзы.

Спроси у всѣхъ этихъ лицъ заплатили ли они патриотическую контрибуцію, платятъ ли они регулярно обычные налоги, дѣлаютъ ли они пожертвованія въ своей секціи въ пользу бѣдныхъ, въ пользу солдатъ-добровольцевъ, и ты увидишь, что нѣтъ. Коммуна выдаетъ свидѣтельства о гражданской благонадежности своимъ сателлитамъ и отказывается въ выдачѣ ихъ лучшимъ гражданамъ». Существуетъ явная монополія, этого и не скрываютъ; шесть недѣль спустя она становится официальной. «Нѣсколько секцій постановляютъ, что онѣ не будутъ выдавать свидѣтельства въ гражданской благонадежности гражданамъ, не входящимъ въ составъ какого-нибудь народнаго общества».

Изъ мѣсяца въ мѣсяць непреклонная суровость исключеній все увеличивается. Признаютъ не дѣйствительными прежнія свидѣтельства, обязываютъ брать новыя, усложняютъ дѣло новыми формальностями, требуютъ большаго числа поручителей, вовсе не признаютъ нѣсколько категорій поручителей, отказываютъ кандидату по самому пустяшному подозрѣнію; онъ долженъ быть счастливъ, если донесутъ его существованіе въ республикѣ какъ пассивнаго субъекта, если доведутся тѣмъ, что облагаютъ его вполне произвольно штрафомъ или оскорбляютъ его, если его не бросаютъ въ тюрьмы, гдѣ сидятъ внушающіе подозрѣніе люди. Кто не принадлежитъ къ шайкѣ, не является активнымъ гражданиномъ.

Среди нихъ и въ ихъ народныхъ обществахъ царятъ еще худшія обстоятельства, такъ какъ «изъ за стремленія получить мѣсто они другъ на друга доносятъ». Поэтому въ якобинскомъ клубѣ на улицѣ Сентъ-Онорэ и въ отдѣленіяхъ его они безпрестанно фильтруютъ свой составъ, такъ что въ концѣ концовъ исключаютъ всѣхъ честныхъ и порядочныхъ людей и послѣ каждой сортировки остается все болѣе и болѣе гнусное меньшинство. Одинъ членъ клуба объявляетъ, что въ его клубѣ уже исключили восемьдесятъ подозрительныхъ членовъ, другой заявляетъ, что въ его клубѣ исключаютъ сто человѣкъ.

23 вентоза въ Обществѣ Добраго Совѣта большинство кандидатовъ, желавшихъ записаться въ члены, не принято: «Такъ строго относятся, что человѣка не проявившаго свою энергію въ критическое время не принимаютъ въ общество, изъ за пустяка его отвергаютъ. 13 вентоза въ томъ же обществѣ изъ 26 баллотировавшихся принимаютъ только 7. Одного гражданина, шестидесятивосьмилѣтняго табачнаго торговца, всегда исполнявшаго свои гражданскія обязанности, не принимаютъ за то, что онъ назвалъ предсѣдателя Monsieur и говорилъ на трибунѣ съ непокрытой головой. Два члена заявили послѣ этого, что онъ навѣрное умѣренный и этого оказалось достаточно, чтобы онъ былъ исключенъ». Принимаются въ клубы самые завѣдомые негодяи, самые безпокойные, самые жестокіе, и клубы, искалѣченные самими же собой, являются пристанищемъ шарлатановъ и бездѣльниковъ.

Прибавьте къ этой добровольной фильтраціи, которой они себя приносятъ вредъ, постоянное давленіе, которымъ Комитетъ общественнаго спасенія запугиваетъ и унижаетъ ихъ. Чѣмъ болѣе концентрируется революціонное правительство, тѣмъ раболѣпнѣе и

кровожаднѣ должны быть агенты, которыми оно пользуется. Оно разить направо и налево, для того чтобы этимъ предупредить ихъ, оно заключаетъ въ тюрьму или рубить головы въ своей собственной средѣ сначала безпокойнымъ, затѣмъ демагогамъ, желающимъ играть главную роль, смѣльчакамъ, собирающимся устроить новый переворотъ путемъ уличнаго возстанія, Жаеу Ру, Венсену, Геберу, Моморо, вожакамъ Клуба Кордельеровъ и Коммуны, затѣмъ болѣе снисходительнымъ людямъ, вродѣ Камилла Демулена, Дантона и ихъ приверженцевъ, стремящимся внести умѣренность въ терроръ, наконецъ многимъ другимъ, болѣе или менѣе внушающимъ подозрѣніе, недисциплинированнымъ, скомпрометированнымъ или компрометирующимъ, уставшимъ или эксцентричнымъ, начиная отъ Майльяра и кончая Шометтомъ, начиная Антонеллемъ и кончая Шабо, начиная Вестерманомъ и кончая Клоотцомъ.

Каждый изъ попавшихъ въ опалу имѣлъ свою клику и эта клика принуждена внезапно измѣнить свои убѣжденія. Тѣ, которые были способны на инициативу, ступшеваются, тѣ, которые способны были чувствовать состраданіе, ожесточаются. Отнынѣ подчиненные якобинцы совершенно лишены всякихъ зачатковъ независимости, челоуѣчности, благородства, которыхъ трудно лишить челоуѣка, какъ бы недостоемъ и жестокъ онъ не былъ, и революціонный персоналъ и безъ того уже низко павшій, становится достойнымъ дѣла, которое ему поручаютъ. Сообщники Гебера, слушатели Шометта, пріятели Вестермана, коллеги Антонелля, постоянные читатели Камилла Демулена, поклонники и сторонники Дантона, должны публично отрекаться отъ своего брошеннаго въ тюрьму друга или вожака, одобрять декретъ, посылающій ихъ на эшафотъ, рукоплескать ихъ клеветникамъ; показывать противъ нихъ во время процесса. Какой-нибудь судья или присяжный засѣдатель, сторонникъ Дантона, обязанъ подавить свои чувства и зная, что онъ невиненъ, признать его виновнымъ, другой, обѣдавшій двадцать разъ съ Камилломъ Демуленомъ, долженъ не только его гильотинировать, но кромѣ того гильотинировать его молодую вдову.

И въ революціонныхъ комитетахъ, въ Коммунѣ, въ канцеляріяхъ комитета общей безопасности, въ канцеляріи центральной полиціи, въ главномъ штабѣ арміи, въ революціонномъ трибуналѣ, обязанности, которыя принуждены выполнять якобинцы, становятся съ каждымъ днемъ все тяжелѣе и отвратительнѣе. Онѣ заключаются въ томъ, чтобы доносить на сосѣдей, арестовывать коллегъ, захватывать въ постели людей завѣдомо честныхъ, выбирать изъ тюремъ ежедневно тридцать, пятьдесятъ, шестьдесятъ несчастныхъ, являющихся ежедневной пищей гильотины, судить ихъ и осуждать цѣлыми массами, лично сопровождать на гильотину восьмидесятилѣтнихъ старухъ и шестнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ, видѣть какъ падаютъ подъ ножомъ головы и раскачиваются тѣла, задумываться надъ средствами убрать слишкомъ многочисленные трупы и уничтожать слишкомъ явные слѣды крови. Каковы должны быть люди, которые могутъ выполнять ежедневно подобныя обязанности, имѣя въ перспективѣ выполнять ихъ такимъ образомъ до безконечности?

Самъ Фуке-Тенвилль не выдерживаетъ этого. Однажды вечеромъ,

по дорогѣ въ комитетъ общественнаго спасенія «онъ чувствуетъ себя дурно» и говоритъ: «Мнѣ кажется, что насъ преслѣдуютъ тѣни убитыхъ и главнымъ образомъ тѣни патріотовъ, казенныхъ мною». А въ другой разъ онъ говоритъ: «Я бы лучше хотѣлъ воздѣлывать землю, чѣмъ быть публичнымъ обвинителемъ. Если бы я могъ, я подалъ бы въ отставку».

По мѣрѣ того какъ режимъ становится суровѣе, правительство, для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи подходящія орудія, принуждено опускаться все ниже; оно находитъ подходящихъ людей только на послѣдней ступени, въ жерминалѣ для обновленія Коммуны, въ флореалѣ для починки министерствъ, въ преріалѣ для пересоставленія революціоннаго трибунала, изъ мѣсяца въ мѣсяць для фильтраціи и пересоставленія комитетовъ кварталовъ. Тщетно Робеспьеръ, сидя надъ составленіемъ своихъ секретныхъ списковъ, ищетъ людей, способныхъ поддержать систему; онъ все время перебираетъ одни и тѣ же имена, имена людей неизвѣстныхъ, необразованныхъ, сотни злодѣевъ или глупцовъ, среди нихъ четырехъ или пяти второстепенныхъ деспотовъ и фанатиковъ, столь же зловредныхъ и ограниченныхъ, какъ и онъ.

II.

Таковы подчиненные повелители, которые въ Парижѣ въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ распоряжаются по своему усмотрѣнію состояніемъ, свободой и жизнью гражданъ. На секціонныхъ собраніяхъ, благодаря которымъ поддерживается призракъ народнаго верховенства, они царятъ деспотически и бесспорно.

«Двѣнадцать или пятнадцать человекъ въ красныхъ колпакахъ присваиваютъ себѣ исключительное право все говорить и все дѣлать и если какой-нибудь другой гражданинъ, намѣренія котораго чисты, захочетъ предложить мѣры, которыя онъ считаетъ полезными и которыя таковыми и являются на самомъ дѣлѣ, на его предложеніе не обращаютъ никакого вниманія, а если и обращаютъ вниманіе, то только для того, чтобы всѣ участники собранія видѣли какое малое значеніе имъ придаютъ. Ихъ отвергаютъ только изъ за того, что онѣ вносятся не однимъ изъ гражданъ въ красномъ колпакѣ или однимъ изъ тѣхъ, которые подобно имъ посвящены въ тайны секціи».

«Иногда, говоритъ одинъ изъ этихъ вожаковъ, насъ на общемъ собраніи секціи оказывается всего десять членовъ, но насъ вполне достаточно, чтобы навести трепетъ на остальныхъ. Когда какой-нибудь гражданинъ секціи вноситъ предложеніе, которое намъ не нравится, мы всѣ встаемъ и кричимъ, что это интриганъ, человекъ подписавшій прежнія конституціонныя петиціи. Такимъ образомъ мы заставляемъ молчать тѣхъ, которые противоположнаго съ нами мнѣнія».

Это тѣмъ болѣе легко сдѣлать, что съ сентября 1793 года большинство, составленное изъ вьючныхъ животныхъ, ведетъ себя какъ по уязкѣ. «Когда дѣло идетъ о чемъ-нибудь, касающемся частныхъ интересовъ, предложеніе всегда вносится однимъ изъ членовъ рево-

люціоннаго комитета секціи или однимъ изъ патріотовъ-фанатиковъ, идущихъ за-одно съ комитетомъ и обыкновенно служащихъ ему шпионами. Тотчасъ же невѣжественные люди, которымъ благодаря Дантону уплачивается по 40 су за посѣщеніе каждаго собранія и которыхъ съ тѣхъ поръ на засѣданіяхъ бываютъ дѣлая толпы, принимаютъ предложеніе бурными аплодисментами, крича: «Голосовать!» и предложеніе принимается единогласно, хотя образованные и благонамѣренные граждане держатся на этотъ счетъ совершенно другого взгляда. Если-бы кто-либо осмѣлился протестовать, ему угрожала бы опасность быть брошеннымъ въ тюрьму въ качествѣ подозрительнаго лица, послѣ того какъ съ нимъ обращались бы какъ съ аристократомъ, умѣреннымъ, федералистомъ или по крайней мѣрѣ ему отказали бы въ выдачѣ свидѣтельства о благонадежности, если бы онъ къ несчастью имѣлъ въ немъ надобность, для того чтобы занимать мѣсто на государственной службѣ или получать пенсію».

Въ секціи Мезонъ-Коммюнь большинство членовъ были каменщики. «Это великолѣпные патріоты, говоритъ одинъ изъ клубистовъ квартала, они всегда вотируютъ за насъ, ихъ заставляютъ дѣлать, что угодно». Такимъ образомъ зарабатываютъ свои сорокъ су значительное число чернорабочихъ, кучеровъ, возчиковъ и всякаго рода рабочихъ и вовсе не полагаютъ, что отъ нихъ могутъ требовать чего-либо другаго. Придя въ началу засѣданія, они даютъ записать свои фамилии, а затѣмъ уходятъ «распить бутылочку», не считая себя обязанными выслушивать болтовню ораторовъ; къ концу засѣданія они возвращаются, производятъ руками, ногами, голосомъ весь шумъ, который отъ нихъ требуютъ и затѣмъ берутъ обратно свои карточки и получаютъ плату.

Съ клакерами подобнаго рода быстро одерживаешь верхъ надъ опонентами или вѣрнѣе, всякая оппозиція подавлена заранѣе. «Лучшіе граждане молчатъ» въ секціонныхъ собраніяхъ, «или воздерживаются отъ посѣщеній»; собранія эти какіе-то вертены, въ которыхъ «каждое мгновеніе выносятся самыя нелѣпыя, самыя несправедливыя, самыя не политическія постановленія. Кромѣ того раззоряютъ гражданъ неограниченными секціонными расходами, превышающими очень значительные обыкновенные налоги и коммунальные расходы. То какому-нибудь столяру или слесарю, члену революціоннаго комитета является мысль построить залу, увеличить ее или украсить и всѣ должны раздѣлять его желанія. То постановляютъ напечатать въ трехъ, четырехъ, пяти или шести тысячахъ экземпляровъ плохую, полную преувеличеній и политическихъ безтактности рѣчь. Затѣмъ, въ довершеніе всего и по примѣру Коммуны отчеты въ расходованіи денегъ никогда не даются, а если и даются для формы, то запрещается дѣлать по этому поводу замѣчанія подъ угрозой попасть подъ подозрѣніе». Двѣнадцати вожакамъ нужно только сговориться, для того чтобы раздѣлить между собой всѣ барыши. Каждому дается по его аппетиту; отнынѣ жадность и тщеславіе поглощаютъ общественный пирогъ подъ видомъ принесенія пользы общественному дѣлу.

А поживиться есть чѣмъ и сверху ихъ къ этому призываютъ.

«Мнѣ очень пріятно, говорить Генрію въ одномъ изъ своихъ приказовъ, увѣдомить моихъ собратій по оружію, что всё мѣста находится въ распоряженіи правительства. Настоящее правительство, являющееся правительствомъ революціоннымъ и имѣющее самыя чистыя намѣренія, желающее всѣмъ только добра, ищетъ добродѣтельныхъ людей, бѣдняковъ и санкюлотовъ вездѣ, не исключая и чердаковъ». И есть чѣмъ ихъ удовлетворить. Въ одной столицѣ имѣется 35,000 общественныхъ должностей. Уже до мая 1793 года «общество яacobинцевъ хвасталось тѣмъ, что дало мѣста въ администраціи девяти тысячамъ своихъ агентовъ», а начиная со 2 іюня «добродѣтельные люди, бѣдняки и санкюлоты» толпами выходятъ «изъ своихъ чердаковъ», изъ своихъ конуръ, изъ своихъ меблированныхъ комнатъ, чтобы захватить свою долю.

Не говоря уже о прежнихъ канцеляріяхъ министерствъ военного, морского, общественныхъ работъ и иностранныхъ дѣлъ, на которыя они идутъ приступомъ, въ которыхъ они водворяются сотнями и притомъ властно, откуда они постоянно доносятъ на оставшихся способныхъ чиновниковъ и стараются добиться освобожденія какъ можно большаго числа мѣстъ, для того чтобы заполнить ихъ своими людьми, существуетъ еще двадцать новыхъ учрежденій, должности въ которыхъ онѣ предоставляютъ исключительно себѣ. Это должности комиссаровъ національнаго имущества первой конфискаціи, комиссаровъ національнаго имущества, полученнаго отъ эмигрантовъ и приговоренныхъ къ смерти, комиссаровъ-ревизиторовъ господскихъ упряжныхъ и верховыхъ лошадей, комиссаровъ, завѣдующихъ одеждою, комиссаровъ, наблюдающихъ за фабрикаціей селитры, гражданскихъ комиссаровъ въ каждой изъ сорока восьми секцій, комиссаровъ для пропаганды въ департаментахъ, комиссаровъ въ интендантствѣ. Въ одномъ только интендантскомъ вѣдомствѣ въ Парижѣ насчитывается 1,500 мѣстъ и притомъ все платныхъ.

Для черни имѣется двѣсти низшихъ мѣстъ по 20 су въ день, для крикуновъ, обязанныхъ направлять общественное мнѣніе въ группахъ Пале-Рояля и Тюльери, такъ же какъ и на трибунахъ Конвента и Городской ратуши двѣсти другихъ мѣстъ съ платой по 400 франковъ въ годъ для лакеевъ въ кафе, гостинницахъ, вертепахъ, обязанныхъ наблюдать за иностранцами и гостями, сотни мѣстъ съ платой по два, три, пять франковъ въ день, кромѣ готоваго стола, для хранителей опечатаннаго имущества или для лицъ, которымъ поручено слѣдить за лицами подозрительными; имѣются тысячи мѣстъ платныхъ, привилегированныхъ, для разбойниковъ, которые подъ начальствомъ Гонсена составляютъ революціонную армію, для канонировъ, наемной стражи и жандармовъ Генрію.

Но главныя мѣста это тѣ, которыя предоставляютъ въ полное распоряженіе лицъ, ихъ занимающихъ, свободу и жизнь гражданъ, такъ какъ благодаря этой болѣе обширной чѣмъ у короля власти имѣешь въ своихъ рукахъ все остальное, а такова именно власть людей, входящихъ въ составъ сорока восьми революціонныхъ комитетовъ, комитета общественной безопасности, Коммуны и главнаго штаба арміи. Они-то являются дѣйствующими пружинами террора,

они всё якобинцы, благонадежность которых проверена несколько раз, всё они рекомендованы центральным обществом, которое присвоило себя монополию патриотизма и образуя высший совет партии, выдает свидетельства правоты только своим сообщникамъ.

Они тотчас же приняли надменный тонъ диктатуры; «человѣкъ не имѣвшій вчера мѣста и бывшій любезнымъ и честнымъ, сегодня сталъ надменнымъ и дерзкимъ, потому что сограждане его обманутые его внѣшностью, назначили его комиссаромъ или дали ему какое-нибудь мѣсто». Отнынѣ у него манеры аги среди невѣрныхъ и когда онъ ожидаетъ приказанія, то дѣлаетъ это безъ всякихъ церемоній. Такъ 20 вандеміера II года ночью комитетъ секціи Пикъ вызываетъ архитектора Белланже. Ему объявляютъ, что нуждаются въ его домѣ, чтобы тотчас же сдѣлать изъ него вторую Бастилю. «Но, говоритъ онъ, въ немъ есть нѣсколько жильцовъ, онъ украшенъ образцами искусства, онъ не подходитъ къ этой цѣли». Отдавай домъ или пойдешь въ тюрьму.—«Но нужно будетъ заплатить неустойки квартирантамъ».—«Отдавай домъ или пойдешь въ тюрьму. Что же касается неустойки, то для твоихъ жильцовъ и для тебя найдутся свободныя помѣщенія въ тюрьмѣ Форсъ или Сентъ-Пелажи». Тотчасъ же двѣнадцать человѣкъ занимаютъ домъ, хозяину для переѣзда даютъ шесть часовъ; отнынѣ ему запрещается входить въ его домъ; канцелярія, въ которую онъ обращается, толкуютъ его вынужденное подчиненіе какъ «молчаливое согласіе» и скоро его самого заключаютъ въ тюрьму.

Такъ хорошо дѣйствующія административныя орудія должны содержаться въ полной заботливости и вотъ поэтому время отъ времени ихъ смазываютъ. 20 іюля 1793 правительство назначаетъ двѣ тысячи франковъ каждому изъ сорока восьми комитетовъ и восемь тысячъ франковъ генералу Генрію «для оплаты расходовъ по наблюденію за контръ-революціонными интригами»; 7 августа—50,000 франковъ мало состоятельнымъ членамъ сорока восьми комитетовъ, 300,000 франковъ генералу Генрію, «чтобы разстроить заговоры и обезпечить торжество свободы», 50,000 франковъ мэру, «чтобы раскрыть заговоры злонамѣренныхъ лицъ», 10 сентября—40,000 франковъ мэру, президенту и прокурору-синдику департамента «для принятія мѣръ безопасности», 13 сентября—300,000 франковъ мэру «для предупрежденія дѣйствій злонамѣренныхъ», 15 ноября—100,000 франковъ народнымъ обществамъ, «такъ какъ онѣ необходимы для распространенія добрыхъ принциповъ».

Впрочемъ, кромѣ временныхъ вознагражденій существуетъ еще постоянное жалованье и побочные доходы должностей. Генрію предоставилъ своимъ товарищамъ мѣста надзирателей или наемныхъ доносчиковъ и, понятно, они пользуются своимъ мѣстомъ, чтобы пополнить свои карманы, подъ предлогомъ неблагонадежности они умножаютъ свои домашнія посѣщенія, облагаютъ штрафомъ хозяина квартиры или дома и воруютъ у него все, что только имъ понравится.

Въ Коммунѣ и въ революціонныхъ комитетахъ могутъ безнаказанно совершаться и совершаются всевозможныя вымогательства.

«Я знаю, говоритъ Кевремонъ, двухъ гражданъ, которые были брошены въ тюрьму, причѣмъ имъ даже не объявили за что. Черезъ три недѣли или мѣсяць ихъ выпустили, но знаешь какимъ образомъ? Одинъ долженъ былъ заплатить 15,000 ливровъ, а другой 25,000. Грамбонъ, сидѣвшій въ тюрьмѣ Форсъ, платитъ 1,500 ливровъ въ мѣсяць за комнату, въ которую онъ перебрался, спасаясь отъ блохъ и кромѣ того онъ долженъ былъ дать взятку въ 2,000 ливровъ, чтобы быть туда переведеннымъ. Подобныя же вещи случались со многими другими, но о нихъ осмѣливаются говорить только шепотомъ». Горе неблагоразумному, который, не занимаясь никогда раньше общественными дѣлами, полагаясь на свою невинность, устраняетъ оффиціознаго маклера и не хочетъ войти тотчасъ же въ финансовыя переговоры. Нотариусъ Бришаръ заплатилъ головой за то, что онъ отказался платить 100,000 эку, которые отъ него потребовали и выразилъ согласіе слишкомъ поздно.

Я уже не говорю объ обыкновенныхъ хищеніяхъ, объ обширныхъ растратахъ общественныхъ денегъ, облегчаемыхъ безчисленными реквизиціями и секвестраціями, быстротой покупокъ или поставокъ, о растратѣ двухъ милліоновъ франковъ, предоставляемыхъ каждую недѣлю Коммуной для снабженія продовольствіемъ столицы, о реквизиціи зерна, предоставляющей тысячу пятистамъ солдатамъ революціонной арміи захватывать окрестныя фермы отъ Корбейля до Мо и нагрѣвать себѣ руки по способу шофферовъ.

При томъ служебномъ персоналѣ, который существуетъ въ то время, въ этихъ анонимныхъ вражахъ нѣтъ ничего удивительнаго. Бабефъ, поддѣлыватель оффиціальныхъ документовъ, занимаетъ мѣсто секретаря продовольственной части Коммуны, Майльяръ, сентябристъ Аббатства, получаетъ 8,000 франковъ за то, что завѣдуетъ въ сорока восьми секціяхъ девяносто шестью наблюдателями и вожаками общественнаго мнѣнія. Кретъенъ, трактирчикъ котораго служитъ мѣстомъ сборища для грабителей, становится за 18 франковъ въ день присяжнымъ застѣдателемъ въ революціонномъ трибуналѣ, царитъ въ своемъ Комитетѣ и руководитъ своей секціей. Садъ, профессоръ преступленія, теперь оракулъ своего квартала и отъ имени секціи Пикъ является читать адреса въ Коввентѣ.

III.

Разсмотримъ вблизи нѣсколько фигуръ. Чѣмъ болѣе онъ на виду, тѣмъ болѣе величіе обязанностей рельефно выставляетъ гнусность властелина. Возьмемъ Бюшо, отмѣченнаго два раза Робеспьеромъ и притомъ имъ собственноручно какъ «человѣка честнаго, энергичнаго и могущаго исполнять самыя важныя должности». Назначенный Комитетомъ Общественнаго Спасенія «коммиссаромъ внѣшнихъ сношеній», то-есть министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ продержался на этомъ высокомъ посту въ теченіе почти шести мѣсяцевъ. Онъ учитель изъ Юры, недавно пріѣхавшій въ Парижъ, «невѣжество, гнусныя манеры и глупость котораго превосходятъ все, что только можно себѣ вообразить». Начальники отдѣленій отказались работать

съ нимъ, онъ ихъ не видитъ и не зоветъ къ себѣ. Его нельзя никогда найти въ его кабинетѣ и когда нужно получить отъ него подпись для легализаціи какого-нибудь акта, чѣмъ собственно онъ и ограничилъ всѣ свои функціи, приходится отпрапляться за этой подписью въ кафе Гарди, гдѣ онъ обыкновенно проводитъ свои дни». Понятно онъ завистливъ и злобенъ, онъ вымещаетъ свою неспособность на тѣхъ, знаніе которыхъ даетъ ему чувствовать его безталанность, онъ доноситъ на нихъ какъ на умѣренныхъ, ему удается получить наконецъ приказъ объ арестѣ его четырехъ начальниковъ отдѣлений и утромъ 9 термидора онъ съ ужасной улыбкой объявляетъ одному изъ нихъ, г. Міо, пріятную новость.

Но вотъ послѣ Термидора Бюшо смѣщенъ и на его мѣсто поставленъ Міо. Изъ дипломатической вѣжливости послѣдній дѣлаетъ визитъ своему предшественнику и «изъявляетъ ему почтеніе». Бюшо тотчасъ же думаетъ о болѣе солидномъ чѣмъ комплименты и прежде всего проситъ у него позволенія временно сохранить свою министерскую квартиру. Послѣ того какъ Міо выразилъ на это согласіе, онъ благодаритъ его и заявляетъ, что назначеніе Міо очень удачно. «Но мои обстоятельства очень печальны, меня вызвали въ Парижъ, заставили бросить службу въ провинціи, а теперь выбрасываютъ на улицу». Послѣ этого съ великодушнымъ безстыдствомъ онъ проситъ у человѣка, котораго хотѣлъ гильотинировать, мѣсто чиновника въ министерствѣ. Міо старается дать ему понять, что неловко бывшему министру опуститься такъ низко. Бюшо находитъ странной эту щепетильность и вида смущеніе г. Міо, заявляетъ въ концѣ концовъ: «Если вы меня не находите способнымъ исполнять обязанности чиновника, я удовольствуюсь мѣстомъ сторожа». Такимъ образомъ онъ самъ опредѣляетъ себѣ цѣну.

Возьмемъ другого, съ которымъ мы уже встрѣчались и дѣйствія котораго намъ хорошо извѣстны, командующаго въ Парижѣ всѣми вооруженными силами, главнокомандующаго 110,000 арміей—бывшаго писца у прокурора Формсъ, который выгнанный своимъ хозяиномъ за воровство, заключенный въ Бисетръ, будучи попеременно шпиономъ, балаганнымъ кривлякой, таможеннымъ надсмотрщикомъ и участникомъ сентябрьскихъ избиеній, 2 іюня очистилъ Конвентъ, однимъ словомъ знаменитаго Генріо, теперь «бурбона» и пьяницу. Несмотря на его сношенія съ Геберомъ и Кордельера ми, его пощадили, его оставили въ качествѣ орудія безъ сомнѣнія потому, что онъ ограниченъ, грубъ и послушенъ, потому что онъ болѣе скомпрометированъ чѣмъ кто-либо другой. Его можно употребить на какое угодно дѣло, заслугъ военныхъ онъ никакихъ не имѣетъ, надъ истинными солдатами не пользуется никакимъ престижемъ, это генералъ парадовъ и улицы, болѣе простонародный, чѣмъ само простонародье. Онъ доволенъ своимъ отелемъ, своей ложей въ Комической оперѣ, своими лошадьми, своей важной ролью въ праздникахъ и смотрахъ и въ особенности своими оргіями.

Вечеромъ въ полной формѣ, сопровождаемый своими адъютантами, онъ скачетъ въ Шуази-на-Сенъ и тамъ въ домѣ нѣкоего Фовеля съ друзьями Робеспьера или мѣстными демагогами происходитъ еутежъ: пьютъ вина герцога Куанья, бьютъ стаканы, тарелки

и бутылки, отправляются скандалить въ сосѣдніе кабачки, выламываютъ въ нихъ двери, ломаютъ скамейки и стулья, однимъ словомъ развлекаются. На слѣдующій день выпавшись послѣ пьянства, онъ диктуетъ свои приказы, истинные перлы, въ которыхъ глупость дурака, довѣрчивость зѣваки, сентиментальность пьяницы, расхваливанія базарнаго гаера и заученныя тирады философа, получающаго пятьдесятъ франковъ въ день, сливаются въ отвратительную микстуру, тѣмъ болѣе подлаженную подъ вкусъ аудиторіи, что она заключаетъ въ себѣ всѣ ѣдкіе ингредиенты, всю подмѣшанную опьяняющую водку Революціи.

Онъ имѣетъ свѣдѣнія относительно махинацій заграницы и онъ выставляетъ истинныя причины голодовки: «Недавно нашли большое количество хлѣба въ отхожихъ мѣстахъ; по поводу этой гнусности нужно спросить Питта, Кобурга и всѣхъ злодѣевъ, которые хотятъ посадить на цѣпь справедливость, разумъ и уничтожить философію». У него есть свои особые взгляды на религію и онъ проповѣдуетъ диссидентамъ гражданскую скромность. «Священнослужители какого бы то ни было культа приглашаются не устраивать внѣ своихъ храмовъ какихъ бы то ни было религиозныхъ церемоній. Каждый добрый приверженецъ ученія будетъ настолько благоразуменъ, чтобы соблюдать выполненіе этого постановленія. Внутренность храма достаточно велика, чтобы въ ней можно было изъяслять свою любовь Вѣчному, который не нуждается въ оскорбительномъ для всякаго мыслящаго человѣка церемоніалѣ».

Онъ вздыхаетъ по міровой идилліи и высказываетъ пожеланіе уничтоженія вооруженной силы. «Я предлагаю моимъ согражданамъ, которыхъ приводитъ въ уголовные суды любопытство, самимъ выполнять роль полицейскихъ. Это обязанность, которую всякій добрый гражданинъ долженъ выполнять гдѣ бы онъ ни находился. Въ свободной странѣ правосудіе должно осуществляться не посредствомъ пистъ и штыковъ, а посредствомъ разума и философіи. Онѣ должны наблюдать надъ обществомъ, очищать его и изгонять изъ него злыхъ людей и мошенниковъ. Каждый долженъ вносить свою маленькую философскую долю и изъ этихъ маленькихъ долей составлять разумное цѣлое, которое принесетъ пользу и счастье обществу. Когда же наступитъ то желанное время, когда чиновниковъ будетъ мало, когда всѣ скверные люди будутъ повержены, гдѣ все общество будетъ имѣть своимъ должностнымъ лицомъ только законъ?»

Каждое утро онъ священнодѣйствуетъ однимъ и тѣмъ же образомъ. Вообразите себѣ слѣдующую сцену: утреннее вставаніе Генріо въ помѣщеніи генеральнаго штаба, письменный столъ и быть можетъ бутылка водки на столѣ. Съ одной стороны негодай, застегивая свой поясъ или надѣвая сапоги, смягчаетъ свой охрипшій отъ вина голосъ и подергиваемый нервыми тиками теряетъ нить въ своей гуманитарной проповѣди, съ другой стороны секретарь молча записываетъ его слова, и зная приблизительно ореографію не осмѣливается слишкомъ усердно поправлять смѣшныя фразы.

Такого же качества какъ главнокомандующій и Коммуна, которая его употребляетъ въ дѣло, такъ какъ и рукоятка и лезвіе муниципальной шпаги, выкованныя въ яacobинской кузницѣ, почти изъ

одного и того же металла. Изъ восьмидесяти восьми членовъ, профессіи которыхъ извѣстны, пятьдесятъ шесть неграмотны или почти неграмотны, получили начальное образованіе или совсѣмъ никакого образованія не получили. Одни—мелкіе приказчики, писцы и между ними публичный писецъ; другіе—мелкіе лавочники, кондитеры, мануфактурщики, фруктошники, виноторговцы; другіе наконецъ простые рабочіе или даже чернорабочіе, плотники, столяры, слесаря, три портныхъ, четыре парикмахера, два каменщика, два сапожника, одинъ садовникъ, одинъ каменотесъ, одинъ мостовщикъ, одинъ сторожъ и одинъ слуга.

Изъ тридцати двухъ грамотныхъ одинъ только имѣетъ нѣкоторую извѣстность: Пари, профессоръ университета и замѣститель аббата Делия. Одинъ только Дюмепъ, бывший инженеръ, прилежный, умѣренный человекъ, всецѣло предавшійся интендантскому дѣлу, является знающимъ и полезнымъ работникомъ. Въ число остальныхъ, выбранныхъ изъ кучи неизвѣстныхъ демагоговъ, входятъ шесть скверныхъ художниковъ, шесть дѣловыхъ людей или бывшихъ судебныхъ дѣателей, семь второстепенныхъ или трехстепенныхъ торговцевъ, одинъ учитель, одинъ хирургъ, одинъ лишенный сана и женатый священникъ и другіе подобнаго же рода люди. Эти люди подъ политическимъ управленіемъ мэра Флеріо-Леско и національнаго агента Пайана, вносятъ въ генеральный совѣтъ не административныя способности, а способность устнаго разсужденія, съ значительной долей болтовни и письма, безъ которой не можетъ обойтись никакое совѣщательное собраніе.

Любопытно видѣть, что они дѣлаютъ на засѣданіяхъ. Въ концѣ сентября 1793 г. одному изъ ветерановъ либеральной философіи, политической экономіи и французской Академіи, старому аббату Морель, разоренному революціей, необходимо получить свидѣтельство о благонадежности для полученія своей маленькой пенсіи въ 1000 франковъ, предоставленной ему Учредительнымъ Собраніемъ въ награду за его писательскую дѣятельность и Коммуна назначаетъ трехъ экзаменаторовъ, желая убѣдиться въ правильности этого назначенія. Конечно онъ предпринимаетъ всѣ предварительныя шаги. Во первыхъ онъ пишетъ униженную записку предсѣдателю Генеральнаго Совѣта, Любену-сыну, который промѣнявъ искусство на политику живетъ у своего отца, мясника, на улицѣ Сентъ-Онорэ. Морелле проходитъ черезъ мясную, по лужамъ крови и послѣ нѣ котораго ожиданія его допускаютъ къ своему суду. Онъ находитъ того лежащимъ въ кровати и защищаетъ передъ нимъ свое дѣло. Затѣмъ онъ посѣщаетъ Бернара, бывшаго священника «похожаго лицомъ на поджигателя» и почтительно кланяется хозяйкѣ дома «маленькой, довольно молодой, но очень некрасивой и очень нечистошлотной женщинѣ». Наконецъ онъ несетъ свои десять или двѣнадцать томовъ самому важному изъ трехъ комиссаровъ, Віалару, «бывшему дамскому парикмахеру». Тотъ оказывается почти его коллегой, «такъ какъ, говоритъ онъ, я всегда любилъ механику и я представилъ въ Академію наукъ хохолъ моего изобрѣтенія». Но проситель не показывался на улицѣ ни 10 августа, ни 2 сентября, ни 31 мая, какъ же послѣ этихъ доказательствъ его холодности дать ему свидѣтельство о благонадежно-

сти? Морелле не падаетъ духомъ, ждетъ всемогущаго париемахера въ городской ратушѣ и нѣсколько разъ подходитъ къ нему. Тотъ съ величайшей небрежностью, почти не слушая его и не останавливаясь, отправляется на свое мѣсто и Морелле пришлось невольно десять или двѣнадцать разъ присутствовать на засѣданіяхъ.

Странныя засѣданія, въ которыхъ депутати, добровольцы, любители-патріоты поочередно являются декламировать и пѣть, въ которыхъ весь генеральный совѣтъ поетъ, предсѣдатель Любенъ самъ запѣваетъ пять или шесть разъ «Марсельезу», «Ça ira», пѣсенки на мотивы комической оперы и все это «не въ тактъ, при чемъ голосъ и манеры у него подобны голосу и манерамъ прекраснаго Леандра. Я думаю, что въ послѣднемъ засѣданіи онъ пѣлъ такимъ образомъ соло почти три четверти часа въ нѣсколько приемовъ и собраніе повторило послѣдній стихъ куплета». — «Странно, говорила сидѣвшая рядомъ съ Морелле женщина изъ народа, странно что они проводятъ все засѣданіе въ пѣніи. Развѣ они здѣсь для этого?» Нѣтъ, не только для этого: послѣ балаганныхъ зазываній, обычные ораторы и въ особенности дамскій париемахеръ «безумнымъ голосомъ и съ неистовыми жестами» бросаютъ смертоносныя предложенія. Вотъ краснорѣчивые ораторы и люди деворапи.

Остальные, которые не говорятъ и едва умѣютъ писать, дѣйствуютъ и хватаютъ. Таковъ нѣкій Шаландонъ, членъ Коммуны, предсѣдатель революціоннаго комитета одной изъ секцій и вѣроятно очень хорошей охотникъ на людей, такъ какъ «правительственные комитеты представили ему право надзора за всѣмъ правымъ берегомъ Сены и обладая этими чрезвычайными полномочіями онъ изъ глубины своей лавченки царитъ надъ половиной Парижа. Горе людямъ, которыми онъ могъ (быть) недоволенъ, которые перестали быть его кліентами. Онъ властитель въ своемъ кварталѣ до 10 термидора, его доносы—смертныя приговоры»—есть цѣлая улица, какъ на примѣръ улица Гранъ-Шантъ, которая онъ «обезлюживаетъ». И этотъ челоуѣкоистребитель башмачникъ, сотоварищъ по торговлѣ и по Коммунѣ Симона, надзирателя и убійцы маленькаго Дофина.

Постараемся просмотрѣть по крайней мѣрѣ по одному образцу сорокъ восемь революціонныхъ комитетовъ, являющихся руками этого великолѣпнаго муниципальнаго учрежденія. Мы, на примѣръ, знаемъ всѣхъ членовъ одного комитета и мы видимъ какой классъ царствуетъ, дѣйствуетъ. Это классъ людей подозрительныхъ, не имѣющихъ постоянного жительства, въ которыхъ революціонны только ихъ аппетиты. Имъ руководятъ не теорія, не убѣжденія; въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ революціи онъ не занимался и не думалъ объ общественныхъ дѣлахъ, если теперь съ 10 августа и въ особенности со 2 Іюня онъ занимается ими, то только для того чтобы ими жить и кормиться.

Изъ числа восемнадцати членовъ одного комитета, четырнадцать до 10 августа и въ особенности до 2 Іюня, были совершенно неизвѣстны въ своемъ кварталѣ и не принимали никакого участія въ революціи. Самыми выдающимися среди нихъ людьми являются три живописца, специальностью которыхъ было разрисовывать гербы, экипажи и миниатюры, раззоренные и лишившіеся работы благодаря

революции, одинъ торговецъ свѣчами, одинъ торговецъ укусомъ, одинъ торговецъ селитрой, одинъ слесарь и изъ этихъ семи лицъ, четверо занимались кромѣ того, продажей лотерейныхъ билетовъ, ссудой денегъ подъ залогъ вещей и содержаніемъ игорныхъ притоновъ. Въстѣ съ ними засѣдаютъ два лакея изъ богатыхъ домовъ, одинъ кучеръ, одинъ бывший жандармъ, выгнанный со службы, одинъ сапожникъ, одинъ посыльный, служившій мальчикомъ у экипажнаго мастера, другой посыльный, бывший два мѣсяца тому назадъ золотаремъ, при чемъ передъ тѣмъ какъ войти въ составъ комитета онъ былъ въ лохмотьяхъ и не имѣлъ ни гроша, наконецъ бывший торговецъ лотерейными билетами безъ постоянного мѣстожительства, поддѣлыватель, и по своему собственному признанію, уже разъ приговоренный къ тюремному заключенію. Четверымъ остальнымъ было отказано отъ мѣста за нечестность или подлоги, трое—извѣстные пьяницы, двое даже не французы и въ этой избранной компаніи, главаремъ является, по обыкновенію, законникъ подозрительнаго качества, бывший нотаріусъ Шижо, исключенный изъ сословія за банкротство. Этотъ должно быть придумалъ слѣдующую комбинацію

Въ сентябрѣ 1793 года имѣя право арестовывать въ своемъ кварталѣ и даже внѣ его всякаго кто ему покажется подозрительнымъ, комитетъ захватилъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ «триста отцовъ семействъ» и помѣстилъ ихъ въ старой казармѣ, которую онъ занималъ на Севрской улицѣ. Въ этотъ узкій и нездоровый баракъ набито болѣе ста двадцати заключенныхъ, даже по десять человѣкъ въ одной комнатѣ, по два въ одной кровати и въ довершеніе всего они платятъ за свое содержаніе безъ кушанія по триста франковъ въ день. Такъ какъ въ дѣйствительности содержаніе ихъ обходится всего въ шестьдесятъ два франка, то не говоря уже о другихъ не оффиціальныхъ поборахъ, въ пользу честныхъ предпринимателей остается двѣсти тридцать восемь франковъ ежедневнаго барыша. Поэтому они ведутъ широкій образъ жизни и въ ихъ залѣ собраній имъ подаются самыя роскошныя обѣды и потрачено на обѣдъ десять или двадцать ливровъ для нихъ ни почему.

Но въ этомъ богатомъ предмѣстьи Сень-Жерменъ столько богачей и дворянъ, что ихъ нужно помѣстить какъ слѣдуетъ, для чего чтобы имѣть возможность извлекать изъ нихъ выгоды. Поэтому къ концу марта 1794 года для расширенія своихъ операцій комитетъ нанимаетъ большой домъ съ дворомъ и садомъ и помѣщаетъ аристократію квартала въ обоихъ домахъ за плату двѣнадцать франковъ въ день, что ему приноситъ около 150.000 ливровъ въ годъ, а такъ какъ онъ нанимаетъ домъ за 2400 франковъ, то онъ зарабатываетъ на этой операціи 147.600 ливровъ. Къ этому нужно прибавить десятки разныхъ другихъ поборовъ денежныхъ и натурой, за разрѣшеніе приносить заключеннымъ предметы потребленія, за право получать корреспонденцію, всякаго рода денежные благодарности передаваемыя изъ рукъ въ руки. Помѣщенный въ загонъ скотъ не отказывается ни въ чемъ своимъ пастухамъ, а въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе, вѣдь если его эксплуатируютъ, то заботятся о его сохранности и его сторожа находятъ его слишкомъ прибыльнымъ, чтобы посылать его на бойню. Въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ террора изъ ста

шестидесяти пансионеровъ комитета только двое были выданы палачу. Только 7 и 8 термидора Комитетъ Общественнаго Спасенія, предпринявъ очистку тюремъ затрагиваетъ драгоценное стадо и разстраиваетъ такъ остроумно задуманный и такъ хорошо осуществляемый планъ.

Онъ слишкомъ хорошъ, явились завистники: три мѣсяца послѣ термидора на комитетъ дѣлаютъ доносъ, его судятъ. Десять членовъ присуждаютъ въ двадцати годамъ тюремнаго заключенія, ихъ привязываютъ среди радостныхъ криковъ и оскорбленій толпы къ позорному столбу и между ними находится изобрѣтательный нотариусъ. Между тѣмъ они не изъ худшихъ: ихъ жадность притупила ихъ жестокость. Другіе менѣе ловкіе воры, проявляютъ болѣе жестокости при избіеніяхъ заключенныхъ и вездѣ, какъ въ провинціи, такъ и въ Парижѣ, качество состава революціонныхъ комитетовъ, каждый членъ которыхъ получаетъ по 3 и 5 франковъ въ день, почти одно и то же. Согласно имѣвшимся въ рукахъ Барера платажнымъ ре-спискамъ такихъ комитетовъ было въ то время во Франціи 21,500.

IV.

Если бы законы 21 марта и 5 сентября 1793 были въ точности осуществлены, вмѣсто 21.500 революціонныхъ комитетовъ было бы 45.000, состоящихъ изъ 540.000 членовъ, содержаніе которыхъ стоило бы 591 миллионъ франковъ въ годъ. Благодаря этому сверхъ обыкновенной администраціи, уже вдвое болѣе многочисленной и вдвое болѣе дорогой чѣмъ при старомъ режимѣ, составила бы до-полнительная администрація «наблюдающая», на которую тратилось бы на сто миллионъ болѣе всей суммы налоговъ, громадность которыхъ возстановила народъ противъ стараго режима.

Къ счастью чудовищный грибокъ не могъ вырасти какъ слѣдуетъ, ни якобинскія сѣмена, ни дурной воздухъ, въ которыхъ онъ нуждается для произростанія, не встрѣчались всюду. «Населеніе провинціи, говоритъ одинъ современникъ, не стояло на высотѣ Революціи, оно противопоставляло древніе обычаи и сопротивленіе инертности новшествамъ, которыя оно не понимало». «Землепашецъ заслуживаетъ уваженія, пишетъ одинъ депутатъ изъ командировки, но въ общемъ онъ очень северный патриотъ». Дѣйствительно, съ одной стороны гораздо менѣе отбросовъ въ департаментскихъ городахъ, чѣмъ въ громадномъ парижскомъ гнѣздилищѣ, а съ другой стороны сельское населеніе, предохраненное отъ интеллектуальныхъ міазмовъ оказываетъ социальнымъ эпидеміямъ лучшее сопротивленіе чѣмъ городское населеніе. Менѣе волнуемая испорченными авантюристами, менѣе богатая горячими головами провинція даетъ меньше террористовъ и инквизиторовъ, чѣмъ столица.

Во первыхъ, въ тысячахъ коммунъ съ менѣе чѣмъ пятьсотъ тысячнымъ населеніемъ, въ значительномъ числѣ другихъ, болѣе населенныхъ, но глухихъ и чисто земледѣльческихъ деревень, въ особенности въ тѣхъ, въ которыхъ говорятъ только на простонародномъ нарѣчьи, нѣтъ людей, которые могли бы составить революціонный комитетъ. Населеніе слишкомъ занято физической работой; огру-

бѣвшія руки не пишутъ бѣгло. Никто не имѣетъ желаніе взяться за перо, въ особенности же для того чтобы вести регистръ, который можетъ въ одинъ прекрасный день скомпрометировать. Уже не очень легко набирать на мѣстѣ муниципалитетъ, находить мэра, остальныхъ двухъ муниципальных чиновниковъ и національнаго агента, какъ это требуется закономъ. Въ мелкихъ коммунахъ они единственные агенты революціоннаго правительства и я думаю, что чаще всего ихъ яacobинское рвеніе было очень посредственно.

Кѣмъ бы онъ не былъ, муниципальнымъ совѣтникомъ, національнымъ агентомъ и мѣромъ, истинный крестьянинъ не принадлежить ни къ какой партіи, онъ ни роялистъ, ни республиканецъ. Его мысли слишкомъ незначительны, слишкомъ коротки и слишкомъ медленны, чтобы онъ могли образовать политическій взглядъ. Изъ Революціи онъ понимаетъ только то, что затрагиваетъ его самымъ существеннымъ образомъ или то, что онъ видитъ ежедневно вокругъ себя, своими собственными глазами; 93 и 94 года остались для него временемъ ненадежныхъ векселей и великаго ужаса и больше ничего. Со своей привычкой къ терпѣнію онъ переноситъ новый режимъ, такъ, какъ переносилъ старый, неся на спинѣ бремя, которое налагаютъ на него и сгибаясь подъ тяжестью изъ страха худшаго.

Часто онъ мэръ или національный агентъ вопреки своей воли, его принудили. Онъ хотѣлъ бы избавиться отъ этой обязанности, потому что въ настоящее время обязанность эта тяжела. Если онъ будетъ приводить въ исполненіе декреты и постановленія, онъ навѣрное создастъ себѣ много враговъ, если онъ не будетъ ихъ исполнять, онъ можетъ быть увѣренъ, что его бросятъ въ тюрьму. Лучше было бы ему остаться у себя дома и жить мирной жизнью какъ прежде, но у него нѣтъ выбора, разъ онъ назначенъ и утвержденъ въ своей должности онъ не можетъ, подъ угрозой возбудить подозрѣнія, отказаться отъ должности или подать въ отставку. Онъ долженъ быть молотомъ, чтобы не быть наковальной. Поэтому, будучи винодѣломъ, мельникомъ, землепашцемъ, камнеломомъ, онъ функционируетъ въ своей должности противъ своей воли и затѣмъ будетъ ходатайствовать объ отставкѣ, когда терроръ ослабнетъ подъ предлогами, «что онъ пишетъ очень скверно, что онъ совершенно не знаетъ законовъ и не можетъ наблюдать за ихъ исполненіемъ», «что онъ живетъ только трудомъ рукъ своихъ», «что онъ обремененъ семьей и принужденъ самъ управлять своей повозкой» или плугомъ, однимъ словомъ онъ будетъ просить, чтобы его освободили отъ его должности. Ясно, что эти недобровольные рекруты являются только чернорабочими, если они и повезутъ революціонную повозку то только потому, что ихъ, подобно взятымъ по реквизиціи лошадямъ, заставили это дѣлать силой.

Надъ маленькими коммунами, въ большихъ селахъ, имѣющихъ революціонный комитетъ и въ нѣкоторыхъ городкахъ запряженные въ возъ лошади дѣлаютъ иногда видъ, что тащутъ повозку, но въ дѣйствительности не тащутъ изъ опасенія кого нибудь раздавить. Въ то время какой нибудь городокъ, въ особенности когда онъ былъ изолированъ, расположенный въ уединенной и лишенной дорогъ мѣстности, составлялъ маленькій замкнутый міръ, гораздо болѣе

замкнутый чѣмъ теперь, гораздо менѣе доступный вліянію сѣзвнѣ. Мѣстное общественное мнѣніе имѣетъ преимущественное значеніе. Сосѣди оказываютъ другъ другу поддержку. Всякій постыдился бы донести на какогонибудь человѣка, котораго знаетъ лѣтъ двадцать. Правительнаго вліянія честныхъ людей достаточно пока, чтобы сдерживать «негодяевъ». Если мэръ республиканецъ, то онъ таковъ главнымъ образомъ на словахъ, можетъ быть для того чтобы оградить себя, чтобы оградить общину и потому что съ волками нужно быть поволчьи.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и городкахъ экзальтированныхъ и негодяевъ имѣется не въ достаточномъ числѣ для занятія всѣхъ должностей и для того, чтобы заполнить всѣ мѣста они допустили въ новый административный персоналъ очень скверныхъ якобинцевъ, холодныхъ, безразличныхъ, людей робкихъ или нуждающихся, принимающихъ мѣсто какъ надежное убѣжище или просящихъ его для того, чтобы заработать кусокъ хлѣба.

«Граждане, будетъ впоследствии писать одинъ изъ подобныхъ членовъ революціоннаго комитета по принужденію, я силою былъ помѣщенъ въ наблюдательномъ комитетѣ, я былъ силою водворенъ. Тамъ главенствовали три или четыре безумца и если съ ними вступали въ споръ, они осыпали угрозами. Я провелъ восемнадцать мѣсяцевъ на этомъ мѣстѣ въ вѣчномъ трепетѣ, въ вѣчномъ страхѣ».

Наконецъ, въ среднихъ или большихъ городахъ благодаря сумятицѣ коллективныхъ смѣщеній и неожиданному обновленію всего служебнаго персонала волей неволей на административныя мѣста попали мнимые якобинцы, которые въ глубинѣ души жирондисты или фейляны, но которые попали на эти мѣста благодаря своей болтовнѣ и теперь засѣдаютъ тамъ рядомъ съ самыми худшими якобинцами въ самыхъ худшихъ должностяхъ. «Члены революціонной коммисіи Ферса, пишетъ одинъ адвокатъ Клермона, убѣждаютъ себя что, одни заключенные были терроризированы, они не знаютъ, что нигде быть можетъ не чувствовалъ сильнѣе террора чѣмъ тѣ, которымъ поручали выполненіе декретовъ. Нужно только вспомнить, что эдиктъ Кутона назначавшій какогонибудь гражданина на какоенибудь мѣсто, въ случаѣ отказа угрожалъ объявленіемъ подъ подозрѣніемъ, что общало въ перспективѣ потерю свободы и реквизицію имущества, а развѣ въ такомъ случаѣ можно было отказать?»

Разъ водворившись на мѣстѣ человѣкъ долженъ дѣйствовать и у многихъ изъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ, проглядываетъ ихъ отвращеніе къ этому. Въ самомъ лучшемъ случаѣ они способны только на службу автомата. «Передъ тѣмъ какъ отправляться въ судъ, говоритъ одинъ судья въ Камбрѣ, я проглатывалъ большой стаканъ ликера, чтобы придать себѣ силы засѣдать въ судѣ». Онъ кромѣ суда никуда не ходилъ. Послѣ выполненія своихъ обязанностей онъ возвращался домой нигдѣ не останавливаясь, запирался, закрывая себѣ глаза и уши. «Мнѣ нужно было выносить приговоръ на основаніи рѣшенія присяжныхъ, что мнѣ было дѣлать?» Оставаться слѣпымъ и глухимъ. «Я пилъ, я старался оставаться въ невѣдѣніи относительно всего, даже относительно именъ обвиняемыхъ».

Очевидно, въ этомъ мѣстномъ служебномъ персоналѣ слишкомъ много слабыхъ, мало ревностныхъ, сомнительныхъ, или даже втайнѣ враждебныхъ агентовъ; ихъ нужно замѣнить другими, энергичными и вѣрными и брать ихъ изъ единственнаго вмѣстилища, гдѣ ихъ можно найти. Въ каждомъ департаментѣ или округѣ этимъ вмѣстительствомъ является якобинскій клубъ главнаго города, оттуда ихъ будутъ посылать въ маленькіе городки и общины округа. Во Франціи центральнымъ вмѣстительствомъ является парижскій якобинскій клубъ, оттуда ихъ будутъ посылать въ города департаментовъ.

V.

Поэтому цѣлый рой якобинской саранчи безпрестанно вылетаетъ изъ Парижа и наводняетъ провинцію, а изъ cadaго мѣстнаго центра наводняетъ окружающія мѣстности. Въ этой тучѣ все опустошающихъ насѣкомыхъ, различаются насѣкомыя разныхъ видовъ и размѣровъ. На первомъ планѣ находятся командированные въ департаменты депутаты, на второмъ — «политическіе агенты», которые, размѣщенные въ качествѣ наблюдателей вблизи границъ, кромѣ того берутъ на себя въ городѣ, въ которомъ они пребываютъ, руководство народнымъ обществомъ и мѣстной администраціей. Кромѣ того, изъ клуба, находящагося въ Парижѣ на улицѣ Сентъ-Онорэ, отправляются избранные санкюлоты, съ разрѣшенія или по порученію комитета общественнаго спасенія, въ Лионъ, въ Марсель, въ Бордо, въ Труа, въ Рошфоръ, въ Тоннерръ и другія мѣста, чтобы играть роль миссионеровъ среди слишкомъ холодныхъ туземцевъ, или образовывать комитеты и суды, которые трудно образовать изъ мѣстныхъ жителей.

Иногда случается также, что, когда какой-нибудь городъ находится на дурномъ счету, народное общество другого болѣе благомыслящаго города посылаетъ ему своихъ делегатовъ для наставленія на путь истины. Напримѣръ четыре депутата Мецкаго клуба являются внезапно въ Бельфоръ, присоединяются къ мѣстному революціонному комитету и внезапно, не посоветовавшись ни съ муниципалитетомъ, ни съ какой другой законной властью, составляютъ немедленно списокъ «умѣренныхъ фанатиковъ и эгоистовъ», которыхъ они облагаютъ чрезвычайнымъ штрафомъ въ 136.617 ливровъ.

Въ то же самое время якобинцы главнаго города разъѣзжаютъ по всѣмъ дорогамъ для того, чтобы наблюдать за своею областью и наставлять своихъ поданныхъ. То по округамъ разъѣзжаетъ какой-нибудь командированный депутатъ въ сопровожденіи двадцати или тридцати влевретовъ, то его секретарь или делегатъ отъ его имени и вмѣсто него является орудовать въ какомъ-нибудь второстепенномъ городѣ. То какая-нибудь «комиссія слѣдствія и пропаганды», избранная клубомъ и «снабженная полномочіями», является отъ имени представителей орудовать въ теченіи мѣсяца во всѣхъ общинахъ округа. То наконецъ революціонный комитетъ главнаго города, «объявленный центральнымъ для всего департамента», отправляетъ своихъ членовъ въ другіе города для очистки подозрительныхъ муниципалитетовъ.

Такимъ образомъ распространяется якобинство, со ступени на

ступень, изъ парижскаго центра до самыхъ мелкихъ и отдаленныхъ общинъ, всю безцвѣтность провинціи импортированная или навязанная администраціа окрашиваетъ въ ярко красный, кровавый цвѣтъ.

Санкюлоты хотятъ предоставлять мѣста только своимъ единомышленникамъ, а въ провинціи, въ особенности внѣ городовъ, такихъ людей очень мало. Въ Маконѣ какъ Жавогъ ни старается, онъ въ клубѣ находитъ только «скрытыхъ федералистовъ», народъ, говоритъ онъ, «не хочетъ открыть глаза, я думаю, что это ослѣпленіе зависитъ отъ того, что мѣстность эта очень богатая». Конечно онъ рветъ и мечетъ, но даже въ революціонномъ комитетѣ ему предоставляютъ на выборъ только подозрительныхъ кандидатовъ. Онъ не знаетъ какъ взяться за обновленіе мѣстныхъ властей и въ концѣ концовъ онъ угрожаетъ тѣмъ, что перенесетъ въ другое мѣсто общественныя учрежденія города, если будутъ продолжать предлагать ему дурныхъ патріотовъ.

Въ Страсбургѣ депутаты Кутюрье и Денцель констатируютъ, что «благодаря безпримѣрному соглашенію всѣ способные граждане упорно отказываются отъ мѣста мэра, чтобы этимъ путемъ затруднить задачу депутатовъ», благодаря чему они вынуждены были назначить мэромъ молодого человѣка, не достигшаго законнаго возраста и не природнаго жителя даннаго департамента.

Въ Марсели, пишутъ агенты, «несмотря на всѣ наши усилія, на горячее наше желаніе пропитать марсельское населеніе республиканскими взглядами, всѣ наши усилія остались почти безплодными. Настроеніе среди собственниковъ, ремесленниковъ, поденныхъ рабочихъ самое скверное... Число недовольныхъ повидимому растетъ со дня на день. Всѣ общины Вара и большинство настоящаго департамента настроены противъ насъ... Все населеніе нужно уничтожить и всю страну колонизировать заново... Я повторяю, единственное средство произвести революцію въ федерализированныхъ департаментахъ заключается въ томъ, чтобы удалить изъ нихъ всѣхъ жителей способныхъ носить оружіе, разсѣять ихъ по арміямъ и замѣнить ихъ гарнизонами, которые придется часто перемѣнять».

На другомъ концѣ территоріи, въ Эльзасѣ «республиканскія чувства еще спятъ, царитъ крайній и невѣроятный фанатизмъ, состояніе умовъ жителей, въ общемъ, вовсе не революціонное... Только революціонная армія и святая гильотина излѣчатъ ихъ отъ ихъ смрадной аристократіи; законы будутъ выполняться только, если виновнымъ будутъ рубить головы, такъ какъ почти всѣ сельскіе муниципалитеты состоятъ изъ богачей, клерковъ, бывшихъ должностныхъ лицъ, почти всегда привязанныхъ къ прежнему режиму».

И въ остальной Франціи населеніе хотя и менѣ непокорное, все же не проникнуто яacobинскимъ духомъ. Если гдѣ народъ покоренъ, какъ на примѣръ въ Лионѣ и Бордо, современники утверждаютъ что онъ покоренъ изъ чувства страха, а если гдѣ общественное мнѣніе, какъ на примѣръ, въ Рошфорѣ и Греноблѣ, эзальтировано, они полагаютъ, что это напускной пылъ. Въ Рошфорѣ пылъ поддерживается «только благодаря присутствію пяти или шести якобинцевъ изъ Парижа». Изъ Гренобля политическій агентъ Шени, председатель клуба доноситъ, «что онъ выбивается изъ силъ для

того чтобы поддерживать общественный духъ на требуемомъ обстоятельствами уровнѣ, но что онъ сознаетъ, что если онъ прекратитъ свою работу хоть на одинъ день, все пойдетъ прахомъ».

Въ Брестѣ, въ Лиллѣ, въ Дюнкирхенѣ населеніе умѣренное; если какойнибудь департаментъ, какъ на примѣръ департаментъ Сѣвера, поторопился принять монтаньярскую конституцію, то это только такъ кажется: «безконечно малое число жителей отвѣтило за всѣхъ». Въ Бельфорѣ «гдѣ насчитывается отъ 1000—1200 отцовъ семействъ», только одно «Народное общество», какъ доноситъ агентъ, «состоящее изъ 30 или самое большое 40 членовъ, поддерживаетъ любовь къ свободѣ». Въ Аррасѣ «изъ трехсотъ или четырехсотъ членовъ, составлявшихъ Народное Общество» при чисткѣ 1794 года пощажено было только «63, изъ которыхъ было около десяти отсутствовавшихъ». Въ Тулузѣ «изъ 1400 членовъ, составлявшихъ клубъ послѣ фильтраціи 1793 года осталось только триста или четыреста членовъ, простыхъ орудій въ рукахъ десяти или двѣнадцати интригановъ, вертящихъ ими по своему усмотрѣнію. Точно такъ же обстоитъ дѣло и въ другихъ городахъ, въ Труа всего на всего 22 якобинца, въ Греноблѣ—21, въ Бордо—10, въ Пуатье—7, столько же въ Дижонѣ. Таковъ активный персоналъ большаго города, онъ могъ бы помѣститься у обѣденнаго стола.

При такихъ усиліяхъ якобинцевъ распространиться по странѣ якобинцамъ удастся только разсѣяться, при такихъ усиліяхъ производить возможно строгій выборъ своихъ членовъ, они доходятъ до того, что только уменьшаютъ ихъ число. Они остаются тѣмъ, чѣмъ были всегда—маленькой шайкой разбойниковъ, властвующей надъ завоеванной Франціей. Если страхъ, который они распространяютъ, умножаетъ число ихъ крѣпостныхъ, то ужасъ, который они внушаютъ, уменьшаетъ число ихъ прозелитовъ и они остаются въ самомъ незначительномъ меньшинствѣ, потому что сотрудниками они могутъ имѣть только себѣ подобныхъ.

VI.

Когда разсматриваешь вблизи революціонный административный персоналъ, видишь, что какъ въ провинціи, такъ и въ Парижѣ, онъ состоитъ изъ людей извѣстныхъ своей нечестностью, своей порочностью или по меньшей мѣрѣ своимъ невѣжествомъ, глупостью и грубостью.

Во первыхъ, какъ это указываетъ ихъ названіе, они всѣ должны быть «Санкюлотами», то есть людьми безъ средствъ, живущими изо дня въ день своимъ трудомъ, занимающимися низкими профессіями, мелкой торговлей, ручнымъ трудомъ, однимъ словомъ, людьми находящимися на послѣднихъ ступеняхъ соціальной лѣстницѣ и поэтому нуждающимися въ жалованьи, чтобы быть въ состояніи заниматься общественными дѣлами; вотъ почему декреты предоставляютъ имъ жалованье въ 3, 5, 6, 10 и даже 18 франковъ въ день.

Въ Греноблѣ представители составляютъ муниципалитетъ и революціонный комитетъ состоитъ изъ двухъ санитарныхъ врачей, трехъ перчаточниковъ, двухъ землепашцевъ, одного табачнаго тор-

говца, одного парфюмера, одного мелочника, одного торговца поясами, одного жестяника, одного трактирщика, одного столара, одного сапожника и одного каменьщика. Въ Труа среди находящихся во главѣ управленія лицъ находятся одинъ кондитеръ, одинъ теачъ, одинъ теачъ подмастерье, одинъ шляпочникъ, одинъ столаръ, одинъ мелочникъ, одинъ учитель танцевъ, одинъ городской и мэръ Гаше, нѣкогда простой рядовой, бывший учителемъ въ предметѣ передъ своимъ назначеніемъ на эту должность. Въ Тулузѣ председателемъ администраціи избранъ пирожникъ Терренъ, председатель революціоннаго комитета Пежо, парикмахеръ и вдохновителемъ душой клуба является швейцаръ, швейцаръ арестнаго дома.

Еще одинъ, болѣе знаменательный фактъ: въ Рошфорѣ председатель Народнаго Общества палачъ.

Если таковъ избранный составъ въ большихъ городахъ, каковъ же онъ можетъ быть въ маленькихъ городахъ, въ мѣстечкахъ, въ деревняхъ? Даже въ крупныхъ городахъ дискреціонная власть попала въ руки почти грубыхъ варваровъ, стоитъ только посмотреть въ архивныхъ бумагахъ орографію и стиль верховныхъ комитетовъ, на обязанности которыхъ лежало выдавать свидѣтельства о благонадежности или отказывать въ ихъ выдачѣ и докладывать о взглядахъ и качествахъ арестованныхъ.

«Они столь же неспособны, сколько и безнравственны», говоритъ членъ конвента Альбертъ о яacobинцахъ, занимающихъ въ Труа общественныя должности. Очевидно, что какъ ни низко ихъ положеніе души ихъ еще ниже, потому что они являются не избранною частью, а подонками людей, занимающихся данной профессіей или ремесломъ и вотъ почему послѣ Термидора ихъ изгоняютъ, нѣкоторыхъ правда какъ террористовъ, но большинство какъ глушцовъ, или скандалистовъ, или помѣшанныхъ.

Въ Реймсѣ председатель округа «бывшій приставъ сотоварищъ шпионовъ режима Робеспьера, дѣйствующій сообща съ ними, не будучи ихъ сообщникомъ, не имѣя никакихъ данныхъ для того чтобы занимать мѣсто въ администраціи», одинъ изъ его коллегъ тоже «бывшій приставъ, человекъ безъ средствъ, самого сквернаго поведенія и профессиональный пьяница». На ряду съ ними засѣдаютъ и торговецъ лошадьми, не имѣющій никакихъ средствъ и болѣе способный заниматься барышничествомъ, чѣмъ административными дѣлами, въ довершеніе ко всему пьяница, красильщикъ, не имѣющій никакихъ определенныхъ взглядовъ, выставлемый яacobинской партіей и быть можетъ скорѣе изъ невѣжества чѣмъ изъ жестокости проявлявшій величайшій произволъ, одинъ необразованный сапожникъ, умѣвшій только подписывать свою фамилію и другіе въ подобномъ же родѣ.

Въ Ножагѣ національный агентъ Делапортъ—человекъ, у котораго на губахъ всегда только слова «гильотина» и «революціонный трибуналъ», который заявляетъ, что будь онъ во главѣ управленія, онъ заключилъ бы въ тюрьму всѣхъ докторовъ, хирурговъ и юристовъ, что ему пріятно находить виновныхъ и что онъ будетъ доволенъ только тогда, когда будетъ получать ежедневно по три фунта доносовъ». Но на ряду съ этими безумцами большинство администраторовъ и судей люди неподходящіе къ занимаемымъ ими

мѣстамъ, потому что они неспособны, слишкомъ мало образованны, слишкомъ заняты своими собственными дѣлами, не умѣютъ ни читать, ни писать или люди недостойные, потому что они лишены всякихъ деликатныхъ чувствъ, потому что они насильники, потому что они не пользуются общественнымъ довѣріемъ, потому что они болѣе или менѣе нечестны и презираемы.

Напримѣръ нѣкій Антуанъ, прибывъ въ Труа изъ Парижа, былъ сначала булочникомъ, затѣмъ учителемъ танцевъ. Затѣмъ онъ фигурировалъ въ клубѣ, благодаря своей парижской способности говорить, онъ добрался до выдающагося положенія и очень скоро сдѣлался членомъ округа. Назначенный офицеромъ въ шестой Обскій батальонъ, онъ такъ себя хорошо велъ, что по возвращеніи «его братья по оружію» сломали значокъ, который ему поднесли; «объявивъ его недостойнымъ такой чести, потому что онъ былъ настолько трусливъ, что пустился въ бѣгство передъ врагомъ». Несмотря на это онъ скоро вынырнулъ на поверхность, благодаря своимъ единомышленникамъ по клубу, онъ былъ восстановленъ въ своихъ функціяхъ администратора и въ теченіе всего террора онъ былъ интимнымъ другомъ террористовъ, одной изъ выдающихся личностей города Труа.

Такого же рода человекъ и бывший школьный учитель, бывший рядовой Гаше, теперь мэръ города. Онъ тоже былъ героемъ Вандей, только онъ не могъ отличиться тамъ, какъ хотѣлъ этого, такъ какъ онъ взятый на военную службу предпочелъ перейти на гражданскую. «Но признавю его же сторонниковъ онъ пьяница и совершилъ подлогъ», послѣ термидера онъ будетъ осужденъ за другіе подлоги на восемь лѣтъ тюремнаго заключенія и выставленъ въ позорному столбу. «Почти вся община противъ него», женщины срамятъ его на улицѣ и всѣ восемь секцій единодушно требуютъ его ухода. Но депутатъ Бо объявляетъ, что онъ имѣетъ полное право оставаться, такъ какъ онъ чистый яacobинецъ, совершенный террористъ и единственный мэръ—санкюлотъ, которымъ можетъ гордиться община Труа».

Слишкомъ много было бы чести для подобныхъ людей предполагать, что у нихъ есть убѣжденія и принципы. Они обуреваемы жадной сдѣлать зло, у нихъ только обширные аппетиты, для удовольствія которыхъ они пользуются своимъ положеніемъ. Въ Труа торговцы должны поставятъ съѣстные припасы для надобностей стола двадцатичетырехъ санкюотовъ, которымъ Бо поручилъ произвести чистку народнаго общества. До этого революціонный комитетъ подъ предѣлательствомъ гражданскаго комиссара Русселена, проводилъ въ одной гостинницѣ ночи въ попойкахъ, составляя списокъ подозрительныхъ лицъ.

Ничто такъ не возбуждаетъ жестокость какъ пьянство. Въ Страсбургѣ шестьдесятъ пропагандистовъ, расположившихся въ гимназіи вутятъ днемъ и ночью, уничтожая самые лучшіе припасы, которые они отбираютъ путемъ реквизиціи и поглощая самыя лучшія вина, предназначенныя для защитниковъ родины. Вѣроятно, послѣ одной изъ такихъ оргій они съ обнаженными саблями въ рукахъ являются въ Народное Общество и заставляютъ силой вотировать «смерть

безъ суда всѣхъ заключенныхъ въ семинаріи, числомъ болѣе семисотъ человекъ, всѣхъ возрастовъ и безъ различія пола». Когда человекъ хочетъ быть хорошимъ палачемъ, онъ долженъ раньше напиться; такъ дѣлали въ Парижѣ сентябрьскіе избиватели. Такъ какъ революціонное правительство ничто иное какъ организованная дѣйствующая постоянно шайка сентябристовъ, то большинство его агентовъ вынуждены напиваться.

По этой же самой причинѣ, подвергаясь искушенію воровать они воруютъ. Во первыхъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ до обнародованія декрета предоставляющаго имъ вознагражденія, революціонные комитеты сами заботились объ этомъ. Затѣмъ кромѣ законнаго вознагражденія въ три, пять франковъ ежедневно, они берутъ все, что имъ угодно, такъ какъ вѣдь они взимаютъ чрезвычайные налоги и часто, какъ это было въ Монбризонѣ безъ всякихъ вѣдомостей и списковъ. 16 фримера II года, финансовый комитетъ заявляетъ, что поступленіе и расходваніе чрезвычайныхъ налоговъ правительству неизвѣстно, что нѣтъ возможности наблюдать за этимъ, что національное казначейство не получило ни одного поступления этого налога.

Два года спустя, четыре года спустя отчетность революціонныхъ налоговъ, принудительныхъ займовъ и якобы добровольныхъ пожертвованій находится въ полномъ безпорядкѣ. Изъ документовъ на сорока миллиардовъ представленныхъ въ національное казначейство, только двадцать миллиардовъ оправданы провѣренными росписками. Во многихъ случаяхъ росписки не только не имѣютъ цѣны или совершенно отсутствуютъ, но установлено, что полученныя суммы исчезли частью или цѣликомъ. Въ Вильфраншѣ изъ 138.000 франковъ казначей округа получилъ только 42.000, въ Боженси изъ болѣе чѣмъ 500.000 только 50.000, въ Реолѣ изъ 500.000—22.650. «Остальное, пишетъ сборщикъ Вильфранша, было растрчено наблюдательнымъ комитетомъ».

А оправдываемые росписками расходы почти всегда идутъ на выдачу вознагражденій выданныхъ революціоннымъ комитетамъ, патриотамъ, на содержаніе и исправленіе залъ засѣданій Народныхъ Обществъ, на покрытіе издержекъ военныхъ экспедицій, на оказаніе помощи неимущимъ патриотамъ, такъ что триста или четыреста милліоновъ золотомъ и серебромъ, которые были вымогательствомъ отобраны у населенія до конца 1793 года, сотни милліоновъ ассигнаціями отобранныхъ въ 1793 и 1794 годахъ, короче сказать, почти всѣ поступления чрезвычайныхъ налоговъ были на мѣстѣ растрочены санкюлотами.

Существуетъ еще другой, такой же богатый источникъ. Имѣя право по своему произволу распоряжаться состояніемъ, свободой и жизнью гражданъ, они могутъ этимъ торговать и какъ для продавцевъ такъ и для покупателей нѣтъ болѣе выгодной торговли. Всякій богатый или состоятельный человекъ, то есть всякій человекъ имѣющій шансъ быть заключеннымъ въ тюрьму или гильотинированнымъ весьма охотно соглашается внести выкупъ за себя и за своихъ. Если онъ благоразуменъ онъ платитъ до обложенія налогомъ, чтобы не быть обложеннымъ слишкомъ высоко, онъ платитъ послѣ обло-

женія, чтобы добиться уменьшенія или отсрочки, онъ платитъ за то, чтобы быть допущеннымъ въ Народное Общество или не быть оттуда исключеннымъ.

При приближеніи опасности онъ платитъ за полученіе или возобновленіе своего свидѣтельства въ благонадежности, чтобы не быть объявленнымъ подъ подозрѣніемъ, чтобы на него не донесли какъ на заговорщика. Когда же на него донесли онъ платитъ за то, чтобы быть арестованнымъ у себя дома, а не въ арестномъ домѣ, чтобы быть заключеннымъ въ арестномъ домѣ, а не въ общей тюрьмѣ, чтобы съ нимъ не обращались слишкомъ грубо въ общей тюрьмѣ, чтобы имѣть время собрать документы для своего оправданія, чтобы его положили и держали подъ всеми другими дѣлами, чтобы не назначили его дѣло къ слѣдующему засѣданію революціоннаго суда. Поэтому предлагаются безчисленныя взятки и негодьямъ, которыми кишатъ революціонныя комитеты, только остаются наполнять свои карманы.

Опасность, которой они подвергаются, очень невелика, такъ какъ ихъ контролируютъ ихъ единомышленники или же ихъ совсѣмъ не контролируютъ. Впрочемъ ловкіе люди умѣютъ себя зараѣе гарантировать. Напримѣръ, въ Бордо, гдѣ установилась эта тайная торговля, нѣкоего Давилье, одного изъ компаньоновъ крупнаго торговаго дома находящагося у себя подъ арестомъ подъ охраной четырехъ санкюотовъ, 8 брюмера II года предупреждаютъ, «что ему угрожаетъ опасность, если онъ не удовлетворитъ необходимыхъ потребностей комитета и администраторъ округа того мнѣнія, что онъ долженъ внести 150.000 ливровъ. Подъ угрозой отправиться въ тюрьму Давилье выдаетъ Лемоалу вексель въ 150.000 ливровъ, на двадцать дней, на предъявителя и по истеченіи двухъ недѣль онъ путемъ настойчивыхъ просьбъ получаетъ полную свободу. Между тѣмъ Лемоалу считаетъ благоразумнымъ прикрыть свое частное домогательство официальнымъ взысканіемъ. Онъ предлагаетъ Давилье внести официально 150.000. Такимъ образомъ никому не придется въ голову, что онъ уже частнымъ образомъ получилъ съ него эту сумму. Компаньоны Давилье отказываютъ уплатить деньги и Давилье стоитъ большого труда отдѣлаться отъ Лемоала, которому онъ по наступленіи срока векселя, уплачиваетъ все, что онъ въ состояніи уплатить.

Другіе менѣ ловкіе воруютъ открыто, между ними мэръ, семь членовъ военной комиссіи, прованскихъ «семь смертныхъ грѣховъ» и главнымъ образомъ предсѣдатель Лакомбъ, который обѣщаніями выпустить на свободу вымогаетъ у восьми или девяти обвиняемыхъ 358.000 ливровъ. Покупающіе свою свободу и жизнь молчатъ объ этомъ, чтобы не привлечь на себя вниманіе и такимъ образомъ эта торговля продолжается безнаказанно въ теченіе двухъ лѣтъ, при полномъ согласномъ молчаніи продавцевъ и покупателей.

Имѣется еще третій, не менѣ обширный источникъ обогащенія. Когда находящагося подъ подозрѣніемъ человѣка помѣщаютъ въ тюрьму, все что онъ принесъ съ собой, все что онъ оставилъ у себя дома, становится добычей. Въ Тулузѣ, въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, комиссары принимаютъ у заключенныхъ всѣ цѣнныя вещи;

во многихъ случаяхъ золото, серебро, ассигнаціи и драгоценныя камни, конфискованные въ пользу казны, застрѣваютъ у тѣхъ, которые произвели конфискацію. Въ Пуатье, семь негодяевъ стоявшихъ во главѣ царившей олигархіи сами сознаются послѣ Термидора, что они воровали вещи арестованныхъ. Въ Оранжѣ «гражданка Віо, жена публичнаго обвинителя, гражданки Ферне и Раго, жены двухъ судей» сами являются осматривать принадлежащія обвиняемымъ вещи и выбираютъ для себя серебряныя застѣжки, тонкое бѣлье и кружева.

Но то, что арестованные или эмигранты унесли съ собою пустиакъ въ сравненіи съ тѣмъ, что они оставили у себя дома и что находится подъ севестромъ. А подъ севестромъ находятся всѣ духовныя и сеньеральныя постройки, замки и дома съ мебелировкой и также большая часть прекрасныхъ буржуазныхъ домовъ, значительное число другихъ помѣщеній меньшихъ, но отлично мебелированныхъ и обильно снабженныхъ всѣмъ бережливими провинціалами; кромѣ того почти всѣ склады и магазины крупныхъ промышленниковъ и купцовъ—это составляетъ громадную добычу, каковой еще никогда не было: Всѣ предметы пріятныя для обладанія нагромождены кучами, а кучи эти разсыяны сотнями тысячъ на двадцати шеститысячахъ квадратныхъ лье французской территоріи. Собственника этому имуществу нѣтъ кромѣ націи, неопредѣленнаго лица, котораго никто не видитъ; между безхозяйной добычей и его завоевателями нѣтъ другихъ преградъ кромѣ печати судебной власти то-есть простого плохо припечатаннаго къ имуществу куска бумаги.

Замѣтьте, что охраняютъ добычу какъ разъ санкюлоты, которые ее добыли, что они бѣдны, что это обиліе вещей полезныхъ или драгоценныхъ даетъ имъ сильнѣе почувствовать ихъ собственную бѣдность. А затѣмъ съ первыхъ же дней Революціи развѣ имъ не обѣщали, что въ ихъ собственность перейдутъ 40.000 домовъ, дворцовъ и замковъ, двѣ трети имуществъ во Франціи? Въ этотъ же самый моментъ развѣ командированные депутаты не поощряютъ ихъ вожделѣнія? Развѣ Альбатъ и Колло д'Эрбуа въ Лионѣ, Оруше въ Неверѣ, Жавогъ въ Монбризонѣ не объявляютъ, что имущество контръ-революціонеровъ и излишекъ богатыхъ являются естественно прибрѣтеннымъ имуществомъ санкюлотовъ? Развѣ въ прокламаціяхъ Монестье не сказано, что поселяне, могутъ до отъѣзда измѣрить громаднаго помѣстья своихъ господъ, выбрать, такъ сказать, помѣстье, которое, по возвращеніи ихъ увеличить ихъ собственность, состоящую въ лачугѣ... подцѣпить себѣ часть поля и участковъ земли при замкѣ бывшаго графа или маркиза? А почему же не часть ихъ обстановки, какую нибудь кровать или шкафъ?—Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что каждую минуту грубыя и алчныя руки разрываютъ тонкой листикъ бумаги охраняющій севестрированную обстановку и конфискованный товаръ.

Когда послѣ Термидора хозяинъ вернется въ свой домъ, онъ большею частью найдетъ его пустымъ. Въ городахъ похищенія эти отличаются большею дерзостью, чѣмъ въ деревняхъ. Въ Валазсьенѣ, якобинскіе главари муниципалитета извѣстны подъ кличкой «срывателей печатей и воровскихъ патріотовъ». Въ Лионѣ Маратисты на-

зываютъ себя друзьями Шалье «по признанію самихъ же якобинцевъ разбойники, воры и злодѣи». А они то въ количествѣ трехсотъ или четырехсотъ человѣкъ и составляютъ тридцать два наблюдательныхъ комитета и сто пятьдесятъ главарей «всѣ администраторы» одни входятъ въ составъ Народнаго Общества. Они считаютъ, что въ этомъ городѣ съ 120.000 населеніемъ, ихъ всего около 3000 и они рассчитываютъ подѣлить между собой все состояніе лионскаго населенія». Этотъ громадный пирогаъ принадлежитъ имъ, они не допускаютъ, чтобы въ дѣлѣжъ приняли участіе посторонніе люди, парижане и они намѣрены уничтожить его одни, по своему желанію, безъ контроля до послѣдняго кусочка.

Что касается ихъ «системы», то она заключается въ томъ, чтобы торговать правосудіемъ, доносами, держать подъ секвестромъ по крайней мѣрѣ 4000 семей, наладывать всюду въ домахъ и магазинахъ печати, не приглашать заинтересованныхъ лицъ, которые могли бы наблюдать за ихъ операціями, выгонять изъ дому женщинъ, дѣтей, слугъ, которые могли бы свидѣтельствовать объ ихъ воровствахъ, не составлять инвентарей, устраиваться самимъ и устраивать своихъ единомышленниковъ сторожами при имуществѣ за 5 франковъ въ день и расхищаетъ все въ полномъ согласіи съ администраторами.

Даже депутаты не имѣютъ возможности ихъ укротить. «Даже если вы будете свидѣтелями ихъ преступленія, пишетъ депутатъ Журтуа, вы должны закрыть глаза, или въ противномъ случаѣ всѣ будутъ кричать о притѣсненіи патриотовъ: это система для того, чтобы нельзя было никого найти... Мы сдѣлали постановленіе, которымъ запрещается всѣмъ властямъ снимать печати безъ нашего разрѣшенія и послѣ этого запрещенія взломали опечатанный магазинъ, сломали замокъ и разграбили его, на нашихъ глазахъ, въ нашемъ собственномъ домѣ. А кто были грабители? Два комиссара комитета опоражнивавшіе магазинъ безъ нашего разрѣшенія и не имѣвшіе даже полномочій комитета. Это ежедневное ирегулярное разграбленіе, оно началось 10 октября 1793 года и продолжалось съ этого времени безъ перерыва и какъ мы видѣли 23 флореала II года, что-есть 26 апрѣля 1794 года, двѣсти тринадцать дней спустя, оно все еще продолжается.

Послѣдній источникъ обогащенія. Среди хищенія своихъ агентовъ Республика безгранично воруя съумѣла, хотя ее обворовали въ свою очередь, сохранить у себя многое: во первыхъ, предметы обстановки слишкомъ громоздкіе, крупныя партіи товаровъ, добыча дворцовъ, замковъ, аббатствъ и церквей, во вторыхъ, и главнымъ образомъ, недвижимыя имущества, земли и строенія. Для удовлетворенія своихъ нуждъ она пускаетъ это съ торговъ и кто хочетъ приобрести это, тотъ долженъ только принять участіе въ торгахъ. Давшій высшую цѣну становится законнымъ собственникомъ. При томъ можно приобрести за безцѣнокъ, можно окупить, напримѣръ, расходы по покупкѣ какого нибудь замка, продавъ только паревоукрѣплетку и свинцовыя части крыши.

Здѣсь можно кое что заработать и во первыхъ, на предметахъ роскоши и искусства. «Одна только номенклатура этихъ предметовъ

похищенных уничтоженных или испорченных составила бы несколько томовъ». Съ одной стороны комиссары при аукціонахъ пускаютъ въ продажу все, что только могутъ, избѣгаютъ хранить предметы общественной пользы и пускаютъ съ торговъ коллекціи и библиотеки, чтобы получить свой процентъ съ вырученной суммы. Съ другой стороны почти всѣ эти комиссары—старьевщики. Такъ какъ они одни понимаютъ толкъ въ рѣдкихъ вещахъ, то они обезцѣниваютъ ихъ, пуская, на примѣръ, въ продажу разобранныя части машины, чтобы потомъ купить ихъ тайкомъ и «обезпечить себѣ громадные барыши». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они дѣйствуютъ черезъ подставныхъ лицъ и сообщниковъ.

Выгоды отъ продажъ движимостей громадны, каковы же выгоды отъ продажи недвижимостей? Вотъ на этомъ то строятъ свои громадныя состоянія ловкіе террористы; этимъ объясняется происхожденіе «колоссальныхъ богатствъ, которыми мирно пользуются послѣ Термидора эти завѣдомые негодяи, которые до Термидора были, каждый въ своемъ каптонѣ маленькими Робеспьерами, эти патриоты, которые строятъ воеругъ Орлеана дворцы, которые въ Валансьеннѣ, разграбивъ общественную и частную собственность, владѣютъ домами и имуществомъ Эмигрантовъ, которые они приобрѣли на торгахъ за цѣну въ сто разъ ниже ихъ дѣйствительной стоимости».

Национальное имущество продается по низкой цѣнѣ и у плутовъ достаточно оснований, чтобы оправдать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. Развѣ имущество контръ-революціонеровъ можетъ попасть въ лучшія руки, чѣмъ въ руки патриотовъ? Развѣ по мнѣнію Марата, апостола, мученика, канонизированнаго святого революціи, цѣль революціи не состоитъ въ томъ, чтобы отнять богатство отъ сильныхъ и передать его слабымъ? Вездѣ при національныхъ продажахъ съ торга, при охраненіи севестрированнаго имущества, при разрѣшеніи вопросовъ о выкупахъ, чрезвычайныхъ налоговъ, займахъ и революціонныхъ захватахъ, эта точка зрѣнія одерживаетъ верхъ. Нигдѣ, въ печатныхъ и рукописныхъ документахъ, я не встрѣчалъ революціоннаго комитета, который былъ бы въ одно и то же время честнымъ и проиненутымъ террористическими взглядами. Документовъ конечно очень много; единственный пробѣлъ, это недостатокъ свѣдѣній относительно личностей и именъ всѣхъ членовъ даннаго комитета.

Но вотъ между прочимъ одинъ комитетъ, въ которомъ можно, благодаря подробному разслѣдованію, наблюдать всѣ разновидности одного и того же типа якобинцевъ, каждый изъ которыхъ хватается, что ему нравится болѣе другихъ и каждый чувствуетъ предпочтеніе къ захвату определенной добычи.

Въ Навтѣ «Пинаръ заботится о нуждахъ комитета и велитъ доставлять каждому изъ членовъ все, въ чемъ они нуждаются для домашняго обихода». «Галлонъ присваиваетъ себѣ масла, воды, Дюрассе дѣлаетъ домашніе обыски и требуетъ контрибуцій», между прочимъ, «онъ вымогаетъ у гражданина Лемуана 2500 ливровъ подъ угрозой заключить его въ тюрьму». «Но одинъ снимаетъ и накладываетъ печати на имущество заключенныхъ, дѣлаетъ ночные обыски въ ихъ домахъ и присваиваетъ себѣ все, что ему нравится».

Гранмезонъ присваиваетъ себѣ секвестрируемое серебро, а Башелье серебро, которое жертвуютъ. «Жолли забираетъ все, что находитъ, серебро, драгоценные камни, дорогія вещи.» «Перрошо требуетъ у гражданки Оллемаръ-Дюданъ 50.000 ливровъ подъ угрозой посадить ее въ тюрьму», конфискуетъ у вдовы Денъ-Малле 60.000 фунтовъ табака и когда та протестуетъ, онъ самъ отводитъ ее въ тюрьму подъ предлогомъ, что онъ заступится за нее. Шо устраняетъ путемъ устрашенія «своихъ конкурентовъ на торгахъ, заставляетъ присудить себѣ всѣ фермы имѣнія Баруассьеръ и желая завладѣть однимъ домомъ, который ему нравится, говоритъ: «я знаю способъ достать его, я арестую собственника и чтобы быть выпущеннымъ изъ тюрьмы онъ будетъ очень радъ предоставить мнѣ его». Въ данномъ случаѣ коллекція полная и здѣсь воедино собраны всѣ образцы, которые разсыяны на остальной территоріи Франціи.

VII.

Остаются послѣдніе чернорабочіе системы, хватающія руки, вооруженная сила. Для этого во первыхъ употребляютъ національную гвардію и обыкновенную жандармерію. Понятно, начиная съ 1792 года оба эти рода войскъ подвергли постоянной фильтраціи, такъ что въ нихъ теперь остались только яростные фанатики и автоматы; тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ развитія системы управленія ихъ продолжаютъ фильтровать. Въ Страсбургѣ 14 брюмера представители смѣстили, арестовали и отправили въ Дижонъ весь главный штабъ національной гвардіи въ качествѣ заложниковъ до наступленія мира; три дня спустя, обративъ вниманіе, что городская кавалерія экипировалась и снарядилась на свой счетъ, они приходятъ къ убѣжденію, что она аристократична и буржуазна, забираютъ ея лошадей и арестуютъ ея офицеровъ.

Въ Труа по той же причинѣ не менѣе грубымъ образомъ «гражданскій національный комиссаръ Русселенъ смѣщаетъ сразу всѣхъ жандармовъ кромѣ четырехъ, «забираетъ ихъ экипированныхъ лошадей и все оружіе для того, чтобы передать ихъ извѣстнымъ и испытаннымъ санжюлотамъ». Такъ какъ въ принципѣ одни нуждающіеся, санжюлоты сердцемъ и одеждой имѣютъ право носить оружіе и когда на караулѣ стоитъ буржуа ему даютъ пику, которую сейчасъ же отнимаютъ отъ него какъ только онъ уходитъ съ караула.

Но наряду съ обыкновенной вооруженной силой есть еще другая, болѣе удачно выбранная и болѣе дѣятельная, специальная, странствующая и вмѣстѣ съ тѣмъ пребывающая на «одномъ мѣстѣ» жандармерія. Я говорю о «революціонной арміи» заведенной правительствомъ и представителями начиная съ 5 сентября 1793 года въ Парижѣ и въ большинствѣ крупныхъ городовъ.

Въ Парижѣ она состоитъ изъ 6000 человекъ съ 1200 канонирами и она посылаетъ отряды въ провинцію, 2000 человекъ въ Лионъ, 2000 человекъ въ Труа, Изабо и Талленъ имѣютъ 3000 человекъ, въ Бордо, Салисети, Альбитъ и Гаспаренъ—2000 человекъ, въ Марсели, Изоре и Дюкануа 1000 человекъ, въ Лиллѣ, Жавогъ — 1200

въ Монбризонѣ. Другіе менѣе многочисленныя отряды отъ 200 до 600 человекъ, занимаютъ Миченъ, Гренобль, Безансонъ, Бельфоръ, Бургъ, Дижонъ, Страсбургъ, Тулузу, Ошъ, Нантъ. Когда 27 марта 1794 года комитетъ Общественнаго Спасенія угрожаемый Геберомъ распускаетъ эти отряды, такъ какъ они приверженцы Гебера, многіе изъ нихъ будутъ продолжать свое существованіе, подъ различными видами и названіями. Иногда мѣстная администрація сохраняетъ ихъ подъ названіемъ «наемная стража», иногда солдаты распущенныя по домамъ добиваются мѣста въ національной гвардіи своего родного города и такимъ образомъ продолжаютъ службу, являющуюся необходимой, такъ какъ при посредствѣ ихъ утвердился и царствуетъ настоящій режимъ.

«Революціонная армія, говорится въ декретахъ и въ постановленіяхъ объ ея учрежденіи, предназначена подавлять движенія контръ-революціонеровъ, выполнять вездѣ, гдѣ это понадобится, революціонныя законы и мѣры для общественной безопасности,» то есть, «сторожить арестованныхъ, задерживать подозрительныхъ, разрывать замки, снимать колокола, выбирать изъ алтарей золотыя и серебряныя вещи, захватывать господскіе экипажи и лошадей», въ особенности «отыскивать запасы и скупленные вещи», однимъ словомъ она должна на мѣстахъ распространять физическій страхъ. Поэтому можно тотчасъ же понять изъ какихъ именно солдатъ состоитъ революціонная армія.

Конечно она состоитъ только изъ ультра-якобинцевъ, такъ какъ она набирается изъ добровольцевъ и всѣ кандидаты проходятъ черезъ горнило влюбозвѣ. Понятно, что она состоитъ только изъ пролетаріевъ, такъ какъ жалованья полагается 40 су въ день. Понятно, что въ виду столь же отвратительныхъ, сколько ужасныхъ обязанностей, она состоитъ только изъ безработныхъ, принужденныхъ вступать въ ея ряды для того, чтобы не умереть съ голода, «изъ парикмахеровъ безъ дѣла, изъ лакеевъ безъ мѣста, изъ бродягъ, негодяевъ, неспособныхъ зарабатывать себѣ на жизнь честнымъ трудомъ» изъ всякаго сброда людей расчтывающихъ среди общественаго разбоя заниматься разбоемъ частнымъ, изъ привыкшихъ къ грязи отбросовъ, чувствующихъ величайшее удовольствіе бросить въ грязь своихъ бывшихъ начальниковъ и занять ихъ мѣста, довазять своею дерзостью и наглостью, что теперь они господа.

«Бери лошадь, нація за нее заплатитъ, говорили уличнымъ пріятелямъ Бордосскіе санкюлоты, когда они «великолѣпнымъ кортежемъ», въ трехъ берлинахъ запряженныхъ шестью лошадьми каждая, съ эскортомъ сзади, спереди и съ боковъ, вели въ тюрьму Риуффа и двухъ другихъ подозрительныхъ людей. Начальникъ отряда ведущій въ Парижѣ плѣнниковъ и «спекулирующій на нихъ такъ что они чуть не умираютъ съ голоду»—бывшій поварь поступившій потомъ въ жандармы. Онъ всячески издѣвается надъ арестованными и въ концѣ концовъ призываетъ двухъ кузнецовъ и велитъ имъ приковать къ ногамъ еаждаго арестанта ядра въ восемьдесятъ фунтовъ вѣсомъ.

Чѣмъ сборки грубѣе, тѣмъ болѣе они чувствуютъ себя неограниченными повелителями. Въ Бельфорѣ, на гражданскихъ похоронахъ

одного патриота, къ кортежу присоединяется революціонный отрядъ. Всѣ солдаты вооружены топорами; придя на кладбище для того, чтобы устроить болѣе пышныя гражданскіе похороны «они срубаютъ всѣ гробы, устраиваютъ изъ нихъ вострыя и пѣниемъ карманолы заканчивается этотъ навсегда памятный день».

Иногда сцена, театральная и разыгрываемая при свѣтѣ факеловъ, оставляетъ у дѣйствующихъ лицъ впечатлѣніе, что они совершили что-то необыкновенное и заслуживающее похвалы, что они спасли отчизну. «Сегодня ночью, пишетъ національный агентъ Бордо, около 3000 человекъ были употреблены для важной экспедиціи; во главѣ ихъ были члены революціоннаго комитета и муниципалитета. Отправились ко всѣмъ крупнымъ негодяямъ города, забрали ихъ переписку, опечатали ихъ конторы, а ихъ самихъ арестовали и отправили въ семинарію. Горе виновнымъ!

Если заслуживаетъ похвалы столь быстрый арестъ въ городѣ цѣлаго класса, то еще большую похвалу заслуживаетъ арестъ цѣлаго города. Отправились изъ Марсели въ маленькую армію два санжюлота объѣзжаютъ городъ Мартигъ. Экспедиція ихъ очень удачна: въ этомъ городѣ съ 5000 населеніемъ имѣется только 17 патриотовъ; всѣ остальные федералисты или умѣренные. Вслѣдствіе этого всѣхъ обезоруживаютъ, всюду производятся обыски и побѣдители уходятъ, увозя съ собой 500 здоровыхъ молодыхъ людей и оставляютъ въ городѣ отрядъ санжюлотовъ для того, чтобы держать населеніе въ повиновеніи. Будьте увѣрены, что населеніе будетъ повиноваться гарнизону, который, соединившись съ семнадцатю патриотами, воспользуется плодами своего завоеванія.

И въ самомъ дѣлѣ все въ ихъ власти и состояніи, и жизнь. Они поэтому дѣйствуютъ, какъ имъ заблагоразсудится. Они сначала въ деревняхъ дѣлаютъ обыски въ чердакахъ и амбарахъ, заставляютъ крестьянъ молотить хлѣбъ и провѣряютъ вѣрны-ли заявленія собственниковъ о количествѣ имѣющагося у нихъ хлѣба. Если хлѣбъ еще не смолотъ, онъ будетъ тотчасъ же смолотъ и конфискованъ, а хозяинъ посидитъ годъ въ тюрьмѣ. Если заявленія его не согласны съ истиной, онъ будетъ осужденъ какъ скупщикъ и присужденъ къ смертной казни. Вооруженная этимъ постановленіемъ каждая шайка пускается въ походъ и забираетъ не только хлѣбъ, но и всякаго рода съѣстные припасы. «Гренобльскій отрядъ, пишетъ агентъ, дѣлаетъ чудеса. Въ одной только маленькой общинѣ онъ нашель 400 мѣръ овса, 1200 яицъ и 600 фунтовъ масла. Все это тотчасъ-же было отправлено въ Гренобль».

Въ окрестностяхъ Парижа, авангардъ отрядовъ, вооруженный «виллами и штыками, вторгается въ фермы, захватываетъ быковъ, овецъ и домашнюю птицу, поджигаетъ овины и продаетъ свою добычу спекуляторамъ». Крестьяне доставляютъ все, что отъ нихъ требуютъ: сало, яйца, масло, цыплятъ, проглияя втихомолку республику, принесшую имъ войну и голодъ. Они повинуются, потому что не повиноваться нельзя. Поэтому они рады, если имъ только удастся отдѣлаться хотя-бы этой цѣной. 9 брюмера, около 7 часовъ вечера, около Корбейль, двадцать пять человекъ «вооруженныхъ саблями и пистолетами, большинство которыхъ было въ формѣ

національныхъ гвардейцевъ», являются къ семидесятилѣтнему крестьянину Жильбону, заявляя, что они принадлежатъ къ революціонной арміи; пятьдесятъ человѣкъ стоятъ на улицѣ для обезпеченія успѣха экспедиціи. Ихъ предводитель. Тюро, адъютантъ генерала Генрію, спрашиваетъ, гдѣ хозяинъ.— «Въ постели!»— «Разбудить его». — «Выдай свое оружіе». — Жена его выдаетъ единственное оружіе въ домѣ охотничье ружье. Тотчасъ же шайка бросается на бѣднаго человѣка «бьетъ его, связываетъ ему руки, надѣваетъ ему на голову мѣшокъ», тоже самое дѣлаютъ съ его женой, восьмью слугами и двумя служанками.

«Теперь давай ключи шкаповъ, мы хотимъ провѣрить нѣтъ-ли у тебя королевскихъ лилій или другихъ вещей противныхъ закону». Обыскиваютъ его карманы, вырываютъ у него ключи; для ускоренія дѣла взламываютъ шкапы, забираютъ и уносятъ все серебро: «26 блюдъ, 3 супныхъ ложки, 3 стакачика, 2 табакерки, 40 жетоновъ, 2 пары часовъ, золотые часы, золотой крестъ». «Мы занесемъ все это въ протоколъ, когда мы вернемся въ Мо. А теперь гдѣ у тебя деньги? Если ты не уважешь, я самъ буду твоимъ палачемъ». — Старикъ не отказывается, онъ только проситъ, чтобы его развязали, ео для того, чтобы вырвать у него все что нужно, лучше его оставить связаннымъ. Его несутъ въ кухню, ноги его кладутъ въ пылающій очагъ. Онъ громко кричитъ, указываетъ на другой шкафъ. Шкапъ взламывается, уносятъ все что наши тамъ: «72 франка звонкой монетой и до 6000 ливровъ ассигнаціями, которые Жильбонъ только что получилъ за поставленный при ревизиіи овесъ и залѣмъ они разбиваютъ двери погреба, выпускаютъ изъ бо чьи укусы, берутъ изъ погреба вино, устраиваютъ себѣ ужинъ, напиваются и оставивъ Жильбона съ обгорѣвшими ногами связаннымъ подобно остальнымъ одиннадцати, они удаляются увѣренные въ томъ, что ихъ не будутъ преслѣдовать. Въ городахъ, въ особенности въ федералистскихъ мѣстностяхъ случаи воровства усложняются другими покушеніями. Въ Лионѣ, тогда какъ регулярныя войска размѣщены въ казармахъ, у жителей города помѣщаютъ революціонную армію, тѣ двѣ тысячи гнусныхъ воришекъ, которыя пришли изъ Парижа и которыхъ самъ ихъ генералъ Ронсенъ называетъ „негодяями, разбойниками“, приводя въ извиненіе, «что нельзя найти честныхъ людей для такого ремесла». Можно предвидѣть какъ они будутъ обращаться со своимъ хозяиномъ, съ его женой и дочерями; современники умалчиваютъ объ этомъ и изъ стыдливости или отвращенія, избѣгаютъ подробностей. Нѣкоторые просто на просто пускаютъ въ ходъ физическую силу, другіе избавляются путемъ гильотины отъ неудобнаго мужа; самые скромные приводятъ съ собой своихъ любовницъ.

Для большей вѣрности нѣсколько членовъ комитета въ Нантѣ сами наблюдаютъ за эзекуціями и принимаютъ участіе въ бойняхъ. Одинъ изъ нихъ Гулленъ, Креоль изъ Санъ-Деминго, чувственный и нервный человѣкъ, привыкшій обращаться съ негромъ какъ съ животнымъ и съ французомъ какъ съ бѣлымъ негромъ, сентябристы изъ принципа, главный вдохновитель и руководитель потопленія, самъ отправляется въ тюрьму за арестованными и убѣдившись, что

смерть, болѣзнь унесла многихъ, а нѣкоторые были отпущены на свободу, своей властью вносить въ списокъ приговоренныхъ къ смерти пятнадцать взятыхъ на удачу именъ, чтобы достичь определенной цифры.

Другой, Жоли, комиссаръ комитета очень опытный въ искусствѣ вязать людей, самъ связывалъ по двое арестованныхъ и велъ ихъ къ рѣкѣ. Членъ комитета Гранмезонъ, бывший учитель фехтованія, дважды присужденный къ смертной казни до революціи и дважды помилованный, саблей срубалъ поднятыя къ нему съ мольбою руки, протягивающіяся изъ подъ пола судна, съ котораго бросали въ Луару людей. Другой комиссаръ комитета Пинаръ, облагалъ данью, занимался въ деревняхъ воровствомъ и самъ убивалъ предпочтительно женщинъ и дѣтей. Повятно, что три отряда, оперирующіе подъ ихъ начальствомъ, заключаютъ въ себѣ только подобныхъ имъ людей.

Въ первомъ, называемомъ отрядъ Марата, каждый изъ шестидесяти человѣкъ даетъ при вступленіи вклятву усвоить себѣ принципы Марата, и одинъ изъ основателей его Гулленъ при приѣмѣ каждаго новичка спрашиваетъ: А нѣтъ ли другого болѣе отъявленнаго злодѣя. Намъ нужны люди такого рода, чтобы образумить аристократовъ. Начиная съ 5 фримера «Мараты» хвалятся тѣмъ, что руки у нихъ «устали» отъ ударовъ наносимыхъ саблями плашмя арестованнымъ, когда они ихъ гнали къ Луарѣ и видно, что не смотря на усталость, это занятіе имъ пріятно. Ихъ офицера дѣятельно домогаются у Карье, чтобы имъ было поручено производить потопленія, такъ какъ вѣдь оно приносить выгоды.

Предварительно приговоренныхъ къ подобной смерти мужчинъ и женщинъ обираютъ вплоть до рубашки, а иногда прихватываютъ и рубашку. Было бы такъ жалко, если бы цѣнные вещи пошли ко дну вмѣстѣ съ ихъ владѣльцемъ, поэтому ихъ дѣлили между собой. Впослѣдствіи у адъютанта Ришара находятъ цѣлый шкапъ, наполненный драгоценностями и часами. На четырехъ или пяти тысячахъ пополненныхъ отрядъ шестидесяти должно быть сильно нажилса.

Второй отрядъ, называемый «Американскими гусарами» работающій въ предмѣстьи состоитъ изъ негровъ и мулатовъ, довольно многочисленныхъ въ этомъ торговомъ городѣ. Имъ даютъ разстрѣливать женщинъ, и они ихъ предварительно насилуютъ. «Это наши рабыни, говорятъ они, мы заработали ихъ своимъ потомъ и кровью». Тѣ, которыя имѣютъ несчастье быть ими пощажеными, сходятъ съ ума въ ихъ рукахъ черезъ два дня, а затѣмъ ихъ немного по года берутъ и разстрѣливаютъ.

Послѣдній отрядъ, называемый Германскимъ легиономъ состоитъ изъ нѣмецкихъ дезертировъ, или наемниковъ, или вовсе не говорящихъ по французски. Военная коммиссія пользуется ими для убійства подбираемыхъ на дорогахъ вандеекъ; обыкновенно они разстрѣливаютъ ихъ группами по двадцать пять человѣкъ. «Я очутился, говорить одинъ очевидецъ, въ ущельи, въ которомъ была камнеломня въ формѣ полукруга, я увидалъ тѣла семидесяти пяти женщинъ, голыхъ и лежащихъ на спинѣ». Тѣ, которыхъ приводили

въ этотъ день имѣли отъ шестнадцати до восемнадцати лѣтъ; одна изъ нихъ сказала солдату, который ее велъ: «я вижу, что вы ведете меня на смерть», а нѣмецъ отвѣтилъ ломанымъ языкомъ вѣроятно съ громкимъ смѣхомъ: «Нѣтъ, вы только перемѣните воздухъ». Ихъ выстраиваютъ передъ труппами предыдущихъ дней и ихъ разстрѣливаютъ. Тѣхъ которыя не пали подъ выстрѣлами разстрѣливаютъ вторично и раненыхъ добиваютъ ударами ружейныхъ прикладовъ. Затѣмъ нѣмцы обшариваютъ мертвецовъ, другіе ихъ раздѣваютъ и «кладутъ ихъ на спину».

Для того чтобы найти людей способныхъ на это дѣло, пришлось обратиться не только къ послѣднимъ злодѣямъ Франціи, но даже къ звѣрямъ чужеземной расы. Хуже того къ звѣрямъ низшей расы, приниженой рабствомъ и развращенной распущенностью поведенія.

Таковъ сверху до низу лѣстница, на всѣхъ ступеняхъ власти и послушанія персоналъ революціоннаго правительства. Своимъ реруцитованіемъ, своими нравами и дѣйствіями онъ вызываетъ въ памяти образъ своихъ почти забытыхъ предшественниковъ, а таковыя вѣды у него были въ XIV, XVI и XVII столѣтіяхъ. И въ то время общество иногда подвергалось разгрому со стороны варваровъ; опасные кочевники, вредные бродяги, бандиты ставшіе солдатами вдругъ обрушивались на промышленное и мирное населеніе. Они жили на счетъ какого нибудь города или провинціи въ теченіе десяти, пятнадцати мѣсяцевъ, двухъ лѣтъ, пока городъ или провинція окончательно не опустошалась. Они одни были вооружены, они распоряжались жизнью и состояніемъ жителей и злоупотребляли этимъ. Но они были открыты бандитами. Они сами называли себя рушителями, рейтрами, авантюристами; они не выдавали себя за гуманитарныхъ философовъ. Впрочемъ, сверхъ немедленнаго и личнаго удовлетворенія своихъ страстей, они ничего не требовали; они употребляли грубую силу только удовлетворенія свой жадности своей жестокости, своего сладострастія. А тѣ наносить большій ущербъ, они предаются систематическому опустошенію предписываемому имъ антисоціальной теоріей, которой они пропитаны.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Управляемые.

ГЛАВА I.

Угнетаемые.—I. размѣры революціонной бойни.—Четыре средства убійенія.—Изгнаніе путемъ принудительной эмиграціи и законной ссылки.—Число изгнанныхъ.—Лишеніе физической свободы.—Находящіеся подъ домашнимъ арестомъ, заключенные въ тюрьму.—Ихъ число и положеніе.—Убійство по приговору суда или безъ суда.—Число гильотинированныхъ или разстрѣлянныхъ по судебному приговору.—Необходимость и планъ болѣе обширной бойни.—Ограбленіе.—Расточительство.—Разореніе частныхъ лицъ и государства.—Самые угнетаемые это нотабли.—II. Значеніе нотаблей въ обществѣ.—Разныя виды нотаблей въ 1789 году.—Свѣтскіе люди.—Ихъ умѣнье

жить.—Ихъ интеллектуальная культура.—Ихъ гуманность и ихъ филантропія.—Ихъ нравственный закалъ.—Практическіе люди.—Откуда они набираются.—Ихъ компетентность.—Ихъ активная доброта.—Ихъ рѣдкость и цѣнность.—III. Три класса нотаблей.—Дворянство.—Его физическое и нравственное подготовленіе къ военной службѣ.—Военный духъ.—Поведеніе офицеровъ съ 1879 по 1792 годъ.—Къ какой роли подходило это дворянство.—IV. Духовенство.—Откуда оно вербовалось.—Приманка этой профессіи.—Независимость духовныхъ лицъ.—Прочность ихъ заслугъ.—Ихъ теоретическое образованіе и практическая свѣдомленность.—Польза приносимая ими.—Ихъ поведеніе съ 1789 по 1800 годъ.—Ихъ отвара.—Ихъ способность самопожертвованія.—V. Буржуазія.—Изъ кого она состояла.—Разница между чиновникомъ стараго режима и современнымъ чиновникомъ.—Корпорациа.—Независимость и безопасность чиновника.—Тщеславіе его ограничено и удовлетворено.—Нравы честные и скромные.—Стремленіе пользоваться уваженіемъ.—Интеллектуальная культура.—Либеральныя идеи.—Поведеніе буржуазіи съ 1789 по 1800 годъ.—VI. Полу-нотабли.—Изъ кого они состояли.—Сельскіе и пеховыя синдикаты.—Компетенція ихъ избирателей.—Ихъ способности и честность.—Условія прогресса для семьи.—Наслѣдственное и личное право нотабля на свое имущество и положеніе.—VII. Принципы эгалитарнаго социализма.—Всякое превосходство условий жизни незаконно.—Значеніе этого принципа.—Выгоды и удовольствія недостойныя гражданина.—Какимъ образомъ революціонныя законы касаются также и низшаго класса.—Пропорція престопаго въ проскрипціонныхъ спискахъ.—Какимъ образомъ революціонныя законы болѣе сурово поражаютъ нотаблей народа.—VIII строгость нравовъ увеличивается по мѣрѣ повышенія класса.—Нотабли въ строгомъ смыслѣ этого слова поражены въ качествѣ нотаблей.—Постановленія Тайльфера, Милои Лефіо.—Публичное покааніе въ Монтаржисѣ.—IX Двѣ черты высшаго класса, богатство и образованіе.—Каждая изъ этихъ отличительныхъ чертъ преступленіе.—Мѣры противъ богатыхъ или состоятельныхъ людей.—Они поражаются массами и категоріями.—Мѣры противъ людей образованныхъ и вѣжливыхъ.—Опасность культуры и благовопитанности.—Общая проскрипція «честныхъ людей».—X Управляемые и правители.—Революціонный Комитетъ Краснаго Креста.—Маленькій Дофинъ и его воспитатель Симонъ.—Судьба и судимые.—Треншаръ и Кофенгазъ, Лавуазье и Андре Шенье.

I.

Прежде всего якобинцу важно уничтожить своихъ враговъ завѣдомыхъ или мнимыхъ, вѣроятныхъ или возможныхъ. Четыре насильственныхныя мѣры способствуютъ вмѣстѣ или одна за другой физической или социальной гибели Французовъ не входящихъ въ составъ секты или партій или вышедшихъ изъ ея состава.

Первая операція заключается въ изгнаніи ихъ съ французской территории. Съ 1789 года посредствомъ принудительной эмиграціи ихъ выбросили за бортъ. Три четверти ихъ предоставленные безъ защиты, не имѣя разрѣшенія сопротивляться сельскимъ жакеріямъ и городскимъ возмущеніямъ, покинули Францію только для того, чтобы избѣжать пародныхъ насилій, противъ которыхъ законъ и администрація ихъ больше не защищали. По мѣрѣ того какъ законъ и администрація, становясь все болѣе якобинскими, относились къ нимъ съ большей враждебностью они уѣзжали все въ болѣе и болѣе числѣ.

Послѣ 10 августа и 2 сентября они принуждены были бѣжать массами, такъ какъ если отнынѣ кто-нибудь изъ нихъ упорствовалъ въ своемъ желаніи остаться ему почти навѣрное предстояло быть брошеннымъ въ тюрьму и ожидать тамъ убійства или гильо-

тины. Около этого же времени, къ бѣглецамъ законъ присоединилъ изгнанниковъ, всѣхъ не давшихъ присягу священниковъ, цѣлый классъ, около 40.000 человекъ. Полагаютъ, что послѣ Террора весь списокъ бѣглецовъ и изгнанниковъ заключалъ въ себѣ болѣе 150.000 именъ. Ихъ было бы больше, если бы граница не охранялась патрулями, если бы не нужно было рисковать жизнью для того, чтобы перейти черезъ нее. А между тѣмъ, чтобы перейти черезъ нее многіе рискуютъ своей жизнью, блуждаютъ ночью, переодѣтые, подъ выстрѣлами, рѣшившіеся бѣжать во чтобы то ни стало въ Швейцарію, въ Италію, въ Германію и даже въ Венгрію, чтобы найти тамъ безопасное убѣжище и получить право молиться Богу по обрядамъ своего вѣрованія.

Если кто либо изъ изгнанныхъ и сосланныхъ рискуетъ вернуться, его выслѣживаютъ какъ дикаго звѣря. Какъ только его захватываютъ, его гильотинируютъ. Г. де-Шуазель и другихъ несчастныхъ выбрасываетъ бурей къ берегу Нормандіи. Международное право, недостаточно для ихъ защиты. Ихъ отдаютъ на судъ военной комиссіи. Спасенные временно благодаря еднородному крику состраданія, они остаются въ тюрьмѣ пока первый консулъ не вмѣшивается между ними и человѣкоубійственнымъ закономъ и смилостившись не соглашается отправить ихъ на голландскую границу.

Если они подняли оружіе противъ Республики, человѣческихъ чувствъ къ нимъ быть не можетъ, съ захваченнымъ эмигрантомъ обращаются какъ съ дикимъ звѣремъ: его немедля разстрѣливаютъ. Иногда даже по отношенію къ нему не выполняютъ обычныхъ законныхъ формальностей. «Когда я имѣю счастье поймать ихъ, пишетъ генераль Вандамъ, я избавляю военную комиссію отъ труда ихъ судить. Дѣло ихъ разбирается тутъ же, на мѣстѣ. Моя сабля и мои пистолеты расправляются съ ними».

Вторая операція заключается въ лишеніи подозрительныхъ людей свободы и въ этомъ лишеніи есть нѣсколько степеней, такъ какъ существуетъ нѣсколько способовъ лишить людей свободы. Иногда внушающій подозрѣніе находится подъ вѣчной угрозой ареста, приказъ объ арестѣ виситъ на воздухѣ, объявленіе его отсрочено, но каждое утро онъ можетъ ждать что ему придется ночевать въ тюрьмѣ. Иногда онъ сидитъ у себя подъ домашнимъ арестомъ, подъ охраной стражи или безъ нея, при чемъ въ первомъ случаѣ онъ обязанъ имъ платить. Иногда же, а это всего чаще, онъ заключенъ въ арестный домъ или тюрьму.

Въ одномъ департаментѣ Дубса насчитываютъ 1200 чел. «отсроченныхъ» мужчинъ и женщинъ, 300 чел., которымъ запрещено выходить изъ предѣловъ своей общины, 1500 чел. находящихся подъ домашнимъ арестомъ и 2200 чел. заключенныхъ въ тюрьму. Въ Парижѣ недостаточно 36 обширныхъ тюремъ и 26 временныхъ мѣстъ заключеній, которыхъ постоянно наполняютъ революціонные комитеты. Вычислили, что въ то время во Франціи, не считая болѣе 40.000 временныхъ мѣстъ заключенія, 1200 переполненныхъ тюремъ заключаетъ въ себѣ каждая 200 заключенныхъ.

Въ Парижѣ, несмотря на ежедневныя опустошенія, производимыя

гильотиной, число арестованных доходить 9 флореала II года до 7840 и въ 25 слѣдующаго мессидора, несмотря на то, что въ день и ежедневно на гильотину отправляютъ отъ пятидесяти до шестидесяти людей, число заключенныхъ все еще равно 7502. Въ Брестскихъ тюрьмахъ 975 заключенныхъ, болѣе 1000 чел. въ тюрьмахъ Арраса, болѣе 1500 чел. въ тюрьмахъ Тулузы, болѣе 3000 чел. въ тюрьмахъ Страсбурга, болѣе 13.000 въ тюрьмахъ Нанта. Депутатъ Мэнье объявляетъ, что въ двухъ департаментахъ Воклюзъ и Устьи-Роны произведено отъ 12.000—15.000 арестовъ и нѣкоторое время до Термидора, говоритъ представитель Болѣе число арестованныхъ, какъ видно изъ списковъ находившихся тогда въ комитетѣ общей безопасности, доходило до 400.000 чел.

Между этими несчастными есть дѣти и это не только въ тюрьмахъ Нанта, куда революціонныя облавы бросили все деревенское населеніе; въ тюрьмахъ Арраса, между двадцатью подобными случаями, я нашелъ торговца углемъ со своей женой и семью своими сыновьями и дочерьми, въ возрастѣ отъ шести до семнадцати лѣтъ, вдову съ четырьмя дѣтьми отъ двѣнадцати до семнадцати лѣтъ, другую вдову дворянку съ девятью дѣтьми въ возрастѣ отъ трехъ до семнадцати лѣтъ, шесть дѣтей, круглыхъ сиротъ отъ десяти до двадцати трехъ лѣтъ.

Почти вездѣ съ этими государственными арестантами обращаются такъ какъ не обращались съ ворами и убійцами при старомъ режимѣ. Прежде всего ихъ раздѣваютъ до гола и обыскиваютъ, женщины, дѣвушки падаютъ въ обморокъ при этомъ осмотрѣ, которому подвергались раньше каторжники при прибытіи на каторгу. Часто, прежде чѣмъ заключить ихъ въ камеру, ихъ оставляютъ двѣ или три ночи въ низкой залѣ на скамьяхъ или на дворѣ, на мостовой, «безъ кроватей и безъ соломы... Ихъ подвергаютъ всякаго рода мученіямъ, послѣдовательно лишаютъ ихъ имѣнія, ассигнацій, мебели, съѣстныхъ припасовъ, свѣта деннаго и свѣта лампъ, необходимой помощи имъ, сообщеній непосредственныхъ или даже письменныхъ съ ихъ отцами, сыновьями, женами. «Ихъ заставляютъ платить за свое помѣщеніе, за охрану, за содержаніе, у нихъ въ дверяхъ воруютъ припасы, которые они покупаютъ для себя; имъ доставляютъ припасы въ недостаточномъ количествѣ и плохого качества, «гнилую треску, вонючія сельди, тухлое мясо, совершенно сгнившія овощи, и поль-ведра Сенской воды подкрашенной при помощи какой то спеціи».

Ихъ мучаютъ голодомъ, ихъ нарочно осеорбляютъ, какъ будто рѣшились вывести ихъ изъ себя и довести ихъ до возмущенія, въ которомъ палачи нуждаются, чтобы отправить ихъ всѣхъ массами на гильотину, или по крайней мѣрѣ, оправдать все увеличивающуюся работу гильотины. Ихъ помѣщаютъ по десять, двадцать, тридцать человекъ въ одной камерѣ, «по восемь человекъ въ камерѣ имѣющей четырнадцать квадратныхъ шаговъ», въ которой всѣ кровати, соприкасаются, гдѣ изъ восьми заключенныхъ двое принуждены спать на землѣ, гдѣ кишатъ насекомые, гдѣ постоянное нахожденіе «парашки» и склееніе человѣческихъ тѣлъ, отравляютъ воздухъ.

Во многихъ мѣстахъ пропорція больныхъ и умершихъ болѣе вы-

сока, чѣмъ въ трюмѣ невольничьяго судна. «Изъ девяноста человекъ, съ которыми я былъ заключенъ два мѣсяца тому назадъ, пишетъ одинъ арестованный изъ Страсбурга, шестьдесятъ шесть были отправлены въ больницу въ теченіе восьми дней». Въ Нантскихъ тюрьмахъ, въ два мѣсяца, изъ 13.000 заключенныхъ 3000 умираетъ отъ тифа. Четыреста священниковъ, заключенныхъ въ международномъ пространствѣ одного суда на рейдѣ Экса, истощенные голодомъ, поѣдаемые насѣкомыми, задыхающіеся отъ спертого воздуха, полузамерзшіе, переносящіе побои и находящіеся постоянно подъ угрозой смерти, страдаютъ сильнѣе, чѣмъ негры на невольничьемъ суднѣ; вѣдь изъ выгоды капитанъ такого судна печется о здоровьи своего человѣческаго груза, тогда какъ изъ революціоннаго фанатизма экипажъ изъ Экса ненавидитъ священниковъ и съ удовольствиемъ потопилъ бы ихъ.

При такомъ режимѣ, усиливающимся съ каждымъ днемъ до 9 термидора заключеніе становится мученіемъ, часто смертельнымъ, болѣе медленнымъ и болѣзненнымъ чѣмъ гильотина, такъ что съ пѣлюю избавиться отъ него Шамфоръ вскрываетъ себѣ жилы, а Кондорсе принимаетъ ядъ.

Третье средство избавиться—это убійство по суду или безъ суда. 178 судовъ, изъ которыхъ сорокъ походныхъ, провозятъ во всѣхъ частяхъ территоріи, смертные приговоры, приводимые немедленно въ исполненіе. Съ 16 апрѣля 1793 года по 9 Термидора II года Парижскій судъ подвергаетъ казни 2625 человекъ и провинціальныя судьи работаютъ такъ же хорошо, какъ и парижскіе. Въ одномъ только маленькомъ городѣ Оранжѣ они гильотинируютъ 331 человекъ. Въ одномъ городѣ Аррасѣ они казнятъ 299 мужчинъ и 93 женщины. Въ одномъ городѣ Нантѣ, революціонныя судьи и военныя комиссіи гильотинируютъ или разстрѣливаютъ въ среднемъ 100 человекъ въ день, всего 1971 человекъ. Въ одномъ Лионѣ революціонная комиссія сознается въ казни 1684 человекъ, а одинъ корреспондентъ Робеспьера, Кадильо, доводитъ эту цифру до 6000.

Перечень этихъ убійствъ неполонъ, но высчитали, что казнено 17.000 человекъ «большинство безъ формальностей и доказательствъ вины», между ними 1200 женщинъ, при чемъ нѣсколько восьмидесятилѣтнихъ и немощныхъ старухъ. Шестьдесятъ женщинъ были приговорены къ смерти за то, какъ говорятъ приговоры, что они посѣщали богослуженія не давшаго присягу священника или не посѣщали богослуженій священника давшаго присягу. «Сотни приговоровъ были исполняемы моментально, на каждую голову приходилось по минутѣ. Судили дѣтей семи, пяти, четырехъ лѣтъ. Присуждали къ смерти отца за сына, сына за отца. Разъ присудили къ смерти собаку. Понугай фигурировалъ въ качествѣ свидѣтеля. Масса обвиняемыхъ, осужденіе которыхъ не было записано, были обезглавлены. «Въ Анжерѣ приговоръ болѣе 400 мужчинъ и 360 женщинъ, казненныхъ для очистки тюремъ былъ помѣченъ въ спискахъ одной буквой F (fusillé) или G (guillotiné).

Въ Парижѣ и въ провинціи самого пустого предлога было достаточно, чтобы приговорить къ смертной казни. Дочь знаменитаго художника Жозефа Верне была гильотинирована въ качествѣ укры-

вательницы, за то, что хранила у себя пятьдесят фунтов свѣчей. Шестнадцатилѣтняго де-Майль казнили въ качествѣ «заговорщика» за то что «онъ бросилъ своему тюремщику въ лицо тухлую селедку, которую ему подали». Г-жа Пюи-де Беринъ была казнена за то, что не отняла у своего стараго, слѣпнаго, глухаго и впавашаго въ дѣтство мужа кошелекъ съ жетонами для игры, на которыхъ было изображеніе короля.

За неизмѣнимъ предлоговъ, предполагали заговоры; эмиссарамъ давали чистые листы, тѣ отправлялись въ разныя тюрьмы и выбирали требуемое количество головъ, они записывали первыя попавшія имена и присужденныхъ такимъ образомъ къ смерти отправляли на гильотину.

«Что касается меня, говорилъ присяжный Вилать, я никогда не нахожусь въ затрудненіи, я всегда убѣжденъ. Во время Революціи всѣ появляющіеся передъ судомъ должны быть казнены». Въ Марсель комиссія засѣдавшая безъ публичнаго обвинителя и присяжнаго, выводила изъ тюремъ тѣхъ, которыхъ она посылала на смерть. У нихъ освѣдомлялись объ ихъ имени, занятіи, состояніи и усаживали на повозку находившуюся передъ дверями зданія суда, затѣмъ появлялись судьи и произносили смертный приговоръ». Тоже самое происходило въ Камбрѣ, Аррасѣ, Нантѣ, Мансѣ, Бордо, Нимѣ, Лионѣ, Страсбургѣ и другихъ городахъ. Очевидно подобіе суда является только комедіей, имъ пользуются какъ подходящимъ средствомъ для уничтоженія людей противоположныхъ взглядовъ или принадлежащихъ къ опальнымъ классамъ. Самсонъ въ Парижѣ и коллеги его въ провинціи, карательные отряды въ Монѣ и Нантѣ являются только сотрудниками обыкновенныхъ убійцъ и законныя бойни придуманы для дополненія простыхъ и обыкновенныхъ злодѣяній.

Къ этому послѣднему роду относятся во первыхъ разстрѣлы въ Тулонѣ, гдѣ число разстрѣленныхъ гораздо больше тысячи; Нантскія отдѣленія, въ которыхъ погибли 4.800 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, другія потопленія, число жертвъ которыхъ нельзя установить, затѣмъ безконечное число народныхъ убійствъ совершенныхъ во Франціи съ 1 іюля 1789 года по 10 августа 1792 года; убійствъ 1.300 заключенныхъ въ Парижѣ, въ сентябрѣ 1792 года, цѣлая серія убійствъ въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ 1792 года, по всей территоріи Франціи, наконецъ разстрѣлъ и избіеніе безъ суда плѣнниковъ въ Лионѣ и на западѣ. Даже исключая павшихъ въ бою и тѣхъ, которые захвачены съ оружіемъ въ рукахъ были на мѣстѣ разстрѣляны или изрублены, приблизительно насчитываютъ, что въ одной провинціи Анжу было убито безъ суда 10.000 человекъ. Инструкціи комитета общественнаго спасенія, письменныя приказанія Франкастея и Каррье предписывали генераламъ «выпускать до послѣдней капли кровь» изъ возставшаго населенія и никого не щадить. Можно предполагать, что въ одиннадцати департаментахъ запада число убитыхъ всѣхъ возрастовъ и обоеихъ половъ приближается къ полу-милліону.

Принимая во вниманіе программу и принципы Якобинской партіи это немного: они должны были бы убить больше народу. Къ

несчастью у нихъ не хватило времени и въ теченіе непродолжительнаго своего царствованія съ орудіемъ, которое у нихъ было въ рукахъ, они сдѣлали все что могли. Обратите вниманіе на эту машину, на ея постепенную и медленную постройку, на послѣдовательные этапы ея хода, начиная съ ея первыхъ дѣйствій и кончая 9 Термидора, на непродолжительный періодъ, въ который ей дано было дѣйствовать.

Учрежденные 30 марта и 6 апрѣля 1793 года революціонные комитеты и революціонный судъ работали только семнадцать мѣсяцевъ. Они работали изо всѣхъ силъ только послѣ паденія жирондистовъ и въ особенности начиная съ сентября 1793 года, то есть въ продолженіи одиннадцати мѣсяцевъ. Машина координировала свои органы и дѣйствовала подъ импульсомъ центральнаго механизма только начиная съ декабря 1793 года, то-есть въ теченіе восьми мѣсяцевъ. Усовершенствованная закономъ она дѣйствуетъ въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ съ быстротой и энергіей, увеличивающей себя съ каждой недѣлей.

Для уничтоженія еретиковъ нужно уничтожить ересь. «Только одни мертвые не возвращаются», говорилъ Бареръ 16 мессидора. 2 и 3 термидора комитетъ общественнаго спасенія посылаетъ Фурье-Тенвилю списокъ 478 обвиняемыхъ съ приказаніемъ немедленно предать ихъ суду. Уже Бодо и Жанбонъ Сеять-Андре, Каррье, Антонелли и Жюффруа считали, что нужно уничтожить нѣсколько милліоновъ человѣкъ, а по словамъ Колло д'Эрбуа, у котораго иногда бывало живописное выраженіе, «политическое испареніе должно быть достаточно обильнымъ, чтобы прекратиться только послѣ цу-уничтоженія отъ двѣнадцати до пятнадцати милліоновъ франзовъ».

За то въ четвертой и послѣдней части своего труда они дошли до самого конца: они сдѣлали все, что можно было сдѣлать для разоренія, отдѣльныхъ лицъ, семействъ и даже государства. Они забирали все, что только можно было забрать.

Съ этой стороны Учредительное и Законодательное собранія начали дѣло съ уничтоженія, безъ возмѣщенія, десятиннаго налога и всѣхъ феодальныхъ правъ, съ конфискаціи всего имущества духовенства. Якобинскіе операторы продолжаютъ это дѣло и довершаютъ его, какъ мы уже раньше говорили.

Частныя лица потеряли свое состояніе, государство ничего или очень мало выгадало отъ этого—таковы конечныя итоги революціоннаго правительства. Наложивъ руку на три пятыхъ земельныхъ имуществъ Франціи, вырвавъ у общинныхъ учреждений и у частныхъ лицъ на десять или двѣнадцать милліоновъ движимой и недвижимой собственности, доведя, благодаря ассигнаціямъ и территориальнымъ приказамъ объ уплатѣ, государственный долгъ съ 4 милліардовъ въ 1789 году до 50 милліардовъ, не имѣя болѣе возможности платить жалованье своимъ чиновникамъ, принужденное для существованія арміи и своего собственнаго существованія взимать принудительныя контрибуціи, оно доходитъ до банкротства, отказывается отъ двухъ третей своего долга и вѣрдитъ его такъ ничтоженъ, что эта послѣдняя треть, гарантированная имъ, теряетъ на

слѣдующій день послѣ этого 83%. Въ его рукахъ государство претрѣбло столько же, сколько и частныя лица.

Изъ этихъ послѣднихъ болѣе 1.200.000 пострадали лично, нѣсколько же миллионѡвъ, всѣ тѣ, которые имѣли хоть что-нибудь, пострадали матерьяльно. Но въ этой массѣ пострадавшихъ главнымъ образомъ были предпочтительно угнетаемы нотабли и они-то пострадали больше всѣхъ какъ лично, такъ и матерьяльно.

II.

Когда оцѣниваютъ лѣсъ, начинаютъ съ того, что раздѣляютъ всѣ произрастанія на два разряда, въ одномъ, старый лѣсъ, крупныя и среднїе, дубъ, букъ, осина; въ другомъ лѣсная поросль и кустарникъ. Точно также когда хотятъ произвести оцѣнку общества, надо распредѣлить отдѣльныхъ лицъ на двѣ группы, съ одной стороны нотабли, привилегированныя классы; съ другой обыкновенныя, непривилегированныя классы. Если лѣсъ очень старый и имъ не слишкомъ плохо завѣдывали, почти все плюсъ вѣкового произрастанія сосредоточенъ въ старыхъ деревьяхъ: нѣсколько тысячъ прекрасныхъ деревьевъ, триста или четыреста старыхъ и молодыхъ деревцевъ заключаютъ въ себѣ болѣе полезнаго и драгоценнаго лѣса, чѣмъ двадцать или тридцать миллионѡвъ кустарниковъ и вереску. Точно такъ же, если общество долго существовало при справедливомъ режимѣ приблизительно, почти всѣ приобретѣнїя вѣковой цивилизаціи сосредоточены въ привилегированныхъ классахъ. Таково было состоянїе французскаго общества въ 1789 году.

Но правдѣ сказать въ аристократїи многія семьи, самыя богатыя и занимавшїя самое выдающееся положенїе, перестали оказывать услуги соотвѣтственныя расходамъ на ихъ содержанїе. Придворныя кавалеры и дамы, свѣтскїе епископы и аббаты, салонныя парламентарїи умѣли только въ большинствѣ искусно просить, съ изысканствомъ вести себя и тратить безъ счета. Съ точки зрѣнїя вѣжливости, хорошаго тона и умѣнїя жить, нравы и манеры достигли тогда въ высшемъ свѣтѣ той степени совершенства, которой они никогда ни до, ни послѣ этого, не достигали ни во Франціи, ни въ какой-либо другой странѣ.

Изъ всѣхъ искусствъ, благодаря которымъ люди освободились отъ примитивной грубости, самое драгоценное—искусство относиться другъ къ другу съ уваженїемъ. Когда имъ занимаешься не только въ гостинной, но и въ семьѣ, въ дѣлахъ и на улицѣ, когда относишься съ вѣжливостью къ друзьямъ, къ родственникамъ, къ прислугѣ и первому встрѣчному, тогда оно вводитъ въ человѣческую жизнь столько же достоинства, сколько и нѣжности, щепетильное исполненїе всѣхъ приличїй становится привычкой, инстинктомъ, второй натурой и эта натура, такъ сказать «накладная», болѣе прекрасна, болѣе благородна, чѣмъ первая натура, такъ какъ внутреннїй кодексъ, руководящїй тогда каждой мелочью дѣйствїй и словъ, предписываетъ корректное обращенїе и уваженїе къ самому себѣ, точно также какъ предупредительность и уваженїе къ другимъ.

Въ этой заслугѣ присоедините культуру ума. Ни одна аристо-

кратія не стремилась такъ къ новымъ идеямъ и къ прекрасному языку, эта аристократія даже слишкомъ сильно стремилась, у нея литературныя и философскія работы исключали всякія другія, практическія и позитивныя, она говорила, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать все въ ограниченномъ кругу умозрительныхъ разсужденій и прекрасной литературы аристократія играла главную роль; всѣ идеи мыслителей обсуждались въ гостиныхъ; писатели формировали свой талантъ и стиль соответственно веусамъ гостиныхъ. Въдѣ Монте-скье, Вольтеръ, Руссо, д'Аламберъ, великіе и малые энциклопедисты, Бомарше, Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ, Шамфоръ, Ривароль невольно искали свою аудиторію въ салонахъ и тамъ они находили не только почитателей, но и друзей, покровителей, патроновъ, благодѣтелей и приверженцевъ.

Вслѣдствіе стараній учителей ученики сдѣлались филантропами; впрочемъ, въдѣ нѣжность нравовъ возбуждала въ душахъ состраданіе и милосердіе. «Богатые люди больше всего боялись, какъ бы ихъ не приняли за безчувственныхъ людей». Заботились о людяхъ маленькихъ, о бѣдныхъ, о крестьянахъ, изощрялись въ облегченіи имъ жизни. Даже тѣ, которые по должности своей должны были быть рѣзкими, умѣряли грубость своихъ обязанностей. «Въ теченіе десяти лѣтъ до революціи, говорить Редереръ, уголовные суды не собирались во Франціи... Ихъ прежній духъ измѣнился... Всѣ молодые судьи, и я могу это подтвердить, потому что я самъ принадлежалъ къ ихъ числу, судили скорѣе согласно принципамъ Беккари, чѣмъ соотвѣтственно требованіямъ законовъ».

Что касается властей, администраторовъ и военачальниковъ, то нельзя было быть болѣе снисходительными чѣмъ они; съ этой стороны ихъ качества превращались въ недостатки, такъ какъ изъ за излишка гуманности они неспособны были поддерживать общественный порядокъ. Мы уже видѣли ихъ поведеніе во время мятежей, съ 1789 по 1792 годъ. Даже когда въ ихъ распоряженіи была вооруженная сила, они среди самыхъ ужасныхъ оскорбленій и смертельныхъ опасностей, отказывались отъ примѣненія этой силы; они не могли рѣшиться укротить негодяевъ и безумцевъ. По примѣру Людовика XVI они смотрѣли на себя, какъ на пастырей народа и предпочитали быть растоптаннымъ, чѣмъ стрѣлять въ свое стадо.

Въ сущности, сердце у нихъ было благородное, даже великодушное. Въ мартовскихъ собраніяхъ 1789 года, задолго до ночи 4 августа, они добровольно отказались отъ всѣхъ своихъ денежныхъ привилегій и при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ ихъ отвага, украшенная изяществомъ, тактомъ, веселостью, доходитъ до героизма. Самые испорченные, какъ на примѣръ, герцогъ Орлеанскій, самые легкомысленные и разочарованные, какъ герцогъ Биронъ, умираютъ съ презрѣніемъ и хладнокровіемъ стойковъ. Нѣжныя женщины, которыя раньше жаловались на сквознякъ въ своей гостиной, теперь не жалуются, когда имъ приходится спать на какой-нибудь гнущей постели или на соломѣ въ темной, мрачной тюрьмѣ и каждое утро онѣ выходятъ на прогулку во дворѣ Консьержери, со своей обычной улыбкой на устахъ. Мужчины и женщины одѣваются въ тюрьмѣ также тщательно, какъ и раньше и также граціозно и остро-

умно разговариваютъ въ корридорѣ съ желѣзной рѣшеткой, въ двухъ шагахъ отъ революціоннаго суда и наканунѣ эшафота.

Но въ высшемъ обществѣ наряду съ двумя или тремя тысячами бездѣльниковъ фривольной аристократіи, было почти столько же серьезныхъ людей, имѣвшихъ наряду съ опытомъ гостиныхъ и дѣловой опытъ. Къ числу ихъ относились почти всѣ занимавшіе мѣста, посланники, генералы, бывшіе министры, начиная въ маршала Броли и кончая Шапо и Малербомъ, епископы вродѣ г. де Дюрфора въ Безансонѣ, генеральные викаріи и каноники, фактически и на мѣстахъ управленіе приходами, прелаты, которые въ Провансѣ, въ Лангдокъ, въ Бретани засѣдали по праву въ провинціальныхъ штабахъ, агенты и представители духовенства въ Парижѣ, начальники орденовъ и конгрегаціи, начальники и ихъ помощники семнадцати военныхъ департаментскихъ управленій, интенданты каждой части, главные чиновники каждаго министерства, магистраты каждаго парламента, откупщики податей, сборщики налоговъ, крупные промышленники, купцы, арендаторы, банкиры, состоятельные буржуа, однимъ словомъ, та избранная часть дворянства, духовенства и третьяго сословія, которая съ 1778 по 1789 годъ входила въ составъ двадцати одного провинціального собранія и конечно составляла во Франціи общественный главный штабъ.

Не потому, что они были выдающіеся политики, въ то время таковыхъ совсѣмъ не существовало; едва было нѣсколько сотенъ компетентныхъ людей, причѣмъ почти всѣ были специалистами. Но въ этихъ нѣсколькихъ лицахъ сосредоточивались всѣ способности, всѣ знанія, весь здравый политическій разумъ Франціи. Въ головахъ остальныхъ двадцати шести милліоновъ находили только опасныя или пустыя формулы. Такъ какъ они одни повелѣвали, договаривались, обсуждали, управляли, они одни приблизительно знали людей и обстоятельства и поэтому они одни не были совсѣмъ неспособны ими руководить. Въ провинціальныхъ собраніяхъ они брали на себя инициативу и проведеніе лучшихъ реформъ; они работали производительно, съ сознаніемъ своего долга, съ такой же справедливостью и патріотизмомъ, какъ умомъ и прилежаніемъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ, руководимая философіей и поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ, большинство начальниковъ отдѣльныхъ общественныхъ и частныхъ управленій, являло доказательство своей активной доброты.

Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе подобныхъ людей, такъ какъ они являются душой своего дѣла и ихъ невозможно массой замѣнить, людьми равнаго достоинства. Въ дипломатіи, въ финансахъ, въ судебномъ и административномъ мірѣ, въ крупной промышленности и торговли не фабрикують сразу людей съ административными и практическими способностями. Дѣла слишкомъ усложнены, нужно соблюдать слишкомъ много разныхъ интересовъ, нужно предвидѣть слишкомъ много вскорѣ предстоящихъ и отдаленныхъ ударовъ; неимѣніемъ техническихъ подробностей плохо усваиваешь всю совокупность дѣла; дѣлаешь рѣзкости, грубости, и въ концѣ концовъ принужденъ систематически пускать въ ходъ грубость, чтобы довести до конца дѣло самонадѣянной неопытности. За исключеніемъ войны, гдѣ обучаешься дѣлу скорѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимы

для того, чтобы быть хорошимъ управителемъ людей и капиталовъ, десять лѣтъ практики, кромѣ десяти лѣтъ предварительнаго образованія.

Стоя во главѣ финансоваго управленія въ теченіе двухъ лѣтъ, Камбонъ еще не знаетъ, что откупщики косвенныхъ налоговъ и главные сборщики податей имѣютъ совершенно разныя функціи и включаетъ сорокъ восемь сборщиковъ въ декретъ, предающій революціонному суду, то есть гильотинѣ, шестьдесятъ откупщиковъ. Они были бы совмѣстно преданы суду, если бы знающій человекъ Годенъ, комиссаръ казначейства не услышалъ объ этомъ и не побѣждалъ въ финансовый комитетъ объяснить, что между обѣими группами нѣтъ ничего общаго, что откупщики—арендаторы, а сборщики чиновники получающіе опредѣленное жалованье и что преступленіе первыхъ, доказано оно или нѣтъ, не можетъ быть вмѣнено въ вину вторымъ. Удивленіе импровизированныхъ финансистовъ велико. «Со мной не соглашаются, говоритъ Годенъ, утверждаютъ, что я ошибаюсь. Я настаиваю, повторяю то, что сказалъ предсѣдателю Камбону, клянусь въ этомъ своей честью и предлагаю дать доказательства этого. Наконецъ они убѣждаются и предсѣдатель говоритъ одному изъ членовъ: «Разъ это такъ, то иди въ канцелярію и сотри имя сборщиковъ въ декретѣ, объявленномъ сегодня утромъ». Вотъ какія колоссальныя ошибки можетъ дѣлать всякій новичекъ, даже работоспособный, разъ онъ не пользуется поддержкой ветерановъ своего управленія. Поэтому Камбонъ, несмотря на якобинцевъ, оставляетъ въ своихъ канцеляріяхъ весь прежній персоналъ, какой онъ только можетъ оставить. Если Карно искусно управляетъ военнымъ вѣдомствомъ, то это потому, что онъ образованный офицеръ и что онъ сохраняетъ на мѣстахъ выдающихся людей оставленныхъ ему старымъ режимомъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ представлявшее изъ себя полнѣйшее ничтожество до 9 термидора, станетъ полезнымъ и дѣятельнымъ учрежденіемъ, только тогда, когда въ немъ получатъ вліяніе профессиональные дипломаты. Послѣ 9 термидора внѣшней политикой конвента будетъ завѣдывать профессиональный дипломатъ Бартелеми, который и заключитъ Базельскій миръ.

III.

Тридцать тысячъ дворянъ разсѣянныхъ по провинціи были съ дѣтства воспитаны для военной службы; большею частью люди небогатые, они жили въ своихъ сельскихъ замкахъ безъ роскоши, безъ удобствъ, въ обществѣ съ лѣсничьими и лѣсниками, на вольномъ воздухѣ, по деревенски. Шести лѣтъ ребенка уже сажали верхомъ, затѣмъ онъ занимался тѣлесными упражненіями и пріобрѣталъ здоровье, которое необходимо для того, чтобы жить въ палаткахъ и переносить походныя невзгоды. Съ самаго ранняго дѣтства онъ былъ пропитанъ военнымъ духомъ, отецъ его и дяди говорили за столомъ только о своихъ боевыхъ приключеніяхъ. Воображеніе его распалялось, онъ привыкалъ смотрѣть на ихъ службу какъ на единственную достойную человека благороднаго происхожденія. Я перечиталъ много формуларовъ убитыхъ, гильотинированныхъ или эмигри-

ровавшихъ дворянъ; почти всегда вступали на военную службу до шестнадцати лѣтъ, часто четырнадцати, тринадцати, одиннадцати лѣтъ. Эшероль, капитанъ полка Пуату, увезъ съ собой въ армию своего единственнаго девятилѣтняго сына и десять маленькихъ племянниковъ такого же возраста. Эти дѣти бились какъ настоящіе солдаты, одного изъ нихъ пуля ранила въ ногу. Двѣнадцати лѣтъ маленькій Эшероль получилъ ударъ саблей, разсѣкшій ему щеку отъ уха до верхней губы и онъ имѣлъ уже семь ранъ, когда будучи совсѣмъ молодымъ, получилъ въ награду крестъ св. Людовика.

Служить государству, рисковать своей жизнью въ бою, казалось имъ обязанностью, вытекавшей изъ ихъ положенія, наслѣдственнымъ долгомъ. Изъ девяти или десяти тысячъ офицеровъ уплачивавшихъ этотъ долгъ, большинство заботились только о томъ, чтобы его уплатить, не домогаясь ничего. Не имѣя ни состоянія, ни протекціи, они отказались отъ повышеній по службѣ, они знали, что высшіе чины предназначены для наслѣдниковъ знатныхъ семействъ, для куртизановъ Версала. Послѣ пятнадцати или двадцати лѣтъ службы они возвращались домой съ капитанскимъ патентомъ и крестомъ св. Людовика, иногда съ незначительной пенсіей, довольные тѣмъ, что они выполнили свой долгъ.

При приближеніи революціи ихъ древняя честь, озаренная новыми идеями, стала почти гражданской доблестью. Мы видѣли ихъ поведеніе съ 1789 по 1792 годъ, ихъ умѣренность, ихъ долготерпѣніе, ихъ стоическія самопожертваніе и безпристрастіе ихъ обращеніе въ активнымъ дѣйствіямъ, душевная сила, съ которой они упорно переносятъ удары не отвѣчая на нихъ, для того, чтобы поддержать если не общественный порядокъ, то по крайней мѣрѣ послѣднюю тѣнь его. Будучи столько же патриотами сколько и военными, благодаря рожденію, воспитанію и условіямъ они составляли естественный и специальный расадникъ, который нужно больше всего охранять, такъ какъ доставляетъ обществу готовыя орудія для защиты противъ внутреннихъ враговъ, злодѣевъ и скотовъ и противъ вѣшняго врага. Не будучи такъ серьезны и будучи болѣе праздны, чѣмъ помѣстные дворяне въ Пруссіи, менѣе дисциплинированны и болѣе свѣтскія, чѣмъ тѣ, но отличаясь большей сердечностью, болѣе тонкой вѣжливостью и болѣе либеральными идеями, двадцать шесть тысячъ дворянскихъ семей Франціи поддерживали въ своихъ сыновьяхъ традиціи и предрасудки, обычаи и наклонности, тѣлесную, душевную и умственную энергію, благодаря которымъ прусскіе помѣстные дворяне образовали прусскую армию, организовали германское войско и сдѣлали изъ Германіи первую державу Европы.

IV.

Точно такъ же и въ церкви, почти весь персоналъ, все низшее и среднее духовенство, священники, викари, каноники и капелланы, преподаватели или директора школъ, коллежей и семинарій, всего болѣе 65000 духовныхъ лицъ, составляли здоровую, хорошо устроенную и достойно выполнявшую свой долгъ корпорацію.

«Я не знаю, говоритъ Токвиль въ своемъ сочиненіи «Старый порядокъ и революція», было-ли, несмотря на пороки нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его членовъ, когда-либо въ мірѣ болѣе замѣчательное духовенство, чѣмъ католическое духовенство Франціи въ моментъ, когда его захватила революція, духовенство болѣе просвѣщенное, болѣе національное, менѣе ограниченное только частными добродѣтелями, болѣе затронутое общественными достоинствами и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе вѣрующее... Я приступилъ къ изученію прежняго общества полный предразсудковъ противъ него, а кончилъ его полный уваженія къ нему».

Во-первыхъ, а это имѣетъ большое значеніе, большинство сельскихъ священниковъ, членовъ трехсотъ коллегій, канониковъ кафедральныхъ капитуловъ принадлежали къ лучшимъ семьямъ, чѣмъ въ настоящее время. Дѣтей въ то время было очень мало не только у крестьянъ, но и у мелкихъ дворянъ и старой буржуазіи. Каждая семья охотно посвящала духовной карьерѣ одного изъ своихъ сыновей и къ этому вовсе не нужно было его принуждать. Духовная профессія имѣла тогда привлекательныя стороны, которыхъ она теперь болѣе не имѣетъ и не давала тѣхъ непріятностей, которыя она даетъ въ настоящее время. Духовныя лица не сталкивались съ недоверіемъ и враждебностью народа. Можно было быть увѣреннымъ, что передъ духовнымъ лицомъ сниметъ шапку на улицѣ рабочій, а въ деревнѣ крестьянинъ. Съ мѣстной буржуазіей отношенія были самыя лучшія; можно было рассчитывать прожить всю свою жизнь въ одномъ мѣстѣ, мирно, спокойно, среди народной любви и общей благосклонности.

Съ другой стороны священникъ не былъ чиновникомъ, получающимъ жалованье отъ государства, содержаніе свое онъ получалъ изъ особыхъ суммъ, изъ суммъ мѣстнаго десятиннаго налога, изъ отдѣльной кассы и оно не могло быть отнято у него по докладу какого-нибудь префекта, по капризу министра и оно не могло находиться въ постоянной зависимости отъ бюджетныхъ затрудненій и злой воли гражданскихъ властей. По отношенію къ духовному своему начальству онъ былъ почтителенъ, но независимъ. Епископъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ въ своей епархіи со времени конкордата, абсолютнымъ поводителемъ, вольнымъ назначить и смѣстить по своему желанію девять священниковъ изъ десяти. Въ трехъ вакансіяхъ изъ четырехъ, иногда въ четырнадцати вакансіяхъ изъ пятнадцати не онъ назначалъ священника. Его выбирали то кафедральный капитулъ, то коллегія, то помѣщикъ, предки котораго основали церковь или обезпечили ее доходомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже папа, иногда король или община.

Разъ каноникъ или священникъ былъ назначенъ, онъ былъ гарантированъ, его нельзя было по желанію смѣстить, почти во всѣхъ случаяхъ для того, чтобы смѣстить или даже временно отрѣшить нужно было предварительно завести цѣлый процессъ, согласно предписаннымъ формамъ, съ допросомъ, защитительной рѣчью и преніями въ свѣтскомъ или духовномъ судѣ. Фактически онъ несмѣняемъ и чаще всего его личныхъ заслугъ было-бы достаточно, чтобы предохранить его отъ этого.

Такъ какъ если болѣе выдающіяся мѣста предоставляются людямъ выдающимся по происхожденію и пользующимся протекціей, среднія мѣста занимаются людьми знающими. Очень много канониковъ и генеральныхъ викаріевъ, почти исключительно городскихъ священниковъ, были докторами теологіи или католическаго права и подготовка къ духовному званію заняла восемь или девять лѣтъ ихъ молодости. Хотя метода обученія была устарѣлой; въ Сорбоннѣ и Сентъ-Сюльписѣ учились очень многому,—по крайней мѣрѣ благодаря искусной и продолжительной гимнастикѣ ума становился хорошимъ логикомъ. По правдѣ сказать теологическая подготовка стоила столько-же сколько наша философская. Если она и раскрывала менѣе обширные горизонты, она давала болѣе примѣнимыхъ на дѣлѣ понятій. Она меньше раздражала, но была болѣе плодотворна. Въ Сорбоннѣ девятнадцатаго столѣтія изучаютъ умозрительныя конструкціи нѣсколькихъ отдѣльныхъ головъ, не имѣвшихъ власти надъ человѣческой массой. Въ Сорбоннѣ восемнадцатаго столѣтія изучаютъ догму, мораль, дисциплину, исторію, каноны церкви существовавшей уже 1700 лѣтъ, заключающей въ себѣ сто пятьдесятъ миллионевъ душъ и царствующей еще сегодня надъ половиной цивилизованнаго міра.

Къ теоретическому воспитанію, присоедините практическое. Священникъ, тѣмъ болѣе каноникъ, архидіаконъ, епископъ, не были посторонними людьми въ рядѣ, отдѣленными своимъ духовнымъ званіемъ отъ вѣка. Напротивъ священникъ упрямлялъ пожертвованными имѣніями, заключалъ аренды, поправлялъ, строилъ, интересовался результатомъ жатвъ, постройкой дороги или канала, во всемъ этомъ онъ былъ такъ-же опытенъ, какъ и свѣтскій помѣщикъ. Затѣмъ благодаря тому, что онъ принималъ участіе въ собраніяхъ, обсужденіяхъ, въ установленіи мѣстнаго и общаго бюджетовъ, онъ былъ въ общественныхъ и административныхъ дѣлахъ такъ же компетентенъ какъ мэръ, или субделегатъ, какъ откупщикъ или интендантъ. Къ тому же онъ былъ либераленъ; никогда французское духовенство не было такъ глубоко либерально, начиная съ самыхъ незначительныхъ священниковъ и кончая самыми крупными архіепископами.

Обратите наконецъ вниманіе, какъ онъ разбѣганъ по территоріи? Въ самомъ маленькомъ изъ сорока тысячъ приходовъ былъ священникъ или викарій; въ тысячахъ маленькихъ глухихъ и бѣдныхъ деревняхъ священникъ былъ единственнымъ человѣкомъ умѣющимъ долго читать и писать. Во многихъ болѣе крупныхъ, но все же сельскихъ обществахъ, за исключеніемъ проживающаго тамъ сельскаго и какого-нибудь юриста, не было другого образованнаго человѣка кромѣ него. Настѣдственная вѣра безконечно многочисленными и глубокими корнями была связана съ обычаями націи, съ темпераментомъ, съ родомъ воображенія и чувствительности расы. Въѣдрившаяся благодаря незапамятнымъ традиціямъ въ сердца, умъ и даже чувствахъ привычка стала инстинктивною, почти тѣлесною необходимостью и католическій, правовѣрный, въ единеніи съ папой священникъ былъ почти такъ же необходимъ деревнѣ какъ городской фонтанъ, онъ тоже утолялъ жажду, жажду души; жители могли достать питьевую воду только у него и ни у кого другаго.

И если принять во вниманіе человѣческую слабость можно сказать, что въ этомъ духовенствѣ благородство характера соотвѣтствовало благородству профессіи; по крайней мѣрѣ никто не могъ оспаривать у него способности самопожертвованія, такъ какъ онъ добровольно страдалъ за то, что онъ считалъ истиной. Если въ 1790 году многіе священники дали присяги гражданскому устройству духовенства, то сдѣлали они это съ оговорками, или потому что они считали присягу дозволенной, но послѣ смѣщенія епископовъ и неодобренія папы, многіе, чтобы не впасть въ схизму отреклись отъ данной присяги и добровольно предали себя насиліямъ толпы и строгости законовъ.

Кромѣ того, съ самаго начала, не смотря на всѣ угрозы и искушенія, двѣ трети духовенства отказались присягать, почти всѣ начиная съ высшихъ и кончая низшими, подѣлили свои интересы, свою безопасность, свое спасеніе, заботы о своемъ достоинствѣ и душевной чистотѣ. Они дали себя грабить, они покорно переносили изгнанія, заключенія, мученія, страданія, подобно христіанамъ первобытной церкви; своей непобѣдимой мягкостью они, подобно христіанамъ первобытной церкви, одержать верхъ надъ упорствомъ своихъ палачей и заставить признать даже пережившихъ восемнадцатый вѣкъ, что они были людьми вѣрующими, достойными и сердечными.

У.

Послѣ дворянства и духовенства третій привилегированный классъ, почти цѣликомъ сосредоточенный въ городахъ, буржуазія, соприкасалась верхними своими слоями съ этими обоими классами и различныя ея группы, начиная отъ члена парламента и кончая состоятельнымъ торговцемъ и фабрикантомъ, заключали въ себѣ остальныхъ болѣе или менѣе культурныхъ людей, около 10000 семействъ, находящихся въ такихъ же условіяхъ, что и современная буржуазія: это были «буржуа, живущіе по благородному», то есть рентами, крупные промышленники и купцы, люди либеральныхъ профессій, прокуроры, адвокаты, нотаріусы, доктора, архитекторы, инженеры, артисты, преподаватели и чиновники, которые, будучи очень многочисленными, отличались двумя существенными чертами отъ нашихъ чиновниковъ.

Съ одной стороны ихъ должности были частной собственностью, такъ какъ сто и больше лѣтъ тому назадъ они были отчуждены государствомъ за наличныя деньги; съ тѣхъ поръ онѣ попали въ руки частныхъ покупателей, каждый занимавшій эти должности обладалъ ими на правахъ недвижимаго имущества и могъ законно продать ихъ, какъ ихъ купить, при посредствѣ объявленій.

Съ другой стороны въ каждомъ городѣ разныя группы чиновниковъ были соединены въ корпораціи, подобныя нашимъ нотаріальнымъ камерамъ и синдикатамъ биржевыхъ маклеровъ. Маленькое общество имѣло свои уставы, свои собранія, свою кассу, часто гражданскую правоспособность и право вести процессы, иногда политическую правоспособность и право принимать участіе въ выбо-

рахъ муниципальнаго совѣта, поэтому кромѣ личныхъ своихъ интересовъ, каждый членъ имѣлъ свои корпоративные интересы.

Такимъ образомъ положеніе его было другое, чѣмъ въ настоящее время и естественно совершенно другіе были его и характеръ, и нравы, и вкусы. Во первыхъ онъ былъ гораздо независимѣе: онъ не боялся, что его могутъ смѣстить или перевести на другое мѣсто, неожиданно, по довлѣду начальства, изъ за политической причины, для того чтобы очистить мѣсто, какъ это теперь бываетъ, кандидату какаго нибудь депутата или креатурѣ министра. Это стоило бы слишкомъ дорого, предварительно пришлось бы возмѣстить ему цѣну его должности, то есть цѣну по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше чѣмъ ежегодный доходъ должности.

Впрочемъ его всегда готовы были и защитить, вся его корпорация, часто другія тѣсно связанныя корпорации, иногда весь городъ, населенный его близкими, кліентами и товарищами. Фактически при старомъ режимѣ чиновникъ былъ почти несмѣняемъ, вотъ почему онъ могъ исполнять свою обязанность спокойно и съ достоинствомъ, не будучи обязанъ обращать ежедневно вниманіе на столицу, пріѣзжать въ Парижъ дышать воздухомъ канцелярій, поддерживать необходимыя сношенія, искать протекцій и жить подобно птицѣ на вѣткѣ.

Во вторыхъ, честолюбіе его было ограничено; онъ не думалъ постоянно о томъ, чтобы повыситься на одну ступень въ іерархіи, чтобы переѣхать изъ средняго города на такое же мѣсто въ большой городъ. Операция эта была бы слишкомъ дорога и слишкомъ сложна, нужно было бы сначала найти покупателя и продать должность, а затѣмъ найти продавца и купить другую, болѣе дорогую должность. Биржевой маклеръ въ Бордо, нотаріусъ въ Лионѣ недоумогаетъ быть биржевымъ маклеромъ или нотаріусомъ въ Парижѣ.

Нѣтъ ничего схожаго съ этой кочевой колоніей, которая является, по приказанію свыше управлять нашими городами, съ этими, занимающими шаткое положеніе людьми безъ всякаго недвижимаго имущества, безъ мѣстныхъ интересовъ и связей, расположившимися въ наемномъ помѣщеніи, часто въ меблированной квартирѣ, иногда въ гостиницѣ, вѣчными кочевниками, находящимися въ полномъ распоряженіи телеграфа, всегда готовыми переѣхать за сто лье, при условіи увеличенія жалованья на сто экю. Ихъ предшественникъ былъ постоянный мѣстный житель, онъ не былъ одержимъ стремленіемъ добиться повышенія; въ предѣлахъ своей корпорации и своего города онъ могъ рассчитывать на карьеру.

Не имѣя ни желанія, ни мысли покинуть свое мѣсто, онъ прочно устранился, онъ пронизался корпоративными взглядами, онъ возвышался надъ индивидуальнымъ эгоизмомъ, онъ вкладывалъ свое самолюбіе въ поддержку и защиту прерогативъ и интересовъ своего общества. Поселившись на всю свою жизнь въ своемъ родномъ городѣ, среди старыхъ товарищей, многочисленныхъ родныхъ и друзей дѣтства онъ дорожилъ ихъ мнѣніемъ. Освобожденный отъ слишкомъ тяжелыхъ налоговъ, имѣя нѣкоторое довольство, будучи въ самомъ худшемъ случаѣ собственникомъ своей должности онъ стоялъ выше

низкихъ заботъ и грубыхъ потребностей. Привыкнуи благодаря старымъ нравамъ къ простотѣ, скромности, экономіи, онъ не зналъ, что такое несоотвѣтствіе между доходами и расходами, онъ не зналъ потребностей представительства и роскоши, необходимости зарабатывать съ каждымъ годомъ все больше и больше.

Направляемые такимъ образомъ инстинкты тщеславія и великодушія являются эссенціей французовъ, одерживали верхъ. Совѣтники или контролеръ, «человѣкъ короля» считалъ себя выше обыкновеннаго человѣка, какъ бы дворяниномъ третьяго сословія. Онъ больше заботился о всеобщемъ къ себѣ уваженіи, чѣмъ о наживѣ. Ни въ какой другой средѣ все что было разумнаго и либеральнаго въ философіи XVIII вѣка не нашло такого радужнаго пріема; изъ этого именно класса вербовались патриоты 1789 года, онъ доставилъ не только большинство Учредительнаго Собранія, но и всѣхъ честныхъ людей, которые съ іюля 1789 года по конецъ 1791 года управляли безкорыстно, ревностно, среди столькихъ затрудненій и опасностей. Состоя изъ фейльяновъ и монархистовъ, имѣя образцами такихъ людей, какъ Люецъ изъ Труа или Дитрихъ изъ Страсбурга и имѣя своими представителями такихъ вожаковъ, какъ Лафайетъ и Байльи, онъ заключалъ въ себѣ самыхъ прозвѣщенныхъ, самыхъ честныхъ людей третьяго сословія. Онъ вмѣстѣ съ дворянствомъ и духовенствомъ воспринялъ весь чистый продуктъ исторіи, самую главную часть умственнаго и нравственнаго капитала, собраннаго не только въ теченіе одного вѣка, но нѣсколькихъ предыдущихъ вѣковъ.

VI.

Подобно костру зажженному на вершинѣ въ темномъ и холодномъ мѣстѣ, цивилизація сохраняемая на вершинахъ и съ большими затратами среди человѣческаго варварства свѣтится только при своемъ ослабленіи. Но мѣрѣ того какъ она достигаетъ болѣе отдаленныхъ и болѣе глубокихъ слоевъ, ея свѣтъ и ея теплота уменьшаются. Тѣмъ не менѣе и тотъ и другая проникаютъ еще достаточно далеко и низко, прежде чѣмъ совершенно исчезнуть и если желаешь опредѣлить ихъ силу во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія нужно присоединить къ привилегированнымъ классамъ полупривилегированныхъ, я хочу сказать, людей, занимающихся подобно простому народу ручнымъ трудомъ, но которые стояли во главѣ его, быть можетъ 150.000 семействъ, зажиточныхъ фермеровъ, мелкихъ сельскихъ хозяевъ, лавочниковъ, ремесленниковъ-мастеровъ и рабочихъ-кустарей, сельскихъ и цеховыхъ синдиковъ, людей прочно основавшихся и обладающихъ хоть какимъ нибудь капиталомъ, имѣющихъ свою землю и свой кровъ или свое коммерческое дѣло, свой инвентаръ и свою кліентуру, то есть могущихъ пользоваться кредитомъ, не принужденныхъ жить изо дня въ день, имѣющихъ поэтому зачатокъ независимости и даже власти, однимъ словомъ мастеровъ социальной мастерской, сержантовъ и капраловъ социальной арміи.

Они тоже не были недостойны своего положенія. Синдикомъ общины или цеха выбирали людей заслуженныхъ, не по рекомендаціи газеты, не по смутному и выспрежнему положенію убѣжденій,

а по личному опыту и обстоятельному знакомству съ выбираемымъ. Выбирали людей извѣстныхъ своимъ трудомъ, своимъ умомъ, своей честностью, людей заинтересованныхъ въ томъ, чтобы поддерживать интересы общества и имѣющихъ болѣе другихъ свободнаго время для занятія общественными дѣлами. Въ силу самихъ обстоятельствъ, къ человеку этому относились со вниманіемъ, съ уваженіемъ, съ почтеніемъ и, такъ какъ онъ былъ естественнымъ представителемъ равныхъ себѣ людей, онъ дѣлался законнымъ ихъ представителемъ.

Въ сущности, если давленія въ этомъ старомъ обществѣ и были плохо распредѣлены, если общее равновѣсіе и было неустойчиво, если верхнія части слишкомъ давили на нижнія, то по крайней мѣрѣ сортировка, которой въ каждомъ полицейскомъ государствѣ отдѣляется зерно отъ соломы, производились почти безупречно; за исключеніемъ центра и Двора, гдѣ уже цѣлое столѣтіе сортировочная машина дѣйствовала на удачу и противно здравому смыслу, функционированіе машины совершалось правильно, съ большей медленностью, но быть можетъ зато съ большей точностью, чѣмъ теперь, въ нашей современной демократіи. Тогда было больше шансовъ, чтобы нотабль по праву сталъ нотаблемъ фактическимъ. Наслѣдственные установленія нашего гражданскаго кодекса не мельчали наслѣдства и не разрушали домашнихъ очаговъ. Равнодушіе родителей и бездеремонность дѣтей не приводили еще въ раздраженіе семейный авторитетъ и не уничтожали уваженіе въ семьѣ. Полезныя и естественныя сообщества не были уничтожаемы въ своемъ зародышѣ или останавливаемы въ своемъ развитіи систематической враждебностью закона. Легкость и дешевизна передвиженій, многочисленность школъ, возбужденіе, порождаемое конкурсомъ, бѣшеное стремленіе всѣхъ занять всѣ мѣста, увеличивающаяся экзальтація честолюбивыхъ вожделѣній не увеличивали сверхъ мѣры числа недовольныхъ. Неудачниковъ и вредныхъ номадъ.

Въ политическомъ строѣ не главенствовали безталанность, зависть и грубость, всеобщая подача голосовъ не мѣняла власти людей рожденныхъ и воспитанныхъ для нея, многочисленныя общественныя должности не были отданы въ жертву шарлатанству и интригамъ политиковъ. Франція не собиралась тогда, какъ теперь, превратиться въ обширный меблированный домъ, предоставленный первымъ встрѣчнымъ управляющимъ, приговоренный къ періодическимъ банкротствамъ, заселенный анонимными жителями, безразличными другъ къ другу, безъ мѣстныхъ интересовъ и привязанностей, простыми жильцами и мимолетными потребителями, размѣщенными по номерамъ вокругъ эгалитарнаго и банальнаго табул'ота, гдѣ каждый думаетъ только о себѣ, старается, какъ можно скорѣе схватить и съѣсть, какъ можно больше и въ концѣ концовъ придетъ къ заключенію, что въ подобномъ мѣстѣ самое лучшее, самое благоразумное жить холостякомъ, вложивъ все свое состояніе въ ренту.

Нѣкогда во всѣхъ классахъ и во всѣхъ провинціяхъ существовало много семействъ, жившихъ въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, сто, двѣсти и болѣе лѣтъ: не только въ дворянствѣ, но и въ буржуазіи и въ третьемъ сословіи наслѣдникъ какого нибудь дѣла долженъ былъ быть его продолжателемъ, подобно замку и крупному помѣстью,

подобно буржуазному дому и родовой должности, убогая сельская собственность, ферма, лавка и мастерская передавались нетронутыми изъ поколѣнія въ поколѣніе. Какое бы положеніе лицо не занимало, оно не интересовалось однимъ только собой, мысль его направлялась къ будущему и къ прошлому, къ его предкамъ и къ его потомству, къ безконечной цѣпи, простымъ звеномъ которой была его личная жизнь. У него были традиции, онъ имѣлъ передъ собой примѣры.

Его домашняя власть была неоспорима, всѣ домашніе повиновались ему безъ возраженія, безъ сопротивленія... Когда въ силу этой внутренней дисциплины какая нибудь семья цѣлое столѣтіе жила въ одномъ мѣстѣ, окруженная общимъ уваженіемъ, она легко могла подниматься на одну ступень, вводить кого нибудь изъ своихъ членовъ въ высшій классъ, переходить отъ плуга или ремесла къ мелкимъ должностямъ, отъ мелкихъ должностей къ крупнымъ и къ парламентскимъ должностямъ, которыя возводили въ дворянское достоинство.

За исключеніемъ двухъ или трехъ тысячъ дармоѣдовъ, питавшихся Версальскимъ медомъ, за исключеніемъ придворныхъ паразитовъ и ихъ слугъ, такимъ именно образомъ триста или четыреста тысячъ нотаблей и полунотаблей Франціи приобрѣли или сохранили свои мѣста, свое положеніе и состояніе. Они вѣдь были ихъ законными обладателями. Отъ отца къ сыну, крестьянинъ собственникъ, ремесленникъ, хозяинъ поднимались въ четыре часа утра, работали не покладая рукъ цѣлый день и не пили спиртныхъ напитковъ. Отъ отца къ сыну фабрикантъ, купецъ, нотаріусъ, адвокатъ, владѣлецъ должности были экономны, опыты, рачительны, точны и усидчивы. Отъ отца къ сыну дворянинъ служилъ честно, членъ парламента судилъ справедливо, изъ чувства чести, съ меньшимъ жалованьемъ, чѣмъ проценты съ суммы, внесенной имъ при приобретеніи, своего чина или должности.

Личныя заслуги играли роль даже въ высшемъ дворянствѣ, тѣмъ болѣе въ среднемъ, въ третьемъ сословіи, въ народѣ. Между всѣми нотаблями, которые только что описаны большинство въ 1789 году были люди уже сложившіеся, много было зрѣлыхъ людей, нѣсколько пожилыхъ людей и стариковъ; поэтому для оправданія своего положенія и своего жалованья или своихъ барышей и состоянія каждый изъ нихъ могъ согласиться на пятнадцать, двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ честнаго труда на честной и на общественной службѣ, какъ старшій приходской викарій, такъ и первый чиновникъ министерства, какъ управляющій податнаго округа такъ и предсѣдатель верховной палаты, какъ городской священникъ, офицеръ-дворянинъ, владѣлецъ должности, адвокатъ, прокуроръ, крупный фабрикантъ и негоціантъ, такъ и состоятельный землепашецъ и ремесленникъ.

И этотъ старый вѣковой лѣсъ стремятся срубить якобинскіе дровосѣки. Ихъ принципъ состоитъ въ томъ, что не нужно падать ни одного избраннаго и драгоценнаго ствола, ни одного выдающагося дерева, начиная отъ самого большаго дуба и кончая самымъ тонкимъ, молодымъ деревцомъ.

VII.

Опустошеніе не останавливается на этомъ, принципъ заходитъ гораздо дальше. Основное правило: по якобинскимъ взглядамъ всякое превосходство условій, всякое общественное или частное преимущество, которымъ пользуется одинъ гражданинъ и не пользуются другіе, незаконно.

19 вентоза II года главнокомандующій Генріо, послѣ того какъ онъ окружилъ пале-Рояль и захватилъ подозрительныхъ, въ такихъ выраженіяхъ отдалъ отчетъ въ своей экспедиціи: «Сто триста мускусниковъ было арестовано... Этыхъ господъ перевели въ тюрьму. Это не санкюлоты, они жирны и дородны». Генріо былъ правъ: хорошо питаться недостойно гражданина. Всякій запасавшійся провизіей, виновенъ, даже если онъ очень далеко отправился за ней, даже если онъ не заплатилъ дороже чѣмъ у мясника своего квартала, даже если онъ не отнял и унціи мяса отъ порціи своихъ сосѣдей. Какъ только это разоблачаютъ его подвергаютъ наказанію.

«Одинъ гражданинъ выписалъ молочнаго поросенка изъ мѣстности за шесть лье отъ Парижа и затѣмъ закололъ его. Три часа спустя поросенокъ былъ схваченъ комиссарами и розданъ народу, а владѣльцу его не попало ни кусочка», болѣе того, «онъ былъ заключенъ въ тюрьму».

Скупщикъ: для якобинца, для простыхъ желудковъ нѣтъ большаго преступленія; ихъ воображеніе для ареста ихъ фаворита Гебера, придумываетъ только это объясненіе. «На рынкахъ говорятъ, что онъ скупилъ съ барышническою цѣлью цѣлаго спутника Св. Антонія и горшокъ масла изъ Бретани въ двадцать пять фунтовъ». Этого имъ вполне достаточно, тотчасъ же и единогласно они прирываютъ Отца Дюшена къ гильотинѣ!

Самой оскорбительной привилегіей является теперь обладаніе съѣстными припасами: «Нужно теперь, чтобы имѣющій два блюда отдавалъ одно тому, у котораго нѣтъ ни одного». Всякій человѣкъ, который такъ устраивается, что ѣсть больше другого—воръ, такъ какъ сначала онъ воруетъ у общины единственной законной собственности съѣстныхъ припасовъ, затѣмъ онъ обворовываетъ лично всѣхъ тѣхъ, которымъ приходится меньше ѣсть, чѣмъ ему.

Тоже самое правило существуетъ по отношенію къ другимъ вещамъ, обладаніе которыми пріятно и полезно; въ установившемся режимѣ, то есть въ эгалитарномъ социализмѣ, всякое удобство находящееся въ обладаніи одного человѣка въ убытокъ другому, является блюдомъ, скрываемымъ имъ отъ сидящихъ за общимъ столомъ и присваиваемымъ имъ себѣ. Аристократомъ является всякій имѣющій два платья, такъ какъ у многихъ есть только одно, да и то рваное. Аристократъ тотъ, кто имѣетъ хорошіе сапоги, такъ какъ у многихъ только деревянные башмаки или они ходятъ босикомъ. Аристократъ квартирантъ имѣющій свою обстановку, такъ какъ многіе помѣщаются въ меблированныхъ комнатахъ, а нѣкоторые подъ открытымъ небомъ. Аристократъ тотъ, кто обладаетъ капиталомъ, даже самымъ незначительнымъ, деньгами или натурой, полемъ и кровомъ полудюжиной серебряныхъ приборовъ подаренныхъ родителями въ

день его свадьбы, шерстянымъ чулкомъ, гдѣ скоплены одинъ за другимъ всѣ его экономіи двадцать или тридцать экю, въ особенности, если онъ выражаетъ свое неудовольствіе, когда онъ благодаря революціонному налогу, реквизиціи, конфискаціи драгоцѣнныхъ металловъ, принужденъ выдать даромъ или за полцѣны свои маленькія сбереженія.

Считаются патриотами только тѣ, у которыхъ нѣтъ никакой собственности и которые живутъ изо дня въ день: бѣдняки, бродяги, изголодавшіеся люди, такъ какъ съ самымъ бѣднымъ, необразованнымъ рабочимъ обращаются какъ съ врагомъ, благодаря только одному тому, что у него подозрѣваютъ скопленные деньги. Какъ онъ не будетъ указывать на свои грубыя морщинистыя руки, онъ не уйдетъ ни отъ тюрьмы, ни отъ гильотины.

Въ Труа бѣдную торговлю, отерывшую собственную торговлю на занятыя деньги, полу-разоренную банкротствомъ, окончательно разоренную максимумомъ, большую, облагаютъ налогомъ въ 500 ливровъ. Отданъ приказъ арестовать въ деревняхъ Эльзаса пять, шесть или семь самыхъ богатыхъ жителей общины, даже если богатыхъ не имѣется, поэтому захватываютъ менѣе бѣдныхъ, такъ напримѣръ, въ Гейлигенбергѣ шесть «земледѣльцевъ», среди которыхъ одного чернорабочаго, внушающаго подозрѣніе тѣмъ, что онъ состоятеленъ.

Съ этой точки зрѣнія нигдѣ нѣтъ столько подозрительныхъ, какъ въ народѣ. Лавки, фермы, мастерскія таятъ въ себѣ болѣе аристократовъ, чѣмъ церковные дома и замки. Дѣйствительно по взглядамъ якобинцевъ почти всѣ земледѣльцы аристократы, всѣ торговцы несомнѣнно контръ-революціонеры и главнымъ образомъ продавцы предметовъ первой необходимости, торговцы виномъ, булочники и мясники, въ особенности эти послѣдніе—завѣдомые заговорщики, внутренніе враги, «аристократизмъ которыхъ невыносимъ». Вотъ значитъ сколько имѣется среди низшаго класса людей, долженствующихъ быть наказанными.

Но наказываютъ еще больше, такъ какъ кромѣ преступленія, состоящаго въ томъ, что человѣкъ не нищій и имѣетъ хоть что нибудь за душой, существуетъ преступленіе аристократіи въ точномъ смыслѣ этого слова, то есть, когда выражаютъ недостаточное рвеніе къ установившемуся режиму, сожалѣніе къ уничтоженному режиму, когда человѣкъ связанъ родственными, дружескими узами съ какимъ нибудь эмигрантомъ, осужденнымъ или арестованнымъ представителемъ высшаго класса, когда оказываютъ услуги опальному, когда имѣютъ сношеніе со священникомъ. Многіе бѣдняки, фермеры, ремесленники, слуги, служанки совершили подобное преступленіе и во многихъ провинціяхъ, во многихъ крупныхъ городахъ, почти все населеніе, работающее трудомъ рукъ своихъ, упорно его совершаетъ. По довлѣду якобинскихъ агентовъ такъ обстоитъ дѣло въ Эльзасѣ, въ Франшъ-Конте, въ Провансѣ, въ Воклюзѣ, въ Анусу, въ Пуату, въ Вандеѣ, въ Бретани, въ Пикардіи, во Фландріи, въ Марсели, въ Бордо и въ Лионѣ. Въ одномъ только Лионѣ, пишетъ Коалло д'Эрбуа имѣется «шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, которые никогда не будутъ республиканцами, нужно заняться тѣмъ, чтобы

всѣхъ ихъ съ предосторожностями расселить по всей территоріи Республики».

Наконецъ къ людямъ низшихъ классовъ преслѣдуемымъ по общественнымъ мотивамъ присоедините людей преслѣдуемымъ по личнымъ дѣламъ: между крестьянами одной деревни, между рабочими одного ремесла, между лавочниками одного квартала всегда существуетъ зависть, вражда, неудовольствіе; тѣ среди нихъ, которые, будучи якобинцами, сдѣлались у себя пашами, могутъ безнаказанно удовлетворять свои личныя страсти и инстинкты и конечно они такъ и поступаютъ.

Вотъ почему въ спискахъ гильотинированныхъ, арестованныхъ эмигрантовъ, очень много, мужчинъ и женщинъ низшихъ классовъ гораздо болѣе чѣмъ лицъ высшихъ и среднихъ классовъ вмѣстѣ взятыхъ. Изъ 12000 присужденныхъ къ смерти, званіе и занятія, которыхъ извѣстны, насчитываютъ 7545 крестьянъ, земледѣльцевъ, рабочихъ, кабатчиковъ и виноторговцевъ, солдатовъ и матросовъ, слугъ, женъ, и дочерей ремесленниковъ, служанокъ и портныхъ: Изъ 1900 эмигрантовъ департамента Дубса, болѣе 1100 принадлежатъ къ низшимъ классамъ.

Въ апрѣлѣ 1794 года всѣ тюрьмы Франціи наполняются земляпашцами; въ однѣхъ только парижескихъ тюрьмахъ, за два мѣсяца до 9 термидора, ихъ помѣщалось 2000. Не говоря уже объ одиннадцати департаментахъ запада, въ которыхъ были опустошены около 500 квадратныхъ лье территоріи, въ которыхъ были уничтожены двадцать городовъ и 1800 деревень, въ которыхъ цѣлью якобинской политики является систематическое и окончательное уничтоженіе страны, животныхъ, людей, зданій, посѣвовъ, насажденій и даже деревьевъ, есть кантоны и даже провинціи, въ которыхъ арестуютъ или изъ которыхъ бѣжить все сельское и рабочее населеніе.

Происходитъ рубка лѣса и якобинецъ-дровосѣкъ съ упорствомъ нападаетъ на ветерановъ труда и бережливости, на крупныхъ фермеровъ, которые отъ отца къ сыну и цѣлыми поколѣніями владѣютъ одной и той же фермой, на ремесленниковъ, имѣющихъ хорошо устроенную мастерскую и хорошихъ кліентовъ, на уважаемыхъ и посѣщаемыхъ покупателями торговцевъ, у которыхъ не имѣется долговъ, на деревенскихъ и ремесленныхъ синдиковъ. Такимъ образомъ топоръ поражаетъ избранную часть низшихъ классовъ, низшую аристократію, людей болѣе всѣхъ способныхъ работать и зарабатывать жизнь трудомъ своихъ рукъ, работниковъ, выдающихся своей энергіей, скромностью, своими добрыми нравами.

VIII.

По той же причинѣ революція свирѣпствуетъ еще болѣе, по отношенію собственно къ нотаблямъ, не только противъ дворянъ, какъ пользовавшихся привилегіями, не только противъ духовныхъ лицъ, какъ не подчинившихся католиковъ, но противъ дворянъ, духовенства и буржуа, въ качествѣ людей стоящихъ выше другихъ и отличенныхъ толпою благодаря преимуществу ихъ положенія, Въ

глазахъ истиннаго якобинца привилегированные третьяго рода не менѣ виновны, чѣмъ представители первыхъ двухъ сословій.

«Буржуа, торговцы, крупные собственники, пишутъ одно южное народное общество, имѣютъ всѣ претензіи эксъ-дворянъ». И общество, жалуется на то, что «законъ не предоставляетъ никакого средства для того, чтобы открыть глаза простонародію и показать ему что за люди эти новые тираны». Ужасная вещь. Хотя положеніе ихъ является покусеніемъ противъ равенства, они имъ гордятся; хуже того, это положеніе привлекаетъ къ нимъ общее уваженіе.» Въ виду этого «Общество выражаетъ пожеланіе, чтобы революціонному суду предоставили право приговорить къ немедленному заключенію этотъ классъ гордыхъ людей; народъ увидаль бы тогда, что они совершили преступленіе и пересталъ бы чувствовать къ нимъ тотъ родъ уваженія, который онъ чувствуетъ теперь».

Если ихъ и переносятъ, то только для того, чтобы грабить ихъ какъ угодно, чтобы покрывать ихъ позоромъ и заставлять ихъ склонять голову отъ страха. Иногда съ оскорбительной ироніей заставляютъ ихъ доказывать свою сомнительную гражданскую доблесть принудительными пожертвованіями. «Принимая во вниманіе, говоритъ представитель Мильо, что всѣ граждане и гражданки были вытребованы для выгрузки и транспорта фуража, что представитель самолично осматривавшій ходъ работъ видѣлъ у канала только санкюлотовъ и нѣсколько молодыхъ гражданокъ, что онъ не нашелъ ни одного «мускусника» или «мускусницы», лица, руки которыхъ безъ сомнѣнія слишкомъ нѣжны для того, чтобы хотя мимолетно заняться славной работой сильныхъ санкюлотовъ, что они обладаютъ съ другой стороны благодаря своему богатству большими источниками и желая дать богатымъ Нарбонна драгоцѣнное преимущество быть также полезными Республикѣ», онъ постановляетъ, что «самые богатые граждане Нарбонны» должны въ теченіе двадцати четырехъ часовъ сдѣлать патріотическое пожертвованіе въ 100.000 ливровъ, половина которой суммы будетъ выдана военнымъ госпиталямъ, а другая половина, по указанію «благотворительнаго комитета изъ трехъ самихъ революціонныхъ якобинцевъ» будетъ распределѣна между бѣдняками общины. «Въ случаѣ, если какой нибудь эгоистъ-богачъ откажется внести свою долю, онъ тотчасъ же будетъ заключенъ въ Перпиньянскій арестный домъ».

Не работать руками, быть непригоднымъ для физическаго труда, одно ужъ это есть позорное пятно и человекъ, на которомъ лежитъ это пятно, не только облагается денежнымъ штрафомъ, но и натуральной повинностью. Въ Вильневѣ и во всемъ департаментѣ Кантала представитель Тайльферъ и его делегатъ Дельтейль поручаютъ революціоннымъ комитетамъ брать на военную службу всѣхъ «мускусниковъ» отъ 25 до 40 лѣтъ, которые закономъ не обязаны отбывать военную службу. Подъ «мускусниками» подразумеваются всѣ граждане не женатые и не занимающіеся никакой полезной профессіей, другими словами люди живущіе своимъ капиталомъ. И чтобы въ среднемъ и высшемъ классахъ никто не могъ этого избѣжать, постановленіе налагаетъ дополнительные штрафы, грозитъ арестомъ не только собственникамъ и рентье, но и всѣмъ лицамъ опредѣляе-

мымъ слѣдующими названіями: «аристократы, фейльяны, умѣренныя, жирондисты, федералисты, мускусники, суевѣрные, фанатики, пособники роялизма, суевѣрія, федерализма, скупщики, монопольщики, ажіотеры, эгоисты, и вообще всѣ безразлично относящіеся къ Революціи», причѣмъ мѣстные комитеты обязаны составлять именныя списки.

Иногда въ какомъ нибудь городѣ, какой нибудь коллективный шагъ, вотумъ, прошеніе дають имена для этого списка. Въ Монтаржисѣ, девять дней послѣ покушенія 20 іюня 1792 года 228 нотаблей подписали адресъ, въ которомъ выражали королю свои почтительныя симпатіи. Двадцать одинъ мѣсяць спустя ихъ карають и съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что въ ихъ лицахъ карають самыхъ уважаемыхъ жителей города, всю дворянскую, духовную, буржуазную или народную аристократію, не бѣжавшую и не изгнанную изъ города. Возмездіе должно быть образцовое. Четырехъ изъ нихъ, мэра, сборщика податей, окружнаго администратора, нотариуса, посылають въ революціонный Парижъ, чтобы ихъ гильотинировать согласно принципамъ. Тридцать двухъ остальныхъ, отставныхъ офицеровъ, кавалеровъ ордена Святаго Людовика, мушкетеровъ, дворянъ, судей, священниковъ, одного королевскаго прокурора, одного казначея, одного бывшаго департаментскаго администратора, двухъ дамъ, одну изъ нихъ обозначенную «выдающая себя за бывшую маркизу <до мира заключаютъ въ арестный домъ Монтаржиса. Восемьдесятъ шесть остальныхъ, бывшіе муниципальные совѣтники, офицера національной гвардіи, нотариусы, доктога, хирурга, бывший податной сборщикъ, бывший полицейскій комиссаръ, бывший директоръ почтъ, коммерсанты, фабриканты, всѣ, мужчины и женщины, жены и вдовы, должны 20 вентоза въ 3 часа дня, продѣлать въ храмѣ Разума унизительную церемонію публичнаго покаянія.

Они являються въ храмъ, такъ какъ въ постановленіи сказано, что «кто не явится въ указанный день и часъ, будетъ арестованъ и находиться въ заключеніи до наступленія мира». Явившись въ перовъ очищенную якобинскимъ культомъ, въ присутствіи властей, Народнаго Общества и гражданъ, созваныхъ въ общее собраніе, они по одиночкѣ входятъ на трибуну «въ три фута вышиной», такъ что они всѣмъ видны. Каждому изъ нихъ національный агентъ или мэръ дѣлаетъ слѣдующій выговоръ: «Вы были такъ низки, что подписали адресъ Людовику XVI, бывшему самымъ отвратительнымъ и самымъ гнуснымъ тираномъ, чудовищемъ рода человѣческаго, питавшемуся развратомъ и преступленіями. Народъ выражаетъ вамъ порицанія. Кромѣ того имѣете въ виду, что при первомъ контр-революціонномъ поступкѣ, которой въ себѣ позволите, власти обратять на васъ особое вниманіе, суды выкажутъ себя по отношенію къ вамъ особенно строгими и гильотина стумѣетъ быстро наказать васъ».

Но часто они не достаточно раскаиваются и у нѣкоторыхъ изъ нихъ недостаточно покаянный видъ, тогда, по окончаніи церемоніи, національный агентъ обращаетъ вниманіе собранія на «безстыдство проявленное нѣкоторыми аристократами, столь закоренѣвшими въ преступленіяхъ, что даже національное правосудіе не можетъ ихъ заставить покраснѣть» и тотчасъ же революціонный комитетъ «при-

нимая во вниманіе' безопасное и насмѣшливое поведеніе на этомъ собраніи четырехъ женщинъ и трехъ мужчинъ и необходимость примѣрнаго наказанія столь закоренѣлой «аристократіи», постановляетъ ихъ заключить въ тюрьму, причемъ троихъ проявившихъ безопасность—на три мѣсяца, а четырехъ осмѣливавшихся насмѣхаться до наступленія мира.

Кромѣ того постановленіе національнаго агента и протоколъ за-сѣданія будутъ напечатаны на счетъ «самыхъ богатыхъ и самыхъ подозрительныхъ» лицъ подписавшихъ его, каковыми являются бывшій казначей, нотариусъ, лавочникъ, жена бывшаго начальника жандармеріи и еще двѣ женщины. «Браво!» кричитъ собраніе. Всѣ аплодируютъ и поютъ «національный гимнъ». Уже девять часовъ вечера, публичное покаяніе продолжалось шесть часовъ и якобинцы Монтаржиса удаляются, гордясь своимъ дѣломъ, наказавъ законное проявленіе уваженія къ представителю власти, пославъ на эшафотъ или въ тюрьму, оштрафовавъ или обезчестивъ мѣстный избранный кружокъ, унизивъ до уровня проститутки и рецидивистовъ преступниковъ уважаемыхъ всѣми женщинами и почтенныхъ мужчинъ, которые, по праву являются первыми при нормальномъ режимѣ, а при революціонномъ режимѣ, по праву, являются послѣдними.

IX.

Два преимущества, привлекающія одно другое, богатство и воспитаніе, ставятъ человѣка въ ряды высшихъ классовъ. Вотъ почему то одно, то другое преимущество, то оба вмѣстѣ являются причинами ограбленія, тюремнаго заключенія и казни человѣка.

Не принимается въ расчетъ, что онъ доказалъ свое якобинство и даже крайнее якобинство. Геро де Сешель, который сфигуровалъ убійство короля, который состоитъ членомъ Комитета Общественнаго спасенія, который въ департаментъ Верхняго Рейна только что примѣнялъ самые худшіе революціонные законы, но несчастіе котораго состоитъ въ томъ, что онъ человѣкъ богатый и свѣтскій, гибнетъ на эшафотѣ и его осужденіе объясняютъ себѣ тѣмъ, что онъ не былъ патріотомъ. Да какъ онъ и могъ имъ быть, разъ онъ имѣлъ 20.000 ливровъ ренты и кромѣ того былъ генеральнымъ адвокатомъ.

Всякій кто имѣетъ кровь и на комъ хорошая одежда, будь то мужчина или женщина, праздношатающійся или работникъ, дворянскаго или простаго происхожденія, становится жертвою тюрьмы и гильотины, или по крайней мѣрѣ крѣпостнымъ, съ которымъ можно дѣлать что угодно. Если онъ добровольно не выдаетъ свои капиталы и экономіи, они являются противъ него *corpus omnis delicti*.

Чаще всего его постигаетъ кара только потому что онъ богатъ. Въ Страсбургѣ, на примѣръ, налагаютъ штрафъ на 193 человѣка отъ 6000 до 300.000 ливровъ на каждаго, въ общемъ 6 милліоновъ, который долженъ быть внесенъ въ двадцать четыре часа старшинами каждой профессіи или ремесла, банкирами, маклерами, негодянтами, фабрикантами, учителями, повѣренными, врачами, хирургами, библіотечниками, обойщиками, зеркалащиками, сапожниками, камешниками, трактирщиками. И они обязаны внести деньги въ

назначенный срезъ, иначе ихъ привяжутъ къ позорному столбу на эшафотѣ.

Иногда кара постигаетъ цѣлый классъ, не только дворянъ и священниковъ, но и всѣхъ занимающихся буржуазной профессіей или даже почти что ручнымъ трудомъ. Въ Страсбургѣ, «принимая во вниманіе, что жажда золота всегда руководила пивоварами общины», ихъ присуждаютъ къ штрафу въ 250.000 ливровъ, который они обязаны уплатить въ «три дня подъ угрозой, что они будутъ объявлены мятежниками и имущество ихъ будетъ конфисковано». Затѣмъ въ виду такихъ же мотивовъ налагаютъ штрафъ въ 300.000 ливровъ на булочниковъ и мучниковъ. Кромѣ того, пишутъ представители Мильо и Гюарденъ, «мы приказали арестовать всѣхъ банкировъ, мѣняль и нотаріусовъ. Всѣ ихъ богатства секвестрованы; мы думаемъ, что опечатанныя суммы доходятъ до 2 или 3 милліоновъ звонкой монетой и отъ 15 до 16 милліоновъ ассигнаціями». То же самое происходитъ въ Парижѣ, Нантѣ, Марсели, Лионѣ, Бордо, гдѣ тюрьмы наполняются и гильотина работаетъ во всю, поражая цѣлыя катогоріи лицъ.

Вторымъ преимуществомъ и вторымъ преступленіемъ нотаблей является превосходство воспитанія. «Можно быть увѣреннымъ, пишетъ одинъ голландскій путешественникъ въ 1795 году, что половина настоящаго числа лицъ хорошаго воспитанія сидѣла въ тюрьмѣ». Прибавьте къ этому отсутствующихъ, то есть гильотинированныхъ, изгнанныхъ, эмигрировавшихъ, сосланныхъ. Изъ оставшихся «никто не былъ увѣренъ утромъ въ томъ, что будетъ ночевать дома». Всѣ воспитанные люди находились подъ этими опасеніями. Просмотрите списокъ лицъ подозрительныхъ, заключенныхъ, изгнанныхъ и казенныхъ въ какомъ нибудь городѣ, округѣ, департаментѣ. Вы сейчасъ увидите по званіямъ и профессіямъ этихъ людей, что, во первыхъ, въ списокъ внесены три четверти людей образованныхъ, и что во вторыхъ, самъ по себѣ внушаетъ подозрѣнія уже одинъ культурный духъ».

Въ яacobинскомъ клубѣ, Фуркруа, извиняясь за то, что онъ ученый, что онъ читаетъ лекціи химіи и что онъ не отдаетъ все свое время болтовнѣ конвентовъ и клубовъ, долженъ былъ объявить, что онъ бѣденъ, что онъ живетъ своимъ трудомъ и что онъ кормитъ «своего отца санкюлота и своихъ сестеръ санкюлотовъ». Хотя онъ и хорошій республиканецъ, ему едва удается спастись, точно также какъ и другимъ подобнымъ ему ученымъ.

«Преслѣдовали всѣхъ образованныхъ людей, говоритъ онъ мѣсяцъ, послѣ 9 термидора; достаточно было имѣть образованныхъ людей среди знакомыхъ, быть литераторомъ, чтобы васъ арестовали какъ аристократа... Робеспьеръ съ ужаснымъ искусствомъ клеветалъ, покрывалъ грязью всѣхъ тѣхъ, которые занимались наукой, которые имѣли обширныя познанія; онъ чувствовалъ, что образованные люди никогда не преклоняютъ передъ нимъ голову... Парализовали народное образованіе, намѣревались сжечь библіотеки... нужно ли говорить о томъ, что больше не учатся ни писать, ни читать.»

Въ общемъ, яacobинство своей доктриной и своими дѣйствіями, своими тюрьмами и палачами, говоритъ націи, которую оно держитъ

подъ своей ферулой: «Будь грубой, чтобы стать республиканской, стань снова дикой, чтобы выказать превосходство своего разума, брось обычаи цивилизованнаго народа и восприми нравы каторжниковъ; изуродуй свою рѣчь, чтобы возвысить ее, выразишься, подъ угрозой смерти, такъ же какъ выражается просто-народье. Испанскіе нищіе ведутъ себя съ достоинствомъ, они выказываютъ уваженіе къ представителямъ человѣческаго рода подлхмотьями. Мы же, напротивъ, приказываемъ тебѣ перенять отъ насъ лохмотья, наше простонародное нарѣчіе, наше обращеніе. Одѣваясь въ карманьолу и трепеши; стань простой и глупой и докажи свою гражданскую доблесть отсутствіемъ всякаго воспитанія».

Доносили другъ на друга какъ на аристократовъ, если не становились санкюлотами и пролетаріями по правамъ, манерамъ, тону, рѣчи и одеждѣ. Вотъ почему «изъ невѣдомаго дотолѣ лицемѣрія, люди не бывшіе порочными, считали необходимымъ выдавать себя за таковыхъ». Хуже того, «боялись быть самимъ собой, мѣняли свое имя, одѣвались въ грубыя и отвратительныя одежды, каждый боялся походить на самого себя». По рецепту якобинцевъ все французы должны быть пересозданы по одному образцу. Больше нѣтъ золотыхъ или хрустальныхъ, дорогихъ, изящныхъ или нѣжныхъ вазъ; ихъ разбили или разбиваютъ; отнынѣ допускаютъ и заказываютъ только простые горшки, сдѣланные изъ одного и того же вещества, однихъ и тѣхъ же размѣровъ, одного и того же цвѣта, фабрикуемые тысячами въ общественныхъ мастерскихъ» для простыхъ и грубыхъ потребностей сельской и военной жизни. Никакая оригинальная и выдающаяся форма не допускается.

Эгалитарный социализмъ хочетъ, чтобы граждане были только автоматами, чтобы они въ рукахъ государства были простыми орудіями, одной формы, первобытной структуры, безъ личной совѣсти, безъ личныхъ взглядовъ, инициативы или честности. Всякій кто образованъ, мыслить и имѣетъ свои собственные желанія, стоитъ надъ общимъ уровнемъ и страшиваетъ съ себя ярмо; выдаваться среди другихъ, быть умнымъ и честнымъ, принадлежать къ избраннымъ—это значитъ быть контръ-революціонеромъ.

Въ народномъ обществѣ города Бурга представитель Жавочъ объявилъ, что «Республика можетъ утвердиться только на трупѣ послѣдняго изъ честныхъ людей».

Х.

Вотъ съ одной стороны внѣ закона, въ изгнаніи, въ тюрьмѣ, на эшафотѣ—избранная часть населенія Франціи, почти все люди благороднаго происхожденія, богатые, заслуженные, выдающіеся умомъ, культурой, талантомъ и достоинствами и вотъ съ другой стороны надъ закономъ, во всемъ всемогуществѣ, безответственные диктаторы—подонки всехъ классовъ, шарлатаны, звѣри и преступники: Иногда контрастъ между управляемыми и правителями такъ разителенъ, что можно подуматъ, что онъ подготовленъ искусственно

и для изображенія его нужны не слова, но физическія краски и мазки художника.

Въ западной части Парижа, въ тюрьму, на Севрской улицѣ, заключены первыя лица квартала Сентъ-Жермень, прелаты, офицера, цвѣтъ того полированного общества, которымъ Европа восторгалась, которому подражала и которое своимъ чуднымъ совершенствомъ равнялось или превосходило все, что высшая цивилизація въ Греціи, Римѣ и Итали, создала самого блестящаго, тонкаго. Взгляните теперь на властителей распоряжающихся ихъ жизнью и смертью, на повелителей того же квартала, которые арестовали первыхъ для того чтобы ихъ эксплуатировать, которые на ихъ глазахъ кутяты на ихъ же счетъ: это члены революціоннаго комитета Краснаго Креста, восемнадцать негодяевъ и распутныхъ рабочихъ, бывшіе вучера, швейцары, посыльные, золотари, поддѣльватели, рецидивисты.

На другомъ концѣ Парижа, въ башнѣ Темплъ, оторванный отъ своей матери, отдѣленный отъ сестры, живетъ еще Дофинъ. Никто во всей Франціи не достоинъ болѣе состраданія и уваженія, такъ какъ если существуетъ Франція, то только благодаря тридцатипяти военно-начальникамъ или королямъ, послѣднимъ отпрыскомъ которыхъ онъ является. Не будь десяти вѣковъ ихъ упорной политики и наслѣдственной власти, члены конвента, профанировавшіе ихъ могилы въ Сентъ-Дени и бросившіе ихъ кости въ общую могилу, не были бы французами. Если бы въ этотъ моментъ дать полную свободу выборовъ, громадное большинство народа, девятнадцать французовъ изъ двадцати, признали бы своимъ королемъ невиннаго драгоценнаго ребенка, наслѣдника расы, которой они обязаны тѣмъ, что они—нація и что у нихъ есть отчизна: это восьмилѣтній, необыкновенно развитой ребенокъ, столь же умный, сколь и добрый, милый, прелестный ребенокъ. Взгляните теперь на стоящаго рядомъ съ нимъ съ поднятým кулакомъ и громко ругающагося человѣка, съ лицомъ вѣсьляника. Это его воспитатель, его официальный наставникъ, абсолютный господинъ надъ нимъ, башмачникъ Симонъ, злой, грязный, гнусный человѣкъ, насильно спаивающій его, терзающій его голодомъ, мѣшающій ему спать, осыпающій его ударами, и инстинктивно, изъ принципа проявляющій на немъ всю свою грубость, всю свою развращенность, съ дѣлю его извратить, забить, развратить.

Во Дворцѣ правосудія ежедневно мы видимъ подобный же контрастъ. Иногда на судейскую скамью садятся преступники, а на скамью подсудимыхъ—судьи. 1—2 Флореала извѣстные уже намъ судьи и присяжные, убійцы и звѣри, посылаютъ на эшафотъ представителей и охранителей свободы при монархіи, двадцать пять магистратовъ Парижскаго и Тулузскаго парламентовъ, между ними нѣсколько человѣкъ выдающагося ума и благороднаго характера, Р. де Мальзербъ воскликнулъ прочитавъ свой обвинительный актъ: «Да вѣдь это бессмыслица!» Дѣйствительно, тѣ, которые произносятъ приговоры, по собственному ихъ признанію «солидные присяжные засѣдатели, добрые санкюлоты, люди природы». И какой природы!

Когда основатель химіи, великій изобрѣтатель Лавуазье, осу-

жденный на смерть, просить отсрочки на двѣ недѣли, чтобы довести до конца опытъ, председатель суда отвѣчаетъ ему: «Республика не нуждается въ ученыхъ». Она тоже не нуждается въ поэтахъ и поэтому гильотинируютъ перваго поэта той эпохи, изящнаго и тонкаго художника, вновь отърышнаго агличные источникии, Андре Шенье. Мы имѣемъ въ оригиналѣ письменный протоколъ его допроса, истинный шедевръ безъсмыслицы и варварства. Прочтите его, если вы хотите узнать какъ гениальный человѣкъ находится во власти звѣрей, грубыхъ, яростныхъ, деспотическихъ, которые ничего не слышатъ, ничего не понимаютъ, не понимаютъ даже обыкновенныхъ словъ и стараясь выказать свой умъ, высказываютъ свою тупость. Подчиненная революціонному правительству Фрнція походить на человѣческое существо, которое заставили-бы ходить на головѣ и думать ногами.

ГЛАВА II.

1. Сложность экономической операціи посредствомъ которой предметы первой необходимости постулають въ распоряженіе потребителя.—Условія операціи.—Запасы.—II. Экономическія послѣдствія якобинской политики съ 1793 года.—Посыгательства противъ собственности.—Прямые посыгательства. Жакеріи, конфискаціи и провозглашеніе социалистическаго догмата.—Косвенныя посыгательства.—Плѣхое управленіе общественнымъ достояніемъ.—Преобразование налоговъ и ничтожность поступленій.—Преувеличенность расходовъ.—Военный бюджетъ съ 1793 года.—Кредитные билеты.—Чрезмѣрность выпуска ихъ.—Паденіе ихъ.—Разрушеніе общественныхъ и частныхъ кредиторовъ.—Застой въ торговлѣ и промышленности.—Дурное управленіе новыхъ собственниковъ.—Уменьшеніе продуктивнаго труда.—Только сельскій собственникъ работаетъ съ пользой.—Почему онъ отказывается отъ ассигнацій.—Онъ болѣе не принужденъ продавать тотчасъ же свои продукты.—Дороговизна припасовъ.—Они доставляются на рынокъ съ трудомъ и въ маломъ количествѣ.—Города повудають по высокой цѣнѣ и продають по низкой.—Возникновеніе голода.—Цѣны въ теченіе перваго полугодія 1793 года.—III. Соціалистическій принципъ революціоннаго правительствъ.—Деспотическія мѣры противъ крупной или средней собственности.—Мѣры противъ мелкой собственности.—Максимумъ, реквизиція припасовъ и труда.—Положеніе лавочника, землевладѣльца и рабочаго.—Вліяніе этихъ мѣръ на мелкую собственность.—Приостановка всякой продажи.—IV. Голодовка.—Въ провинціи.—Въ Парижѣ.—V. Революціонныя средства.—Строгости противъ непокорныхъ.—Декреты съ цѣлью сдѣлать государство единственнымъ хранителемъ припасовъ. Попытки установленія насильственнаго труда.—Отчаяніе крестьянина.—Онъ отказывается воздѣлывать землю.—Декреты принуждающіе его къ этому.—Его упорство.—Земледѣльцевъ тысячами заключаютъ въ тюрьму.—Конвентъ принужденъ ихъ выпустить на волю.—Благопріятныя обстоятельства спасающія Францію отъ крайняго голода.—VI. Ослабленіе революціоннаго режима послѣ Термидора. Уничтоженіе максимума.—Новое положеніе крестьянина.—Онъ начинаетъ воздѣлывать землю.—Реквизиція хлѣба государствомъ.—Земледѣлецъ вознаграждаетъ себя на частныхъ лицахъ.—Увеличеніе числа и пониженіе цѣнности ассигнацій.—Классы на которыхъ падаютъ тяжемыя послѣдствія.—Голодь и нищета въ теченіе III года и первой половины IV года.—Въ деревняхъ.—Въ селеніяхъ и городкахъ.—Въ среднихъ и большихъ городахъ.—VII. Голодь и нищета въ Парижѣ.—Мѣры правительствъ для снабженія припасами столицы.—Холодь и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ явлюю 1794—1795 г.г.—Качество хлѣба.—Уменьшеніе ежедневной порціи.—Главнымъ образомъ страдаютъ отъ этого назшіе классы въ породахъ.—Физическія страданія и отчаяніе, самоубійства и смертныя случаи отъ истощенія въ 1795 году.—Обѣды и ужины правителей.—Число тогъбшихъ отъ нищеты.—Дѣйствіе оказываемое социализмомъ на благосостояніи и смертность.

I.

Вообразите себѣ, что какого-нибудь чловѣка заставили-бы ходить внизъ головой. Можетъ быть удастся удержать его на нѣкоторое время въ такомъ вредномъ для здоровья положеніи, но конечно голова его въ концѣ концовъ будетъ изувѣчена, разбита, кромѣ того, очень вѣроятно, что ноги будутъ конвульсивно двигаться. Но исполнѣе достоверно, что въ концѣ концовъ чловѣкъ потеряетъ сознание; кровь не будетъ больше обращаться, наступитъ задушеніе, тѣло и ноги будутъ такъ же страдать какъ и голова, ноги охладѣютъ и станутъ недвижимыми?

Такова приблизительно исторія Франціи подѣ управленіемъ якобинскихъ педагоговъ. Ихъ суровая теорія и упорная грубость заставляютъ націю принять положеніе противное природѣ, поэтому она страдаетъ и страданія ея увеличиваются съ каждымъ днемъ; наступаетъ параличъ, функціи приходятъ въ расстройство, затѣмъ останавливаются, и послѣдняя, главная, самая важная, физическая поддержка ежедневное питаніе жлвого индивидуума, происходитъ такъ неудовлетворительно, среди такихъ трудностей, съ такой неувѣренностью, что пациентъ, лишенія котораго увеличиваются съ каждымъ днемъ, спрашиваетъ себя, не будетъ-ли завтрашній день хуже вчерашняго и не превратится-ли его полувоздержаніе отъ пищи въ голодовку?

Каковы же драгоценные экономическіе органы и какова ихъ манера функционированія. Въ мало мальски цивилизованномъ обществѣ органами этими, во-первыхъ, являются обладатели накопленныхъ богатствъ то есть владѣльцы цѣнностей большихъ или малыхъ, серебромъ, бумагами или натурой, въ какой формѣ онѣ бы не были, въ формѣ ли земель, строеній, копей, и каналовъ, судовъ, машинъ, животныхъ и инструментовъ, всякаго рода товаровъ и запасовъ.

Взгляните, какое они дѣлаютъ изъ этого употребленіе. Каждый изъ нихъ взявъ запасъ, который ему необходимъ для его потребленія въ данный моментъ, вкладываетъ въ какое нибудь предпріятіе свой излишекъ: капиталистъ—свои свободные капиталы, землевладѣлецъ,— свою землю и постройки, фермеръ—своихъ животныхъ, свой посѣвъ и свои орудія обработки земли, фабрикантъ—свою фабрику и сырье, негоціантъ — свои магазины и годовые запасы, мелочникъ—свою лавку и запасы на двѣ недѣли. Затѣмъ все они должны уплачивать каждый мѣсяцъ жалованье своимъ служащимъ и каждую недѣлю вознаграждать за трудъ своихъ рабочихъ.

Въ противномъ случаѣ невозможно обрабатывать землю, строить, фабриковать, продавать; какъ бы полезно не было предпріятіе, нельзя его выполнять, ни даже начинать его безъ предварительныхъ затратъ деньгами или натурой. Во всякомъ предпріятіи жатва предполагается посѣвъ. Если я хочу вырыть яму, я долженъ достать лопату и рабочія руки, другими словами произвести затраты. Но затраты производятся только при двухъ условіяхъ: нужно, чтобы тотъ кто ихъ производитъ былъ въ состояніи это сдѣлать, то есть, чтобы онъ располагалъ излишномъ и затѣмъ что бы онъ же-

лалъ ихъ сдѣлать, въ виду того, что онъ надѣется получить отъ этого выгоду?

Если я разоренъ или полу-разоренъ, если мои квартиранты и мои фермеры мнѣ не платятъ, если моя земля и мои товары стоятъ на рынкѣ только половину того, что они раньше стоили, если моему имуществу грозитъ конфискація или разграбленіе, я не только имѣю въ настоящее время въ своемъ распоряженіи меньше цѣнностей, но и забочусь о будущемъ; кромѣ моего потребления въ непосредственномъ будущемъ, я забочусь объ отдаленномъ будущемъ; я увеличиваю свои запасы припасовъ и звонкой монеты, я оставляю для себя и для моихъ ближнихъ все что у меня остается цѣнностей, я больше не могу ни ссужать, ни братья за какія либо предпріятія.

Съ другой стороны, если ссуда или предпріятіе даетъ мнѣ не выгоду, а убытокъ, если къ обыкновеннымъ рискамъ, безсиліе или несправедливость закона присоединяетъ чрезвычайные риски, если мое дѣло должно стать добычей правительства разбойниковъ и всякаго, кто захочетъ имъ овладѣть, если я обязанъ поставлять мои товары по цѣнѣ вдвое меньшей заготовительной, если я могу производить и продавать только отказавшись отъ всякой выгоды и будучи увѣренъ, что я не возмѣщу свои затраты, то я не хочу больше ни предпринимать, ни ссужать.

Вотъ настроеніе и положеніе всѣхъ собственниковъ во время анархіи, когда государство въ упадкѣ и болѣе не выполняетъ своей обыкновенной роли, когда земельныя имущества не находятся подъ дѣйствительной защитой общественной власти, когда въ деревняхъ распространяется жакерія, а въ городахъ мятежъ, когда замки разрушаются, лавки разграбляются, транспорты останавливаются, когда за наемъ и аренду земель больше не платятъ, когда суды не осмѣливаются больше выносить обвинительные приговоры, когда полиція не существуетъ, когда жандармерія воздерживается отъ всякаго вмѣшательства, когда объявленная нѣсколько разъ подрядъ амністія покрываетъ воровъ и поджигателей, когда благодаря революціи мѣстная и центральная власть находится въ рукахъ авантюристовъ, безъ состоянія, безъ чести и враждебныхъ собственникамъ.

Таково положеніе во времена социализма, когда государство узурпаторъ, вмѣсто того чтобы защищать частную собственность, уничтожаетъ ее или завладѣваетъ ею, когда оно захватываетъ имущество многихъ корпорацій и установленій, когда оно безъ вознагражденія уничтожаетъ нѣсколько родовъ законныхъ долговъ, когда благодаря ассигнаціямъ и принудительному курсу оно уничтожаетъ долгъ въ рукахъ кредитора и позволяетъ должнику почти даромъ освободиться отъ кредитора, когда оно произвольно захватываетъ свободные капиталы, когда оно дѣлаетъ принудительные займы, когда оно овладѣваетъ предметами посредствомъ реквизиціи; когда оно таксируетъ съѣстные припасы ниже заготовительной стоимости и товары ниже цѣны, по которой приобрѣлъ ихъ торговецъ, когда оно принуждаетъ фабриканта фабриковать себѣ въ убытокъ и негодянта продавать себѣ въ убытокъ, когда принципы его, примѣняемые къ его дѣйствіямъ, указываетъ, что отъ частичной вонфискаціи оно придетъ къ конфискаціи общей.

Калѣченіе и уничтоженіе собственности все болѣе и болѣе уменьшаютъ количество свободныхъ цѣнностей, въ виду этого полезныя предпріятія влачатъ жалкое существованіе, или гибнутъ, поэтому производство, торговля необходимыми предметами уменьшается, прекращается, приостанавливается. У мелочника меньше мыла, сахара и свѣчей чѣмъ прежде, меньше дровъ и угля у дровяника, меньше быковъ и барановъ на рынкѣ, меньше мяса у мясника, меньше зерноваго хлѣба и муки на рынкѣ, меньше хлѣба у булочника. Такъ какъ предметы первой необходимости рѣдки, то они становятся дороже, такъ какъ спросъ на нихъ большой, то дороговизна ихъ преувеличивается, богатый разоряется, чтобы достать ихъ, бѣдный не въ силахъ ихъ получить и чувствуется крайній недостатокъ предметовъ первой необходимости.

II.

Таково бѣдственное положеніе Франціи въ тотъ моментъ, когда довершается яacobинское завоеваніе и виновниками этого бѣдственнаго положенія являются яacobинцы, такъ какъ въ теченіе четырехъ лѣтъ они вели систематическую борьбу съ собственностью.

Снизу они вызывали, прощали, амнистировали или допускали всѣ народныя посягательства противъ собственности, тысячи матежей; семь послѣдовательныхъ жакерій, изъ которыхъ нѣкоторыя захватывали девять или десять департаментовъ, а послѣдняя распространилась по всей Франціи, то есть допускали произвольныя бѣдныя бродягъ и негодяевъ, всѣ виды воровства, начиная отъ отказа платить аренду и кончая разграбленіемъ замковъ, буржуазныхъ домовъ, рынковъ и амбаровъ, существованіе скопищъ, которыя облагали поборами подозрительныхъ, по ихъ мнѣнію, людей всѣхъ классовъ, не только дворянъ и богатыхъ, но и мирнаго фермера и зажиточнаго ремесленника. Недавно еще, въ февралѣ 1793 года, по совѣту Марата и въ обществѣ съ яacobинскимъ муниципалитетомъ, парижская чернь разграбила тысячу двѣсти мелочныхъ лавокъ и раздѣлила между собой даромъ или по установленной ею же цѣнѣ, сахаръ, мыло, водку и кофе.

Сверху они предприняли, совершили и умножили противъ собственности худшія посягательства, они уничтожили сотни миллионныхъ доходовъ и конфисковали капиталы цѣлыми миллиардами, уничтожили безъ всякаго возмѣщенія десятиный налогъ и всѣ феодальныя обязательства, экспроприровали имущество духовенства, эмигрантовъ, мальтійскаго ордена, благотворительныхъ и воспитательныхъ учреждений, при этомъ даже свѣтскихъ, захватывали серебряную утварь, священныя сосуды, драгоценную обстановку церквей. И съ тѣхъ поръ какъ они стоятъ у власти, они кромѣ совершенныхъ уже хищничествъ, обѣщаютъ произвести еще новыя.

Послѣ 10 августа ихъ газеты въ Парижѣ и ихъ комиссары въ департаментахъ проповѣдывали «аграрный законъ, общность имущества, уравненіе состояній», охоту на богатыхъ, проскрипціи «собственникововъ, крупныхъ торговцевъ, финансистовъ и всѣхъ людей, имѣющихъ какой либо излишекъ». Въ первые же мѣсяцы существо-

ванія Конвента догматъ Руссо, «что плоды принадлежать всѣмъ, а земля никому», явился государственнымъ принципомъ и въ засѣданіяхъ сувереннаго собранія явный социализмъ получаетъ преобладающее, а затѣмъ и исключительное вліяніе.

По мнѣнію Робеспьера «все, что необходимо для сохраненія жизни—общая собственность всего общества. Только излишекъ является индивидуальной собственностью». Еще болѣе торжественно, въ Декларации правъ чловѣка, единогласно принятой всемогущимъ обществомъ якобинцевъ съ цѣлью служить треугольнымъ камнемъ новыхъ учрежденій, говорится: «Общество обязано заботиться о пропитаніи всѣхъ своихъ членовъ. Необходимая помощь бѣдности является долгомъ богатаго по отношенію къ бѣдняку. Право собственности ограничено и примѣняется только къ части имуществъ гарантированной закономъ. Всякое обладаніе, всякая сдѣлка, наносящая вредъ существованію подобныхъ намъ, по необходимости недозволено и безнравственно».

Это исполнѣ понятно и якобинская чернь разсудивъ, что обладаніе мелочными лавками вредитъ ея существованію, выводитъ изъ этого заключеніе, что монополія лавочниковъ безнравственна и не можетъ быть разрѣшена и поэтому она грабитъ лавки. Подъ владычествомъ черни и Горы Конвентъ примѣняетъ эту теорію, захватываетъ капиталъ вездѣ гдѣ его находитъ и во имя ея бѣднякамъ объявляютъ, «что они въ бумажникахъ богачей найдутъ чѣмъ удовлетворить свои потребности».

Кромѣ этихъ прямыхъ ударовъ основы всякой настоящей и будущей собственности медленно подрывались военными и глухими, но за то болѣе глубокими, ударами. Дѣла государства являются общими дѣлами и когда государство раззоряется, раззоряется все его населеніе. Государство является самымъ крупнымъ должникомъ и самымъ крупнымъ кредиторомъ страны; не существуетъ ни одного столь неуловимаго должника и столь всеполучающаго кредитора, такъ какъ творя законъ и имѣя въ своихъ рукахъ силу, оно всегда можетъ сначала отказаться отъ долга и отпустить рентъ съ пустыми руками, затѣмъ увеличить налоги и взять изъ кармана плательщика налоговъ послѣдній грошъ. Нѣтъ ничего болѣе опаснаго для частныхъ состояній какъ плохое завѣдываніе общественнымъ достояніемъ. Подъ вліяніемъ якобинскихъ принциповъ и якобинской партіи, опекуны Франціи управляли дѣлами ея такъ, какъ будто бы они хотѣли раззорить свою воспитанницу. Они употребили противъ нея всѣ извѣстныя средства для уничтоженія состоянія.

Во первыхъ они лишили ея трехъ четвертей ея доходовъ. Для того чтобы понравиться народу и съ цѣлью примѣненія принциповъ, потребительскіе налоги, таможенные пошлины, налогъ на соль, на спиртные напитки, на мясо, на табакъ, на кофе и порохъ, были уничтожены и новыя подати, которыми замѣнили старыя, распределенныя очень неудовлетворительно, взимаемыя съ большимъ трудомъ, не поступаютъ въ казну.

Во вторыхъ, новые правители учетверили расходы. Экипировка и прогулки національныхъ гвардейцевъ, патріотическіе праздники и парады, безчисленныя печатныя возванія и изданія, устройство но-

вой администраціи, вознагражденіе за уничтоженныя должности, вспомошествованія бѣднякамъ, благотворительныя мастерскія, закупки зернового хлѣба, неустойка мучникамъ и булочникамъ—все это требовало громадныхъ затратъ. Большую часть этихъ расходовъ уплатило государство. Къ концу апрѣля 1793 года оно одному Парижу выдало 110 милліоновъ и несостоятельная коммуна вымогала у него постоянно новыя милліоны. Наряду съ этой бездонной пропастью якобинцы нашли другую—военное вѣдомство,—въ которую они въ теченіе перваго полугодія 1793 года бросали по 140, по 160, а затѣмъ по 190 милліоновъ въ мѣсяць; во второмъ полугодіи 1793 года военное вѣдомство и продовольственная часть поглощали около 300 милліоновъ въ мѣсяць и тѣмъ болѣе наполняли обѣ бездонныя ямы, тѣмъ глубже онѣ становились.

Понятно, что если на рынкѣ не находятъ наличныхъ денегъ, подписываютъ векселя, стараются пустить ихъ въ обращеніе, уплачиваютъ поставщикамъ обязательствами. Кредитныя билеты являются третьемъ способомъ и притомъ, самымъ вѣрнымъ для раззоренія и якобинцы примѣняютъ его безъ стѣсненія. При Учредительномъ собраніи сначала старались обезпечить уплату по обязательствамъ, имъ дали первую ипотеку на національныя имущества, было дано обѣщаніе не брать больше въ долгъ подъ залогъ ихъ и больше не выпускать ассигнацій. Но слова не сдержали, ипотека была обманнымъ образомъ лишена привилегій, а поэтому цѣнность ихъ падаетъ. Затѣмъ 27 апрѣля 1792 года по докладу Камбона начинается неограниченный выпускъ ассигнацій; въ іюнь 1793 года ихъ сфабриковано уже 4320 милліоновъ. Въ Парижѣ ассигнація въ 100 франковъ стоитъ въ іюнь 1791 года только 85 франковъ, въ январѣ 1792 года—66 франковъ, въ мартѣ 1792 года—только 53 франка, поднятая къ концу Законодательнаго Собранія новыми конфискаціями, она въ января 1793 года снова падаетъ до 55 франковъ, въ апрѣлѣ—до 47 франковъ, въ іюнь до 40 и въ іюлѣ до 33 франковъ.

Въ такомъ положеніи возможно ли существованіе или поддержка какого нибудь предпріятія? Кто осмѣлится рискнуть, въ особенности въ предпріятіяхъ, гдѣ первоначальныя затраты велики, а возмѣщеніе ихъ предвидится только въ отдаленномъ будущемъ? Кто осмѣлится ссужать деньгами на долгій срокъ?

Если кто и даетъ въ долгъ, то не на годъ, а помѣсячно и процентъ равнявшійся до Революціи 6, 5, 4 въ годъ, теперь доходитъ до 2% въ мѣсяць и подъ залогъ. Онъ скоро поднимется и въ Парижѣ и въ Страсбургѣ онъ пройдетъ до 4%, 5%, 6% и даже 7% въ мѣсяць. При такихъ условіяхъ изъ году въ годъ гибнутъ крупныя торговые дома. Послѣ раззоренія дворянства и отъѣзда богатыхъ иностранцевъ гибнутъ всѣ промышленности предметовъ роскоши, которая въ Парижѣ и Лионѣ задавала тонъ всей Европѣ, гибнутъ фабрики тканей, предметовъ роскоши, обстановки, послѣ черной жакеріи въ Санъ-Доминго и смуть на Антильскихъ островахъ гибнетъ крупная колоніальная торговля, гибнетъ благосостояніе Нанта и Бордо, промышленности связанныя съ шелкомъ, сахаромъ и кофе; послѣ объявленія войны англичанамъ гибнетъ вся морская торговля.

послѣ объявленія войны Европѣ—вся континентальная торговля. Общее банкротство, общее раззореніе.

Среди миллионовъ людей прекратившихъ работать, работаетъ одинъ только мелкій земледѣлецъ, и при этомъ работаетъ плодотворно. Облегченный отъ налоговъ, приобретаая по дешевой цѣнѣ или даромъ землю, онъ съ любовью предается своему дѣлу. Онъ рассчиталъ, что его жатва не будетъ больше обложена податями въ пользу помѣщиковъ, короля, что она останется всецѣло въ его пользу и чѣмъ громче кричатъ о голодѣ города, тѣмъ больше рассчитываетъ онъ продать ее дороже. Можетъ быть будетъ недостатокъ въ другихъ припасахъ, но хлѣба въ 1792, 1793 и даже 1794 годахъ достаточно, чтобы обезпечить ежедневное пропитаніе населеніе Франціи.

Но это недостаточно. Для того чтобы обезпечить ежедневное пропитаніе населенія Франціи, необходимо, чтобы хлѣбъ доставлялся на рынки въ достаточномъ количествѣ и чтобы каждый день булочники имѣли достаточно муки для печенія хлѣба, необходимо кромѣ того, чтобы цѣна продаваемаго булочниками хлѣба не превышала цѣну, которую можетъ дать большинство потребителей. Но въ дѣйствительности благодаря новому режиму ни одно изъ этихъ условий не выполняется.

Во первыхъ пшеница, а потому и хлѣбъ слишкомъ дорогъ. Даже при старой цѣнѣ онъ былъ бы дорогъ для кошельковъ опустѣвшихъ или полуопустѣвшихъ послѣ такихъ ударовъ нанесенныхъ собственности, промышленности и торговли, въ особенности же теперь, когда столько рабочихъ и служащихъ находятся безъ работы, когда столько собственниковъ и буржуа болѣе не получаютъ процентовъ со своихъ рентъ. Но рожь, а потому и хлѣбъ не остались при прежней цѣнѣ. Вмѣсто 50 франковъ мѣшокъ ржи стоитъ въ Парижѣ, въ февралѣ 1793 года 65 франковъ, въ маѣ 1793 года—100, затѣмъ 150 франковъ. Поэтому въ первыхъ мѣсяцахъ 1793 года въ Парижѣ хлѣбъ стоитъ вмѣсто 3 су за фунтъ 6 су, во многихъ департаментахъ юга отъ 7 до 8 су, а впослѣдствіи во многихъ мѣстностяхъ отъ 10—12 су.

Дѣло въ томъ, что начиная съ 10 августа 1791 года, послѣ паденія короля и послѣ того какъ вырванъ былъ замокъ свода, поддерживавшій поколебленныя камни общественнаго зданія, крестьянинъ рѣшилъ не принимать ассигнаціи и продавать свой хлѣбъ только за звонкую монету. Ему кажется глупостью мѣнять рожь на грязныя бумажки и онъ совершенно правъ, такъ какъ у городскихъ торговцевъ изъ мѣсяца въ мѣсяць онъ получаетъ все меньше товаровъ за эти самыя бумажки.

Вѣдь онъ какъ прежде болѣе не принужденъ сбывать сейчасъ же послѣ жатвы свой хлѣбъ, чтобы уплатить повинности и аренду. Въ эту эпоху безпорядка и демагоги, при господствѣ безсильныхъ или партійныхъ властей, ни общественный, ни частный кредиторы не имѣютъ силы, чтобы заставить заплатить себѣ долги. Фермеръ поэтому воздерживается отъ доставки хлѣба на соседній рынокъ и рѣшающіе доводы побуждаютъ его къ этому. На дорогахъ и у вѣзда въ городъ, бродяги и голодные останавливаютъ и разграбляютъ возы съ хлѣбомъ; на рынкахъ женщины ножницами вспарываютъ мѣшки

и муниципалитетъ, принужденный на это чернью, таксируетъ рожь по дешевой цѣнѣ.

Чѣмъ больше городъ, тѣмъ ему труднѣе обезпечить припасами свой рынокъ, такъ какъ ему нужно доставить ихъ издалека. Каждый департаментъ, каждый округъ, каждая деревня удерживаетъ у себя законной реквизиціей или грубой силой свой хлѣбъ. Крупные хлѣботорговцы не имѣютъ возможности вести торговлю, ихъ называютъ скупщиками, толпа завладѣваетъ ихъ складами и ихъ предпочтительно передъ другими она вздергиваетъ на висѣлицу. Правительство объявило ихъ спекуляціи «преступленіями», оно запретило имъ вести торговлю и замѣнить ихъ собою.

Но этимъ оно только усиливаетъ бѣдствіе. Что ни дѣлаютъ города, какъ они ни облагаютъ богачей, не дѣлаютъ заемовъ, не обременяютъ себя обязательствами свыше всѣхъ имѣющихся у нихъ источниковъ, они только ухудшаютъ положеніе. Когда парижскій муниципалитетъ тратитъ 12,000 франковъ въ день на то чтобы продавать на рынокъ по дешевой цѣнѣ муку, онъ устраняетъ мучниковъ, которые не могутъ поставлять муку по столь низкой цѣнѣ; для 600,000 ртовъ Парижа не достаетъ муки. Когда онъ платитъ 75000 въ день для возмѣщенія убытковъ булочниковъ, онъ привлекаетъ въ Парижъ все населеніе предмѣстій, являющееся купить хлѣбъ по низкой цѣнѣ; для 700,000 ртовъ Парижа и предмѣстій не достаетъ хлѣба у булочниковъ. Всякій опаздывающій не находитъ ни куска хлѣба; поэтому каждый является за хлѣбомъ рано, затѣмъ раньше, съ восходомъ солнца, до восхода, за пять или шесть часовъ до наступленія дня. Уже въ февралѣ 1793 года у дверей булочныхъ стоятъ съ ранняго утра хвосты покупателей. Конечно за неимѣніемъ хлѣба бросаются на другіе продукты и они дорожаютъ. Прибавьте къ этому различныя послѣдствія якобинской политики, которая увеличиваетъ дороговизну всѣхъ припасовъ и всѣхъ предметовъ необходимости. Оказываетъ на это вліяніе ужасная порча дорогъ, которая замедляетъ и удорожаетъ доставку припасовъ, запрещеніе вывозить звонкую монету и поэтому покупать за границей, декретъ, обязывающій всякое промышленное или торговое товарищество «вносить ежегодно въ казну четверть своего дивиденда». Вандейское возстаніе, лишашее Парижа 600 быковъ въ недѣлю, потребленіе арміи, съѣдающей половину числа быковъ приведенныхъ на Парижскій рынокъ, блокада моря и континента довершаетъ раззореніе фабрикъ и крупной торговли. Возстаніе въ Бордо, въ Марсели на югѣ, вліяетъ на чрезмѣрное удорожаніе сахара, мыла, масла, свѣчей, вина и водки.

Въ среднемъ, въ первые мѣсяцы 1793 года фунтъ мяса стоитъ во Франціи вмѣсто 6 су—20 су, въ маѣ, въ Парижѣ, водка стоившая полгода тому назадъ 35 су стоитъ 94 су; въ июлѣ фунтъ телятины вмѣсто 5 су стоитъ 22 су. Съ 20 су сахаръ доходитъ до 4 франковъ 10 су, свѣчка стоитъ 7 су.

Ш.

Согласно теоріямъ якобинцевъ сильный и глубокой инстинктъ собственности долженъ быть подавленъ въ каждомъ индивидуумѣ,

истинное имя этому инстинкту «эгоизмъ» и проявленіе его—посягательства противъ общины, единственнаго законнаго собственника имущества и людей. Все принадлежитъ государству, частнымъ лицамъ—ничего. Государство имѣетъ право не только захватить земли и капиталы, но захватывать по удобной ему цѣнѣ хлѣбъ и скоть, свѣчи и сахарный песокъ, таксировать по своему произволу трудъ сапожника, портнаго, мельника, возчика, земледѣльца, жнеца и молотильщика. Общій захватъ людей и предметовъ,—вотъ его обязанность и новые повелители выполняютъ ее по мѣрѣ своихъ силъ. На практикѣ ихъ заставляеть необходимость: мятежъ гудитъ, парижская чернь не хочетъ ничего слушать, правители принуждены наскоро составлять декреты, которыхъ она требуетъ, декреты даже невыполнимые и заворедные, заставляеть голодать провинцію, чтобы кормить парижскую чернь, заставляеть ее голодать сегодня, чтобы кормить ее завтра. При крикахъ и угрозахъ улицы перестаютъ считаться съ будущимъ, думаютъ только о настоящемъ; берутъ тамъ, гдѣ находятъ; берутъ силою; поддерживаютъ насиліе, поддерживаютъ грабежи убійствами, экспроприруютъ цѣлыя категории лицъ, захватываютъ цѣлыя категории предметовъ. Послѣ богача грабятъ бѣдняка. Въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ революціонное правительство работаетъ такимъ образомъ: одной рукой оно довершаетъ конфискацію собственности, крупной и средней, другой оно принимается за уничтоженіе мелкой.

Противъ крупной и средней собственности ему достаточно расширить предшествующіе декреты. Оно конфискуеть имущество госпиталей, коммунъ, всѣхъ научныхъ и литературныхъ обществъ. Оно ограбляетъ государственныхъ и частныхъ кредиторовъ выпускомъ ассигнацій, конверсіей государственныхъ долговъ. Шестъ мѣсяцевъ заключенія грозитъ всякому не принимающему ассигнацій наравнѣ со звонкой монетой, двадцать лѣтъ тюрьмы грозитъ ему, въ случаѣ повторенія этого преступленія, гильотина угрожаетъ ему если будетъ доказано, что намѣренія его были противны Республикѣ. Имущество частныхъ лицъ конфискуется, у богатыхъ гражданъ дѣлается принудительный заемъ въ миллиардъ франковъ, звонкая монета насильно отбирается въ обмѣнъ на ассигнаціи, въ домахъ производятся конфискаціи серебра и драгоценныхъ камней, государство отбираетъ у частныхъ лицъ заложенные у нихъ три столѣтія тому назадъ государственныя земли. Сколько годовъ труда понадобится теперь для воссозданія состояній, для воссозданія Франціи.

«Торговля уничтожена», пишетъ изъ Парижа одинъ швейцарскій негодянтъ и можно подумать, что правительство систематически старается сдѣлать ее невозможной. 27 іюня 1793 года Конвентъ закрываетъ биржу, 15 апрѣля 1794 года онъ уничтожаетъ «финансовыя компаніи» и «запрещаетъ всѣмъ банкирамъ, негодянтамъ и другимъ лицамъ образовывать какія бы то ни было учрежденія подобнаго рода, подъ какимъ бы то ни было названіемъ». 8 сентября коммуна опечатываетъ помѣщенія «всѣхъ банкировъ, мѣняль, маклеровъ» и заключаетъ ихъ самихъ въ тюрьму. Изъ милости и принимая во вниманіе, что имъ придется платить по векселямъ, она соглашается выпустить ихъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, что

они будуть находится под домашнім арестомъ, «подъ охраной двухъ добрыхъ гражданъ», которыхъ они обязаны будутъ содержать на свой счетъ.

Наступаетъ чередъ маленькихъ людей. Какъ они не страдаютъ, они будутъ функционировать какъ въ обычное время и притомъ принудительно. Со своей обычной логикой и недальновидностью Конвентъ налагаетъ на нихъ свои руки, онъ ихъ давитъ, чтобы вылечить ихъ. Земледѣльцамъ запрещается торговать внѣ рынка, приче́мъ они обязываются доставлять на рынокъ ежедневно определенное количество мѣшковъ ржи, приче́мъ для достиженія этого прибѣгаютъ къ набѣгамъ. Лавочникамъ отдается приказаніе выставять ежедневно на продажу известное количество предметовъ первой необходимости. Устанавливается максимумъ цѣнъ на всѣ предметы, слыше которыхъ никто не имѣетъ права продавать.

Послѣ установленія максимума крестьянинъ отказывается доставлять свои продукты на рынокъ и революціонная армія не вездѣ-суща, чтобы она могла ихъ отнимать у него силой. Онъ оставляетъ свою жатву въ снопахъ какъ только можетъ долгие и жалуется на то, что не находитъ молотильщиковъ. Въ случаѣ крайности онъ зарываетъ свои хлѣбъ или кормитъ имъ скотъ. Часто онъ мѣняетъ его на дрова, на четверть свиной туши. Ночью онъ дѣлаетъ шесть лье, чтобы отвезти его въ сосѣдній округъ, гдѣ мѣстный максимумъ цѣны выше. Онъ знаетъ кто именно въ оружающей мѣстности имѣетъ еще деньги и онъ тайно продаетъ ему припасы. Онъ главнымъ образомъ скрываетъ изобиліе и какъ въ прежнее время представляется бѣднякомъ. Онъ входитъ въ сношенія съ деревенскими властями, съ мэромъ или національнымъ агентомъ, подобно ему заинтересованнымъ въ томъ, чтобы обходить законъ; онъ кого нужно подкупаетъ. Въ концѣ концовъ его преслѣдуютъ, хватаютъ, сажаютъ въ тюрьму и онъ надеждаетъ своимъ упорствомъ администраціи. Вотъ почему, съ каждой недѣлю на рынокъ доставляется все меньше и меньше муки, ржи, скота и мяса у мясника, хлѣба у булочника становится все меньше.

Парализовавъ такимъ образомъ мелкіе органы предложенія и спроса, яacobинцамъ остается только парализовать самый трудъ, искусныя, дѣятельныя и сильныя рабочія руки. Для этого достаточно замѣнить вольныя частныя мастерскія обязательной національной мастерской, поштучную работу, работой поденной, полное энергіи вниманіе рабочаго, нанимающагося на обсужденныхъ взаимно условіяхъ и старающагося заработать какъ можно больше, невнимательной вялостью рабочаго взятаго силой, плохо оплачиваемаго и оплачиваемаго даже въ томъ случаѣ, если онъ работаетъ нерадиво или даже совсѣмъ не выходитъ на работу. Такъ то и поступаютъ яacobинцы набирая принудительнымъ образомъ, всякаго рода рабочихъ, «всѣхъ тѣхъ, которые способствуютъ обращенію, транспорту и продажѣ съѣстныхъ припасовъ и предметовъ первой необходимости, поселянъ занимающихся обыкновенно полевыми работами», въ частности, молотильщиковъ, жнецовъ, возчиковъ, сплавщиковъ лѣса и также сапожниковъ, портныхъ, желѣзниковъ и другихъ рабочихъ.

Во всѣхъ попыткахъ соціального организма одинъ и тотъ же

принципъ примѣняется съ однимъ и тѣмъ же результатомъ. Забъните вездѣ внутреннее, естественное и животное побужденіе внѣшнимъ, искусственнымъ и механическимъ принужденіемъ и вы получите вездѣ всеобщую атрофію. Отнимите у людей ихъ продукты, или лучше заставьте ихъ производить подѣ угрозой, конфискуйте ихъ время, ихъ трудъ и ихъ личности, доведите ихъ до состоянія феллаховъ, создайте въ нихъ чувства феллаховъ и вы получите только трудъ и продуктъ этого труда феллаховъ, то есть минимумъ труда и продукта, то есть производство недостаточное для прокормленія очень плотнаго населенія, которое, умноженное высшей и продуктивной цивилизаціей, не будетъ въ состояніи долго существовать при варварскомъ, непроизводительномъ режимѣ. И уже впереди виднѣется финальное послѣдствіе системы, не недоѣданіе, а голодъ, настоящій голодъ и вымираніе народа миллионами.

Между якобинцами нѣкоторые фанатики, ясновидящіе въ силу своего фанатизма, какъ Жюффруа, Антонелль, Жанбонъ Сентъ-Андре, Колло д'Эрбуа предвидѣть послѣдствія и принимаютъ ихъ вмѣстѣ съ принципомъ, другіе, отказывающіеся видѣть послѣдствія, тѣмъ болѣе упорно примѣняютъ принципъ и всѣ они, съ закрытыми или открытыми глазами изо всѣхъ силъ работаютъ надѣ усиленіемъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ находится народъ.

II.

6 ноября 1793 года Колло д'Эрбуа писалъ изъ Ліона: «Здѣсь нѣтъ припасовъ и на два дня». А на слѣдующій день: «Въ настоящее время населеніе Ліона равняется по крайней мѣрѣ 130.000 душъ; припасовъ не хватитъ и на три дня». Затѣмъ черезъ день: «Наше положеніе отчаянное». Затѣмъ на слѣдующій день: «Голодъ разразится».

Вблизи, въ Монбризонскомъ округѣ, въ февралѣ 1794 года, не имѣется «никакого продовольствія для народа»; все забрано и увезено, даже рожь для посѣва, такъ что поля остаются незасѣянными. Въ Марселѣ со времени установленія максимума недостатокъ чувствуется во всемъ. Въ Кагорѣ, несмотря на усиленные реквизиціи жители принуждены ѣсть хлѣбъ мѣшаннаго пшена, состоящаго изъ одной пятой пшеницы, а четырехъ пятыхъ яроваго ячменя и проса. Въ Греноблѣ булочники больше не пекутъ хлѣбъ, жители деревень не доставляютъ рожь, торговцы не доставляютъ свои товары, или же вывозятъ ихъ. Вездѣ для городскихъ жителей установлены порціоны, но такіе скудные, что ихъ едва достаточно, чтобы не умереть съ голоду.

Въ Руанѣ жителямъ выдается ежедневно только четверть фунта хлѣба. «Въ Бордо, пишетъ національный агентъ, населеніе проводитъ ночи у дверей булочныхъ, чтобы заплатить очень дорого за плохой хлѣбъ, который часто ему и не достается... Сегодня хлѣбъ не пекли и завтра будутъ выдавать по полфунта на человѣка. Хлѣбъ этотъ выпеченъ изъ овса и бобовъ... Въ дни, когда его совсѣмъ не имѣется, раздають бабы, каштаны, рисъ, но при этомъ въ очень незначительномъ количествѣ», четыре унціи хлѣба, пять унцій риса или каштановъ. «Я уже восемь или десять разъ обѣдалъ

безъ хлѣба, я бы легко отказался отъ него, если бы могъ его замѣнить картофелемъ, но и его у насъ очень мало». Пять мѣсяцевъ спустя постъ еще продолжается и онъ длится даже послѣ Террора, не только въ городѣ, но и во всемъ департаментѣ. То же самое зрѣлище мы видимъ во всѣхъ мѣстностяхъ производящихъ мало хлѣба или амбары которыхъ опустошены революціонными отрядами. Въ провинціи населеніе не возмущается, оно только умоляетъ и протягиваетъ руку «со слезами на глазахъ».

Парижъ менѣе терпѣливъ; вотъ почему ему приносятъ въ жертву все остальное, не только общественное состояніе, казначейство, дающее ему одинъ или два милліона въ недѣлю, но и цѣлыя мѣстности, которыя морятъ голодомъ, чтобы накормить его, подъ штыками революціонныхъ отрядовъ. Шестъ департаментовъ обязуются доставлять ему хлѣбъ, двадцать шесть департаментовъ—свиной по цѣнѣ максимума и по реквизиціи, съ перспективой тюрьмы и эшафота въ случаѣ отъеза. Прежде всего нужно накормить столицу. Посмотримъ же, какъ живутъ и что ѣдятъ въ Парижѣ.

«Страшныя скопаша» у дверей булочныхъ, мясниковъ и мелочниковъ,—затѣмъ на рынкѣ, гдѣ всѣ стремятся достать масла, яицъ, рыбы и зелени, въ порту и на набережной, гдѣ стремятся достать вино, дрова и уголь, таковы безпрестанные припѣвы всѣхъ полицейскихъ рапортовъ. И такъ продолжается безъ перерыва въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ существованія революціоннаго правительства. Хвосты жаждущихъ достать хлѣба, мяса, масла, молока, дровъ образуются уже съ трехъ часовъ утра, съ часу ночи, съ полночи и съ каждымъ часомъ они увеличиваются. Представьте себѣ вереницу этихъ несчастныхъ, мужчинъ ожидающихъ открытія лавокъ, подъ дождемъ, въ снѣгу, въ теченіе долгихъ часовъ, въ темныхъ, вонючихъ, едва освѣщенныхъ, загроможденныхъ нечистотами улицами. За недостаткомъ масла половина фонарей потушена, за недостаткомъ денегъ улицы больше не мостятъ, не подметаютъ, навозныя кучи высятся вдоль стѣнъ. Толпа, грязная, оборванная, шлепаетъ въ этой грязи въ рваныхъ сапогахъ, такъ какъ сапожники больше не работаютъ для частныхъ лицъ, въ грязномъ бѣльѣ, такъ какъ мыла для стирки бѣлья больше не имѣется.

Благодаря смѣшенію обоихъ половъ разыгрываются грубые инстинкты, въ особенности лѣтомъ разыгрываются сцены человѣческаго звѣрства и парижскаго озорства. Дѣвки занимаютъ своимъ ремесломъ, для нихъ это интермедія. Издали слышенъ ихъ разнузданный смѣхъ. Мѣсто для нихъ благопріятно; нѣкоторыя изъ нихъ «принесли съ собою матрасы и предаются всякой мерзости». Превосходный примѣръ для честныхъ дѣвушекъ или женъ рабочихъ, для честныхъ служанокъ. «Мужчины, останавливаясь выбираютъ своихъ Дульциней, другіе болѣе безстыдные бросаются на женщинъ и цѣлуютъ ихъ одну за другой». Развѣ это не братскіе поцѣлуи якобинскаго патриотизма? Развѣ дочь и жена мэра Пашъ не будутъ въ послѣдствіи цѣловать въ клубѣхъ пьяныхъ санжюлотовъ? А что же дѣлаетъ стража?—У ней и безъ этого довольно работы, она сдерживаетъ другія животныя, страсти, слѣпой и глухой инстинктъ, доведенный до отчаянія страданіями, надеждой и разочарованіемъ.

У каждой мясной, передъ открытіемъ ея «мясники сгибаеясъ подъ тяжестью мясныхъ тушъ, бѣгутъ, чтобы не подвергнуться нападенію толпы, которая бросается на нихъ и какъ бы пожираетъ глазами сырую говядину». Они протискиваются черезъ толпу, проникаютъ заднимъ входомъ и толпа въ убѣжденіи, что сейчасъ начнется распределеніе. Жандармы пуская галопомъ своихъ лошадей разсѣиваютъ слишкомъ густыя скопища. «Злодѣи, на жалованьи у коммуны» выстраиваютъ женщинъ вереницей, попарно и дрожа отъ холода, въ мерзломъ декабрьскомъ или январьскомъ разсвѣтѣ, каждая изъ нихъ ждетъ своей очереди.

Но предварительно, въ силу закона, мясникъ отдѣляетъ часть причитающуюся больницамъ, беременнымъ женщинамъ, роженицамъ, кормилицамъ и кромѣ того, вопреки закону, онъ отдѣляетъ другую часть для революціоннаго комитета своей секціи, для наблюдающаго комиссара, для пашей или полу-пашей квартала, наконецъ для богатыхъ кліентовъ, которые платятъ ему хорошія деньги. Когда не хватаетъ припасовъ раздаются крики, оскорбленія, происходятъ столкновенія. Всѣ бросаются впередъ и самымъ сильнымъ и грубымъ достается первое мѣсто.

Стычки происходятъ каждый день, когда какая-нибудь толпа остается спокойной, наблюдатели отмѣчаютъ это. Обыкновенно «происходятъ драки, вырываютъ другъ у друга изъ рукъ хлѣбъ, тѣ, которые не могутъ достать хлѣба заставляютъ имѣющаго, на примѣръ, четыре фунта, раздѣлить ихъ на нѣсколько кусковъ. Женщины испускаютъ раздирающія крики... Дѣтей, посланныхъ своими родителями, бьютъ», слабыхъ бросаютъ въ канавы. Главную роль при распределеніи припасовъ играетъ сила.

У заставъ толпы народа останавливаютъ крестьянскіе возы и захватываютъ припасы. Дѣти и женщины осыпаютъ камнями возчиковъ, чтобы заставить ихъ остановиться. Ночью шайки перехватываютъ за нѣсколько лье до Парижа продовольствіе посылаемое въ столицу. «Сегодня утромъ, пишетъ одинъ надзиратель, жители Сентъ-Антуанскаго предмѣстья разсыпались по Венсенвской дорогѣ и разграбили все, что направлялось въ столицу. Одни платили, другіе уносили припасы ничего не платя... «Раздосадованные крестьяне влянутся, что больше ничего не привезутъ и голодовка усиливается благодаря усилямъ cadaго избѣгнуть ея.

Тщетно правительство дѣлаетъ реквизиціи для Парижа, какъ для осажденнаго города и устанавливаетъ на бумагѣ количество хлѣба, которое каждый департаментъ, каждый округъ, каждый кантонъ, каждая община должны доставить въ Парижъ. Понятно, каждый департаментъ, округъ, кантонъ или община употребляетъ всѣ усилія, чтобы оставить у себя продовольствіе. Въ особенности въ деревняхъ мэры и члены муниципалитета, сами земледѣльцы, крайне равнодушны къ дѣлу обезпеченія продовольствіемъ столицы за счетъ своего населенія. Они при регистраціи заявляютъ меньшее количество хлѣба, они приводятъ предлоги, они обманываютъ или подкупаютъ продовольственнаго комиссара, челоѣвка не компетентнаго, заваленнаго работой. Ему даютъ пить и ѣсть, его снабжаютъ деньгами, и онъ становится снисходительнымъ, онъ разрѣшаетъ деревнѣ

поставлять половину, три четверти назначеннаго зерноваго хлѣба, часто испорченнаго или въ видѣ плохой муки. Тѣ, у которыхъ нѣтъ испорченной головней ржи, достаютъ ее у сосѣдей. Въмѣсто 100 квинталовъ въ Парижъ отсылается только 50 и на рынкѣ хлѣбъ оказывается не только въ недостаточномъ количествѣ, но и плохого качества.

Тщетно правительство назначаетъ булочниковъ, мясниковъ и лавочниковъ своими приказчиками, предоставляетъ имъ 5% или 10% выгоды на розничной продажѣ припасовъ, которые оно поставляетъ имъ оптомъ и создаетъ въ Парижѣ за счетъ Франціи искусственное пониженіе. Конечно хлѣбъ стоящій благодаря государству три су въ Парижѣ, тайно вывозится изъ Парижа въ предѣлы, гдѣ за него платятъ шесть су; то же самое происходитъ и съ другими припасами, поставляемыми государствомъ на тѣхъ же условіяхъ другимъ торговцамъ. Конечно мясникъ оставляетъ самые лучшие куски мяса большимъ ресторанамъ, богатымъ кліентамъ, платящимъ ему сколько онъ запроситъ. Конечно всякій имѣющій какой либо авторитетъ или силу пользуется имъ, чтобы широко заставитьъ прежде всѣхъ.

Мы видѣли какъ отдѣляютъ извѣстную часть для революціонныхъ комитетовъ, надзирателей и агентовъ. Скоро, когда каждому человѣку будетъ полагаться опредѣленная порція, каждый властелинъ будетъ брать себѣ нѣсколько порцій, а пока у заставъ карательные патрули захватываютъ въ свою пользу прибывающіе припасы и на слѣдующій день ихъ въ приказѣ слегка жуютъ за это.

Таковъ двойной результатъ всей системы: Парижъ не только снабженъ продовольствіемъ въ недостаточномъ количествѣ и недоброкачественнымъ, но обычные посѣтители, стоящіе въ хвостѣ жители получаютъ одну только часть его и притомъ самую худшую. Въ ветхозѣ недостатковъ чувствуется во всемъ, въ особенности въ мясѣ. Женщины ждутъ тщетно шесть часовъ и не получаютъ ни куска мяса, въ нѣкоторыхъ мясныхъ его совершенно нѣтъ. Мясъ не имѣется «ни одной унціи», такъ что нельзя сварить супъ для больныхъ. Рабочіе обходятся въ своихъ закусовыхъ безъ супа, они питаются «хлѣбомъ и селедками». Очень многіе жалуются на то, «что уже двѣ недѣли какъ не ѣли мяса». Тѣмъ не менѣе «зелени очень мало и она крайне дорога: одна морковь стоитъ два су и столько же стоятъ двѣ маленькія брюевы». Изъ 2000 женщинъ ожидающихъ на рынкѣ раздачи бобовъ, ихъ получаютъ только 600. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ свѣчей совершенно не имѣется, кромѣ секціонныхъ складовъ, почти опустѣвшихъ и выдающихъ по одной свѣчѣ на человѣка. Многія семьи ложатся спать съ заходомъ солнца за неимѣніемъ свѣта или же не могутъ готовить свой обѣдъ за неимѣніемъ угля. Къ яйцамъ и маслу, въ особенности, «относятся съ почтеніемъ, какъ въ невидимымъ божествамъ». «Если такъ будетъ продолжаться, говорятъ рабочіе, придется другъ друга пожирать, такъ какъ нечѣмъ кормиться,» «больныя женщины, дѣти въ колыбеляхъ лежатъ въ снѣгу», въ самомъ центрѣ Парижа. «На каждомъ шагу васъ останавливаютъ нищія обоеихъ половъ, большею частью

сильные и здоровые люди», нищенствующие, по ихъ словамъ, за отсутствіемъ работы. Не считая слабыхъ и больныхъ, которые не могутъ стоять въ хвостъ, страданія которыхъ не видно, которые медленно и молча умираютъ дома, «на улицахъ, на рынкахъ» встрѣчаются только обезумѣвшія, обезсиленные голодомъ фигуры, «громадныя толпы гражданъ, бѣгущихъ, бросающихся другъ на друга», испускающихъ крики, проливающихъ слезы, «являющихъ вездѣ картину отчаянія».

V.

Если таково бѣдственное положеніе страны, говорятъ якобинцы, то только потому что декреты противъ скупщиковъ и продажи выше цѣны максимумъ не исполняются буквально; эгоизмъ земледѣльца и алчность торговца сдерживаютъ только страхъ; виновные слишкомъ часто избѣгаютъ законнаго возмездія. Примѣнимъ эту кару во всей ея строгости; усилимъ ее противъ ихъ и ихъ сообщниковъ. Производится новая регистрація припасовъ, домашніе обыски, захватъ частныхъ запасовъ, которые считаются якобинцами слишкомъ обширными, устанавливаются опредѣленные раціоны для каждого потребителя, однообразная обязательная пища для заключенныхъ, «хлѣбъ равенства», полубѣлый, выпеченный на отрубяхъ, запрещается выпекать какой либо другой хлѣбъ, устанавливается личная отвѣтственность всякаго администратора подчиненные которому жители противятся требуемымъ поставкамъ или стараются ихъ не выполнить; примѣняются, главнымъ образомъ противъ земледѣльцевъ и фермеровъ, всѣ средства запугиванія, штрафы, тюрьма, позорный столбъ, гильотина, для ускоренія ревизій и подавленія свободной торговли.

Начиная съ апрѣля 1794 года земледѣльцы массами заключаются въ тюрьмы, имъ тоже нанесла ударъ Революція и съ мрачнымъ, растеряннымъ видомъ они блуждаютъ по двору, по корридорамъ, не понимая ничего въ новомъ положеніи вещей. Какъ имъ не толкуютъ, что «ихъ жатва является національной собственностью и что они только ея хранители», новый принципъ никогда не будетъ понятъ ихъ загрубѣлымъ мозгомъ; по привычѣ и по инстинкту они всегда пойдутъ противъ него. Избавимъ ихъ отъ этого, отберемъ отъ нихъ жатву и пусть государство станетъ единственнымъ хранителемъ и распредѣлителемъ хлѣба, пусть оно одно покупаетъ и одно продаетъ всѣ хлѣба по установленной цѣнѣ.

Поэтому въ Парижѣ комитетъ общественнаго спасенія объявляетъ «сначала ревизію всего овса, имѣющагося въ семъ пространствѣ Республики. Въ теченіе восьми дней всякій собственникъ овса обязанъ доставить его въ сѣладъ, который ему будетъ указанъ окружной администраціей» по цѣнѣ максимумъ. Въ противномъ случаѣ «онъ будетъ причисленъ къ подозрительнымъ и какъ таковой подвергнется наказанію.» Между тѣмъ въ провинціи Паланель въ Тарнѣ, Дартигосейтъ въ Герсѣ и Верхней Гароннѣ постановленіемъ обязываютъ каждую общину завести у себя общественные амбары, отдають приказаніе всѣмъ гражданамъ доставлять туда свои за-

пасы хлѣбовъ и муки, пшеницы, бобовъ, ржи, «овса», и при томъ по цѣнѣ максимумъ. Никто не смѣетъ хранить у себя сверхъ мѣсячнаго запаса, состоящаго изъ 50 фунтовъ муки или пшеницы на человѣка. Такимъ образомъ государство имѣя въ своихъ рукахъ ключъ отъ магазиновъ можетъ «произвести спасательное уравниваніе распредѣленія продовольствія» между департаментами, округами, общинами и отдѣльными лицами. Сторожъ будетъ охранять каждый изъ подобныхъ амбаровъ, самъ муниципалитетъ будетъ раздавать порціи, кромѣ того «онъ приметъ необходимыя мѣры, чтобы бобы и зелень экономно раздавались по мѣрѣ своего созрѣванія подъ его надзоромъ», по столько то на cadaго и все это по цѣнѣ максимумъ. Въ противномъ случаѣ угрожаеъ смѣщеніе, арестъ и преланіе чрезвычайному уголовному суду».

Послѣ того какъ распредѣлены плоды труда остается только распредѣлить самый трудъ. Въ виду этого Менье въ Воклюзѣ и Устьяхъ Роны предписываетъ каждому муниципалитету составлять тотчасъ же два списка, одинъ—поденныхъ рабочихъ, другой—собственниковъ. «Когда какой нибудь собственникъ будетъ нуждаться въ поденныхъ рабочихъ» онъ явится за ними къ муниципалитету, тотъ присудитъ ему столько то «согласно указаніямъ списка», выдастъ ему карточку и номера указаннымъ рабочимъ. Два года тюрьмы и позорный столбъ угрожаютъ всякому рабочему, не записавшемуся въ списокъ, или потребовавшему вознагражденіе выше максимума. Два года тюрьмы, позорный столбъ и 300 ливровъ штрафа угрожаютъ всякому собственнику, нанявшему рабочаго не внесеннаго въ списокъ и по цѣнѣ выше максимума.

Послѣ этого на практикѣ остается только составить и дополнять ежедневно новые списки именъ и цифръ въ тридцати тысячахъ муниципалитетахъ не умѣющихъ считать и едва умѣющихъ писать, выстроить громадный общественный амбаръ или захватить путемъ реквизиціи три или четыре амбара въ каждой общинѣ, чтобы дать тамъ сгнить плохо просушеннымъ хлѣбамъ, платить жалованье 100.000 неподкупнымъ хранителямъ магазиновъ и измѣрителямъ, которые не воспользуются ни чѣмъ изъ отданнаго подъ охрану запаса въ пользу свою или своихъ друзей, прибавить къ 35.000 служащимъ продовольственной комиссіи 200.000 муниципальных писцовъ, которые бросятъ свое ремесло, чтобы даромъ распредѣлять ежедневно хлѣбъ, болѣе точно содержать отъ четырехъ до пяти миллионъ жандармовъ, по одному въ каждой семьѣ, для того, чтобы они присутствовали при ежедневныхъ покупкахъ, продажахъ или сдѣлкахъ и чтобы они каждый вечеръ провѣряли содержимое ларя для храненія хлѣба, однимъ словомъ возстановить одну половину французъ противъ другой. При этихъ условіяхъ производство и распредѣленіе припасовъ обезпечено. Достаточно для этого установить во всей Франціи рабочую повинность и захватить хлѣба.

Но къ несчастью народъ понимаетъ не теорію, а только практику. Онъ разсуждаетъ и позитивные факты приводятъ его къ такому выводу: «Въ мессидорѣ у меня забрали весь мой прошлогодній овесъ по 14 франковъ ассигнаціями, а въ термидорѣ у меня заберутъ весь овесъ настоящаго года по 11 франковъ. При такой цѣнѣ я больше не

буду сѣять, да я больше въ этомъ и не нуждаюсь, такъ какъ у меня взяли лошадей для нуждъ армии. Вотъ уже забрали поросятъ моложе трехъ мѣсяцевъ; изъ предосторожности я заранѣе убилъ своего поросенка и онъ теперъ въ бочкѣ для соленія, но вѣдъ будутъ забирать и солонину. Новые моты² хуже старыхъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ мы умремъ съ голоду. Лучше сложить сейчасъ руки и отправиться въ тюрьму, тамъ мы по крайней мѣрѣ не будемъ ничего дѣлать, а насъ будутъ кормить». И дѣйствительно мелкіе собственники и фермеры тысячами отправляются въ тюрьму и Линде, стоящій во главѣ продовольственной комиссіи, съ ужасомъ открываетъ тотъ фактъ, что земли не воздѣлываются, что скотъ болѣе не разводится, что въ будущемъ году, а можетъ быть и въ настоящемъ, во Франціи не будетъ больше чѣмъ питаться.

Дѣло въ томъ, что происходитъ чрезвычайный, неслыханный въ Европѣ фактъ, почти невѣроятный для всякаго, знающаго французскаго крестьянина и его привязанность къ труду. Онъ отказывается собирать жатву. Разъ настоящая жатва предназначена для правительства, пусть оно и беретъ на себя расходы по жатвѣ, вязкѣ, перевозкѣ и молотбѣ пшеницы. Конвентъ отдаетъ приказаніе выпустить временно на свободу «землепашцевъ, полевыхъ рабочихъ и ремесленниковъ деревень, городковъ и мѣстечекъ, населеніе которыхъ ниже 1.200 человекъ и которые арестованы въ качествѣ подозрительныхъ. Другими словами физическая необходимость заставила умолкнуть безразсудную теорію. Прежде всего нужно было сжать хлѣбъ и освободить необходимыя для этого рабочія руки. Вожаки Франціи принуждены были остановиться хотя бы и на моментъ при видѣ отверстой пропасти, будущаго и настоящаго голода. Франція катилась въ пропасть и если она не погибла, то только кажимъ то чудомъ.

Въ послѣднюю минуту ее спасли четыре одновременныя случайности. Къ счастью зима была очень теплая, зелень замѣняющая хлѣбъ и мясо поспѣваетъ къ апрѣлю и маю и хлѣбъ великолѣпно уродившійся поспѣваетъ на четыре недѣли раньше. Благодаря второй случайности, громадный американскій транспортъ изъ 116 судовъ нагруженныхъ хлѣбомъ приходитъ въ Брестъ 8 іюня 1794 г., несмотря на англійскіе крейсера и благодаря самопожертвованію флота, который восемь дней передъ тѣмъ, прикрывая транспортъ, далъ себя уничтожить.—Благодаря третьей случайности побѣдоносная войска вступили въ непріятельскія земли и питаются посредствомъ реквизиціи въ Бельгіи, въ Палатинатѣ, въ пограничныхъ съ Италіей и Испаніей провинціяхъ.

Наконецъ къ величайшему счастью Робеспьера, Сень-Жюста, Кутно, парижскую коммуну, якобинцевъ съ принципами гильотинируютъ 28 іюля и падаетъ властный социализмъ; отнынѣ якобинское зданіе рушится. Максимумъ цѣны болѣе не соблюдается, въ концѣ 1794 года Конвентъ уничтожаетъ его. Земледѣльцы продаютъ свои продукты по своему желанію и по двумъ цѣнамъ, смотря по тому, какъ имъ платятъ, ассигнаціями или звонкой монетой. Они снова воспрянули духомъ; по собственному желанію они въ октябрѣ и ноябрѣ 1794 года обрабатываютъ поля и сѣютъ хлѣбъ и по соб-

ственному желанію еще болѣе радостно они уберутъ хлѣбъ съ полей въ іюлѣ 1795 года.

VI

Но если якобинскій режимъ, къ досадѣ оставшихся въ живыхъ основателей секты, послѣдовательно смягчается послѣ Термидора, если самая толстая веревка, связывавшая шею чловѣка разорвалась въ тотъ моментъ, когда онъ задыхался, остальные веревки все еще связываютъ его и даже нѣкоторые ремни глубоко впились ему въ тѣло.

Во-первыхъ, реквизиціи продолжаются, нѣтъ другого средства снабжать продовольствіемъ войска и города. Конечно условія, въ которыхъ находятся земледѣльцы, не очень благоприятны и власть при помощи вооруженной силы отбираетъ отъ нихъ все, что только можетъ и по какой хочетъ цѣнѣ. Болѣе того, государство скоро потребуетъ отъ нихъ половину ихъ податей натурой и замѣтте, что въ то время одни прямые налоги взимаются въ размѣрѣ 12—13 су съ франка дохода. Тѣмъ не менѣе при подобныхъ условіяхъ французскій крестьянинъ можетъ существовать, такъ какъ благодаря уничтоженію максимума, частныя сдѣлки снова стали свободными и съ этой стороны онъ себя вознаграждаетъ за все. Такъ какъ онъ продаетъ частнымъ лицамъ и даже городамъ по обоюдному соглашенію, то онъ продаетъ ихъ по какой хочетъ цѣнѣ, тѣмъ болѣе высокой, чѣмъ болѣе опустошили законныя реквизиціи его амбары и тѣмъ меньше у него мѣшкочъ съ хлѣбомъ для увеличившагося числа покупателей. Что онъ теряетъ на правительствѣ, онъ выигрываетъ на частныхъ лицахъ; онъ имѣетъ выгоду и вотъ почему онъ продолжаетъ воздѣлывать землю.

Но все это бремя отъ котораго онъ освобождается, падаетъ на покупателя и благодаря другому результату революціоннаго учрежденія оно становится въ десять, сто разъ тяжелѣе. Къзъ только гильотина перестала работать, ассигнаціи быстро упали до своей настоящей цѣны. Въ августѣ 1794 года онѣ теряютъ 66 проц., въ октябрѣ 72 проц., въ декабрѣ 75 проц., въ январѣ 1795 года—81 проц. и начиная съ этой даты безпрестанныя, колоссальныя выпуски кредитныхъ бумажекъ на 500 милліоновъ, затѣмъ на милліардъ, на полтора милліарда, наконецъ на два милліарда въ мѣсяць, ускоряютъ ихъ паденіе. Чѣмъ болѣе обезцѣнены ассигнаціи, тѣмъ большее количество ихъ принуждено выпускать государство, а чѣмъ больше оно ихъ выпускаетъ, тѣмъ больше ихъ обезцѣниваетъ, такъ что паденіе въ цѣнѣ увеличиваетъ выпускъ, а выпускъ усиливаетъ паденіе и такъ далѣе, пока наконецъ ассигнаціи почти ничего не стоятъ.

11 марта 1795 года золотая двадцатифранковая монета стоитъ на ассигнаціи 205 франковъ, 11 мая—400, 12 іюня—1000, въ октябрѣ—1700, 13 ноября—2850, 21 ноября—3000 и шесть мѣсяцевъ спустя—19000 франковъ. Поэтому ассигнація въ 100 франковъ стоитъ въ іюнѣ 1795 года 4 франка, въ августѣ 3 франка, въ ноябрѣ 15 су, а затѣмъ—5 су.—Конечно цѣны на всѣ припасы

соотвѣтственно возросли: 2 января 1796 года въ Парижѣ фунтъ хлѣба стоитъ 50 франковъ ассигнаціями, фунтъ мяса—60 франковъ, фунтъ свѣчей—180 франковъ, четверть картофеля—200 франковъ, бутылка вина—100 франковъ. Представьте себѣ бѣдственное положеніе несчастныхъ рантье, пансіонеровъ, служащихъ, городскихъ рабочихъ, безработныхъ ремесленниковъ, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ только тощую пачку ассигнацій и которые непосредственно собственными руками не производятъ вина, свѣчей, мяса, картофеля и хлѣба.

Тотчасъ же послѣ уничтоженія максимума крики голода усилились, съ каждымъ мѣсяцемъ они раздаются все громче, по мѣрѣ того какъ припасы становятся все дороже, въ особенности лѣтомъ 1795 года, при приближеніи времени уборки хлѣба, когда амбары наполненные урожаемъ 1794 года окончательно пустѣютъ. И кричать о голодѣ миллионы жителей, такъ какъ во Франціи нѣсколько департаментовъ не производятъ достаточно хлѣба для своего потребленія. Въ такомъ же положеніи находятся нѣкоторые округа въ плодородныхъ департаментахъ, всѣ города, большіе и малые, и въ каждой деревнѣ постится значительное число крестьянъ, потому что у нихъ нѣтъ земли или потому, что у нихъ нѣтъ ни силъ и здоровья, ни работы.

Какъ ни ужасенъ голодъ въ деревняхъ, онъ еще ужаснѣе въ городахъ. Это доказываетъ то, что изголодавшіеся жители города разсѣиваются по деревнямъ, чтобы найти себѣ хоть какое-нибудь пропитаніе, какимъ-бы то ни было способомъ, но большею частью старанія ихъ тщетны. «Вчера, пишетъ муниципалитетъ Монтрейля, бѣше двухсотъ гражданъ отправилось просить милостыню по деревнямъ» и если они ничего не получаютъ, они будутъ воровать. «Шайки грабителей разсѣиваются по деревнямъ и подвергаются разграбленію всѣ расположенныя уединенно жилища». Самые робкіе ночью выкалываютъ морковь, а днемъ собираютъ одуванчики, но ихъ желудокъ городского жителя не перевариваетъ этой пищи. «Въ полѣ, пишетъ прокуроръ-синдикъ Сенъ-Жермена, недавно наша трупъ отца семейства, ротъ котораго еще былъ полонъ травой, которую онъ старался прожевать и это приводитъ въ отчаяніе несчастныхъ, которыхъ ожидаетъ подобная же судьба».

Но что дѣлаютъ, чтобы существовать въ городахъ?—Въ маленькихъ городахъ или селеніяхъ, каждый муниципалитетъ при помощи всѣхъ имѣющихся въ его распоряженіи жандармовъ производитъ законныя реквизиціи въ окрестностяхъ и иногда община получаетъ отъ правительства въ видѣ милостыни пшеницу, овесъ, рисъ или ассигнаціи. Но количество хлѣба получаемого ею такъ незначительно, что спрашиваешь себя какимъ образомъ послѣ двухъ мѣсяцевъ, шести мѣсяцевъ, года подобнаго режима половина населенія не перемерла.

«Въ Эрви, въ департаментѣ Объ, въ два послѣднихъ базарныхъ дня не было подвезено ни одного зерна хлѣба». «Завтра 25 преріала, Басомъ, главный городъ округа будетъ имѣть только два мѣшка муки.» Вотъ уже три мѣсяца какъ въ нѣкоторыхъ общинахъ департамента Сены и Марны выдаютъ по полфунту плохаго

хлѣба на человѣка. «Въ Сень-Денисѣ съ шести тысячнымъ населеніемъ большая часть жителей изурюченныхъ нуждой отправляется въ благотворительные дома, въ особенности рабочіе не могутъ заняться своей работой за неимѣніемъ пищи; многихъ женщинъ, матерей, кормилицъ нашли безъ сознанія и безъ всякихъ признаковъ жизни и многія умерли со своими дѣтьми на груди. Даже въ такомъ большомъ и менѣе глухомъ городѣ какъ Сень-Жерменъ, нужда не поддается описанію.

Каждый день длинныя вереницы человѣческихъ овецъ толпятся блея вокругъ пустыхъ корытъ и только благодаря чрезвычайнымъ усиліямъ ихъ пастухамъ удается доставить имъ нѣкоторое количество пищи. На громкія просьбы обращенныя къ нему центральное правительство отвѣчаетъ тѣмъ, что расширяетъ или опредѣляетъ кругъ ихъ реквизицій, оно разрѣшаетъ имъ дѣлать заемы, облагать себя податями, онъ сужаетъ ихъ милліоны ассигнаціи, иногда въ случаяхъ крайней необходимости оно разрѣшаетъ имъ взять столько то хлѣба изъ своихъ собственныхъ магазинахъ, количество достаточное для того чтобы просуществовать недѣлю.

Но по правдѣ жить такимъ образомъ значитъ не жить, а только не умирать, такъ какъ для своего существованія половина, болѣе половины населенія имѣетъ только свою порцію хлѣба, которую она получаетъ стоя часами и которую ей уступаетъ по пониженной цѣнѣ. 13.000 или 14.000 бѣднякамъ города Труа выдается ежедневно полфунта, затѣмъ четверть фунта и наконецъ двѣ унціи и незначительное количество риса или сухой зелени; «скоро и этого не будетъ». Въ пловозѣ 20.000 нуждающимся жителямъ Амьена выдаютъ по полфунта и эта порція номинальная, такъ какъ «часто случается, что каждому выдаютъ только по четыре унціи; нѣсколько разъ хлѣбъ не распредѣляли по три дня подъ рядъ». Такое положеніе длится, шесть мѣсяцевъ спустя на рынкѣ Амьена имѣется только 69 вивталовъ муки. Отчаяніе глубоко овладѣло всѣми, были уже случаи самоубійства.

Въ другихъ случаяхъ раздражается мятежъ. 21 жерминаля вспыхиваетъ возстаніе въ Эвре, потому что на цѣлю недѣлю распредѣляютъ только два фунта муки на каждого бѣдока и потому что три дня передъ тѣмъ выдали только полтора фунта. Вспыхиваютъ возстаніе въ Дьеппѣ 14 и 15 преріаля, «потому что народу выдается всего три или четыре унціи хлѣба», возстаніе въ Вервенѣ 9 преріаля, потому что муниципалитетъ, которому фунтъ хлѣба стоитъ 7—8 франковъ повысилъ цѣну съ 25 на 50 су, возстаніе въ Лиллѣ 4 мессидора, потому что муниципалитетъ, которому фунтъ хлѣба обходится 9 франковъ, можетъ продавать ихъ неимущимъ по 20—30 су за фунтъ. Монъ въ Нивозѣ остался безъ хлѣба «въ теченіе цѣлыхъ пяти дней». Пять унцій въ день получаетъ каждый житель Каена и округа, въ которыхъ всего 40.000 населенія. Съ каждой недѣлей голодъ усиливается. «Невозможно представить себѣ положеніе вещей. Народъ живетъ хлѣбомъ изъ отрубей и бычьей кровью. На всѣхъ лицахъ видны слѣды голоданія... Невозможно ждать до новаго урожая, до конца Фруктидора». И крикъ этотъ раздастся отовсюду, остается прожить самыя ужасныя двѣ недѣли,

а голоданіе въ теченіе этого времени могло бы вызвать сотни тысячъ смертей.

Въ этотъ моментъ правительство открываетъ свои магазины, оно даетъ въ долгъ нѣсколько мѣшковъ пшеницы, онъ ссужаетъ Шербургу нѣсколько сотенъ квинталовъ овса. Имѣя овсяный хлѣбъ бѣдняки будутъ существовать до новаго урожая. Но главнымъ образомъ оно удваиваетъ охрану и показываетъ штыки. Въ Нанси одинъ путешественникъ видитъ, какъ «болѣе 3.000 человекъ тщетно молятъ о нѣсколькихъ фунтахъ муки», ихъ разгоняютъ ружейными прикладами. Удары ружейными прикладами сыпятся на крестьянъ, для того чтобы научить ихъ патриотизму, на горожанъ, чтобы научить ихъ терпѣнію; физическая сила примѣняется ко всѣмъ во имя всѣхъ. Правительственный социализмъ только и пользовался этимъ средствомъ при распределеніи припасовъ для дисциплинировки голода.

УП.

Все, что можетъ сдѣлать правительство путемъ физическаго принужденія, дѣлаетъ настоящее правительство для обезпеченія продовольствіемъ столицы. Вѣдь оно пребываетъ въ Парижѣ и малѣйшее увеличеніе голода могло бы его сбросить на землю. Каждую недѣлю прочитывая доклады своихъ агентовъ, оно чувствуетъ, что ему приходитъ конецъ; два раза, въ жерминаль и въ преріаль III года народное возмущеніе ниспровергаетъ его на нѣсколько часовъ и если его оставляютъ еще у власти, то только потому, что оно раздастъ хлѣбъ неимущимъ или даетъ надежду на эту раздачу. Съ этой цѣлью на дорогахъ въ восемнадцати лье отъ Парижа установлены военные посты, постояннымъ патрулямъ, находящимся въ постоянномъ сообщеніи между собою, вмѣнено въ обязанность торопить возчиковъ и забирать у жителей лошадей для перевозки, изъ Парижа высылаются охрана навстрѣчу транспортамъ, подвергаются реквизиціи всѣ перевозочныя средства и лошади, всѣ общины черезъ которые должны слѣдовать транспорты обязуются доставлять щебень и посыпать на всемъ протяженіи путь слоемъ земли, чтобы лошади могли двигаться несмотря на гололедицу, національнымъ агентамъ отдается приказаніе набрать достаточное число рабочихъ, для того чтобы ломать ледъ у водныхъ мельницъ, объявляется реквизиція всего ячменя, «собраннаго на всемъ протяженіи республики», отдается приказаніе воспользоваться имъ для изготовленія хлѣба, пивоварамъ запрещается употреблять его для выдѣлки пива и производителямъ крахмала превращать картофель въ крахмалъ. Смертная казнь грозитъ всѣмъ нарушающимъ эти постановленія, «какъ истребителямъ съѣстныхъ припасовъ». До новаго распоряженія всѣ пивоварни и выдѣлывающіе крахмалъ заводы закрываются.

Парижу необходимъ хлѣбъ, какого бы то ни было качества, полученный какими бы то ни было средствами, по какой бы то ни было цѣнѣ, ни на слѣдующей недѣлѣ, ни послѣзавтра, ни завтра, но сегодня, потому что голодъ отказывается ждать. По полученіи хлѣба необходимо сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ бармановъ. Разница

между заготовительной стоимостью и продажной цѣной громадна, она увеличивается по мѣрѣ того, какъ падаютъ ассигнаціи и платить ее правительство.

«Вы даете хлѣбъ по 3 су, говоритъ Дюбуа де Крансе 16 флореала III года, а онъ вамъ стоитъ 4 франка; при 8,000 квинталахъ пшеницы, потребляемыхъ каждый день Парижемъ, одинъ этотъ расходъ равнялся бы 200 милліонамъ въ годъ». Семь мѣсяцевъ спустя, когда мѣшокъ муки стоитъ 13.000 франковъ, тотъ же расходъ доходитъ до 546 милліоновъ въ мѣсяцъ.

При прежнемъ режимѣ Парижъ хотя и былъ очень великъ, но оставался полезнымъ органомъ, если онъ много потреблялъ, то производилъ еще больше, его производство покрывало его потребление. Каждый годъ онъ вносилъ въ казну 77 милліоновъ, вмѣсто того чтобы брать изъ нея. Новый режимъ сдѣлалъ изъ него чудовищную язву на сердцѣ Франціи, поглощающаго паразита, который своими шестьюстами тысячами ртами опустошаетъ его окрестности, на сорокъ лье въ окружности въ одинъ мѣсяцъ съѣдаетъ годовой доходъ государства и остается тощимъ несмотря на всѣ жертвы казны, которую онъ истощаетъ, не смотря на истощеніе провинцій, которыми онъ чистается.

Въ Парижѣ все тотъ же продовольственный режимъ, тотъ же хвостъ жаждущихъ передъ съѣтными лавками во всѣхъ кварталахъ, то же ночное, часто тщетное ожиданіе, среди грубыхъ и разнузданныхъ скандаловъ. 9 термидора уже семнадцать мѣсяцевъ, какъ безъ перерыва длится это топтаніе на мѣстѣ толпы въ погонѣ за продовольствіемъ и послѣ 9 Термидора оно будетъ продолжаться безъ перерыва еще двадцать два мѣсяца, при еще худшихъ беспорядкахъ, потому что страхъ и подчиненіе не такъ сильны, какъ прежде, а озлобленіе сильнѣе, потому что припасы вольной торговли дороже, а лишевій больше, потому что раздаваемая порція меньше, а отчаяніе сильнѣе, потому что у всякой семьи, истратившей свои собственныя средства, нѣтъ больше ничего впереди и она ни чѣмъ не можетъ дополнить недостаточность общественной помощи.

Въ довершеніе всего, зимою 1794—1795 г.г. такъ холодно, что Сена замерзаетъ, ее проходятъ пѣшкомъ, транспорты болѣе не доходятъ, для того чтобы имѣть дрова приходится рубить окрестные лѣса. А когда сплавка дровъ снова начинается среди льдинъ, «сплавленные дрова продаются по мѣрѣ того какъ сплавщики выбираютъ ихъ изъ рѣки и приходится ждать три ночи очереди, чтобы получить свою долю». По меньшей мѣрѣ 2000 человекъ скопляется. 3 плывоза въ портѣ Лувье» и каждый имѣетъ билетъ на получение четырехъ полнѣнъ за четыре су: поэтому происходитъ толкотня, давка. «Торговцы изъ страха бѣгутъ, надзирателей чуть не убиваютъ, они спасаются бѣгствомъ вмѣстѣ съ полицейскимъ комиссаромъ и «публика устраивается сама». На слѣдующій день повторяется «отвратительный грабежъ», жандармы оставленные для сохраненія порядка «бросаются на дрова и подобно толпѣ уносятъ домой дрова».

Замѣтите, что въ этотъ день 16^о холода, что сотни веренищъ людей, стоящихъ у дверей булочныхъ и мясныхъ страдаютъ отъ

холода и будутъ еще впредь цѣлый мѣсяцъ и дольше страдать отъ него. Начинается вентозъ и порція хлѣба доведена до полтора фунта. Вентозъ проходитъ и порція, оставленная для 324.000 рабочихъ въ прежнемъ размѣрѣ, понижена для другихъ до одного фунта, а въ дѣйствительности многіе ничего не получаютъ, нѣкоторые же только полфунта, четверть фунта. Наступаетъ жерминаль и Комитетъ общественнаго спасенія, склады котораго пустѣютъ, ограничиваетъ всѣ порціи четвертью фунта. Послѣ этого 12 жерминаля вспыхиваетъ мятежъ среди рабочихъ и женщинъ. Приходится при помощи вооруженной силы очистить отъ толпы конвентъ, Парижъ объявленъ въ осадномъ положеніи и правительство снова одержавъ верхъ натягиваетъ поводья.

Отнынѣ каждые 5 или 10 дней будутъ выдавать четверть фунта мяса, хлѣба—4 унціи въ среднемъ, иногда 5, 6 или 7 унцій, крайне рѣдко 8 унцій, часто 3 унціи, 2 унціи, 1½ унціи и даже иногда ничего. Черный хлѣбъ становится все хуже. Состоятельные люди питаются картофелемъ, но онъ существуетъ только для состоятельныхъ, такъ какъ въ серединѣ жерминаля онъ стоитъ 15 франковъ мѣрка, въ концѣ мессидора 45 франковъ, въ первые мѣсяца Директоріи 180 франковъ, затѣмъ 224 франковъ и цѣна остальныхъ припасовъ возрастаетъ въ той же пропорціи.

Со времени отмѣны максимума, зло простекаетъ не отъ недостатка провіанта, а отъ дороговизны его. Лавки переполнены товаромъ, бывшіе богачи собственники или рентье могутъ совершать покупки, доставая запрятанныя золотыя монеты, продавая свои драгоценности, часы, мебель, бѣлье, а новые богачи, ажіотеры, поставщики, счастливые и расточительные воры, тратящіе на обѣдъ 400, затѣмъ 1000, затѣмъ 3000, затѣмъ 5000 франковъ, находятъ въ большихъ ресторанахъ тонкія кушанья и вина. Центръ тяжести голодовки перемѣстился.

Теперь больше всего страдаетъ отъ голода рабочій классъ, городской плебсъ, парижская чернь, которая живетъ изо дня въ день которая проникнута якобинскими воззрѣніями, которая устроила Революцію чтобы лучше жить, которой теперь приходится хуже, которая возмущается еще разъ 1 преріала, которая силой врывается въ Тюльери съ криками: «Хлѣба и Конституцію 93 года!» которая водворяется въ качествѣ суверена въ Конвентъ, которая умерщвляетъ депутата Феро, которая объявляетъ возвращеніе къ террору, но которой, подавленной національной гвардіей, обезоруженной, приведенной въ окончательной покорности, остается только переносить послѣдствія совершенныхъ ею посягательствъ социализма, установленнаго ею, внесеннаго ею экономическаго режима.

Потому что рабочіе Парижа были узурпаторами и тиранами, они стали нищими. Потому что они раззорили собственниковъ и капиталистовъ, частныя лица не могутъ имъ давать работы. Потому что они раззорили казну государство можетъ только дѣлать видъ, что оказываетъ имъ милостыню. Вотъ почему всѣ голодаютъ, многіе умираютъ, нѣкоторые кончаютъ жить самоубійствомъ. Облегчить ли ихъ положеніе новое правительство навязанное имъ Конвентомъ при помощи штыковъ и пушекъ? 23 брюмера въ селѣхъ Тампля

и Гравилье, большинство рабочих не работало за неимением хлеба. 24 брюмера «граждане всех состояний отказываются нести караулы, потому что у них нет припасов». 30 брюмера «одна женщина в отчаянии просит булочника убить ее детей, так как ей нечем их кормить».—1, 2, 3 и 4 фримера «во многих секциях хлеба выдавался только к вечеру, в некоторых только в час ночи и очень дурного количества. Многие секции совсем не имели вчера хлеба... Во многих секциях хлеба не было два дня.» 7 фримера инспектора заявляют, «что в больницах скоро не хватит места для всех больных и несчастных». 14 фримера «на рынке упала от изнеможения женщина, кормившая грудью своего ребенка». Несколько дней перед тем «один человек упал от истощения». Люди потеряли головы. «Сколько раз, пишет один швейцарский путешественник, живущий в Париже с конца 1795 года, мне приходилось видеть людей падавших от истощения и не имевших сил подняться!» Один журналист передает, что видел, как «в течение десяти минут, в то время как он шел по улицам, семь несчастных упали на улицы от голода, один грудной ребенок умер на груди своей матери, у которой изсякло молоко и какая-то женщина старалась вырвать у собаки кость поднятую в помойной яме». Мейсснер не выходит из своего дома, не наполнив карманы национальным хлебом, который он раздает голодающим.

Инспектора резюмируют положение вещей в следующих выражениях: «Мрачная тишина, на лицах всех написано сосредоточенное отчаяние, в разговорах проявляется самая резкая ненависть к правительству вообще, презрение ко всему, что составляет современную власть, роскошь нахальная, оскорбляющая нищету несчастных ренты, которые умирают на своих чердаках от голода и холода и не имеют больше сил, чтобы притащиться в казначейство, для того чтобы продолжить на несколько дней свои страдания. Честный отец семейства определяет каждый день какой предмет обстановки он должен продать, чтобы дополнить свое жалованье, на которое он может себе купить только полфунта хлеба. Всякого рода припасы увеличиваются в цене шестьдесят раз в час. Интриганы всех партий губят друг друга, чтобы завладеть местами, военные опьянены сознанием услуг, которые они оказали и еще могут оказать и предаются всякого рода разврату, торговые дома превратились в убежища воров, мазурики стали коммерсантами, коммерсанты мазуриками; царит самая мерзкая алчность, самый ужасный эгоизм: такова картина Парижа».

В этой картине не достает одной группы—правителей, руководящих этим бедствием и эта группа находится на фоне полотна. Сколько человек умерло от нужды? Очень вероятно, что гораздо больше миллиона. Постарайтесь окинуть взглядом необыкновенное зрелище развертывающееся на двадцати шести тысячах квадратных лье французской территории, громадные толпы голодающих в городах и деревнях, вереницы женщин стоящих во всех городах в течение трех лет, какой-нибудь город с двухсот тысячным

населеніемъ, въ которомъ въ двадцать три мѣсяца въ больницахъ умираетъ одна двадцатая населенія, давку у воротъ каждаго благотворительнаго учрежденія, вереницы носилокъ, вносимыхъ туда и вереницу гробовъ выносимыхъ оттуда; пріюты, богадѣльни, лишенныя имущества, заполненные больными, лишенныя возможности кормить брошенныхъ дѣтей, этихъ дѣтей, высохшихъ въ своихъ колыбеляхъ въ первые же недѣли своего существованія, блѣдныхъ и старчески морщинистыхъ, страданія голода, стягачающія всѣ другія страданія, долгія муки жизни упорно не желающей угаснуть и наконецъ финальную агонію на чердакѣ или въ какой-нибудь канавѣ. Затѣмъ бросьте взоръ на маленькій кружокъ оставшихся въ живыхъ и торжествующихъ якобинцевъ, которые съумѣвъ помѣститься на хорошихъ мѣстахъ, намѣрены остаться тамъ во что бы то ни стало.

Около десяти часовъ утра въ павильонъ Равенства, въ залу Комитета общественнаго спасенія является предсѣдатель Камбасересъ. Это тотъ осторожный и дипломатичный толстякъ, который впоследствии будучи архиванцлеромъ Имперіи прославится своими гастрономическими выдумками и другими заимствованными отъ древнихъ наклонностями. Онъ тотчасъ же приказываетъ поставить въ каминъ громадный котель съ супомъ и подать «добраго вина, превосходнаго бѣлаго хлѣба, три блюда, которыя, какъ говоритъ одинъ изъ сотрапезниковъ, въ Парижѣ нельзя было нигдѣ достать». Отъ двѣнадцати до двухъ являются его коллеги, ѣдятъ супъ, кусокъ мяса, пьютъ вино и затѣмъ отправляются, каждый въ свою канцелярію, оказать услуги своимъ единомышленникамъ, опредѣлить на мѣсто такого то, заплатить такому то, устроить свои дѣла. Въ послѣднее время существованія Конвента общественныхъ дѣлъ больше нѣтъ, всѣ дѣла, частнаго интереса, личныя.

Между тѣмъ депутатъ завѣдующій продовольственною частью, Ру, бывший монахъ бенедиктинецъ, бывший террористъ въ провинціи, а затѣмъ протезе и довѣренный Фуше, въ компаніи съ которымъ онъ будетъ выгнанъ изъ полиціи, находится во главѣ процессіи женщинъ, ежедневно отправляющейся въ Тюльери просить хлѣба. Широкой, толстый, представительный, имѣющій здоровыя легкія онъ какъ разъ подходитъ къ этой роли. Онъ выбралъ себѣ помѣщеніе на чердакѣ дворца, въ которому ведетъ узкая и отлогая лѣстница. Собранный на ней народъ, стиснутый между двумя стѣнами, по неволи долженъ стоять неподвижно; за исключеніемъ двухъ или трехъ лицъ стоящихъ въ первомъ ряду никто не имѣетъ возможности схватить болтуна за горло и закрыть фонтанъ краснорѣчія. Онъ можетъ безнаказанно, безконечно изливать свои тирады; въ одинъ прекрасный день онъ говоритъ такимъ образомъ съ девяти часовъ утра до пяти часовъ вечера, слушатели не выдерживаютъ этого душа и въ концѣ концовъ расходятся.

Около девяти или десяти часовъ вечера комитетъ общественнаго спасенія снова собирается, не для того чтобы обсуждать важныя дѣла. Тщетно проповѣдуютъ Ла Ревельеръ и Дону, каждый слишкомъ эгоистиченъ и измученъ. Предоставляють полную свободу дѣйствій Камбасересу. Онъ предпочиталъ бы оставаться въ сторонѣ, но подъ угрозой смерти онъ долженъ позаботиться о двухъ вещахъ.

«Не успѣютъ, говоритъ онъ жалобнымъ тономъ, напечатать въ теченіе ночи ассигнаціи необходимыя для завтрашняго дня. Если такъ будетъ продолжаться, мы рискуемъ быть вздернутыми на фонарь... отправляйся въ кабинетъ Урье-Элуа скажи ему, что такъ какъ онъ завѣдуетъ финансами, то мы умоляемъ его дать намъ возможность просуществовать еще пятнадцать или восемнадцать дней. Въ тому времени явится исполнительная Директорія, которой и придется изворачиваться».

«Но будетъ ли у насъ продовольствія на завтра?»

«Не знаю. Попрошу за нашимъ коллегой Ру, который дастъ намъ разъясненія».

Входитъ Ру, оффиціальныи краснобай, насмѣшливыи и толстыи, дрессированныи тощей собакой-народа.

«Ну что, Ру, въ какомъ положеніи снабженіе продовольствіемъ Парижа?»

«Все тоже изобиліе, гражданинъ предсѣдатель, все тѣ же двѣ унціи хлѣба на человѣка, но крайней мѣрѣ въ большей части севцій».

«Чортъ тебя бы побралъ! Изъ-за твоего изобилія намъ еще голову отрубятъ».

Наступаетъ молчаніе. Вѣроятно присутствующіе раздумываютъ надъ этимъ возможнымъ исходомъ.

Затѣмъ одинъ изъ нихъ говоритъ: «Предсѣдатель, приготовилъ ты намъ что-нибудь поѣсть? Послѣ столь утомительныхъ дней нужно подкрѣпить свои силы».

«Какже, имѣется хорошій кусокъ телятины, большая рыба, большой сладкій пирогъ и еще что то въ этомъ родѣ».

Всѣ снова становятся веселыми, усиленно работаютъ челюстями, пьютъ шампанское и отпускаютъ веселыя словечки. Около одиннадцати часовъ или полночи, приходятъ члены другихъ комитетовъ; ихъ постановленія подписываютъ не читая. Въ свою очередь они садятся за столъ и суверенные желудки принимаются переваривать пишу, не думая больше о милліонахъ пустыхъ желудковъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Конец революціоннаго правительства.

ГЛАВА I.

I Конвентъ послѣ 9 термидора. — Реакція противъ террористовъ. — Общевнерасположеніе къ членамъ Конвента. — Опасности, которымъ они подвергнутся, если лишатся власти. — II. Декреты о переизбраніи двухъ третей. — Незначительное количество вотирующихъ. — Избирательные подлоги. — Примѣненіе декретовъ силою. — 13 Вендеміера. — III. Директорія избирается изъ среды царубійцевъ. — Она выбираетъ своихъ помощниковъ среди нихъ же. — Якобинскіе вожаки лишены своихъ гражданскихъ правъ. — Террористы выпущены изъ тюрьмы и восстановлены въ своихъ гражданскихъ правахъ. — IV. Сопровитвеніе общественнаго мнѣнія. Выборы IV года въ Парижѣ и въ провинціи. — Директорія угрожаютъ ультра-якобинцы. — Вынужденное смягченіе якобинской администраціи. — V. Выборы V года. — Качества и чувства избранныхъ. — Новое большинство въ законодательномъ собраніи; его принцыпы, его программа. — Опасенія якобинскаго меньшинства. — Нерѣшительность, несогласія и слабость умѣренной партіи. — Рѣшительность, сила, беззабвчивость якобинской партіи. 18 фруктидора. — VI. Диктатура Директоріи. — Ея новыя прерогативы. — Чистка законодательной палаты. — Чистка административныхъ и судебныхъ властей. — Возвзныя коммиссіи въ провинціи. — Закрытіе газетъ. — Право выбора предоставлено только якобинцамъ. — Произволъ Директоріи. — Возобновленіе террора. — Ссылка замѣняетъ гильотину. — Обхожденіе съ сосланными въ пути, въ Гвианѣ, на островахъ Ре и Олеронъ. — Реставрація якобинскаго строя. — VII. Примѣненіе и усиленіе законовъ террора. — Мѣры къ установленію гражданской религіи. — Аресты, ссылка, казнь священниковъ. — Проектъ остракизма всего антиякобинскаго населенія. — Дворяне не эмигрировавшіе объявлены иностранцами. — Декреты противъ эмигрантовъ всѣхъ классовъ. — Другіе мѣры противъ оставшихся собственниковъ. — Банкротство, принудительный заемъ, законъ о заложникахъ. — VIII. Политика пропаганды и завоеванія границей. — Близость и выгоды мира. — Основанія, по которымъ фруктидорійцы прерываютъ переговоры съ Англіей и завоевываютъ сосѣднія страны. — Какъ они основываютъ новыя республики. — Какъ они ими управляютъ. — Ихъ хищенія за границей. — Число французовъ погибшихъ въ эту войну. — IX. Антипатія націи къ установившемуся режиму. — Параличъ государства. — Внутреннія несогласія якобинской партіи. — Государственный переворотъ 22 флореала VI года. — Государственный переворотъ 20 преріала VII года. — Невозможность установить способное къ жизни правительство. — Проекты Барраса и Сіеяса. — X. Анти-соціальныи характеръ партіи. — Контрастъ между гражданской и военной Франціей. — Элементы реорганизациі въ военныхъ учрежденіяхъ, привычкахъ и чувствахъ. — Характеръ режима установленнаго 18 брюмера VIII года.

I.

Тѣмъ не менѣе и у нихъ, сытыхъ повѣлителей, есть своя забота, важная забота: имъ важно остаться у власти, чтобы вообще остаться въ живыхъ и отнынѣ они только объ этомъ и будутъ думать.

До 9 термидора добрый якобинець могъ вѣрить въ свои догматы съ закрытыми глазами; послѣ 9 термидора, никто, если онъ только не слѣпой отъ рожденія, подобно Субрани, Ромму и Гужону, если онъ не фанатикъ, интеллектуальные органы котораго такъ же закаменѣли, какъ члены факира, никто въ Конвентѣ не можетъ болѣе вѣрить въ общественный договоръ, въ эгалитарный и правительственный социализмъ, въ зачатки террора, божественное право чистыхъ якобинцевъ. Въѣвъ для того чтобы избѣжать гильотины чистыхъ нужно было гильотинировать самыхъ чистыхъ, Сентъ-Жюста, Кутона, Робеспьера, первосвященника секты. Въ этотъ день отвернувшись отъ своего учителя монтаньяры отвернулись отъ своего принципа и нѣтъ болѣе ни принципа, ни человѣка, за которыхъ могъ бы упѣниться Конвентъ. Дѣйствительно, прежде чѣмъ гильотинировать Робеспьера и его единомышленниковъ какъ правовѣрныхъ, онъ гильотинировалъ жирондистовъ, Гебера и Дантона, какъ еретиковъ. Теперь «кончилось существованіе народныхъ идоловъ и шарлатановъ-главарей». Въ окровавленномъ храмѣ передъ опустѣвшимъ алтаремъ все еще произносятся условенный символъ вѣры и громко поютъ обычныя славословія, но вѣра пропала и для выполненія всѣхъ революціонныхъ обрядностей, имѣются только второстепенныя мясники, которые благодаря насилію стали первосвященниками, церковныя сторожа, завладѣвшіе послѣ убійства священниковъ ихъ посохомъ и митрой.

Съ каждымъ мѣсяцемъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія они отходятъ все дальше отъ культа которому служили; вѣдь какъ ни исковеркана и ни парализована ихъ совѣсть они не могутъ не сознаться, что культъ якобинства, которому они служили, есть религія воровства и убійства. До термидора официальная фразеологія покрывала своей догматической высокопарностью крикъ живой истины и каждый причетникъ или пономарь Конвента замкнувшись въ своей часовнѣ ясно представлялъ себѣ только человѣческія жертвоприношенія, въ которыхъ онъ лично принималъ участіе. Послѣ термидора поднимаютъ голосъ близкіе и друзья убитыхъ, безчисленные угнетаемые, и онъ поневолѣ видитъ общую картину и детали преступленій, въ которыхъ онъ прямымъ или косвеннымъ образомъ принималъ участіе своимъ согласіемъ и своимъ вѣдомомъ.

Мало по малу, въ теченіе всего III года, благодаря свободѣ прессы и публичныхъ обсужденій, обнаруживается истина. Сначала разыгрывается плачевная исторія 132 жителей Нанта, которыхъ заставили пѣшкомъ тащиться изъ Нанта въ Парижъ и узнаютъ подробности ихъ похороннаго шествія. Оправданіе пережившихъ это 94 лицъ встрѣчается горячимъ одобреніемъ. Затѣмъ идутъ процессы самыхъ выдающихся истребителей, процессъ Карре и Насяткаго революціоннаго комитета, процессъ Фуке-Тенвиля, Парижскаго революціоннаго комитета, процессъ Юсифа Лебона. Въ теченіе тридцати или сорока засѣданій, сотни обстоятельныхъ и провѣренныхъ свидѣтельствъ приводятъ къ уразумѣнію истины.

Между тѣмъ съ трибуны Конвента продолжаютъ раздаваться разоблаченія: это письма новыхъ командированныхъ депутатовъ и доносы городовъ на своихъ павшихъ тирановъ, это донесенія ком-

миссѣй, которымъ поручено изслѣдовать поведеніе прежнихъ диктаторовъ, это донесенія представителей, которымъ поручено изслѣдовать извѣстные стороны уничтоженнаго режима, какъ на примѣръ донесенія Грегуара о революціонномъ вандализмѣ, Камбона о революціонныхъ налогахъ, Куртуа о бумагахъ Робеспьера.

Слишкомъ очевиднымъ становится, что Франція была въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ во власти злодѣевъ. Въ видѣ извиненія менѣе развращенныхъ и гнусныхъ можно сказать, что они были рождены глупцами или стали безумцами.

Большинство Конвента не можетъ не признать этой очевидной истины и онъ чувствуетъ отвращеніе къ монтаньярамъ, тѣмъ болѣе, что оно питаетъ къ нимъ чувство злобы. Семьдесятъ три заключенныхъ и шестнадцать опальныхъ заявившихъ свои прежнія мѣста, четыреста нѣмыхъ, такъ долго находившихся подъ угрозой гильотины, помнятъ насиліе, которому они подверглись и они встаютъ сначала противъ самыхъ запятанныхъ злодѣевъ, а затѣмъ противъ членовъ прежнихъ комитетовъ.

Послѣ этого, по обыкновенію, Гора въ мятежахъ жерминаля и преріала III года, натравляетъ на Конвентъ своихъ обычныхъ помощникъ—изголовавшееся простонародье, якобинскую чернь и объявляетъ восстановленіе террора. Конвентъ снова чувствуетъ себя подъ топоромъ.

Спасенный молодыми людьми и національной гвардіей онъ отъ страха становится смѣлымъ и въ свою очередь терроризируетъ террористовъ: Сентъ-Антуанское предмѣстье обезоружено, десять тысячъ якобинцевъ обезоружено, къ болѣе чѣмъ шестидесяти монтаньярамъ предъявлены обвиненія. Постановляютъ, что Колло д'Эрбуа, Бареръ, Бильо-Вареннъ и Ваде, будутъ сосланы; девять другихъ членовъ прежнихъ комитетовъ заключены въ тюрьму, послѣдніе изъ истинныхъ фанатиковъ, Роммъ, Гержонъ, Субрани, Дюкента, Бурботтъ, Диура, приговорены къ смерти. Тотчасъ же послѣ приговора, на лѣстницѣ суда пятеро изъ нихъ закалываютъ себя, двоихъ только ранившихъ себя и пережившихъ другихъ вносятъ на эшафотъ и казнятъ вмѣстѣ съ шестымъ, двое другихъ монтаньяровъ того же закала, Рюльи и Моръ, кончаютъ жизнь самоубійствомъ до произнесенія приговора.

Огненнымъ очищенный Конвентъ считаетъ себя чистымъ; своими заключительными мѣрами онъ искупилъ свои прежнія гнусности и въ проливаемой имъ преступной крови онъ смываетъ пролитую имъ невинную кровь.

Къ несчастью осуждая террористовъ Конвентъ осуждаетъ себя самого, такъ какъ онъ разрѣшалъ и санкционировалъ всѣ преступленія.

На скамьяхъ его и въ его комитетахъ, иногда въ креслахъ его призидіума и во главѣ правящей партіи фигурируютъ еще многіе члены революціоннаго правительства, нѣсколько истыхъ террористовъ вродѣ Бурдона, Дельманса, Бентабола, и Ребеля, предсѣдатели сентябрьской коммуны вродѣ Марія - Юсифа Шенне, исполнители 31 мая вродѣ Лежendra, авторъ декрета породившаго во Франціи 600.000 подозрительныхъ, Мерленъ, провинціальныя палачи, притомъ самыя грубые, жестокіе, циничные, вродѣ Андре, Дюмона, Фрефона

Талльена, Барраса. Сами четыреста нѣмыхъ были при Робеспьерѣ докладчиками, клакерами, вотировавшими самые гнусные декреты противъ религіи, собственности и личности. Всѣ основанія террора были заложены семидесятью тремя заключенными до ихъ заключенія и шестнадцатю опальными до ихъ проскрипціи. За исключеніемъ десяти или двѣнадцати воздержавшихся Конвентъ единогласно постановилъ судить короля и объявилъ его виновнымъ, болѣе половины Конвента во главѣ съ жирондистами, присудило его къ смерти.

Во всѣхъ своихъ декретахъ, хорошихъ или дурныхъ, члены Конвента, за исключеніемъ быть можетъ пятидесяти честныхъ человѣкъ, заботились главнымъ образомъ о своемъ личномъ интересѣ, а не объ интересѣ твоихъ довѣрителей. Пока посягательства Горы и черни имѣли своимъ объектомъ только населеніе, они одобряли, восхваляли и исполняли ихъ; если они наконецъ возстали противъ Горы и черни, то исключительно для того, чтобы спасти свою собственную жизнь. Какъ до и такъ послѣ 9 термидора, какъ до такъ и послѣ 1 преріала, въ роли малодушныхъ притѣснителей или невольныхъ освободителей, они дѣйствовали главнымъ образомъ изъ эгоизма и вслѣдствіе душевной низости.

Вотъ почему къ нимъ относятся съ отвращеніемъ и ужасомъ. Если и переносятъ этихъ нечестныхъ довѣренныхъ, то только потому что рассчитываютъ на ихъ скорый уходъ. При преждевременномъ извѣстіи о томъ, что Конвентъ объявитъ себя распущеннымъ, прохожіе обращаются другъ къ другу съ радостными восклицаніями: „Наконецъ то они уходятъ, разбойники! Люди прыгаютъ, не въ силахъ сдержать свою радость. Только и говорятъ, что о мальчикѣ (Людвикѣ ХІІ, заключенный въ темницѣ) и о выборахъ. Всѣ сходятся на томъ, чтобы исключить настоящихъ депутатовъ“. Въ самомъ Парижѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе мѣсяца своего властвованія, они едва осмѣливаются появляться среди народа. За исключеніемъ членовъ двадцати всѣ тѣ, которымъ не удастся снова войти въ законодательное собраніе будутъ стараться изо всѣхъ силъ получить въ Парижѣ мѣсто, служащихъ въ канцеляріяхъ, курьеровъ въ министерствахъ, „за неимѣніемъ лучшаго они согласятся быть простыми сторожами.“

II

Единственное для нихъ спасеніе—это остаться у власти путемъ произвола, подлости и насилія. Въ конституціи, которую они фабрикують, онѣ хотятъ остаться повелителями Франціи и поэтому они объявляютъ, что Франція должна избрать изъ ихъ среды двѣ трети своихъ новыхъ представителей. Для того чтобы она сдѣлала удачный выборъ, необходимо ея руководить.

Дѣлаютъ видъ, что спрашиваютъ ея мнѣнія по вопросу о специальныхъ декретахъ, которые лишаютъ ее на двѣ трети права переизбранія, но какъ въ 1792 и 1793 годахъ заранѣе готовятъ ея отвѣтъ. Во-первыхъ, рассчитываютъ, что большинство избирателей воздержится отъ отвѣтовъ. Дѣйствительно массѣ уже давно опротивѣла избирательная комедія, тѣмъ болѣе что продолжительный терроръ подавилъ въ ней интересъ къ общественнымъ дѣламъ: каждый

думаетъ только о себѣ. Со времени Термидора въ городахъ и деревняхъ съ трудомъ можно найти мэровъ, членовъ муниципальных совѣтовъ, даже избирателей перваго и втораго разряда. Населеніе поняло, что бесполезно и опасно выполнять свой гражданскій долгъ и отстранилось отъ общественныхъ должностей. Изъ по меньшей мѣрѣ шести миллионѣвъ избирателей пять миллионѣвъ въ выборахъ не участвуютъ.

Во-вторыхъ, правительство приняло предосторожности, чтобы не дать вотирующимъ и мысли, что имъ нужно баллотировать декреты. Въ этому ихъ не приглашаетъ ни одна статья конституціи или декретовъ. Въ присылаемыхъ имъ изъ Парижа печатныхъ листкахъ имѣются только три графы, одна для внесенія числа голосовъ принимающихъ конституцію, другая для внесенія числа голосовъ отвергающихъ ее и третья для особыхъ примѣчаній, если таковыя найдутся. Отдѣльной графы для внесенія числа голосовъ принимающихъ или отвергающихъ декреты не имѣется. Поэтому многіе неграмотные или плохо освѣдомленные избиратели могутъ полагать, что имъ предлагаютъ баллотировать только конституцію, а не декреты, что какъ разъ и случается въ отдаленныхъ департаментахъ и въ сельскихъ собраніяхъ.

Въ другихъ мѣстахъ, ближе къ Парижу и въ городахъ многія собранія понимаютъ, что если Конвентъ совѣтуется съ ними, то только формы ради, отвѣчать «нѣтъ» было бы бесполезно и даже опасно, лучше молчать. Вотъ почему въ среднемъ на пять первичныхъ собраній вотирующихъ за или противъ конституціи, приходится только одно вотирующее за или противъ декретовъ.

Таково честное средство, которое пускаютъ въ ходъ для того, чтобы узнать мнѣніе націи. Остается теперь силою сохранить узурпированную обманнымъ образомъ власть. Тотчасъ же послѣ подавленія яacobинскихъ мятежей, Конвентъ, угрожаемый справа, обратился къ лѣвой сторонѣ. Ему необходимы были союзники, исполнители. Онъ беретъ ихъ тамъ, гдѣ находятъ, въ партіи опустошавшей его ряды до Термидора и ряды которой послѣ Термидора онъ опустошаетъ. Поэтому его комитеты прекращаютъ преслѣдованія противъ выдающихся монтаньяровъ. Многихъ террористовъ, бывшихъ секціонныхъ предсѣдателей, арестованныхъ ночью 1 преріала, черезъ мѣсяцъ выпускаютъ на свободу. Это люди сильные, привыкшіе рубить съ плеча, въ особенности когда нужно убивать честныхъ людей.

Чѣмъ болѣе общественное мнѣніе высказывается противъ правительства, чѣмъ болѣе правительство сближается съ людьми «изгнанными изъ первичныхъ собраній», героями 2 сентября и 31 мая, опасными бродягами, безумцами, наемными убійцами безъ дѣла. Въ концѣ концовъ 11 вентемьера III года оно набираетъ 1500—1800 чел., которыхъ оно и вооружаетъ. На слѣдующій же день Ману «главнокомандующій внутренней арміи и вооруженныхъ силъ Парижа» является съ нѣсколькими офицерами своего генеральнаго штаба въ комиссію пяти и заявляетъ, что онъ не хочетъ имѣть въ своей арміи такихъ бандитовъ: «я не возьму подъ свое начальство подобныхъ организованныхъ въ батальоны злодѣевъ и убійцъ, называющихся патриотами 89 года.»

Дѣйствительно, истинные патриоты 1789 года, конституционалисты 1791 года, искренніе либералы, «40.000 собственниковъ и торговцевъ, «избранная часть и масса парижскаго населенія, «большинство людей дѣйствительно заинтересованныхъ общественнымъ дѣломъ» являются врагами правительства. И въ этотъ моментъ ихъ единственная забота—это общее благо. Будетъ ли республика или монархія для нихъ вопросъ второстепенный, о реставраціи прежняго режима никто и не думаетъ, очень мало думаютъ и объ установленіи ограниченной монархіи. Когда у «самыхъ горячихъ головъ» спрашиваютъ какое правительство они хотятъ поставить на мѣсто Конвента, они отвѣчаютъ: «мы больше его не хотимъ, мы хотимъ республику и честныхъ правителей». Ихъ возстаніе не есть политическое возмущеніе противъ формы установленнаго правительства, но моральное возмущеніе противъ водворившихся на мѣстахъ преступниковъ.

Вотъ почему, когда они вносятъ, что Конвентъ вооружаетъ противъ нихъ ихъ прежнихъ палачей, «тигровъ» Террора, завѣдомыхъ злодѣевъ, они больше не въ силахъ сдержаться. «Въ этотъ день, говоритъ одинъ бывшій въ то время въ Парижѣ иностранецъ, во многихъ общественныхъ мѣстахъ я видѣлъ на лицахъ выраженіе самаго сильнаго отчаянія, ярости... Не будь этого несчастнаго постановленія, революція навѣрное не разразилась бы». Если они берутся за оружіе, то потому, что чувствуютъ занесенные надъ собою пики сентябристовъ и топоръ Робеспьера.

Но вѣдь они только національные гвардейцы, большинство изъ нихъ не имѣетъ ружей, пороху тоже нѣтъ, «значительное большинство не думаетъ о вооруженномъ столкновеніи», они воображаютъ, что нужно только своимъ присутствіемъ поддержать петицію, у нихъ нѣтъ настоящаго предводителя, царятъ беспорядокъ, послѣдность, увлеченіе.

На сторонѣ же Конвента и бывшихъ негодяевъ Генрію стоятъ восемь или девять тысячъ солдатъ регулярной арміи и Бонапартъ. Его пушки разятъ пятьсотъ или шестьсотъ секціонеровъ, остальные расфиваются и отнынѣ укрощенные парижане больше не поднимаются противъ якобинской партіи, что бы она не предприняла.

III.

И вотъ отнынѣ верховная власть находится въ рукахъ революціонной котеріи. Согласно своимъ фруктидорскимъ декретамъ она обязываетъ сначала избирателей взять двѣ трети новыхъ представителей изъ среды Конвента и такъ какъ, несмотря на декреты, избирательныя собранія не выбрали достаточное число депутатовъ, она сама назначаетъ по сфабрикованному комитетомъ общественнаго спасенія списку, сто четырехъ недостающихъ депутатовъ. Такимъ образомъ она составляетъ себѣ вѣрное большинство какъ въ совѣтѣ пятисотъ, такъ и въ совѣтѣ старѣйшинъ. Она обезпечиваетъ единодушіе за исполнительнымъ органомъ въ директоріи, такъ какъ благодаря ловкому составленію списковъ члены совѣта пятисотъ навязываютъ совѣту старѣйшинъ своихъ кандидатовъ, избранныхъ за-

ранѣ, Барраса, Ла Ревельера, Ребеля, Летурнера, Сѣяса, а послѣ отказа его, Карно, все царевійцы и благодаря этому заинтересованных своей головой въ сохраненіи у власти партіи царевійцы.

Понятно, что директорія выбираетъ среди подобныхъ себѣ своихъ агентовъ, министровъ и чиновниковъ, пословъ и консуловъ, офицеровъ всѣхъ чиновъ, сборщиковъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, управляющихъ національными имуществами, комиссаровъ при гражданскихъ исправительныхъ судахъ, комиссаровъ при департаментскихъ и муниципальных управленіяхъ. Болѣе того, имѣя право смѣщать избранную администрацію, она пользуется этимъ правомъ; если въ какомъ-нибудь городѣ, кантонѣ или департаментѣ, мѣстные власти ей кажутся антиякобинскими, она кассируетъ ихъ выборы и, то по собственному побужденію, то съ согласія законодательнаго собранія замѣняетъ ихъ мѣстными якобинцами.

Тѣмъ болѣе, что Конвентъ сдѣлалъ все что могъ, чтобы освободить своихъ кліентовъ отъ ихъ самыхъ выдающихся противниковъ и самыхъ популярныхъ конкурентовъ: наканунѣ дня своего роспуска онъ лишилъ возможности исполнять всякія законодательныя, административныя, муниципальныя и судебныя функціи, даже обязанности присяжнаго не только лицъ, которые были внесены съ основаніемъ или нѣтъ, въ списокъ эмигрантовъ, но также ихъ отцовъ, сыновей и внуковъ, братьевъ и зятьевъ, ихъ свойственниковъ, ихъ дядей и племянниковъ, вѣроятно двѣсти или триста тысячъ французовъ, почти всю избранную часть, всѣхъ честныхъ, энергичныхъ людей, которые въ послѣднихъ первичныхъ или выборныхъ собраніяхъ вызвали или произвели какую-нибудь манифестацію противъ его деспотизма. Если они еще занимаютъ должности, пусть выйдутъ въ отставку въ двадцать четыре часа, а не то они будутъ изгнаны навѣки.

Благодаря этой легальной неспособности антиякобинцевъ, поле дѣйствій очистилось для якобинцевъ; во многихъ мѣстахъ за немѣніемъ желательныхъ кандидатовъ большая часть избирателей воздерживается отъ выборовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ террористы прибѣгаютъ къ своему излюбленному способу, то есть къ грубому насилию. Какъ только они получили поддержку правительства, они подняли голову. Теперь они дѣйствительные фавориты. Конвентъ вернулъ имъ гражданскіе права, отобранныя у ихъ противниковъ. Всѣ преслѣдованія противъ нихъ прекращены. «Самые ужасные», монтеьяры, сентябристы, председатели прежнихъ революціонныхъ комитетовъ, грабители, душители, расхаживаютъ по Парижу съ поднятой головой. Даже Барра, приговоренный къ ссылкѣ не высылаютъ въ Гвіану, Барка, котораго народъ чуть не разрываетъ на части, когда его провозятъ черезъ Орлеанъ, Туръ, Пуатье, Ніоръ. Ему даютъ бѣжать съ пути, спрятаться и спокойно поселиться въ Бордо. Лучше того, самые гнусные члены Конвента, какъ Монестье и Фуссе-дуаръ, возвращаются въ свой родной департаментъ и управляютъ тамъ въ качествѣ правительственныхъ комиссаровъ.

Вездѣ вступаютъ въ прежнія должности люди террора, павшіе послѣ термидора царька, представители политической богемы. И кажется, что переворотомъ 13 вандемера якобинская банда второй разъ завладѣла Франціей.

IV.

Еще не совсѣмъ, такъ какъ, если она и владѣла властью, то все же еще не овладѣла диктатурой. Тщетно деспотическіе и беззастѣнчивые теоретики стараются отсрочить безконечно открытіе Палаты, кассировать выборы, возстановить въ своихъ интересахъ общую концентрацію власти, которая подъ названіемъ революціоннаго правительства превратила Францію въ пашалыкъ въ рукахъ бывшаго Комитета Общественнаго спасенія. Конвентъ испугался за самого себя, въ самый послѣдній моментъ заговоръ раскрылся, и режимъ закона замѣнилъ режимъ произвола. Благодаря одному этому якобинское движеніе сдержано, затѣмъ остановлено; нація въ состояніи защищаться и она защищаясь мало по малу овладѣваетъ потерянной территоріей, даже въ центрѣ.

Въ Парижѣ избиратели обязаны выбрать изъ состава Конвента двѣ трети своихъ депутатовъ не выбирають ни одного изъ Парижскихъ депутатовъ-пареубійць; всѣ избранные ими, Ланжюине, Лариверъ, Дефэрмонъ, Саладенъ, Буасси д-Англа, хотѣли спасти короля и почти всѣ были осуждены послѣ 31 мая. Тотъ же духъ царить въ департаментахъ. Что касается 250 депутатовъ, то это либералы 1789 года или умѣренные 1791, большей частью люди почтенные, нѣсколько ученыхъ, юристы, офицеры, администраторы. Въ частности Парижъ выбралъ Дембре, бывшаго генеральнаго адвоката въ Парижскомъ парламентѣ и Пасторе, бывшаго министра при Людовикѣ XVI; оба знаменитыхъ адвоката, Тронше и Сезъ, защищавшіе короля въ Конвентѣ, были избраны Версалемъ.

До 13 вандеміера двѣсти членовъ Конвента были уже на сторонѣ избирателей противъ террористовъ. Благодаря этому образуется подавляющее большинство оппозиціи, укрывающейся за конституціей, за ней и за ними укрывается избранная часть и большинство французовъ. Директорія вынуждена щадить эту большую группу пользующуюся такой поддержкой общественнаго мнѣнія, поэтому не слишкомъ самовластничать, уважать, если не духъ, то по крайней мѣрѣ букву закона, не оказывать слишкомъ безстыднаго давленія на мѣстные выборы.

Вотъ почему большинство выборовъ произведено вполне свободно; поэтому значительное большинство новыхъ администраторовъ въ департаментахъ, кантонахъ и городахъ и значительное большинство новыхъ судей въ гражданскомъ, уголовномъ и мировомъ судахъ, подобно новой трети Конвента, является людьми почтенными, умѣренными, сохранившими свои надежды 1789 года, но съ самаго начала предохранившиеся или быстро излѣчившіеся отъ революціонной горячки. Въ ихъ рукахъ ослабляется дѣйствіе всякаго насильственнаго декрета, они, поддерживаемые упорной и очевидной волей своихъ избирателей, оказываютъ сопротивленіе комиссарамъ Директоріи, въ крайнемъ случаѣ протестуютъ противъ насилій и грубостей, заступаются за осужденныхъ, притупляютъ или отводятъ остріе якобинскаго меча.

А съ другой стороны, правительство, которое держитъ въ рукахъ

этотъ мечъ, не осмѣливается, подобно Комитету общественнаго спасенія, вонзить его по рукоятку; если бы оно пользовалось имъ какъ прежде, онъ могъ бы выпасть у него изъ рукъ; въ его собственномъ лагерѣ неистовые якобинцы готовы вырвать у него изъ рукъ мечъ, чтобы заставить его почувствовать остріе. Оно вынуждено защищаться противъ возрождающихся клубовъ, противъ Бабефа и его сообщниковъ, противъ головорѣзовъ, которые ночнымъ нападеніемъ пытаются возмутить Гренобльскій лагерь. Въ Парижѣ имѣется четыре или пять тысячъ предпринимателей «гражданской Варолюмѣвской ночи»; во главѣ ихъ стоятъ прежніе члены Конвента, которые теперь туда не попали, рядомъ съ ними сектанты Робеспьера или Марата, ученики Сень-Жюста, Бергранъ, Буонаротти, Антонель, Россиньоль и Бабефъ, за ними стоятъ уличные бандиты, взяточники безъ мѣста или сентябристи безъ дѣла, однимъ словомъ остатки террористской эллии или революціонной арміи. Планъ ихъ соотвѣтственно предыдущимъ ихъ планамъ, ихъ характеру и ихъ принципамъ, заключается въ томъ, чтобы отправить на тотъ свѣтъ не только «богачей, скупщиковъ», всѣхъ денутатовъ и чиновниковъ, которые не выйдутъ въ отставку при первомъ требованіи, но и «главнокомандующаго, его генеральный штабъ, семь министровъ и пятерыхъ украшенныхъ султанами обнателей Люксембурга», то есть самихъ директоровъ. Подобные союзники неудобны.

Несомнѣнно правительство которое взираетъ на нихъ какъ на заблудшихся дѣтей и можетъ имѣть въ нихъ нужду въ критическіе моменты, насколько можетъ падить ихъ, оно дастъ Дрue возможность убѣжать и затягиваетъ процессъ Бабефистовъ. Только двое изъ нихъ казнены, самъ Бабефъ и Дарте, большинство остальныхъ оправданы или спасаются бѣгствомъ. Тѣмъ не менѣе въ своихъ собственныхъ интересахъ оно должно разстаться съ яростными якобинцами и поэтому сблизиться съ мирными гражданами.

Благодаря этимъ раздорамъ въ правящей партіи, честные люди остаются на мѣстахъ, которыя они завяли послѣ выборовъ IV года; никакой декретъ не лишаетъ ихъ законнаго оружія и въ законодательномъ корпусѣ, какъ и въ административномъ и судебномъ мірѣ они рассчитываютъ занять новыя мѣста послѣ выборовъ V года.

V.

«Давно уже, пишетъ одинъ мелкій торговецъ Эвре, не видно было столько народу на выборахъ... Всѣ приняли участіе въ выборахъ, для того чтобы не были избраны террористы, объявлявшіе, что царствіе ихъ снова настанетъ». Люди честные стоятъ за Конституцію противъ Революціи, за ограниченную власть противъ произвола, за собственность и противъ воровства, за честныхъ людей противъ бездѣльниковъ.

Избиратели подъ впечатлѣніемъ алчныхъ, кровавыхъ воспоминаній, являются толпами и вотируютъ согласно своему желанію. Хотя правительство официальными кандидатурами, спеціальными комиссарами, застрачиваніемъ, деньгами и обазываетъ вліяніе на ихъ

волю, хотя якобинцы въ Неверѣ, Маконѣ и другихъ городахъ силою выгоняли законно избраннаго бюро и обагрjali кровью залы собраній, тѣмъ не мѣнѣе «изъ 84 прежнихъ департаментовъ 66 выбрали большинство выборщиковъ среди антиреспубликанцевъ, 8 департаментовъ безразличныхъ и только 10 остались вѣрны якобинцамъ».

Можно предугадать какова будетъ новая треть избранная такими выборщиками. «Изъ 250 прежнихъ членовъ Конвента выбывшихъ по жребію снова выбраны едва 5 или 6». Тотчасъ же послѣ приѣзда новыхъ представителей и по провѣркѣ полномочій оказывается что «правительство имѣетъ 70 голосовъ изъ 250 въ Совѣтѣ Старѣйшихъ и 200 изъ 500 въ Совѣтѣ молодыхъ», а скоро и менѣе 200 сторонниковъ въ этомъ совѣтѣ, самое большее 130. Они будутъ навѣрно устранены при новыхъ выборахъ, которые будетъ принимать все болѣе и болѣе антиякобинскій характеръ. По признанію правителей пройдетъ еще годъ и ни одинъ членъ Конвента, ни одинъ чистый якобинецъ не будетъ засѣдать въ законодательномъ корпусѣ, слѣдовательно, по мнѣнію революціонеровъ, въ VI году будетъ произведена контръ-революція.

Это означаетъ, что въ VI году Революція будетъ окончена и что мирный режимъ закона замѣнитъ грубый режимъ силы. Дѣйствительно очень значительное большинство представителей и почти всѣ французы только и стремятся къ этому. Они хотятъ освободиться отъ социальнаго и гражданскаго режима, который они переносятъ съ 10 августа 1792 года и который ослабнувъ послѣ 9 термидора, но возобновленный послѣ 13 вендемера, продолжился до настоящаго времени благодаря примѣненію его самыхъ отвратительныхъ законовъ и сохраненію на мѣстахъ самыхъ гнусныхъ агентствъ.

Въ обоихъ совѣтахъ не найти и двадцати рѣшительныхъ монархистовъ, только пять или шесть находятся въ перепискѣ съ Людовикомъ XVIII и расположены развернуть бѣлое знамя. Въ надеждахъ, даже тайныхъ, остальныхъ дятисотъ, возстановленіе законнаго короля, учрежденіе какой бы то ни было королевской власти, находится на второмъ планѣ, имъ представляется это какъ возможное дополненіе, какъ неопредѣленное и еще не наступившее послѣдствіе ихъ настоящаго предпріятія. Во всякомъ случаѣ они приняли бы только «умѣренную монархію», ту, которой желали либералы 1788 года, ту, которую требовалъ Мунье послѣ дней 5 и 6 октября, ту, за которую стоялъ Барнавъ послѣ возвращенія изъ Вареннъ, ту, которую всегда совѣтовали Малюе, Моррисъ, Малле дю-Панъ, тонкіе наблюдатели и истинные знатоки Франціи. Никто изъ нихъ не предлагаетъ объявить о существованіи божественнаго права и возстановить дворянскій строй; каждый изъ нихъ намѣревается уничтожить революціонное право и якобинскій строй.

Они осуждаютъ въ принципѣ анархическую и деспотическую власть, примѣненіе Общественаго договора, диктатуру, установленную государственными переворотами, поддерживаемую терроромъ, систематическую и догматическую непрерывность покушеній противъ личности, собственности и совѣсти, они осуждаютъ узурпацію фанатическаго и порочнаго меньшинства, которое уже пять лѣтъ какъ раз-

зоряетъ Францію и подъ предлогомъ требованія признанія правъ человѣка, нарочно ведетъ войны, чтобы пропагандировать свою систему за границей.

Имъ внушаетъ отвращеніе Директорія и ея кляка, Барра со своимъ дворомъ накормленныхъ до отвалу поставщиковъ и содержанокъ, Ребелль со своей семьей взяточниковъ, со своей снесью выскочки и манерами кабатчика, Ла Ревельеръ де-Лепо со своимъ тщеславіемъ, своими претензіями философа, нетерпимостью сектанта и глупостью обманутаго педанта. Они требуютъ съ трибуны административной чистки, уничтоженіе мошенничества и прекращеніе преслѣдованій; они требуютъ судебного наказанія или просто лишенія яacobинцевъ мѣстъ, быстрого общаго уничтоженія или частичнаго и осторожнаго измѣненія законовъ, направленныхъ противъ священниковъ и культа, противъ эмигрантовъ и дворянъ. Никто не думаетъ о томъ, чтобы измѣнить конституцію въ вопросахъ распредѣленія общественныхъ должностей, въ способѣ назначенія центральныхъ или мѣстныхъ властей.

«Клянусь честью, пишетъ Матье Дюма, что моимъ намѣреніемъ всегда было сохранять республиканскую конституцію, тамъ какъ я былъ увѣренъ, что при посредствѣ умѣренной и справедливой администраціи она можетъ вернуть покой Франціи, дать ей возможность холить свободу и загладить, со временемъ, зло причиненное Революціей.» «Между депутатами, говоритъ Камилль Журданъ, нѣкоторые быть можетъ предпочитали монархію, но они не устраивали заговоровъ, они считали конституцію какъ бы залогомъ вѣренными ихъ чести... они подчиняли свои самые дорогіе взгляды національной воли, они понимали, что монархія можетъ быть восстановлена только безъ потрясенія и благодаря развитію этой національной воли». «Между нами, говоритъ еще Барбе-Марбуа, были несогласія по вопросу о томъ, какъ вести себя съ Директоріей, но не какъ обращаться съ конституціей».

Почти до послѣдней минуты они строго замыкаются въ свои законныя права и когда въ концѣ концовъ они имѣютъ поползновеніе выйти изъ этихъ рамокъ, то они дѣлаютъ это только для того чтобы защищаться отъ поднятаго надъ ихъ головами меча. Безъ сомнѣнія ихъ вожаки «самые почтенные и самые способные люди Республики», единственные представители свободнаго избранія, зрѣлыхъ взглядовъ и пріобрѣтеннаго опыта, единственные люди, въ рукахъ которыхъ Республика, примиренная съ порядкомъ и правосудіемъ, имѣетъ шансы быть жизнеспособной, единственные фактическіе либералы. И вотъ почему республиканцы по имени должны ихъ раздавить.

Дѣйствительно при правительствѣ подавляющемъ посягательства противъ личности и общественной или частной собственности, не только не можетъ существовать яacobинская теорія, но опозорена и яacobинская практика. Но яacobинцы, если они даже и отказались отъ своихъ принциповъ, помнятъ о своихъ дѣйствіяхъ. Съ прибытіемъ первой трети, въ октябрѣ 1795 года ими овладѣлъ страхъ: «Члены Конвента, пишетъ одинъ изъ новыхъ депутатовъ, видѣли въ насъ только людей призванныхъ предать ихъ въ одинъ прек-

расный день въ руки правосудія». Послѣ прибытія второй трети въ маѣ 1797 года, ихъ ужасъ усилился. Въ особенности царевидцы чувствуютъ, «что все спасеніе ихъ заключается въ исключительномъ и абсолютномъ владычествѣ».

Однажды Трейльяръ, одинъ изъ ихъ вожаковъ, очутившись съ глазу на глазъ съ Матье Дюма, говоритъ этому бывшему Фейльяну, другу Лафайетта, человѣку умѣренному и извѣстному всѣмъ своимъ благородствомъ.

— Вы очень честные люди, способные, и я вѣрю, что вы хотите искренне поддержать правительство, каково бы оно ни было, потому что ни вы, ни мы не имѣемъ вѣрнаго средства замѣнить его другимъ. Но мы, члены прежняго Конвента, не можемъ предоставить вамъ свободу дѣйствія. Сознательно или нѣтъ, но вы ведете насъ медленно въ нашей вѣрной гибели; между нами нѣтъ ничего общаго.

— Какая же вамъ нужна гарантія?

— Единственная и затѣмъ мы одѣлаемъ все, что вамъ будетъ угодно. Дайте намъ гарантію и мы слѣпо послѣдуемъ за вами.

— Какую же?

— Взойдите на трибуну и заявите, что если бы вы были членомъ Конвента, вы подобно намъ, голосовали бы смерть Людовика XVI.

— Вы требуете невозможнаго и будь вы на нашемъ мѣстѣ бы этого не исполнили, вы приносите Францію въ жертву безосновательному страху.

— Нѣтъ, партія неровна, на карту поставлены наши головы.

Ихъ головы можетъ быть, но навѣрное ихъ власть, ихъ санъ, ихъ состояніе, ихъ роскошь и ихъ удовольствіе, все ради чего по ихъ мнѣнію стоитъ жить.

Каждое утро семьдесятъ газетъ Париза и столько же мѣстныхъ листовъ въ большихъ городахъ разоблачаютъ, приводя всѣ документы, подробности и цифры, не только прежнія ихъ преступленія, но и настоящую ихъ подкупность, ихъ быстрое обогащеніе, основанное на взяточничествѣ и грабежѣ, ихъ развязныя и властные манеры, ихъ нравы ихъ наглость, ихъ широкое житіе, ихъ куртизановъ, ихъ куртизановъ.

Какимъ образомъ отказаться отъ этого? Тѣмъ болѣе, что только это имъ и дорого. Въ ихъ несчастныхъ душахъ нѣтъ никакой заботы объ отвлеченныхъ принципахъ, о верховенствѣ народа, объ общей волѣ, объ общественномъ благѣ; тонкій и хрупкій лакъ громкихъ фразъ, подъ которымъ они нѣкогда скрывали отъ самихъ себя эгоизмъ и извращенность своихъ интимныхъ стремленій, трескается и падаетъ на землю. Но ихъ собственному признанію они заботятся не о Республикѣ, а прежде всего о себѣ, о себѣ однихъ; тѣмъ хуже для нея, если ея интересы противоположны ихъ интересамъ. Какъ впоследствии скажетъ Сіейсъ, дѣло идетъ уже не о спасеніи Революціи, а о спасеніи революціонеровъ.

Дѣйствуя безъ всякихъ стѣсненій, зная, что они ставятъ на карту все, рѣшившись подобно своимъ собратьямъ 10 августа, 2 сентября, 31 мая, подобно комитету общественнаго спасенія,

выиграть игру какими бы то ни было способами, они выиграют игру подобно своимъ собратьямъ 10 августа, 2 сентября, 31 мая, подобно комитету общественнаго спасенія.

Дѣло въ томъ, что и этотъ разъ умѣренные не хотятъ понять, что война объявлена и что идетъ борьба не на жизнь, а на смерть. Они не вступаютъ въ соглашенія, они колеблются, они замыкаются въ конституціонныя формы, они не дѣйствуютъ. Крупныя мѣры, предлагаемыя восьмьюдесятью энергичными и дальновидными депутатами ослаблены или отложены благодаря излишней осторожности остальныхъ трехсотъ недалновидныхъ, нерѣшительныхъ или трусливыхъ. Они не осмѣливаются даже воспользоваться своимъ законнымъ оружіемъ, распустить армію для внутренней службы, уничтожить должность Ожеро, сломать мечъ, который подносятъ къ ихъ горлу три устроившихъ противъ нихъ заговоръ директора.

Въ Директоріи они имѣютъ только пассивныхъ союзниковъ или безразличныхъ, Бартеlemi, который предпочитаетъ быть убитымъ, чѣмъ убивать самому, Карно, слугу своей законной инструкціи, который боится рисковать своей Республикой и который къ тому же помнитъ, что онъ подавалъ голосъ за смерть короля. Въ совѣтахъ пятисотъ и старѣйшинъ Тибодо и Тронсонъ дю Кудре оба вожака центра, останавливаютъ Пишегрю и энергичныхъ людей, не давая имъ разить, разрѣшая только парировать удары и при этомъ всегда слишкомъ поздно. За три дня до 18 фруктидора, когда всѣмъ отлично извѣстно, что финальный ударъ уже подготовленъ, восемьдесятъ депутатовъ не почующіе дома изъ опасенія быть арестованными въ кровати, не могутъ еще рѣшиться перейти въ наступленіе.

Въ этотъ день очевидецъ явился къ Матье Дюма и рассказалъ ему, что наканунѣ вечеромъ у Барра обсуждали умертвить ли или сослать въ Кайенну около сорока членовъ обѣихъ совѣтовъ и что второе предположеніе одержало верхъ. Послѣ этого одинъ батальонный командиръ національной гвардіи ведетъ Дюма ночью въ Тюльерискій садъ и показываетъ ему своихъ людей спрятанныхъ за деревьями, вооруженныхъ и готовыхъ къ выступленію при первомъ же знакѣ. Онъ беретъ на себя захватить плохо охраняемый Люксембургскій дворецъ и покончить съ Барра и Ребеллемъ: вѣдь на войнѣ убиваютъ, чтобы не быть убитымъ и когда не пріятель цѣлится въ васъ вы имѣете право не ожидая его выстрѣла стрѣлять въ него.

— Только, говоритъ командиръ,—позвольте мнѣ заявить съ трибуны, что вы приказали произвести это нападеніе и дайте мнѣ честное слово, что вы меня поддержите.

Матье Дюма отказывается именно потому, что онъ честный человекъ.

— Вы были дуракомъ, скажетъ ему впоследствии по этому поводу Наполеонъ,—вы ничего не понимаете въ революціяхъ.

Очевидно честность, благородство, отвращеніе къ крови, уваженіе къ закону, являются слабой стороной этой партіи.

Противоположныя чувства являются сильной стороной противоположной партіи. Со стороны триумвировъ никто не знаетъ угрызений совѣсти, ни Барра, кондотьеръ опытный въ переворотахъ

и продающійся всякому, кто предложитъ ему больше другихъ, ни Реббель, бросающійся подобно дикому быку на всёхъ, ни Мерленъ, свѣтскій инквизиторъ, комнатный палачъ.

Они тотчасъ, по якобинскому обыкновенію, обнажили саблю. Вопреки конституціи они вызвали армія на обсужденіе вопроса и показали законодательному собранію, что, если оно не уступитъ оно будетъ поднять на штыки. Они выпускаютъ на него, «какъ въ доброе старое время» свою чернь и наполняютъ проходы, трибуны «своими бандитами обоихъ половъ». Они собираютъ своихъ единомышленниковъ, пять или шесть тысячъ террористовъ Парижа и департаментовъ, двѣ тысячи офицеровъ уволенныхъ въ отставку безъ пенсіи или съ половиною пенсіей. За неимѣніемъ Гоша, неконституціонное приближеніе котораго было обнаружено, а затѣмъ воспрепятствовано, у нихъ есть Ожеро, который пріѣзжаетъ нарочно изъ Италіи и заявляетъ открыто: «я посланъ, чтобы убивать роялистовъ». Невозможно найти болѣе ограниченнаго «солдафона». Самъ Реббель увидя его не могъ удержаться отъ восклицанія: «какой славный разбойникъ!»

18 фруктидора оффиціальныи рубака окружаетъ и захватываетъ Тюльери съ восьми или десятитысячнымъ отрядомъ; представителей арестуютъ въ комитетахъ и на дому, или ищутъ ихъ, преслѣдуютъ, точно такъ же какъ и другихъ популярныхъ членовъ оппозиціи, офицеровъ, чиновниковъ, журналистовъ, бывшихъ министровъ, директоровъ, Бартелеми и самого Карно. Когда Барбе-Марбуа спросилъ въ силу какого закона его арестуютъ, одинъ офицеръ отвѣтилъ ему: «законъ—эта сабля.» И министръ полиціи Сотенъ добавляетъ съ улыбкой: «Вы понимаете, что послѣ того какъ я взялъ столько на себя, для меня ничего не значитъ скомпрометировать себя немного болѣе или немного менѣе».

Профильтрованные такимъ образомъ оба Совѣта въ концѣ концовъ сами себя фильтруютъ: они кассируютъ въ сорока девяти департаментахъ выборы своихъ коллегъ. Благодаря этому декрету, благодаря сылкамъ, вынужденнымъ или добровольнымъ отставкамъ, двѣсти четырнадцать представителей исключены изъ законодательнаго собранія, и сто восемьдесятъ, изъ страха или отвращенія, перестаютъ присутствовать на засѣданіяхъ.

Отъ двухъ Совѣтовъ, какъ отъ англійскаго парламента при Кромвеляхъ остается только «туловище» и это «туловище» функционируетъ подъ обнаженными шпагами. Въ Совѣтѣ старѣйшій, который 18 фруктидора, въ полночь, обсуждаетъ декретъ о ссылке, группы гренадеровъ съ блуждающимъ взглядомъ, отрывистой рѣчью и угрожающими жестами и съ примкнутыми штыками окружаютъ амфитеатръ и перемѣшавшіеся съ солдатами голозорѣзы выпускаютъ свои дикіе крики. Вотъ они то поддержать клеветнической романъ сфабрикованный Директоріей, вотирующие нуждаются въ этихъ аргументахъ чтобы повѣрить въ грандіозный заговоръ который она разоблачаетъ, чтобы присоединить Бартелеми, Карно, Симеона, Барбе-Марбуа, Буассе, д'Алла, Матье, Дюма, Пасторе, Тронсона дю Кудре, въ качествѣ сообщниковъ къ вучкѣ второстепенныхъ интригановъ, смѣшныхъ «болванчиковъ», сорванцовъ и шпионовъ, бумаги которыхъ уже шесть

мѣсяцевъ какъ въ рукахъ полиціи и которыхъ она допрашиваетъ въ тюрьмѣ. Ихъ всѣхъ накрываютъ одной и той же сѣтью, ихъ нарочно смѣшиваютъ воедино, ихъ массою осуждаютъ, безъ доказательствъ, безъ соблюденія формальностей.

«Доказательствъ?! говорить одинъ ораторъ. Противъ партіи роялистовъ доказательствъ не требуется. У меня есть убѣжденіе въ ихъ винѣ.»

«Формальности! восклицаетъ другой. Враги отечества не могутъ претендовать на формальности, которыми бы они пренебрегли, если бы они одержали верхъ.»

«Народъ—здѣсь? говоритъ третій, указывая на дюжину находящихся въ залѣ засѣданій людей подозрительнаго вида. Весь народъ значить больше нежели нѣсколько лицъ.»

«Впередъ, кричитъ одинъ солдатъ, желающій ускорить разсмотрѣніе дѣла, патриоты, бѣглымъ шагомъ маршъ.»

Между тѣмъ совѣщаніе тянется и правительство ожидающее результата его съ нетерпѣніемъ, принуждено вмѣшаться черезъ посредство посланца. «Народъ, говоритъ посланецъ, народъ спрашиваетъ въ какомъ положеніи Республика и что вы съ ней сдѣлали... Заговорщики имѣютъ связи даже и въ вашей средѣ.» Этого довольно и тотчасъ же представители понимаютъ, что, если они не сошлютъ, они сами будутъ сосланы. Послѣ этого «четыренадцать или пятнадцать поднимаются за декретъ, семь противъ; остальные не двигаются съ мѣста. Такимъ то образомъ для спасенія конституціи вполне свободно и законно изданъ декретъ.

Четыре года тому назадъ, при изгнаніи жирондистовъ, подобный же декретъ пропелъ подобнымъ же образомъ, за исключеніемъ той детали, что тогда Гора пускала въ ходъ народъ, а сегодня употребляютъ армію; но за исключеніемъ дѣйствующихъ лицъ, заканчивающееся представленіе является повтореніемъ и эта драма, сыгранная впервые 2 іюня только что разыгрывается вторично 18 фруктидора.

VI

Такимъ образомъ возобновляется режимъ 1793 г.—концентрація всей власти въ рукахъ одной олигархіи, диктатура сотни людей сгруппированныхъ вокругъ пяти или шести вожаковъ, болѣе независимая, болѣе самодержавная и менѣе непрочная чѣмъ бывший комитетъ общественной безопасности. Директорія заставила себя предоставить законное право объявлять общины въ осадномъ положеніи и вводить войска въ конституціонный кругъ, такъ что отнынѣ она можетъ по желанію насиловать Парижъ и законодательное собраніе. Фактически оба Совѣта, какъ нѣкогда Конвентъ, стали простыми регистрационными камерами, законодательными машинами, которымъ Директорія даетъ сержиплять свои приказанія.

Вліяніе ея на подчиненныхъ властей еще болѣе неограниченно. Въ сорока девяти департаментахъ, перечисленныхъ поименно въ декретѣ, вся администрація департаментовъ, кантоновъ и городовъ, всѣ мэры, всѣ судьи гражданскаго и уголовного суда, всѣ мировые судьи, всѣ избранные народнымъ голосованіемъ смѣщены массами и

въ остальной Франці происходитъ почти такая же радикальная чистка. Обратите въ особенности вниманіе на самую опасную изъ узурпацій, на то обстоятельство, что правительство накладываетъ руку на правосудіе, на то, что оно присваиваетъ себѣ право жизни и смерти. Оно не только кассируетъ и пересоставляетъ по своему желанію обыкновенные уголовные суды, оно не только выбираетъ среди самыхъ чистыхъ якобинцевъ судей кассационнаго суда, но еще учреждаетъ въ каждой военной части исключительный, безапелляціонный судъ изъ покорныхъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ, который долженъ осуждать и разстрѣливать въ двадцать четыре часа, подъ предлогомъ эмиграціи или принадлежности къ священничеству, всякаго человѣка, не врывающагося правящей партіи.

Для милліоновъ только что покоренныхъ Директоріей подданныхъ, нѣтъ никакого прибѣжища, даже жаловаться имъ запрещено. Сорокъ два оппозиціонныхъ или подозрительныхъ журнала сразу запрещены, матеріалъ ихъ расхищенъ и прессы ихъ сломаны; три мѣсяца спустя настаетъ чередъ шестнадцати другихъ газетъ, затѣмъ, черезъ годъ—одинадцати другихъ. Собственники, издатели, редактора и сотрудники, между ними Лагарпъ, Фонтанъ, Фиеве, Мишо, Лакретель, значительное число почтенныхъ или выдающихся писателей, четырехста или пятьсотъ человѣкъ, составляющіе генеральный штабъ прессы, присуждаются и притомъ безъ процесса къ ссылке или къ тюрьмѣ. Ихъ хватаютъ, нѣкоторые спасаются бѣгствомъ или прячутся и молчать. Во Франціи больше никто не говоритъ кромѣ правительственныхъ рупоровъ.

Понятно, возможность голосованія такъ же ограничена, какъ возможность писанія и фрундиторскіе побѣдители вмѣстѣ съ правомъ говорить завладѣваютъ правомъ избранія.

Съ перваго же дня правительство возобновило декретъ, изданный умиравшимъ Конвентомъ противъ свойственниковъ или родственниковъ эмигрантовъ. Не довольствуясь этимъ оно исключило всѣхъ этихъ лицъ изъ первичныхъ собраній и запретило первичнымъ собраніямъ выбирать ихъ. Отнынѣ люди честные или просто мирные считаютъ себя достаточно предупрежденными и остаются дома. Въ дни выборовъ правительство «посылаетъ въ каждый департаментъ своихъ агентовъ - комиссаровъ, оказываетъ принужденіе на выборы» угрозами, обѣщаніями и всякаго рода оболъщаніями, «арестовываетъ избирателей и предсѣдателей первичныхъ собраній», даже поражаетъ неповорныхъ якобинцевъ, кассируетъ выборъ большинства, если онъ ему не нравится, утверждаетъ выборъ меньшинства, если онъ ему подходитъ, однимъ словомъ дѣлаетъ себя выборщикомъ всѣхъ центральныхъ и мѣстныхъ властей.

Короче сказать учрежденія, законы, публичное право, частное право, все повержено въ прахъ и нація, тѣломъ и душой, какъ при Робеспьерѣ, становится собственностью своихъ правителей, съ той единственной разницей, что короли Террора, отстрочивая свою конституцію, откровенно заявляли о своемъ всемогуществѣ, тогда какъ эти лицемѣрно руководятся конституціей, которую они уничтожили и царствуютъ въ силу данныхъ, которыя запрещаютъ имъ царствовать.

Они тоже поддерживаютъ себя терроромъ, только, въ виду своего лицемерья, они не хотятъ открыто выполнять своей роли палачей. Являясь наслѣдницей Конвента, Директорія напираетъ на то, что она отказывается отъ своего наслѣдства. «Горе тому, говоритъ Буле де-Ла Мёртъ, кто захотѣлъ бы возстановить эшафоты!» Не нужно больше гильотины, она слишкомъ очернила ея поставщиковъ; красный потокъ крови виденъ слишкомъ близко и видящія его испытываютъ нервный ужасъ передъ тѣми, которые ее проливаютъ. Лучше примѣнять смерть на разстояніи, медленную, не насильственную, безъ пролитія человѣческой крови, менѣ оскорбляющую, но за то болѣе болѣзненную и не менѣе вѣрную чѣмъ первую. Это будетъ заключеніе въ болотахъ Рошфгора, лучше того ссылка въ страну лихорадокъ—Гвіану.

Для перваго транспорта, въ которомъ вмѣстѣ съ другими тринадцатью находятся Бартеlemi, заключившій Базельскій трактатъ, Писсегрю, завоеватель Голландіи, Лаффонъ де-Ладеба, предсѣдатель Совѣта пятисотъ, Барбе-Маруа, предсѣдатель Совѣта старѣйшинъ. Были сначала приготовлены берлины, но по приказанію Директоріи онѣ замѣняются фургономъ каторжниковъ, желѣзной клѣткой, имѣющей только одну запертую височнымъ замкомъ дверь, окошко наверху, черезъ котораго такъ и льетъ въ клѣтку дождь и простыя доски вмѣсто скамеекъ. Тяжелая клѣтка рысью катится по изрытымъ дорогамъ и каждый толчекъ бросаетъ осужденныхъ о ершу или о стѣнки. Одинъ изъ нихъ, прибывъ въ Блуа, показываетъ синяки на своихъ рукахъ.

Начальникъ эскорта самый гнусный и грубый солдатъ арміи, Дютергръ, бывшій до Революціи мѣдникомъ, затѣмъ офицеромъ, присужденнымъ къ тюремѣ за воровство во время Вандейской войны. Въ немъ столь естественны воровскія наклонности, что и этотъ разъ онъ въ пути воруетъ жалованье своего отряда. Остановившись въ Блуа «онъ проводитъ ночь въ арміи съ братьями и друзьями», описанными выше взяточниками и убійцами, осыпаетъ ругательствами г-жу Барбе-Маруа, прибѣжавшую проститься съ мужемъ, смѣшаетъ тутъ же начальника жандармеріи, который поддерживаетъ ее, почти лишившуюся сознанія и вида вниманіе, уваженіе, которыя оказываютъ заключеннымъ всѣ жители, даже чиновники, онъ восклицаетъ:

«Что за миндаличенье съ людьми, которые быть можетъ черезъ четыре дня не будутъ уже въ живыхъ».

Будучи уже на суднѣ и въ виду Рошели, они замѣчаютъ лодеу, старающуюся ихъ догнать. Они слышатъ крикъ: «Я сынъ Лаффона де-Ладеба, разрешите мнѣ милость поцѣловать отца». Съ судна въ рупоръ отвѣчаютъ: «Удадитесь, а то мы будемъ стрѣлять». Въ пути ихъ каюты никогда не провѣтриваются; на палубу ихъ выпускаютъ только по четыре сразу на часъ утромъ и часъ вечеромъ. Солдатамъ и матросамъ запрещено съ ними разговаривать, порція имъ дается обыкновенная матросская и притомъ продукты даются испорченные, къ концу переѣзда ихъ морятъ голодомъ. Въ Гвіанѣ полагается одна свѣча на камеру, бѣлья не даютъ, воды совсѣмъ не имѣется или же она негодна для питья. Изъ шестнадцати привезенныхъ въ Синнамари выживаютъ только двое.

Ссылаемые въ слѣдующемъ году священники, монахи, депутаты, журналисты, ремесленники, обвиняемые въ эмиграціи, находятся въ еще худшемъ положеніи: по всѣмъ дорогамъ ведущимъ въ Ропшоръ ихъ везутъ на повозкахъ или они вереницами плетутся пѣшкомъ, подобно каторжникамъ въ прежнее время. Восьмидесяти двухлѣтній старикъ, г. Дюлоренъ изъ Кемпера, проходитъ такимъ образомъ четыре департамента въ желѣзныхъ цѣпяхъ. Затѣмъ въ между палубномъ пространствѣ „Декады“ и «Байоннезы» несчастные, задыхаясь отъ недостатка воздуха и невыносимой жары, умираютъ съ голоду или отъ удушенія и Гвіана довершаетъ дѣло: изъ 193 привезенныхъ „Декадой“ черезъ двадцать два мѣсяца остается 39, изъ 120 доставленныхъ «Байоннезой» остается въ живыхъ 1.

Между тѣмъ во Франціи, въ казематахъ острововъ Ре и Олеронъ задыхаются болѣе 1200 священниковъ и всюду, въ департаментахъ военныя комиссіи усиленно разстрѣливаютъ. Въ Парижѣ и въ окрестностяхъ, въ Марселѣ, въ Лионѣ, въ Бордо, въ Реннѣ и въ большинствѣ крупныхъ городовъ умножаются внезапные аресты и тайныя увозы. И вотъ возвращаются въ свои ленныя владѣнія дворяне Террора, заслуженные убійцы и грабители. «Душа омрачена, когда читаешь ежедневно о казняхъ эмигрантовъ и видишь, какъ безпрерывно тянутся ссылаемые... Въ эти списки включаютъ всѣхъ, которые не нравятся правительству», мнимыхъ эмигрантовъ. Честнымъ людямъ невозможно принять участіе въ первичныхъ собраніяхъ, поэтому выборы ужасны... Братья и друзья громко говорятъ, что не нужно больше ни дворянъ, ни священниковъ, ни помѣщиковъ, ни торговцевъ, ни правосудія! Пусть скорѣе гибнетъ Франція, чѣмъ ихъ господство!

VII.

На первомъ планѣ программы якобинцевъ стоитъ излюбленная *idée fixe* старенькаго философизма, я говорю о послѣдовательномъ планѣ основанія свѣтской религіи, о принужденіи двадцати шести милліоновъ французовъ соблюдать обряды и догматы теоріи, а по-этому объ искорененіи христіанства, его культа и его духовенства. Съ необычайнымъ упорствомъ и мелочностью мѣстные инквизиторы усиливаютъ мѣры строгости, чтобы силою обратить націю и чтобы замѣнить обычай сердца, поддержанные всемнадцативѣковой практикой, импровизированными обрядами, механически сфабрированными абстрактной логикой въ тиши кабинета.

Никогда плоское воображеніе третьестепеннаго литератора и классическаго поэта, никогда смѣшная выспренность педанта гордаго своими фразами, никогда безновойная жесткость ограниченнаго и упрямаго ханжи не проявлялись съ большимъ сентиментальнымъ пафосомъ, чѣмъ въ декретахъ законодательнаго собранія, въ постановленіяхъ директоріи, въ инструкціяхъ министровъ Сотена, Летузнера, Ламбрехтса, Дювала и Франсуа де Невшато. Объявлена война воскресенью, старому календарю и постамъ, обязательно празднованіе декады, подъ угрозой штрафа и тюрьмы, обязательно празднованія 21 января и 18 фруктидора, обязательно участіе всѣхъ

чиновниковъ и ихъ семей въ новомъ культѣ, обязательно присутствіе общественныхъ или частныхъ воспитателей съ ихъ воспитанниками и воспитанницами въ гражданскихъ церемоніяхъ, обязательна литургія. Изъ Парижа высылаются катехизисы и программы, правила украшенія и пѣнія, чтенія славословій и возваній. Передъ этими предписаніями и маріонеточными парадами можно было бы только плечами пожать, если бы за апостоломъ составляющимъ нравственныя аллегоріи не видѣлся преслѣдователь, заключающій въ тюрьму, мучающій и убивающій.

Декретомъ 19 фруктидора не только возстановлены всѣ законы террора противъ не принявшихъ присягу священниковъ, ихъ укрывателей и сообщниковъ, но Директорія присвоила себѣ правосылать «мотивированнымъ индивидуальнымъ постановленіемъ» всякое духовное лицо, «нарушающее общественное спокойствіе,» то есть всякаго, проповѣдующаго свою вѣру и болѣе того право растрѣливать въ двадцать четыре часа всякаго священника, который, изгнанный законами 1792 и 1793 годовъ, остался во Франціи или вернулся въ нее. Почти всѣ духовныя лица, даже приняшіе присягу, включены въ первую категорію; администрація насчитываетъ ихъ 366 человекъ въ одномъ департаментѣ Дубса и 556 въ одномъ департаментѣ Геро. Тысячи духовныхъ лицъ включены во вторую категорію, администрація насчитываетъ болѣе тысячи восьмисотъ вернувшихся черезъ испанскую границу и блуждающихъ еще по югу. Послѣ этого начинается во всей Франціи охота на черную дичь и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходитъ всеобщее избиеніе, безъ какаго либо исключенія. Напринѣръ, въ Бельгіи, только что присоединенной къ Франціи, въ проскрипціонныя листы попадаетъ и въ ссылку отправляютъ все духовенство Бельгіи цѣликомъ, всего 7260 переименованныхъ священниковъ, не считая тѣхъ, которыхъ недостаетъ; многіе изъ нихъ спасаются за границу или укрываются, но остальные захватываются и ихъ достаточно для того, чтобы нагружать ими непрерывно повозки.

«Не проходитъ дня, пишетъ одинъ житель Блуа, чтобы въ кармелитскомъ монастырѣ ихъ не ночевало отъ семи до двадцати человекъ и болѣе. На слѣдующій день они отправляются дальше въ казематы острова Ре или въ болота Синнамари. Известно какой конецъ ихъ тамъ ждетъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ три четверти ихъ лежатъ на кладбищѣ. Внутри Франціи время отъ времени примѣра ради ихъ разстрѣливаютъ: такъ растрѣляли семь священниковъ въ Безансонѣ, одного въ Лионѣ, трехъ въ департаментѣ устьевъ Роны и на всѣхъ этихъ срываемыхъ или явныхъ убійствахъ, противники фанатизма, официальные филантропы, просвѣщенныя депутаты фруетидора строятъ культъ Разума.

Остается при посредствѣ культа Разума упрочить царство Равенства, эту вторую часть якобинскаго «вѣрую». Необходимо скосить всѣ головы возвышающіяся надъ обычнымъ уровнемъ и на этотъ разъ скосить ихъ не одну за одной, но цѣлыми разрядами. Самъ Сень-Жюсть не предлагалъ такъ положительно столь широкую и рѣшительную операцію, болѣе откровенные и рѣшительные, Сиейсъ, Мерленъ, Ребель, Шазаль, Шенъ, Буге настаиваютъ на радикальной

ампутаціи. По ихъ мнѣнію нужно «регулировать остракизмъ», сослать «всѣхъ тѣхъ, предразсудки, претензіи, самое существованіе которыхъ несогласимо съ республиканскимъ правительствомъ», то есть не только священниковъ, но и дворянъ, членовъ парламентовъ, состоятельную буржуазію и прежнихъ нотаблей, около двухсотъ тысячъ собственниковъ, мужчинъ и женщинъ, однимъ словомъ, все что осталось еще отъ угнетенной и разоренной Революціей избранной части населенія.

Отвергнутая бывшимъ дворяниномъ Барра и общимъ протестомъ «торговцевъ и самихъ рабочихъ» ссылка замѣнена лишеніемъ гражданскихъ правъ. Отнынѣ всякій дворянинъ, даже если онъ никогда не покидалъ территоріи, даже если онъ всегда и точно повиновался всѣмъ революціоннымъ законамъ, даже если онъ не родственникъ какого-либо эмигранта, лишень своихъ гражданскихъ правъ француза. Благодаря одному тому что до 1789 года онъ былъ дворяниномъ онъ долженъ натурализоваться съ соблюденіемъ законныхъ формъ и условий.

Что касается 150.000 дворянъ, буржуа, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, которые эмигрировали или которые обвиняются въ эмиграціи, то если они вернулись или остались во Франціи, они должны выѣхать въ двадцать четыре часа изъ Парижа и общинъ съ болѣе чѣмъ двадцатитысячнымъ населеніемъ и черезъ пятнадцать дней они должны покинуть Францію; въ противномъ случаѣ они будутъ арестованы, преданы военнымъ комиссарамъ и тотчасъ же разстрѣляны. Во многихъ городахъ, въ Парижѣ, въ Безансонѣ, въ Лионѣ ихъ и разстрѣливаютъ.

Послѣ этого многіе мнимые эмигранты никогда не покидавшие ни Франціи, ни даже провинціи или своей общины и имена которыхъ внесены въ списокъ только для того, чтобы лишить ихъ имущества, эмигрируютъ подъ страхомъ новаго закона. Съ другой стороны, разъ въ листѣ фигурируетъ какое-либо имя, оно тамъ останется навсегда. Правительство преднамѣренно отказывается вычеркнуть его и двумя декретами старается сдѣлать невозможнымъ всякое исключеніе именъ. Вѣдь каждое имя оставленное на «листѣ ограбленія и смерти» освобождаетъ Революцію отъ вѣроятнаго противника и отдаетъ въ ея распоряженіе однимъ имуществомъ больше.

Противъ оставшихся собственниковъ Директорія возобновляетъ и усиливаетъ мѣры конвента. Наступило уже не скрываемое банкротство. У 386.000 рентье и пансионеровъ отнимаютъ двѣ трети ихъ доходовъ и капитала; принудительнымъ, прогрессивнымъ налогомъ въ 100 милліоновъ, облагается цѣликомъ «состоятельный классъ», наконецъ, законъ о заложникахъ, ужасный, составленный въ духѣ сентября 1792 года, внушенный знаменитыми предложеніями Колло д'Эрбуа, направленными противъ заключенныхъ и предложеніями Бильо-Варенна противъ маленькаго Людовика XVII, расширяется, формулируется съ хладнокровіемъ законника и дальновидностью администратора и можетъ примѣняться и въ дѣйствительности и примѣняется въ большомъ масштабѣ.

Замѣтьте, что не считая новые Бельгійскіе департаменты, въ которыхъ продолжается и расширяется возстаніе, болѣе половины

территоріи подпадаетъ подъ дѣйствіе этого закона, такъ какъ изъ восьмидесяти шести департаментовъ собственной Франціи, сорокъ пять, въ настоящее время, по выраженію декрета находятся «въ состояніи явной гражданской смуты». Дѣйствительно, въ этихъ департаментахъ согласно официальнымъ донесеніямъ «скопища рекрутовъ съ оружіемъ въ рукахъ оказываютъ сопротивленіе властямъ, не желая отбывать воинскую повинность; шайки въ 200, 300, 800 человѣкъ бродятъ по странѣ; отряды разбойниковъ захватываютъ тюрьмы, убиваютъ жандармовъ и выпускаютъ заключенныхъ на свободу, сборщиковъ податей грабятъ, убиваютъ, калѣчатъ, муниципальныхъ чиновниковъ умерщвляютъ, помѣщиковъ облагаютъ выкупами, имѣнія опустошаютъ».

Во всѣхъ этихъ случаяхъ лично отвѣтственными за совершенныя насилія объявляются три класса, сначала родственники эмигрантовъ, затѣмъ бывшіе дворяне и наконецъ «отцы, матери, дѣды и бабушки лицъ, которыя, не будучи бывшими дворянами или родственниками эмигрантовъ», тѣмъ не менѣе принимаютъ участіе въ этихъ шайкахъ или скопищахъ. Даже когда только угрожаетъ эта опасность департаментская администрація составляетъ списокъ всѣхъ отвѣтственныхъ мужчинъ и женщинъ, ихъ берутъ въ качествѣ заложниковъ, ихъ содержатъ за собственный счетъ въ общихъ помѣщеніяхъ и если они убѣгаютъ, ихъ приравниваютъ къ эмигрантамъ, то есть наказываютъ смертью. Если наносится какой-нибудь убытокъ, они должны заплатить за него, если совершается какое-нибудь убійство или похищеніе четверыхъ изъ заложниковъ сылаютъ.

Замѣтьте, что мѣстныя власти обязаны, подъ угрозой тяжкаго наказанія, исполнять немедленно законъ, что къ тому времени онъ всѣмъ ультраякобинцы, что для того, чтобы внести въ списокъ заложниковъ, я не говорю уже дворянина или буржуа, но почтеннаго ремесленника, честнаго крестьянина, достаточно указать, что его сынъ или внукъ, отсутствующій, спасшійся куда - нибудь бѣгствомъ или же умершій, завѣдомый мятежникъ и такимъ образомъ имущество, свобода, жизнь всякаго состоятельнаго лица вполне законно отданы на полный произволъ завистливыхъ, враждебныхъ мѣстныхъ «уровнителей». Современники считаютъ, что 200.000 человѣвъ затронуты этимъ закономъ. Директорія въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, которые ей остается жить, примѣняетъ его въ семнадцати департаментахъ; тысячи женщинъ и стариковъ схватываютъ, сажаютъ въ тюрьмы, разоряютъ, нѣкоторыхъ направляютъ въ Кайенну. И это называется уваженіемъ правъ человѣка.

VIII.

По режиму утверждаемому фруктодоріанцами во Франціи можно судить о режимѣ вносимомъ ими за границу. Все тотъ же контрастъ между названіемъ и вещью, все тѣ же фразы для прикрытій тѣхъ же преступленій и подъ прокламаціями свободы скрывается установленіе разбойничества. Безъ сомнѣнія въ какой-нибудь завоеванной провинціи, переходящей такимъ образомъ отъ стараго деспотизма къ новому, краснорѣчиво оказанныя высокія слова производятъ сначала

надлежащій эффектъ, но черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ жители, обложенные податями, насильно офранцуженные, замѣчаютъ, что революціонное право еще болѣе стѣснительно и болѣе хищно чѣмъ божественное право.

Это право сильнаго. Правящіе якобины не знаютъ другаго, ихъ подобно обыкновеннымъ государственнымъ людямъ не удерживаетъ надлежаще понятый интересъ государства, опытъ и традиція, дальновидные планы, расчетъ настоящихъ и будущихъ силъ. Принадлежа къ сектѣ они подчиняютъ Францію своимъ догматамъ и они наряду съ недалновидностью, слѣпью, дерзостью фанатиковъ отличаются нетерпимостью, стремленіемъ, потребностью къ власти, инстинктами пропаганды и завоеванія.

Этотъ воинственный и тиранническій духъ они проявляли уже въ законодательномъ собраніи и они упились имъ при Конвентѣ. Послѣ Термидора и Вандеміера они остались тѣми же, они возстали противъ всякой умѣренной политики, сначала противъ миролюбиваго меньшинства, затѣмъ противъ миролюбиваго большинства, противъ всей Франціи, противъ своего собственнаго военнаго главы, «организатора побѣдъ», Карно, который, будучи добрымъ французомъ, не хотеть ни увеличивать затрудненій Франціи, ни брать болѣе того, чѣмъ Франція можетъ вѣрно и съ пользой для себя обладать.

Если до Фруктидора, его три якобинскихъ товарища Ребелль, Барра и Ла Ревельеръ порвали съ нимъ, то потому что не только во внутреннихъ, но и во внѣшнихъ дѣлахъ онъ противился ихъ предвзятому неограниченному насилію. Они пришли въ ярость узнавъ о прелиминарномъ Леобенскомъ договорѣ, столь выгодномъ Франціи, они оскорбили Карно, благодаря которому онъ былъ заключенъ. Когда Бартелеми, самый искусный и самый заслуженный дипломатъ того времени сдѣлался ихъ коллегой, его столь разумные, столь авторитетные совѣты были встрѣчены ими только насмѣшками. Они уже намѣревались завладѣть Швейцаріей, наложить руку на Гамбургъ, «унизить Англію» упорствовать въ злосчастной системѣ комитета общественнаго спасенія, то есть въ политикѣ войны, завоеваній и пропаганды.

Теперь то, когда послѣ 18 фруктидора Бартелеми сосланъ, а Карно бѣжалъ, политика ихъ развернется во всю свою ширь.

Никогда миръ не былъ такъ близокъ, его почти держали въ рукахъ, оставалось только заключить его послѣ Лилльскихъ конференцій. Послѣдній и самый упорный врагъ, Англія, разоружалась, она не только соглашалась на увеличеніе территоріи Франціи, на приобрѣтеніе Бельгіи и лѣваго берега Рейна, на покровительство республикамъ созданнымъ французской республикой, Голландской, Генуэзской, Цизальпинской, но и возвращала все свои завоеванія, все французскія колоніи, все голландскія колоніи, за исключеніемъ Тринкевемала, все испанскія колоніи, за исключеніемъ Тринидата. Франція получала все, чего могло требовать ея самолюбіе и болѣе того, на что могло рассчитывать благоразуміе; не было ни одного разумнаго патріота во Франціи, который не подписалъ бы эти условія съ глубокой радостью.

Но мотивы, которые до Фруктидора трогали Бартелеми и Карно,

мотивы, которые послѣ Фруктидора трогали Кольшена и Маре, не трогаютъ фрукторіанцевъ. Имъ мало дѣла до Франціи, они заботятся только о своей партіи, о своей власти, о своихъ личностяхъ. Изъ мелкаго тщеславія Ла Ревельеръ, предсѣдатель директоріи, «былъ бы не прочь поставить свое имя подъ трактатомъ объ общемъ мирѣ», но онъ находится подъ вліяніемъ Барра, которому война нужна для того, чтобы ловить рыбу въ мутной водѣ и въ особенности Ребелля, настоящаго якобинца по темпераменту и уму, «невѣжды и пустого человѣка, съ грубыми предразсудками человѣка безъ воспитанія и образованія», одного изъ тѣхъ грубыхъ, рѣзкихъ, ограниченныхъ фанатиковъ, отдавшихъ себя во власть *idée fixe*, «принципъ которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы все революціонировать и притомъ не разбирая почему», Нѣтъ необходимости это разбирать; животнаго инстинкта самосохраненія достаточно, чтобы толкнуть якобинцевъ по наклонной плоскости и уже давно ихъ дальновидные главари, между ними ихъ мыслитель и оракулъ, Сіейсъ повторяютъ имъ, что, «если они заключать миръ, они погибли». Чтобы заставить извинить ихъ внутреннія насилія имъ необходимы внѣшнія опасности; безъ предлога общественнаго блага они не могутъ продолжать свою узурпацію, свою диктатуру, свой произволъ, свои сыски, свои проскрипціи, свои вымогательства. Вообразите, что миръ заключенъ. Развѣ столь ненавидимое и презираемое правительство сможетъ устоять противъ общественнаго протеста и повліять на будущіе выборы? Развѣ столько генераловъ, которые должны будутъ выйти въ отставку, согласятся жить на половинномъ содержаніи, безъ дѣла? Развѣ Гошъ, такой горячій и рѣшительный, развѣ Бонапартъ, уже замышляющій свой государственный переворотъ, захотятъ сдѣлаться тѣлохранителями четырехъ мелкихъ адвокатовъ или неизвѣстныхъ писателей и Барра уличнаго генерала, никогда не видѣвшаго настоящей битвы?

Впрочемъ, какимъ образомъ кормить даже временно въ высушенной Франціи вооруженный муравейникъ, который вотъ уже два года существуетъ тѣмъ, что пожираетъ сосѣднія націи? Какимъ образомъ затѣмъ распустишь четыреста тысячъ голодныхъ офицеровъ и солдатъ? И какимъ образомъ найти въ пустой казнѣ тотъ миллиардъ, который обѣщанъ имъ вторично, торжественнымъ декретомъ, въ качествѣ національнаго вознагражденія? Только одна продолженная или нарочно начатая война, война беззвонечно продолженная изъ системы, только война окупающая себя завоеваніями и грабежемъ, можетъ питать армію, занять генераловъ, заставить націю поворнуться необходимости, сохранить власть въ рукахъ правящей партіи, схранить директорамъ ихъ мѣста, ихъ выгоды, ихъ обѣды, ихъ любовницъ. И вотъ почему они грубымъ ультиматумомъ разрываютъ съ Англіей и затѣмъ благодаря удвоеннымъ требованіямъ, съ Австріей и Имперіей, затѣмъ съ Швейцаріей, Пьемонтомъ, Тосканой, Неаполемъ, Мальтой, Россіей и самой Портой.

Наконецъ спадаетъ послѣдняя завѣса и истинный характеръ секты обнаруживается. Защита родины, освобожденіе народовъ, всѣ эти громкія слова входятъ въ область словъ. Она проявляетъ себя тѣмъ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, обществомъ пиратовъ, кото-

рые сдѣлавъ уже нападеніе на одномъ берегу, затѣмъ отправляются дальше и забираютъ въ плѣнъ все, имущества и лица, людей и вещи. Пожравъ Францію, банда намѣревается съѣсть всю Европу «листокъ за листочкомъ, какъ артишоку».

Въ чему рассказывать трагикомедію, которую они играютъ или заставляютъ играть за границей? Это представленіе за границей пьесы, которую они играютъ въ Парижѣ вотъ уже восемь лѣтъ, импровизированный и нелѣпый переводъ на фламандскій, голландскій, нѣмецкій и итальянскіе языки съ вариантами, сокращеніями, но всегда съ тѣмъ же финаломъ; градомъ сабельныхъ и ружейныхъ ударовъ, вторыми осыпаютъ помѣщиковъ, общины и частныхъ лицъ, чтобы заставить ихъ выдать свой кошелекъ и всё хоть сколько-нибудь драгоценныя вещи.

Общее правило: въ маленькомъ государствѣ, которое предполагаютъ основательно эксплуатировать, какой-либо генералъ или резидентъ возмущаетъ противъ установленныхъ властей недовольныхъ, которые всегда найдутся при всякомъ режимѣ, именно неудачниковъ, авантюристовъ, болтуновъ, молодыхъ людей съ горячими головами, однимъ словомъ мѣстныхъ якобинцевъ; отнынѣ для представителя Франціи они являются народомъ страны, хотя бы ихъ была всего горсточка и они принадлежали къ подонкамъ. Законнымъ властямъ запрещается преслѣдовать и наказывать ихъ: они неприкосновенны. Угрозой или силой французскій представитель самъ вмѣшивается, чтобы поддержать или освятить посягательство, онъ кассируетъ или заставляетъ кассировать живые органы соціального тѣла, тамъ королевскую власть или аристократію, здѣсь сенатъ или магистратуру, вездѣ онъ уничтожаетъ старую іерархію, кантональныя, провинціальныя или муниципальныя учрежденія, вѣковыя федераціи или установленія. На этомъ гладкомъ мѣстѣ онъ учреждаетъ правительство Разума, то есть какую-нибудь поддѣлку французской Конституціи: для этого онъ самъ назначаетъ новыя власти. Если онъ разрѣшаетъ, чтобы онѣ были избраны, то это должно быть сдѣлано при посредствѣ его приближенныхъ или подъ угрозой его штыковъ. Благодаря этому получается поддѣльная республика подъ именемъ союзной, которой посланные изъ Парижа комиссары управляютъ какъ хотятъ. Ея силой навязываютъ революціонный режимъ, антихристіанскіе, хищническіе и уравнивающіе все и всѣхъ законы. Измѣняютъ ея конституцію по послѣдней парижской модѣ, дѣлаютъ въ два раза и при посредствѣ вооруженной силы чистку ея законодательнаго собранія и ея Директоріи. Допускаютъ во главѣ ея стоять только прислужниковъ. Ея армію присоединяютъ къ французской арміи. Въ Швейцаріи вооружаютъ двадцать тысячъ швейцарцевъ, чтобы сражаться съ Швейцаріей и съ ея друзьями. Притѣсняютъ, оскорбляютъ національное и религіозное чувство, до того что вызываютъ этимъ религіозныя и національныя возстанія, пять или шесть сельскихъ и упорныхъ вандейскихъ возстаній въ Бельгіи въ Швейцаріи, въ Пьемонтѣ, въ Венеціи, въ Ломбардіи, въ Римской области, въ Неаполѣ и для подавленія ихъ жгутъ, грабятъ, разстрѣливаютъ. Я могу привести только двѣ цифры.

Первая—цифра грабежей совершенныхъ за границей и въ нее

входятъ только грабежи общественныхъ имуществъ, выполненные по приказанію, но не входятъ грабежи частные, выполненные безъ приказаній офицерами, генералами, солдатами, комиссарами. Число ихъ громадно, но учету не поддается. Контрибуціи звонкой монетой въ Бельгіи, Голландіи, Германіи и Италиі было взято на 655 милліоновъ, на 305 милліоновъ было похищено золото или серебро, серебряныхъ вещей, драгоценностей и художественныхъ вещей, на 361 милліоновъ было произведено реквизицій натурою, на 700 милліоновъ было конфисковано имущество движимыхъ и недвижимыхъ у лишенныхъ престола правителей, у блага духовенства, у корпорацій и общинъ, даже свѣтскихъ, у отсутствующихъ или бѣжавшихъ жомбшиковъ. Въ общемъ, въ три года было забрано имущество на 2 милліарда.

Для того чтобы производить подобные грабежи парижскіе операторы нуждаются въ военныхъ автоматахъ и притомъ въ достаточномъ количествѣ. Въ октябрѣ 1798 года требуется двѣсти тысячъ свѣжихъ солдатъ и молодые люди, которыхъ набираютъ, не являются на призывъ, бѣгутъ и даже сопротивляются съ оружіемъ въ рукахъ, какъ напримѣръ въ Бельгіи, гдѣ возстаніе длится нѣсколько мѣсяцевъ.

Чтобы заставить ихъ отбывать воинскую повинность, за ними охотятся, ихъ приводятъ съ связанными руками, если они убѣгаютъ, въ дома ихъ родителей помѣщаютъ постой, если человекъ, у котораго положено произвести реквизицію или рекрутъ бѣжалъ за границу, хотя бы и въ союзную страну, какъ напримѣръ въ Испанію, онъ вносится въ списки эмигрантовъ и поэтому по возвращеніи подлежитъ разстрѣлянію въ двадцать четыре часа, а тѣмъ временемъ на имущество его и его отца и матери и родственниковъ по восходящей линіи накладывается себестрѣ.

Директорія такимъ образомъ наполняетъ свои карманы и партія, въ рядахъ которой достаточно людей, можетъ продолжать эксплуатацію Европы, тратитъ на этой операціи столько французскихъ жизней, сколько ей будетъ угодно. А ей ихъ нужно болѣе ста тысячъ въ годъ, съ тѣми, которыя загублены конвентомъ это составитъ въ восемь лѣтъ болѣе девятисотъ тысячъ. Въ этотъ моментъ пять директоровъ и ихъ сообщники подкашиваютъ жизнь взрослога населенія, цвѣта и силы націи. Я не думаю, чтобы цивилизованная нація когда либо приносилась такимъ образомъ въ жертву ради такихъ цѣлей и такими правителями. Искалѣченный остатокъ партіи, нѣсколько сотенъ проповѣдниковъ не вѣрующихъ болѣе въ свои догматы, столь же ненавидимые, сколько и презираемые узурпаторы, выскочки, вознесшіеся наверхъ не въ силу своихъ способностей и заслугъ, но благодаря слѣпой игрѣ Революціи, поднятые, подобно грязной пѣнѣ, на вершину послѣдней волны—вотъ кто связываетъ Францію подъ предлогомъ ея освобожденія, кто выпускаетъ кровь изъ Франціи подъ предлогомъ сдѣлать ее сильнѣе, кто покоряетъ народы подъ предлогомъ ихъ освободить, кто грабитъ народы подъ предлогомъ ихъ возродить и кто отъ Бреста до Люцерна, отъ Амстердама до Неаполя, убиваетъ и грабитъ такъ еказать оптомъ, систематично, чтобы утвердить безсвязную диктатуру своей грубости, своей глупости и своей продажности.

IV.

И въ этотъ разъ торжествующее якобинство проявило свою антисоціальную природу, свою способность разрушенія, свою неспособность созиданія.

Побѣжденная и лишившаяся всякаго мужества нація ему больше не сопротивляется, но если она его переноситъ, то только какъ чуму и его высылки, его административныя чистки, его объявленія осаднаго положенія въ городахъ, его ежедневныя насилія только доводятъ до отчаяннѣйшаго молчаливѣйшаго антипатію.

«Сдѣлано все, говоритъ одинъ убѣжденный якобинецъ, чтобы отвратить отъ революціи и республики громадное большинство гражданъ и даже тѣхъ, которые содѣйствовали паденію монархіи... По мѣрѣ того какъ мы двигались впередъ по революціонной дорогѣ, вмѣсто увеличенія числа друзей революціи, ряды наши стали рѣже и первые защитники свободы отдѣлились отъ насъ». Якобинцамъ невозможно сплотить возлѣ себя Францію, примирить ее съ своими дѣйствіями или догматами и собственные ихъ агенты нисколько въ этомъ не сомнѣваются. Сами креатуры революціи, генералы, депутаты, чувствуютъ неприязнь къ якобинскимъ учрежденіямъ. Они помѣщаютъ своихъ дѣтей въ школы управляемыя духовенствомъ и депутаты возстававшіе больше всего въ 1792 и 1793 годахъ противъ духовенства считаютъ свою дочь только въ томъ случаѣ хорошо воспитанной, если она приняла причастіе. Назвать кого-либо гражданиномъ является уже оскорбленіемъ, а патриотомъ—еще большимъ. Такъ вѣдь называютъ якобинцевъ, сторонниковъ убійцъ и воровъ. Больше того, дискредитировавъ названія, дискредитировали и самое дѣло. Никто, говорятъ донесенія, не заботится объ общемъ интересѣ, никто не хочетъ быть мѣромъ или національнымъ гвардейцемъ.

«Общественный духъ находится въ летаргическомъ снѣ, который внушаетъ опасенія за полный его упадокъ. Наши успѣхи и неуспѣхи не возбуждаютъ ни безпокойства, ни радости. Какъ будто читая исторію битвъ читаешь исторію другаго народа. Внутреннія перемѣны тоже не возбуждаютъ болѣе волненія. Спрашиваютъ о новостяхъ только изъ любопытства, отвѣчаютъ безъ всякаго интереса, узнаютъ новости съ равнодушіемъ».

Да это и понятно, какимъ образомъ интересоваться общественнымъ дѣломъ, когда его больше нѣтъ, когда общее достоиніе стало частной собственностью шайки, когда внутри страны эта шайка его расхищаетъ или растрчиваетъ, а внѣ ея играетъ имъ? Благодаря своей окончательной побѣдѣ якобинцы добились того, что патриотизмъ изсякъ, то есть изсякъ глубокой источникъ, доставлявшій государству сущность, жизнь и силу. Они въ своихъ подданныхъ не встрѣчаютъ той машинальной покорности, той степени пассивнаго сотрудничества, безъ которыхъ законъ остается мертвой буквой. Ихъ столѣ молодая республика «поражена болѣзною, которая обыкновенно поражаетъ только старыя правительства, какъ-бы старческимъ исто-

щеніемъ; никто не дѣлаетъ усилій чтобы ее опрокинуть, но она какъ бы потеряла силы держаться».

Не только ихъ владычество, вмѣсто того чтобы оживить государство, парализуетъ его, но своими собственными руками они разрушаютъ водворенный ими же порядокъ. Имъ нѣтъ дѣла до того каковъ бы онъ ни былъ, законный или архизаконный, разъ они управляютъ, ни одна конституція созданная и пересозданная по ихъ желанію, ни одно правительство, хотя бы оно состояло изъ ихъ главарей, не можетъ существовать. Разъ овладѣвъ Франціей, они оспариваютъ ее другъ у друга и каждый изъ нихъ требуетъ для себя всей добычи. Занимающіе мѣста хотятъ остаться на нихъ, не занимающіе ихъ стремятся ихъ занять. Такимъ образомъ въ партіи образуются двѣ партіи и каждая изъ нихъ дѣйствуетъ противъ другой такъ, какъ они вмѣстѣ дѣйствовали противъ націи.

По мнѣнію правящей партіи противники ея—«анархисты», бывшіе сентябристы, сообщники Робеспьера, Бабефа, вѣчные заговорщики. Такъ какъ въ VI году пять правителей еще крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ мечъ, они могутъ заставить законодательное собраніе вотировать по своему желанію; 22 флореала въ 49 департаментахъ правительство кассируетъ цѣликомъ или частью новые выборы не только представителей, но и судей, публичныхъ обвинителей и присяжныхъ, затѣмъ въ департаментахъ и городахъ, оно смѣщаетъ террористическую администрацію.

По мнѣнію партіи управляемой, Директорія и агенты ея только лжепатріоты, узурпаторы, притѣснители, расхитители и бездарные политики. Такъ какъ все это совершенно вѣрно и въ VII году Директорія, выдохшаяся за двадцать одинъ мѣсяць всемогущества, дискредитированная своими неудачами, презираемая своими генералами, ненавидимая побѣждаемой и не получающей содержанія арміей, не осмѣливается и не можетъ больше поднять меча, ультраякобинцы начинаютъ наступать, заставляють себя выбирать своими единомышленниками, получаютъ большинство въ законодательномъ собраніи и въ свою очередь 30 преріала производятъ чистку Директоріи. Трейльяра, Мергена и Ла-Ребельера изгоняють, на ихъ мѣсто ставятъ ограниченныхъ фанатиковъ, Гойе, Мулена, Дюко. Министерствами завладѣвають бывшіе террористы, вездѣ въ департаментахъ на административные посты бажаютъ бездѣльниковъ, дввшихъ уже разъ доказательства своихъ способностей. Въ залѣ манежа якобинцы снова открываютъ свой клубъ подъ своимъ прежнимъ названіемъ. Два директора и сто пятьдесятъ членовъ Палаты братаются съ самыми отвратительными подонками. Восхваляютъ Робеспьера и даже Бабефа, требуютъ поголовнаго ополченія и обезоруженія подозрительныхъ лицъ. «Пусть возродятся пики! восклицаетъ въ одномъ тогѣ Журданъ, и пусть онѣ въ рукахъ народа разятъ всѣхъ его враговъ!» Съ трибуны въ совѣтѣ пятисотъ тотъ же Журданъ предлагаетъ объявить «отечество въ опасности» и вокругъ колеблющихся представителей, политическая чернь, старые крикуны улицъ и трибунъ, вопятъ и выкрикиваютъ угрозы какъ въ 1793 году.

Неужели во Франціи утвердится режимъ 1793 года?—Нѣтъ, даже не этотъ режимъ. Тотчасъ же послѣ побѣды, побѣдители 30 прері-

аля раздѣлились на два враждебныхъ лагеря, которые съ оружіемъ въ рукахъ наблюдаютъ другъ за другомъ, окапываются и дѣлаютъ вылазки. На одной сторонѣ стоятъ простые бандиты и чернь, отверженцы Марата, неисправимые мономаны, гордые головы, которыхъ самолюбіе прикрѣпляетъ къ ихъ преступленіямъ и которые скорѣе снова примутся за нихъ чѣмъ признаютъ себя виновными, догматическіе глупцы, идущіе всегда впередъ, съ закрытыми глазами, забывъ все и не научившись ничему, на другой сторонѣ стоятъ люди, не лишены еще здраваго смысла, извлекашіе мало пользы изъ своего опыта, знающіе куда приводитъ правленіе клубовъ и нивъ, опасющіеся за себя и не желающіе начать снова бѣшенную скачку, во время которой они чуть не погибли. Съ одной стороны — два члена Директоріи, меньшинство старѣйшинъ, большинство пятисотъ и самая низкая парижская чернь, съ другой — большинство старѣйшинъ, меньшинство пятисотъ и три члена Директоріи, имѣющіе за собою исполнительный персоналъ?

Какая изъ двухъ партій явится побѣдительницей? Никто этого не знаетъ, такъ какъ большинство готово перебѣжать изъ одного лагеря въ другой, смотря по шансамъ на успѣхъ; каждый день такое отступничество предвидѣнное или непредвидѣнное можетъ превратить меньшинство въ большинство въ совѣтѣ пятисотъ, въ совѣтѣ старѣйшинъ, въ Директоріи. Гдѣ будетъ затра большинство. Съ какой стороны ожидать будущій государственный переворотъ? Кто его произведетъ? Удастся ли онъ? А если удастся, установится ли прочное правительство?

Сейсъ знаетъ, что нѣтъ, онъ дальновиденъ въ своихъ дѣйствіяхъ, хотя химериченъ въ своихъ теоріяхъ. Онъ самъ находится у власти, онъ совѣтникъ, опекунъ и защитникъ умной Республики отъ глупой, онъ понимаетъ, что республиканцы обѣихъ партій зашли въ тупикъ изъ котораго нѣтъ выхода. Барра такого же мнѣнія и поэтому онъ забѣгаетъ впередъ, поворачивается на право, общается Людовику XVIII содѣйствовать реставраціи законной монархіи; взаменъ этого онъ получаетъ грамоту на полное прощеніе, освобожденіе отъ всякихъ преслѣдованій и обѣщаніе 12 милліоновъ.

Болѣе провинцальный Сейсъ ищетъ силу тамъ, гдѣ она есть въ арміи; онъ подготавливаетъ Жубера, зондируетъ Моро, думаетъ о Журданѣ, Вернадоттѣ, Макдональдѣ, прежде чѣмъ соединиться съ Бонапартомъ. «Ему нужна шпага.» Конституція III года не можетъ существовать, говоритъ Водень, одинъ изъ пятисотъ, Корне, одному изъ старѣйшинъ, только я не вижу гдѣ взять чловека, который явится исполнителемъ.» Якобинская республика еще существуетъ и уже ея слуги, ея враги громко говорятъ о ея погребеніи, какъ лица постороннія, какъ наследники въ комнатѣ умирающаго, потерявшаго сознанія, какъ близкія Тиверія, агонизирующаго въ своемъ мизанскомъ дворцѣ.

Если умирающій будетъ медлить, кто нибудь посодѣйствуетъ скорѣйшей его смерти. Старое чудовище, отягченное преступленіями и сгнившее отъ пороковъ, хрипитъ на пурпурныхъ подушкахъ; глаза его закрыты, пульсъ прерывается, воздуху ему не хватаетъ. Тамъ и сямъ группами вокругъ его кровати стоятъ участники его распу-

тства въ Капри и его убійствъ въ Римѣ, его шпионы и палачи, открыто дѣлать между собою его царство. Передъ трупомъ нечего ни стѣснаться, ни молчать. Вдругъ умирающій открываетъ глаза, говоритъ и проситъ ѣсть. Безъ всякаго страха военный трибуна, «исполнитель» велитъ очистить залу; бросаетъ на голову старика цѣлую кучу одѣялъ, ускоряетъ наступленіе послѣдняго вздоха. Вотъ каково финальное нападеніе. Дыханіе само, и безъ него прекратилось бы часомъ позже.

X

Если якобинская Республика умираетъ, то не потому только что ее убиваютъ, а еще потому, что она не родилась жизнеспособной: съ самого ея рожденія въ ней былъ зародышъ распадешя, адъ внутренній и смертельный не только для другого, но и для нея самой.

Политическое общество поддерживаетъ взаимное уваженіе ея членовъ, въ частности уваженіе управляемыхъ къ правителямъ и правителей къ управляемымъ, а поэтому и взаимное довѣріе. Только при этомъ условіи можетъ быть согласіе между правителями и управляемыми, обоюдное участіе въ общемъ дѣлѣ, внутренній миръ, а поэтому устойчивость, безопасность, благосостояніе и сила. Безъ этого внутренняго чувства между людьми нѣтъ связи. Можно сказать, что оно главнымъ образомъ социальное чувство, душа, тогда какъ тѣломъ является государство.

Но въ якобинскомъ государствѣ души этой нѣтъ, она погибла не отъ непредвидѣнной случайности, но отъ результатовъ системы, отъ практическаго слѣдствія спекулятивной теоріи, которая, создавая изъ человѣка абсолютнаго повелителя, дѣлаетъ его врагомъ всѣхъ остальныхъ людей, которая, подъ предлогомъ возрожденія человѣческаго рода, потворствуетъ худшимъ инстинктамъ человѣческой природы, всѣмъ наклонностямъ распушенности и произвола.

Отъ имени идеальнаго народа, который они объявляютъ сувереннымъ и который на самомъ дѣлѣ не существуетъ, якобинцы узурпировали всю общественную власть, грубо уничтожили частныя права, обращались съ реальнымъ и живымъ народомъ какъ съ выючнымъ животнымъ, хуже того, какъ съ автоматомъ, примѣняли къ своему человѣческому автомату самое грубое принужденіе, чтобы механически удержать его въ ненормальномъ положеніи, въ которое они согласно принципамъ, поставили его. Съ тѣхъ поръ между ними и націей разорвана всякая связь. Они счумѣли ограбить ее, выпустить изъ нея кровь, захватить ее снова, когда ей удавалось вырваться отъ нихъ, надѣть на нее цѣпи и заткнуть ей ротъ, но они не счумѣли примирить ее съ ея правительствомъ.

По той же причинѣ и въ силу послѣдствій той же теоріи между ними самими нѣтъ никакой связи. Въ самой партіи каждая фракція создавъ себѣ мысленно свой идеальный народъ соотвѣтственно своимъ потребностямъ, потребовала для себя монополію верховенства, чтобы обезпечить себѣ всемогущество она боролась со своими противниками и путемъ подложныхъ или кассированныхъ выборовъ, заговоровъ, измѣнъ, ловушекъ и переворотовъ, при помощи нигъ черни и шты-

ковъ солдатъ; затѣмъ она убивала, гильотинировала, разстрѣливала, сыпала побѣжденныхъ какъ измѣнниковъ, тирановъ или мятежниковъ и пережившіе помнили объ этомъ. Они узнали сколько времени длятся ихъ конституціи, называемыя вѣчными, они знаютъ, что стоятъ ихъ прокламаціи, ихъ клятвы, ихъ уваженіе права, ихъ правосудіе, ихъ человѣчность. Они сознаютъ, что всѣ они болѣе или менѣе обезчлѣнились и загрязнились и развратились благодаря своему дѣлу; между такими людьми недоверіе не можетъ быть уничтожено. Они еще могутъ выпускать манифесты, декреты, дѣлать революціи, но они не могутъ придти къ соглашенію и покориться влиянію, признанному авторитету нѣкоторыхъ или кого нибудь изъ нихъ.

Послѣ десяти лѣтъ обоюдныхъ посягательствъ, среди трехъ тысячъ законодателей, засѣдавшихъ въ суверенныхъ собраніяхъ, нѣтъ ни одного, который могъ бы рассчитывать на уваженіе и вѣрность сотни французовъ. Гражданской Франціи невозможно возсоздать себя самой, это ей такъ же невозможно какъ построить Соборъ Парижской Богоматери или Соборъ св. Петра въ Римѣ изъ уличной грязи и дорожной пыли.

Иначе обстоитъ дѣло съ военной Франціей.— Тамъ люди испытали другъ друга, преданны другъ другу, подчиненные начальникамъ, начальники подчиненнымъ, всѣхъ вмѣстѣ принимаютъ участіе въ великомъ дѣлѣ. Ихъ связываютъ сильныя и здоровыя чувства связывающія человѣческія воли, взаимныя симпатіи, доверіе, уваженіе, задушевное товарищество, свободная и веселая фамиллярность, столь дорогая каждому французу. Въ этомъ мірѣ предохраненномъ отъ политической грязи и облагороженномъ привычкою къ самоотреченію, есть все, что составляетъ организованное и жизненное общество, іерархія, не вѣшняя, а нравственная, внутренняя, субординація, признаніе своихъ правъ и обязанностей, однимъ словомъ то, чего всегда не хватало революціоннымъ учрежденіямъ, а именно дисциплина сердца. Дайте этимъ людямъ приказаніе, они не могутъ его оспаривать, только бы оно было законнымъ или казалось бы таковымъ, они исполняютъ его, если бы даже оно было направлено не только противъ иностранцевъ, но и противъ французовъ, какъ это было 13 вандеміера и 18 фруктидора. Стоитъ только появиться выдающемуся генералу и они послѣдуютъ за нимъ.

Появляется такой генералъ, который уже три года думаетъ о выступленіи, но на этотъ разъ хочетъ поработать для самого себя, это самый знаменитый изъ всѣхъ генераловъ и руководитель первыхъ двухъ переворотовъ, тотъ самый, который лично дѣйствовалъ 13 вандеміера и черезъ посредство своего помощника Ожеро 18 фруктидора.

Стоитъ ему только выпустить подобіе декрета и быть назначеннымъ меньшинствомъ одного изъ Совѣтовъ главнокомандующимъ и войско пойдетъ за нимъ. Пусть онъ выпускаетъ обыкновенныя прокламаціи, пусть онъ призываетъ въ себѣ «своихъ товарищей» для спасенія Республики и для очищенія залы пятисотъ: гренадеры его войдутъ съ примкнутыми штыками въ залу и будутъ даже смѣяться при видѣ того какъ депутаты, одѣтые какъ въ оперѣ, будутъ высказывать въ окна.

Пусть онъ избѣгаетъ неблагозвучнаго наименованія диктатора, пусть онъ приметъ скромный и тѣмъ не менѣ классическій римскій, революціонный титулъ, пусть онъ будетъ простымъ консуломъ съ двумя другими: военные не имѣющіе свободнаго времени, чтобы быть публицистами и являющіеся республиканцами только по внѣшности, большаго и требовать не будутъ; они найдутъ, что ихъ собственный режимъ очень годится для французскаго народа, ихъ режимъ, безъ котораго не можетъ существовать армія, режимъ абсолютнаго сосредоточенія власти въ рукахъ одного человѣка.

Пусть онъ подавитъ оскорбленныхъ якобинцевъ, пусть онъ отмѣнитъ ихъ недавніе декреты о заложникахъ и принудительномъ займѣ, пусть онъ вернетъ лицамъ, имуществамъ, душамъ покой и безопасность, пусть онъ водворитъ порядокъ и экономію въ управленіи, пусть онъ позаботится объ общественныхъ учрежденіяхъ, о больницахъ, о дорогахъ, о школахъ: вся гражданская Франція будетъ привѣтствовать своего освободителя, своего защитника.

По его собственнымъ словамъ онъ вноситъ режимъ «союза философіи съ мечемъ». Философія—это примѣненіе абстрактныхъ принциповъ къ политикѣ, логическое построеніе государства согласно нѣкоторымъ общимъ и простымъ понятіямъ, общій и прямолинейный социальный планъ. Какъ мы видѣли, теорія заключаетъ въ себѣ два такихъ плана, одинъ анархическій, другой деспотическій. Принято, онъ принимаетъ второй планъ и по этому плану, въ качествѣ практичнаго человѣка, онъ строитъ солидное зданіе, приравненное къ жилью въ немъ. Всѣ частности великаго предпріятія, гражданское уложеніе, университетъ, конкордаты, централизованная администрація, способствуютъ общему результату, всемогуществу государства, вседѣущію правительства, подавленію мѣстной и частной инициативы, уничтоженію добровольныхъ и свободныхъ сообществъ, постепенному разсѣянію маленькихъ самопроизвольныхъ группировокъ, уничтоженію чувствъ, которыми индивидуумъ живетъ внѣ настоящаго, въ прошломъ и въ будущемъ.

Никогда не строили казармы лучшей, болѣе симметричной и болѣе красивой по внѣшнему виду, болѣе удовлетворительной для поверхностнаго разума, для грубаго здраваго смысла, болѣе удобной для ограниченнаго эгоизма, лучше устроенной для дисциплинировки среднихъ и низшихъ качествъ въ человѣческой природѣ и для заглушенія или уничтоженія высшихъ ея качествъ.

Въ этой философской казармѣ мы живемъ уже восемьдесятъ лѣтъ.

